

Е. А. ЗЕМСКАЯ

Михаил Булгаков и его родные



Семейный портрет

Михаил Булгаков
и его родные

Е. А. ЗЕМСКАЯ

Михаил Булгаков и его родные

Семейный портрет



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОСКВА

2004

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16137

Земская Е. А.

3 55 Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 360 с. – (Studia philologica). (Вклейки после с. 64, 128, 192, 256, 328)

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0031-8

Монография основана на материалах архива семьи Булгаковых, которые собирала, хранила и исследовала сестра писателя Надежда Афанасьевна Булгакова-Земская (1893—1971).

Книга состоит из двух частей. Первая часть содержит публикацию документов разного рода: это письма писателя М. Булгакова и адресованные к нему письма родных и друзей, письма его родителей, братьев, сестер; дневники членов семьи; воспоминания о жизни семьи в Карачеве на рубеже XIX—XX вв., воспоминания о М. Булгакове; рассказы его братьев Николая и Ивана об эмиграции; некрологи на смерть деда М. Булгакова о. Михаила Покровского и на смерть его отца проф. Афанасия Ивановича Булгакова, также две статьи М. Булгакова: «Грядущие перспективы» (1919) и «Театральный Октябрь» (1920).

Публикуемые в книге материалы существенно дополняют сведения о М. Булгакове и о многих членах его семьи (дед и бабушка, мать и отец, младшая сестра матери Шуручка Бархатова, братья и сестры писателя), воссоздают не только атмосферу, царившую в доме родителей М. Булгакова, но и картину жизни русской интеллигенции и духовенства конца XIX — начала XX вв., раскрывают влияние семьи и города Киева на жизнь и творчество будущего писателя.

Вторая часть монографии содержит анализ материалов архива с историко-культурной и лингвистической точки зрения. Исследуются язык и стиль документов рубежа XIX—XX вв., которые представляют интерес для историка русского литературного языка.

В книгу включено более ста иллюстраций.

Монография предназначена для всех, кто интересуется жизнью и творчеством Михаила Булгакова, а также для читателей, которых интересует история русской культуры, языка и быта конца XIX — первой трети XX вв.

ББК 81.2Рус

*В оформлении переплета использована фотография В. И. Экземлярского
«Чаепитие в Святошине», 1913 г.(?)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavvic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0031-8



9 785955 100319

© Е. А. Земская, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*Посвящаю светлой памяти моей матери
Надежды Афанасьевны Булгаковой-Земской*

Если нам не дано исчерпывающе понять прошедшее и настоящее, то мы можем осознать свою неотделимую с ними слитность. Это чувство растет от проникновения в большие исторические события в той же мере, как от сопереживания мелких и мельчайших сторон жизни.

Ю. М. Лотман

СОДЕРЖАНИЕ

| | | |
|---|-----|-----|
| ВВЕДЕНИЕ..... | 13 | |
| Часть I | | |
| ПОКРОВСКИЕ И БУЛГАКОВЫ | | |
| ПРОТОИЕРЕЙ МИХАИЛ ПОКРОВСКИЙ И ЕГО СЕМЬЯ. | | |
| ЖИЗНЬ В КАРАЧЕВЕ..... | 19 | |
| Записки Шурочки Бархатовой..... | 19 | |
| Переписка В. М. Покровской и А. И. Булгакова..... | 41 | |
| <i>Письма А. И. Булгакова к В. М. Покровской из Киева и Орла в Карачев.....</i> | 41 | |
| <i>Письма В. М. Покровской к А. И. Булгакову.....</i> | 50 | |
| ПИСЬМА М. В. Покровского и А. И. Покровской из Карачева в Киев к дочери Варваре и ее мужу..... | 67 | |
| <i>Письма Михаила Васильевича Покровского.....</i> | 67 | |
| <i>Письма Анфисы Ивановны Покровской (урожденной Турбиной).....</i> | 69 | |
| Любимый пастырь (статья о М. В. Покровском)..... | 71 | |
| ЖИЗНЬ В КИЕВЕ: ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАИЛЕ БУЛГАКОВЕ | | |
| Н. А. БУЛГАКОВОЙ-ЗЕМСКОЙ..... | 75 | |
| Михаил Булгаков в семье..... | 75 | |
| «Мы все были очень дружны»..... | 84 | |
| «СПОРИЮ С МИШЕЙ НА МИРОВЫЕ ТЕМЫ»..... | 91 | |
| Знакомство М. Булгакова с Т. Лаппа..... | 96 | |
| СМЕРТЬ БОРИСА БОГДАНОВА..... | 101 | |
| МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ А. И. БУЛГАКОВА..... | | 102 |
| ПРОФЕССОР АФАНАСИЙ ИВАНОВИЧ БУЛГАКОВ (НЕКРОЛОГ)..... | 102 | |
| Слово на заупокойной литургии при погребении ПРОФЕССОРА АФАНАСИЯ ИВАНОВИЧА БУЛГАКОВА (16 МАРТА 1907 ГОДА)..... | 110 | |
| Речь у гроба почившего профессора Киевской Академии АФАНАСИЯ ИВАНОВИЧА БУЛГАКОВА..... | 113 | |
| НАЧАЛО ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. БУЛГАКОВА | | |
| И «РАССКАЗЫ ЮНОГО ВРАЧА»..... | 115 | |
| СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА, СВЯЗАННАЯ С РАССКАЗАМИ | | |
| «ДАНЬ ВОСХИЩЕНИЯ» И «КРАСНАЯ КОРОНА»..... | 124 | |

| | |
|---|-----|
| БУЛГАКОВЫ И РЕВОЛЮЦИЯ..... | 128 |
| ГОДЫ СТРАНСТВИЙ: 1917—1922..... | 135 |
| 1916 ГОД..... | 135 |
| ПЛАН-ОГЛАВЛЕНИЕ..... | 140 |
| ЦАРСКОЕ СЕЛО..... | 142 |
| ПЕРЕПИСКА ЧЕТЫРЕХ СЕСТЕР: 1917—1918 ГГ. | 144 |
| НЕУДАЧНАЯ ПОЕЗДКА В КИЕВ: ВЕСНА 1920 Г. | 152 |
| СНОВА КИЕВ: 1921 ГОД..... | 166 |
| <i>Дневниковые записи 1921 года</i> | 167 |
| НАЧАЛО ЖИЗНИ В МОСКВЕ: 1922 Г. | 172 |
| СТАТЬИ М. БУЛГАКОВА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТАХ ГРОЗНОГО И ВЛАДИКАВКАЗА..... | 177 |
| Грядущие перспективы..... | 178 |
| ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОКТЯБРЬ..... | 180 |
| М. А. БУЛГАКОВ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ..... | 183 |
| Последние мои встречи с Мишей в Москве в 1939—1940 гг. | 183 |
| Остальные встречи (после Барвихи)..... | 190 |
| БРАТЬЯ БУЛГАКОВЫ..... | 193 |
| Реальная жизнь Николки Турбина — Н. А. Булгакова..... | 209 |
| СЕСТРЫ БУЛГАКОВЫ..... | 215 |
| ВЕРА..... | 215 |
| НАДЕЖДА И АНДРЕЙ..... | 221 |
| ВАРВАРА..... | 248 |
| ЕЛЕНА..... | 256 |
| И. М. БУЛГАКОВА (КУЗИНА ЛИЛЯ)..... | 264 |
| ПИСЬМА М. БУЛГАКОВА К РОДНЫМ..... | 266 |

Часть II

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ОФИЦИАЛЬНОЙ И НЕОФИЦИАЛЬНОЙ РЕЧИ РУБЕЖА XIX—XX ВВ. КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

| | |
|--|-----|
| ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ..... | 301 |
| ТАИНСТВЕННАЯ ТЕТРАДЬ..... | 302 |
| ФРАГМЕНТ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПРОПОВЕДИ И ПРОШЕНИЕ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ..... | 302 |
| ЗАПИСКИ ШУРОЧКИ БАРХАТОВОЙ (ЗШБ)..... | 303 |
| <i>Общие замечания о языке и слоге</i> | 303 |
| <i>Лексика</i> | 305 |
| <i>Названия конкретных предметов</i> | 305 |

| | |
|---|-----|
| <i>Названия игр</i> | 307 |
| <i>Прозвища</i> | 308 |
| <i>Иные слова</i> | 309 |
| ГРАММАТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ..... | 310 |
| <i>Наблюдения над порядком слов</i> | 314 |
| ФОНЕТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ..... | 320 |
| Выводы..... | 321 |
| О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ПИСЕМ А. И. БУЛГАКОВА К В. М. ПОКРОВСКОЙ-БУЛГАКОВОЙ..... | 322 |
| О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ПИСЕМ М. В. ПОКРОВСКОГО И А. И. ПОКРОВСКОЙ..... | 329 |
| ДНЕВНИК Н. А. БУЛГАКОВОЙ И ПЕРЕПИСКА «МОЛОДЫХ БУЛГАКОВЫХ» КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗГОВОРНОЙ СТИХИИ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА..... | 337 |
| МОСКОВСКИЙ ГОВОР В ВОСПРИЯТИИ КИЕВЛЯН (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА Н. А. БУЛГАКОВОЙ-ЗЕМСКОЙ)..... | 345 |
| ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ..... | 347 |
| ЛИТЕРАТУРА..... | 348 |
| SUMMARY..... | 353 |

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важных задач изучения биографии писателя — включение фактов его жизни в культурно-исторический контекст эпохи. Применительно к М. А. Булгакову эта работа ведется давно и успешно. Достаточно упомянуть книги М. О. Чудаковой, Лесли Милн, Анджея Дравича, Колина Райта, статьи Риты Джулиани, В. В. Гудковой, многочисленные публикации сотрудников музея Михаила Булгакова в Киеве (Андреевский спуск, 13), изучающих его жизнь и творчество (А. П. Кончаковского, Т. А. Rogozovskoy, К. Н. Питоевой-Лидер и др.), исследования А. С. Бурмистрова, Г. С. Файмана, С. А. Боброва, сделавших немало ценных находок в архивах и библиотеках.

Из работ последнего времени следует назвать прежде всего книгу Мирона Петровского «Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова» (Дух и Литера. Киев, 2001). Его мысль о том, что модель мира Булгакова была «киевоцентричной», на мой взгляд, глубокая и верная, помогает многое понять и объяснить в его творчестве. Мне она особенно близка, так как совпадает с тем пониманием основ творчества Булгакова, о которых постоянно думала, говорила и писала его сестра, моя мать Надежда Афанасьевна Булгакова, в замужестве Земская (1893—1971). Эта идея созвучна замыслу настоящей книги, над которой я работала, выполняя завет матери. Она видела «свой долг перед братом и родителями в том, чтобы показать роль семьи в формировании писателя, правдиво и точно охарактеризовать родителей и весь дух семьи Булгаковых».

Н. А. Булгакова была всего на два года младше брата, они были очень дружны в детстве и сохранили эту дружбу в юности и зрелом возрасте, когда оба оказались в Москве. М. А. Булгаков обращался к сестре с просьбами, касавшимися его рукописей и материалов для ранних произведений; он просил ее проследить за судьбой его пьес, посланных из Владикавказа на конкурс в Москву, помочь публикации очерка «Торговый ренессанс» в московской газете и т. п. Он унаследовал от Земских комнату в коммунальной квартире на Б. Садовой, которая стала пристанищем Воланда, а в наши дни — своеобразным «молодежным музеем» Булгакова. Случалось Михаилу Афанасьевичу и жить в доме бывшей гимназии Алелековой (Б. Никитская, д. 46), где после революции находилась школа, которой заведовала его сестра. Надежда Афа-

насыевна очень рано оценила необычайную одаренность брата и поверила в его писательское призвание.

Н. А. Булгакова в течение долгих лет вела дневник. Она начала его вести еще гимназисткой пятого класса, в 1909 г. Филолог по образованию (она окончила в 1917 г. Московские высшие женские курсы), Надежда Афанасьевна бережно хранила все письменные материалы, имеющие отношение к брату. Среди членов большой булгаковской семьи она оказалась единственной, кто сумел целенаправленно собрать и сберечь ценнейшие документы разного рода, в том числе машинопись многих неопубликованных произведений Михаила Афанасьевича, — и это несмотря на бедствия революционных лет, Гражданской и Отечественной войны, арест и ссылку мужа, эвакуацию, многочисленные переезды с квартиры на квартиру. Благодаря ее стараниям мы располагаем письмами (и даже записками) писателя, относящимися к тем годам его жизни, сведения о которых наиболее скудны (1917—1922 гг.). Она создала семейный архив писателя, часть которого передала в рукописный фонд Библиотеки им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека — РГБ). Архив содержит письма бабушки и дедушки, отца и матери М. А. Булгакова, письма самого писателя, его сестер и братьев, дневниковые записи, официальные документы, редкие печатные материалы, газетные вырезки и т. п., охватывающие весьма протяженный период — с 90-х гг. XIX в. до 60-х гг. XX в. Надежда Афанасьевна хотела написать исследование, посвященное влиянию, которое оказала на творчество писателя его семья, но, к сожалению, ее желание не осуществилось.

Настоящую книгу нельзя считать сколь-либо полной биографией М. А. Булгакова. Она базируется на материалах семейного архива, и это определяет ее содержание. В книге упоминаются только те факты и события, которые отражены в архиве; наиболее подробно освещены киевский период жизни писателя, первые годы его пребывания в Москве и последние месяцы перед смертью.

Документы, собранные в книге, интересны также тем, что в жизни нескольких поколений Покровских и Булгаковых — старших родственников Михаила Афанасьевича, его братьев и сестер — отражается история России конца XIX — начала XX в. Отец и мать М. А. Булгакова происходили из семей священников, живших на юге России, в Орле и небольшом городе Карачеве Орловской губернии. Однако уже в поколении его родителей многие предпочли другое поприще — прежде всего медицину. В дальнейшем круг профессий, избираемых Покровскими и Булгаковыми, значительно расширился: среди них были инженеры, ученые, музыканты, учителя, филологи. Таким образом, история семьи М. А. Булгакова представляет собой еще и важную часть истории русского интеллектуального сословия. Кроме того, опубликованные в нашей книге дневники и письма содержат любопытные свидетельства о повседневной жизни и бытовом укладе рубежа XIX—XX в. — неотъемлемой части истории русской культуры (ср. Лотман, 1994, 12). Наконец, документы, пред-

лагаемые вниманию читателей, являются ценным материалом для истории русского литературного языка, что я и постаралась показать во второй части этой книги.

Значительную часть книги составляют не печатавшиеся ранее документы. Наряду с ними в книгу включены некоторые переработанные публикации автора: Булгаков, 1990б; Земская, 1988а; 1988в; 1991а; 1991б; 1993; 1997.

Работа над книгой продолжалась несколько лет. Благодарю всех, кто в течение этого времени помогал мне советами, замечаниями, участием в расшифровке трудночитаемых рукописных текстов: Н. Венедиктову, Н. В. Горланову, М. С. Гринберга, Л. В. Евдокимову, О. П. Ермакову, О. Йокояма, И. И. Ковтунову, Н. Г. Колыбанову, А. П. Кончаковского, Л. П. Крысина, К. Н. Питову-Лидер, И. М. Смилянскую.

Моих двоюродных сестер И. Л. Карум и В. М. Светлаеву благодарю за то, что они написали воспоминания о своих матерях Варваре и Елене (сестрах М. А. Булгакова), публикуемые в этой книге.

Моя особая благодарность двум булгаковедам — Виолетте Владимировне Гудковой и Татьяне Абрамовне Rogозовской за их щедрую помощь на разных этапах моей работы. Результаты многолетнего труда этих исследователей (в частности, генеалогическое древо рода Булгаковых-Покровских, выстроенное Т. А. Rogозовской) — неоценимый вклад в изучение творчества Булгакова и его биографии.

Отдельно благодарю Наталью Георгиевну Колыбалову и Елену Георгиевну Колотухину, дочерей А. А. Бархатовой-Ткаченко и внушек автора записок А. М. Покровской-Бархатовой, за важные уточнения.

Я признательна моему внуку М. М. Гринбергу за разнообразную помощь и постоянный интерес к моей работе. Т. И. Комбекову и Г. И. Крылову благодарю за техническую помощь в подготовке книги.

Часть I

ПОКРОВСКИЕ И БУЛГАКОВЫ

ПРОТОИЕРЕЙ МИХАИЛ ПОКРОВСКИЙ

И ЕГО СЕМЬЯ.

ЖИЗНЬ В КАРАЧЕВЕ¹

Записки Шурочки Бархатовой

Свою поэзию имеют старина и вечность, свою — новост, доносящая до нас торопливый бег времени. Но между этими полюсами находятся документы, вызывающие особое отношение: интимное и историческое одновременно.

Ю. М. Лотман

В семейном архиве Булгаковых сохранилась толстая тетрадь, страницы которой аккуратно пронумерованы чернилами на одной стороне. На обороте последней страницы сделана надпись теми же чернилами:

В сей книге девяносто две (92) пронумерованных страницы.

16 июля 1896 года. Свящ. А. Бархатов

Эта «книга» в картонном коричневом переплете (мы назвали бы ее скорее общей тетрадью), по-видимому, была куплена для записей расходов и доходов. Листы ее разграфлены на неравные части, предназначенные для записи даты, покупаемого товара, цены и пр. Однако судьба распорядилась иначе. Первые листы книги вырезаны и начинается она со с. 18. На этой странице верхняя строчка, написанная черной тушью, тщательно зачеркнута. Однако можно прочесть: *«Записи дохода с Августа 1892 г.»*. Посредине следующей строки написано карандашом одно слово: *Скатерть*.

На с. 19 под заголовком «Работы у школьниц общие» идет перечень швейных и иных рукодельных заданий, который занимает полторы страницы. Далее пропущено несколько страниц. На с. 24 помещена всего лишь одна фраза:

¹ «Карачевъ — у. г. Орловской губ., на р. Сняжете; ж. д.; 18 т. ж.; 1 лещ., 2 биб., 2 средн. уч. зав., 13 низш., 270 пром. зав. съ 2230 раб., 2 кр. уч.; 73 т. бюдж.; канатная фабрика; К-ский у. — 3.430 кв. в.; 157 т. ж.» (Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. Спб. 1913 г., с. 924).

«Смутно помнится пожар». А со с. 25 начинаются регулярные карандашные записи, представляющие собой скорее воспоминания, чем дневник.

Кто же автор этих строк? Имя его нигде не названо. К сожалению, я обнаружила эту тетрадь уже после смерти матери, так что спросить, кому она принадлежала, было не у кого. Записи, начинающиеся на с. 25, повествуют о жизни семьи Покровских в Карачеве и относятся к периоду 1890—1901 гг. Они сделаны карандашом от первого лица. По всей видимости, их автор — Александра Михайловна Покровская, в замужестве Бархатова (1877—1957). В семье ее звали Шуручка. Она была младшей дочерью протоиерея Казанской церкви города Карачева Михаила Васильевича Покровского и младшей сестрой Варвары Михайловны Покровской (1869—1922), матери писателя М. Булгакова. В 1894 г. Александра Михайловна вышла замуж за священника Андрея Бархатова; свои записи она делала в основном после замужества.

Для записи доходов (вероятно, церковных) эта тетрадь послужила недолго: на них израсходованы лишь с. 1—17 и 48—54, аккуратно вырезанные. Судя по почерку, страницы пронумеровал Андрей Бархатов, муж Шуручки. В конце книги на с. 92 помещено прошение «Председателю Кол.(легии) Карач.(евского) Благотв.(орительного) общ.(ества)», в котором попечитель 15 участка А. Б. (вероятно, А. Бархатов) просит помочь жительнице своего участка Александре (нрзб) в ремонте дома. На обороте этой страницы находим текст совсем иного рода — подготовительные наброски Рождественского чтения, кончающиеся словами: «Вся природа ликовала и спешила принести»².

Основное (и наиболее интересное для нас) содержание книги составляют личные записки А. М. Покровской-Бархатовой — с. 25—69. Записки начинаются так: «1890-й: Под новый год объявлена Варя невестой». Речь идет о Варваре Михайловне Покровской, матери писателя М. Булгакова. И далее на с. 25—32 об. помещены погодные записи за 1890—1900 гг. Указан только год, более мелкие даты отсутствуют. Разным годам посвящены воспоминания разной степени подробности (от нескольких строк до двух страниц). Наибольший интерес, на мой взгляд, представляет запись, озаглавленная: «5 марта 1901 года — Отчет в прошедшем», которая занимает 37 листов (с. 33—69 об.). Записки написаны карандашом, почерком разной четкости, явно не в один день, и обрываются на полуфразе: «...не входила в подробности наших...». Даты написания нет. Муж автора «Записок» скончался в 1916 г. По тону «Записок» ясно, что писала их не вдова, а молодая жена. Написаны они очень увлекательно и живо рисуют атмосферу семейной жизни в доме протоиерея о. Михаила. Автор рассказывает о быте, семейных нравах, своем учении в прогимназии, о пожаре, детских и юношеских играх, болезнях и свадьбах. Перед нами — картина жизни карачевского священника, у которого было девять детей — шесть сыновей и три дочери: Василий, Иван, Ольга, Николай, Михаил, Захар, Варвара, Митрофан, Александра. Наибольшее внимание

² Точки нет. Возможно, что этот текст написан рукой Шуручки под диктовку мужа.

Шурочка уделяет старшей сестре Варе, подчеркивая ее энергичность, жизнерадостность, незаурядность, умение работать и веселиться, способности к занятиям с младшими детьми, женскую привлекательность.

Записи Шурочки, содержащие рассказ о сватовстве Афанасия Ивановича Булгакова к Варваре Михайловне, характеристику отца и матери писателя, сведения о братьях Покровских, дополняют наши знания о биографии М. Булгакова. Однако они ценны не только этим. Перед нами интересное свидетельство о жизни российской провинции конца XIX в.

Александра Михайловна Бархатова рано овдовела. Ее муж умер от сыпного тифа в 1916 г. У нее было трое детей: дочь — Александра Андреевна, в замужестве Ткаченко (1904—1987), преподавательница русского языка и литературы; два сына — Алексей и Андрей (погиб во время Отечественной войны). Сама Александра Михайловна тоже была учительницей. Она жила в Москве с семьей дочери в квартире на Пречистенке, принадлежавшей ее брату, известному московскому врачу Николаю Михайловичу Покровскому. Эта квартира знакома почитателям Булгакова как квартира доктора Филиппа Филипповича Преображенского из «Собачьего сердца». Александра Андреевна переехала в квартиру к дяде в 1918 г. Семья Бархатовых-Ткаченко занимала в этой большой (но «уплотненной») квартире лишь одну комнату. В ней помещались: А. А. Ткаченко, ее муж, трое их детей и бабушка, или, как ее звали многочисленные племянницы и племянники, «тетя Шуечка»³. Александра Михайловна отличалась невероятной добротой и кротостью, глаза ее и в старости светились живостью ума. Я хорошо помню ее сидящей в уголке при входе в общую ткаченковскую комнату и ласковой улыбкой встречающей гостей.

Чтобы показать, как воспринимало семью Покровских младшее поколение, приведу отрывок из дневника Н. А. Булгаковой-Земской, племянницы Александры Михайловны Бархатовой и дочери Варвары Михайловны: «“Покровское” — то дорогое и родное, особый милый отпечаток, который лежит, несомненно, на всей маминой семье. Безусловно, что-то выдающееся есть во всех Покровских, начиная с бесконечно доброй бабушки Анфисы Ивановны... Какая-то редкая общительность, сердечность, простота, доброта, идсйность, и несомненная талантливость — вот качества Покровского дома, разветвившегося от Карачева по всем концам России от Москвы до Киева и Варшавы... Любовь к родным преданиям и воспоминаниям детства, и связь между всеми родственниками — отпрысками этого дома, сердечная глубокая связь... Жизнерадостность и свет» (8 янв. 1912 г.).

Я не знаю, когда записки попали в архив Н. А. Булгаковой-Земской, дружившей с А. М. Бархатовой. Можно предположить, что старшая дочь автора записок А. А. Ткаченко (ур. Бархатова) передала ей эту книгу в 1957 г., после смерти матери.

³ Почему-то бабушкой ее не называли, а так как в семье было две тети Шуры, говорили «младшая» и «старшая».

Публикуемый ниже текст написан по старой орфографии. Я печатаю его по современной орфографии. Необходимые пояснения даю в квадратных скобках и в сносках.

Записки Шурочки Бархатовой

1890-й:

Под Новый год объявлена Варя⁴ невестой — (ужин). Пасха — Афан. Иванов.⁵ Весной выпускные экзамены. Лето — качели, чистка сада, цветы, гиацинт срезанный, качанье на доске, купанье, впечатление Дады, первые проявления чувства влечения к воображаемому ему. Образование Вари — слезы. Свадьба Вари. Мое равнодушное отношение к продолжению образования. Проводы Вари⁶. Сборы в гимназию. Отъезд. Пожар. Орловская жизнь. Святки. Приезд из Киева Вари. Летние поездки в Бел[ые] Бер[ера]⁷.

[1891-й год — зачеркнуто]

Любовь к чтению и работе. Дружба с Ниной. Любовь к математике. Экзамены, летом прогулки на старое место, купаньи отчаянные втроем. Устраивание цирка. Убегали по ночам [смотреть] на луну. Отчужденность от братьев.

Совершенное отсутствие отвлеченных предметов. Наивность и невинность. Считала себя несомненно глупой и страшно некрасивой. Виною отношение ко мне всей семьи и непридавание никакого значения моему внутреннему миру. Развитие предоставили самой мне.

1892-й

Приезд на лето Вари с Мишей⁸. Моя дикость и неразвитость. Удар с папой. Близость с Любой⁹ на почве общих интересов к портрету Д-ды¹⁰. Сборы в гимназию¹¹. Наш радостный отъезд. Знакомство с Орлом. Начало гуляний по саду и Болховской. Новые знакомства. Бал в гимназии. Ф-дя Н-чев. Дружба с Любой искренняя. Зоя. Чтения вместе. Кануны праздников. Святки. Катанье на коньках.

⁴ Варвара Михайловна Покровская.

⁵ Афанасий Иванович Булгаков.

⁶ Варвара Михайловна, выйдя замуж, переехала жить в Киев.

⁷ Белые Берега — монастырь вблизи города Карачева.

⁸ Варвара Михайловна приехала на лето к родителям со своим первенцем Михаилом Афанасьевичем Булгаковым.

⁹ Любовь Васильевна Покровская, в замужестве Болмасова (1876—1967), племянница автора записок, дочь ее старшего брата Василия. После смерти Василия его жена с тремя детьми вернулась из Тифлиса, где служил ее муж, на родину в Карачев.

¹⁰ Как можно предположить, речь идет о портрете Джоконды.

¹¹ По настоянию старшей сестры Вари Шурочку отдали по окончании Карачевской прогимназии в Орловскую гимназию, которую она закончила в 1893 г. со средней отметкой 4 и 5/7.

1893-й г.

Свадьба Клаши. Возвращение в Орел. Поездка на Пасху 18-го марта и приключ. с шляпой. Провал Любы. Угрызения совести, прогулки на витебский мост. Отъезд Любы и препровождение времени без нее. Прощанье с Орлом. Наши проводы. Поездка в Киев. Ремонт дома. Жизнерадостность и нахождение развлечений во всем, что попадалось под руку. Вышивание по ночам подушки. Хождение на старое место. Уроки музыки, механич. театр. Ночь наверху у Евг.[ении] Ив.[ановны]¹² всю не спали. Любовь к музыке. Купанье. Отъезд Любы, мои слезы. 14-е сентября. Первый бал. Хождение с Катей на [нрзб.] двор. Катанье с Наташей. Мои занятия. Зоря¹³. Болезнь тиф. Отношение Папы. Поездка в Москву. Разговоры о необходимости меня «пристроить». Отсутствие у меня самостоятельности, даже в мыслях. Вполне отдалась необходимости выйти замуж и не сокрушалась. Вера твердая в то, что я с мужем буду жить обязательно хорошо. Никогда не было мысли, что может попасться негодяй. Отсутствие самолюбия.

1894 г.

Приезд Ф. И. По-ва и разговор об Ам-ом. Мое безразличие и мое увлечение совсем посторонними делами. Свадьба Оли С-ой и живейший интерес в ее делах. Мое дурное настроение и чувство показности меня в визит А-ого. Отъезд и возвращение Коли и мое предчувствие при имени А-ши¹⁴. Эта ночь и состояние папы. Мое радостное веселое настроение в противоположность визиту А-ого. Письма от других лиц. Приезд А-ши и мое спокойствие. Ласка в его глазах. Боязнь, что больной¹⁵. Участие Люси и А. С. Образование. Мои первые испытывания сил над ним: в вагоне и в своей комнатке. Мои интересы [зачеркнуто] беганье по лавкам с Любой. Ее ужас. Отъезд из Орла и встреча с братьями и Варей. Ее удивление по поводу меня. Мое равнодушие к А-ше(?) Приезд всех перед свадьбой. В. Н. Л-ский. Подарок А-ши и мой живейший интерес к нему. День свадьбы, шутки Вари надо мной. Мое внимание ко внешности. Спокойствие под венцом. Поездка на родину. Остановка в Орле. Дóма. Сдача благочиния. Отъезд А-ши посвящаться [в сан священника] и мое состояние. Встреча в Орле. Переписка. Пасха и приезд братьев. Доброе отношение в письмах ко мне. Первые слезы. Общие работы. Лето и приезд всех. Отношение к деньгам. Первое горе по поводу желанья его матери. Его отъезд и прощание. Смерть мамы, смерть папы [вероятно, речь идет о родителях А. Бархотова]. Отъезд Зори*. [Примечание под * приписано более четким и мелким почерком]:

¹² Евгения Ивановна — вдова старшего брата Василия, мать троих детей (Любы, Васи и Маруси).

¹³ Зоря — домашнее имя старшего брата Захара.

¹⁴ Вероятно, Андрюши. Имеется в виду ее будущий муж Андрей Андреевич Бархатов (1867—1916).

¹⁵ А. Бархатов был слабого здоровья.

* Первые отчаянные вопросы для чего? зачем? Натиск этих вопросов и ненахождение цели каких бы то ни было занятий и дел.

Замечательно ясно чувствовалась как бы трещина в сердце чисто физическая. Страх такой, что ни минуты не могла быть одна. Отрезвление, хоть немного при мысли, что страшна только вечность.

Мой ужас и отчаяние. Святки.

Все время период влюбленности и совершенное отчуждение от интересов других.

1895-й

Подъем духа и ясность сознания по случаю смерти Зори. Моя болезнь бочка. Неуверенность и шаткость здоровья. Приезд Вари на лето с Мишей, Верой и Надей¹⁶.

Летом чувство удивления пред теми людьми, которые живут только для себя. Стремления к деланию добра и упреки себе за каждый пустой шаг. В ноябре поездка в Москву и Лавру. Заезжали на родину.

1896-й

Поездка в Брянск и катание на лодке.

Начало моих занятий в школе. Моя вялость и строгость к своим поступкам. Приезд Варички. Оживление. Постепенное сближение. Н. И. Л-ов и беганье от него.

Поступление И. А. и отношение к нему А-ши. Ввел его в дом. Мое желание быть ласковой. Составление хора. Вышивание подушки и общие работы с Варей.

1897-й

Сближение с И. А. и мамино недовольство. Весною гулянья в своем саду. 9-е мая. Игра в блошки и перегонки. Первая Пасха вместе с Варей. Мое чисто детское настроение. Ужасное лето и мое здоровье. Прогулки на старое место. Возмущение Любой и ее отдаление (?)

Замужество Варички¹⁷. Восстановление понемногу отношений с Любой.

1898-й

Близость с И. А. Дружба с Любой. Елка первая. Интерес к музыке и пению. Масленица и первые ссоры серьезные с А-й¹⁸ на счет [нрзб]. Подарок грибка. Прощенный день. Поездка в Орел за драповыми накидками. Мои именины [нрзб]. Страстная и Пасха.

Отъезд на лето И. А. и моя ссора с мамой.

Поездка в Киев.

¹⁶ Сестра Варя приезжает к родным с тремя детьми — Михаилом, Верой и Надеждой.

¹⁷ Речь идет, вероятно, об одной из подруг Шурочки, но не о сестре Варе.

¹⁸ С Андрюшей, т. е. мужем.

Разрыв с И. А. Поступление на кв[ртиру]¹⁹ М. и К.²⁰ Безразличное к ним отношение. Постепенное сближение с ними. Казан[ская]²¹. Именины Андрюши. Перед святками без снегу гулянье. Поездки к Сухоручкину. Близость с Люсей. Ея операция. Знакомство с В. И. А-ой.

1899-й

Близость с Н. А. М-ским (?) и А. И. К. Гулянья. Непрерывные вечера. Искреннее веселье. Пасха. Встреча после. Отношение к больной В. И. А-ой. Встреча с Д. Ф. Прогулки в рощу. Поездка в Б. Б.²² Скука по отъезде М. и К. Ссора Брянских. Наши поездки туда 15 июля и девочки. Наше неудовлетворение...

Оборвалось знакомство с Д. Ф. Радость и свет в душе по приезде домой. Наслаждение при приведении всего в порядок. Ясно видно, что в общем создана для семьи и дома, и неспособность к кочеванью, хотя для развлечения приятно.

1900-й

Молебень и катанье под Новый Год. Поездка в Орел за драпов²³, втроем. Все реже и реже заглядываешь в душу. Удовлетворяешься минутами. Сходство свое с Рудиным²⁴. Лето вдвоем в Б. Б.²⁵

Приезд Митроши²⁶ — близость. Неуверенность в нем. Катаньи, гулянья, вечера.

1901 г.

Катаньи, перевод Митроши. Смерть дьякона, близость с И. С. Пасха и поездка в Брянск. Отнош[ение] Любы²⁷ к И. С. Старание заглазить лаской.

Болезнь Андр.²⁸ Ошущение жалости и близости к Дурневу. Его болезнь. Поездка в Лавру и отъезд из Москвы. Ужас одиночества. Отъезд в Москву и возвращение с Андр. Известие о женитьбе Митр. Приезд всех братьев и Аф. Ив. Однообразие и работы. Женитьба И. С. и тоска как бы отняли собственность, хотя к нему всегда я была очень доверчива и откровенна.

¹⁹ Прочтение предположительное.

²⁰ М. и К. — вероятно, имеются в виду братья Миша (Михаил Михайлович Покровский) и Коля (Николай Михайлович Покровский), ставшие впоследствии известными врачами и поселившиеся в Москве на Пречистенке, № 24, кв. 12. В этой квартире часто останавливался М. Булгаков, в ней жила его сестра Надежда, когда училась в Москве.

²¹ Слово недописано. Вероятно, речь идет о празднике иконы Казанской Божьей Матери, незадолго до именин Андрея.

²² См. прим. 6.

²³ Видимо, описка: «драпов» перед следующим в вместо «драпом».

²⁴ Герой одноименного романа И. С. Тургенева.

²⁵ См. прим. 6.

²⁶ Митрофан, один из младших братьев Шуручки.

²⁷ См. прим. 8.

²⁸ Андрея Бархатова — мужа.

Вот уже кончается 1901 год и я, ожидая пока Люба кончит смотреть в зеркало, она осталась встречать Новый год со мной, могу отдать хотя краткий себе отчет в нем. Оглядываясь назад на этот год, я не нахожу пустоты в нем, а бывали такие годы, что когда оглянешься, то видишь только пустоту. То горе, которое мне пришлось пережить в этом году²⁹, оставило по себе только светлый взгляд на жизнь. Оно заставило меня еще сильнее ценить то счастье, которым я пользуюсь, и потом еще дало почувствовать, что от нас в жизни очень мало зависит, а что всегда надо быть готовой ко всему. Страшно только то, что я, кажется, совсем не способна к борьбе в жизни, потому что я кроме бережного отношения к себе, ласки и любви ничего не видела. Но я глубоко верю в помощь Божию и что когда нужно и силы являются. Эта болезнь Андруши еще больше заставила нас привязаться друг к другу, и потом показала, что в жизни слишком большую роль играет здоровье. Потеряй здоровье и ничто тебе не мило, а будешь здоров и можешь жить, надеясь достигнуть всего, чего хочешь. Помогите только, Боже! жить не для себя только и научи исполнить волю Твою! Господи! Дай, чтобы была наша совесть чиста и чтобы мы были справедливы, искренни и здоровы!

5 марта 1901 года.

Отчет в прошедшем.

Странно — почему так трудно последовательно вспоминать события и последующее им настроение души? Иные события, напоминаемые другими, кажутся как бы прочитанными в книге, или слышанными от других. Насколько ж значит невеликоместилище нашего внутреннего мира, если даже своя собственная жизнь последовательно не помещается, а вытискиваются менее заметные события более крупными. А как бы хорошо было дать себе отчет в последовательном развитии своей души. Стараешься всеми силами воспроизвести то настроение, которое вызывалось известным событием, но надо слишком сосредоточиться и заставить себя перенестись душой в тот период и все-таки не всегда удается. Жаль, что редко очень приходилось записывать свои мысли, это помогло бы очень выработать последовательно психологию: начиная с отрочества, юности и переход к возмужалости. События вспоминаются еще легче, но душевный отклик на них в то время редко удается уловить.

Я младшая в семье. Передо мною два брата, между которыми разница год, но последний старше меня на три года. Благодаря тому дружба между ними самая тесная, а я уже для них мала. Если меня поручали им, то они, хотя играли со мной, но всегда спешили отделаться. Это всегда чувствовалось мною и так как еще в самом раннем детстве у меня самолюбие было страшно развито, то я, не желая быть в тягость, старалась избегать их сама. И вот все мое раннее детство до восьми лет проведено одной с нянькой, которая меня очень любила, а я к ней была привязана до смешного. Так что, например, я всегда

²⁹ Имеет в виду, по всей вероятности, тяжелую болезнь мужа.

сидела на кухне и дожидала [sic!] пока она поужинает, причем с большим вниманием вслушивалась в их разговоры с кухаркой, хотя понимала из них очень немного. Иногда я под их разговор засыпала и нянька переносила меня уже на руках. В воспоминаниях остались у меня утренние часы, когда братья уходили в школу, а я оставалась с мамой и нянькой. Папу по утрам я совсем не помню — обыкновенно он приходил к 11—12 часам.

Я всегда находила себе какие-нибудь развлечения. Особенно мне нравилось забраться в зал, который по утрам был весь освещен солнцем, и навязавши на веревочку какой-нибудь шумящий лоскуток бегать с ним по зале, что приводило в азарт моего любимого белого котеночка. Набегавшись вдосталь, мы забирались с ним на ковер в гостиную, я брала его на колени и начинала убаюкивать. Зимой любимым моим занятием было катание на санках с небольшой горки, которую всегда устраивали на дворе, и папа специально для меня купил маленькие саночки. Иногда мама заставляла меня работать.

Летом я оставалась совсем без присмотра и целыми днями бегала по саду, а вечером на улице, где нас собиралось человек 10 от 6 до 10 лет, причем положение общественное семейства совсем не разбиралось. И только в этой среде девочек я чувствовала себя в своей сфере. Стоило мне только попасть в гостиную, когда у нас бывали гости, как я вся съеживалась и чувствовала себя несчастным существом, в особенности если ко мне обращался кто-нибудь с вопросом. Я буквально не могла сказать двух слов. Поэтому я по большей части, когда приходили гости, предпочитала незаметно удрать в спальню, скорее раздеться, нырнуть под одеяло и притвориться спящей. Да особенно никто меня и не старался приучать к обществу. Все называли меня дикаркой — и только. Это совсем убивало меня и я чувствовала, что мучительно краснею, как только обращал кто-нибудь на меня внимание. Одевали меня страшно неумело, благодаря чему у меня совсем отсутствовал вкус и желание быть всегда в порядке. Умения держать себя совсем не было. Я великолепно себя чувствовала летом, когда в жаркие дни снимала с себя все, оставалась в одной сорочке и босиком. Я глубоко уверена, что вся та данная мне свобода прекрасно действовала на здоровье, но зато воспитание мое коверкало меня отчаянно.* [за этой звездочкой нет никакого примечания].

6 марта [вписано над строкой]

До восьмилетнего возраста я совсем не помню остальных братьев и сестер, так как все они уже учились в О.³⁰, а когда приезжали, то я настолько чуждалась их, что старалась как можно реже быть на глазах у них. Смутно вспоминаются мне несколько выдающихся событий в нашей семье за этот период. Мне было лет пять, когда сгорел наш дом³¹ и вот мне всегда вспоминается только момент, когда я была посажена на верху воза с перинами и подушка-

³⁰ Город Орел.

³¹ О пожаре подробно рассказывает в некрологе на смерть Михаила Васильевича Покровского А. Бархатов.

ми, а кругом отчаянно металась толпа каких-то баб с криками: «светопредставление»!³² Правда это был страшный пожар — сгорело около 60 домов при сильной буре. Потом [*яснее уже* — зачеркнуто] вспоминается свадьба старшей сестры. Мы в это время жили еще на квартире, а немного спустя времени покупка нового дома. Тут уж я яснее припоминаю то волнение, которое испытывала при переезде туда. Еще постоянные разговоры между папой и мамой о ремонте дома, о распределении комнат и вырубке сада заставляли мою фантазию работать. А фантазия моя развита была очень, потому что, выучившись читать еще с пяти лет, давала ей свободу расширяться под влиянием прочитанных сказок и детских повестей. Читала я всегда с увлечением, так что самый старший мой брат говорил, что у него осталось одно впечатление от моего детства, что он меня видел всегда забывшуюся где-нибудь в угол и лежа ничком читающую какую-нибудь книгу, причем только раздавалось равномерное постукивание ногами, эта привычка у меня была долго.

Этот день, когда все начали перевозить, я весь была в волнении, и наконец, уже в 9 часов вечера приехали лошади за нами. Это было после святок и дорогой, которая мне показалась страшно длинна, я все время любовалась переливами снежных искр при лунном свете. Мне казалось, что мы уезжаем куда-то в иной мир. Первое впечатление от дома было чудное. Дом был очень велик, в особенности это чувствовалось после той квартиры, которую мы занимали. А так как мебель еще не вся была куплена, то казалась пустовато. Во всех комнатах горели лампадки. Я испытывала какое-то особенное чувство довольства, что мы теперь не на квартире, а в своем собственном доме. Ночь эта для меня была какой-то волшебной. А на следующее утро опять новые впечатления, так как все казалось иным, даже самое расположение комнат и подъезд все казалось наоборот.

Все были очень довольны этим домом, да и правда это была счастливая случайность, чтобы за такие небольшие деньги приобрести дом в восемь больших светлых комнат, с массой поместительных кладовых, чуланов, сараев, конюшен, с двумя выходами, ледником, баней и роскошным огромным садом. В этом доме прошел самый широкий размах жизни нашей семьи, которая была в это время в самом расцвете сил. Однако я отстала от той общей жизни и только наблюдала. Нет, в этом доме и я уже начинала сливаться с семьей. А для остальных всех тот дом полон самых светлых и веселых воспоминаний. Но и для меня, хотя и отдельно от общих семейных воспоминаний, для которых я была мала, этот дом остается навсегда светлой счастливой полосой в моей жизни!

Детство мое резко разграничивается на два периода: до восьми лет одиночество и после восьми, когда кончилась моя замкнутость в самой себе* [звездочка автора записок, примечания нет] и нашлась мне подруга, с которой я уже делила потом все мои детские занятия и интересы.

³² Шурочка воспроизводит просторечную форму этого слова.

Я знала, что у меня есть старший брат³³, но видеть мне его не пришлось: он был доктором в Тифлисе, и приезжал к нам только раз, когда мне было четыре года, и, конечно, у меня не осталось никакого впечатления от него. Позднее я узнала, насколько романтична была его жизнь, и сколько он перенес в свой недолгий век; он получил начальное образование в духовной семинарии, и так как был выдающегося ума, то был гордостью не только семьи, но [даже — зачеркнуто] и семинарии.

Тем более сильным ударом для всех было, когда он [только — зачеркнуто], не кончив семинарию, восемнадцати лет без согласия родителей тайком женился на девушке гораздо старше себя и почти без образования.

Это чуть не убило отца и мать. Потом он поступил в военно-медицинскую академию 22 лет. Так как вследствие женитьбы у него вышла серьезная ссора с отцом, а он был страшно самолюбив, то хотя нужда была страшная, он не хотел обращаться за помощью к родителям и первые три года после женитьбы были для него страшно тяжелы. Но за то время его жена успела пройти акушерские курсы. Как вышло примирение с отцом, я не знаю. Через три года родилась у него дочь, и как раз в это время брат заболел психическим расстройством. Его отправили в клиники и туда уже ездила навещать его сама мама. Болезнь прошла. Он стал работать и потом был послан в командировку в Тифлисский госпиталь. Вот тут при проезде из Петербурга в Тифлис он и заезжал к нам, но мне было четыре года только и я совсем его не помню. В Тифлисе он прожил года четыре. По службе он шел прекрасно и впереди ему предстояла прекрасная будущность. Но здоровье его стало разом очень плохо. Врачи посылали его в Пятигорск и еще куда-то, но там он только на время поправился, а по возвращении оттуда совсем заплосал и 29-го Авг. 85 г. умер. Как мне памятно это событие! 27-го Августа именины мамы. Этот день всегда у нас проходил очень весело: приезжали из гимназии братья и сестры, замужняя сестра, сестра мамы с дочкой и много знакомых. В этот год родные съехались под день именин. Все пили вечерний чай, когда вошел разносчик телеграмм. Мама и все были уверены, что кто-то ошибся днем с поздравлением, тем ужаснее было впечатление, когда прочли телеграмму о том [зачеркнуто несколько слов], что Вася опасно болен и просьба приехать. Это было ушатом холодной воды для всех. Все видели, что опасность велика, но ехать никто не мог, так как в то время от нас до Тифлиса требовалось времени две недели. Какой контраст представляло настроение всех до телеграммы и после! Поднялся общий отчаянный плач. Сейчас же после чая папа съездил на телеграф, где просил все телеграммы на его имя приносить в церковь, боясь, чтобы не попала телеграмма с роковым известием в руки мамы в день ее именин. Три дня прошли мучительно, то у всех вдруг являлась надежда, что брат выздоровеет, то опять начинали отчаявать [sic!] и плакать. А 29 пришло известие о смерти. Отчаяния папы и мамы нельзя вспоминать без ужаса. После

³³ Василий Михайлович Покровский.

брата осталось трое детей: старшая Люба — 7 лет, Вася — 5 и Маруся 2-х лет. Жену брата так потрясла его смерть, что она впала почти в состояние безумия: не узнавала детей, убегала ночью на кладбище и вообще была не спокойна. Родных у нее там никого не было, но нашелся добрый человек доктор Шухов, который взял всех и мать, и детей к себе, а сам прислал папе письмо, в котором описывал состояние невестки, и просил прислать кого-либо за ней в Тифлис, так как у ней не осталось никаких средств и одну ее отправить нельзя. Пока все это устроили и за ней поехал ее родственник, подошли уже Святки. Помню этот вечер на Крещение 86 г., когда приехали они все. *Мне было тогда 8 лет* [вписано над строкой]. Еще все Святки я волновалась в ожидании их. Подготовленная детскими сказками и повестями о сиротах, моя фантазия рисовала в поэтической обстановке, как дети-сироты приедут к дедушке и бабушке. Помню, что встреча была очень тяжелая. Невестка упала перед папой на колени со страшными рыданиями и я не будучи в силах перенести той картины, выбежала из зала, вбежала в детскую, а следом за мной брат — Миша, и мы отчаянно плакали.

Потом, когда все поуспокоились, все заинтересовались детьми. Они были очень милы и все спешили их приласкать, не исключая и прислуг. У нас их было две — нянька и кухарка — обе старые и прожили у нас одна 28, а другая 26 лет, так что в интересах своих слились с нашей семьей. Их также все волновало, радовало или огорчало, как и семью. Так вот тот самый вечер приезда племянников и был переломом в моем детстве — с того дня я уже не была одна. Помню эту первую ночь. Меня и Любу положили вместе на полу в детской и почти всю эту ночь мы не спали, так как я с какой жадностью спешила как можно больше рассказать ей и расспросить ее. Все уже спали, пред иконами горели лампадки и только мы все шептались, даже жестикулируя я ей поспела разбить нос. Так как у невестки в Карачеве был свой дом, то ее и Марусю поселили там, а старших детей Любу и Васю оставили у нас. Как я радовалась тому! Я уже училась в прогимназии и каждый день Люба выбегала на угол встречать меня. Очень странно для меня казалось, что они оба не могли выносить мороза. Градусов 10 было для них почти невыносимо — сейчас же текли слезы и отмерзали пальцы рук и ног. Из этого года особенно мне ничего не запечатлелось. Только мы никогда не расставались и никогда не оставались без занятия: то уроки, то куклы, то мыльные пузыри и т. п. Еще для нас незаменимым удовольствием были качели, купанье и котята.

Еще до приезда Любы я была далека от братьев, а с ней мы совершенно отделились от остальной семьи и свои интересы никому не поверяли, да никто и не желал этого — все слишком были заняты личными делами. Благодаря тому, что дом наш был расположен над самой горой, откуда открывался чудный вид на окрестности, а прямо под горой протекала река, мы с Любой очень полюбили природу. Нам доставляло массу удовольствия лазить по этим горам, бегать к реке, или на берегу ручья искать незабудки и Анют. глазки. У

Л. был очень мягкий и уступчивый характер, а у меня наоборот настойчивый и не желающий никому подчиняться. Инициатором во всех затеях была я, а Л. беспрекословно действовала заодно со мной. Не было в саду того дерева, на котором бы я не попробовала повесить качели, все чердаки, сараи, амбары и чуланы были нами исследованы в подробностях. Фантазия наша помогала нам создавать какой-то иной мир и не было того момента, когда бы мы с ней задумались, что нам делать, как развлечься. Но в общем очень хорошо было то, что у нас не было каких-либо грубых развлечений, которые бы могли быть неприятны другим. Я росла совершенно невинным и наивным ребенком. Ни одной гадкой мысли не было никем мне заронено лет до 11-ти, даже Любу я иногда приводила в недоумение своею наивностью. Но как я была зла и упряма! Я ни за что никогда не могла сознать своей вины, хотя при том буду испытывать страшные угрызения совести. Если меня кто-нибудь обижал, а обидчива я была очень, то каких только планов мщения я ни строила. Я даже не жалела самой себя в планах, строя самое бедственное положение мое, лишь бы только заставить моих обидчиков сознать свои вины предо мною и раскаяться. У меня никогда не являлось желания приласкаться к кому-нибудь, потому что я представляла себя такой некрасивой, такой неинтересной и неумной, что всем будет неприятна моя ласка. Да и никто не желал меня приласкать. Я слышала постоянно эпитеты вроде «смазного сапога», «длинноногой цапли», «костлявки»³⁴, «норовистой лошади» и т. д. Ни разу не было сказано про то, чтобы я была дорогá кому-нибудь, или умна, или мила. Поэтому у меня составилось представление обо мне, как о каком-то уроде и физическом и нравственном. Когда мне приходилось показываться в гости, или на гулянья, то мне казалось, что всякий встречающийся говорит в душе: «Как она нехороша!» Я к зеркалу даже очень не любила подходить. Зато, как на меня подействовал первый услышанный мною комплимент! На кухню пришла какая-то странница и пока мама ей что-то собиралась подать, она обратила на меня внимание и потом говорит маме: Ну, дочка у тебя красавица будет! Конечно она это сказала, чтобы что-либо приятное маме сделать, но как это на меня подействовало! Я буквально целый день чувствовала, что земли не касаются мои ноги, а я ношусь по воздуху. Другой раз я как-то услышала от папы ласковый эпитет. Я любила петь и все завывала, так как голос у меня был не ахти какой. И вот как-то я бегала, занимаясь своими делами; и сама все пела, случайно столкнулась с папой и, конечно, замолкла, а он вслед крикнул: «Ах ты, моя канареечка, все поешь!?» Вот буквально только два раза я услышала приятное для себя. Я вполне понимаю стихотворение Надсона «Дурнушка»: бедный ребенок — она некрасива! Мне особенно было чувствительно то, что я видела, как все восторгаются моим братом, который пе-

³⁴ Смазной сапог — грубая обувь, смазываемая дегтем; костлявка — от «костлявый» — худой.

редо мной шел и постоянно говорят про его ум, находчивость, ловкость, резвость и миловидность. Когда приезжали из гимназии старшие братья и сестра, то все их внимание обращалось на братьев, которые еще учились в прогимназии дома, но иногда в первый момент приезда и на меня, да и я все-таки тянулась к ним. Но стоило только заговорить со мной, как я терялась и чувствовала сама, какие неуместные, дикие и глупые ответы начинала давать, и сейчас же спешила ступешаться. Но если меня не трогали, я очень любила слушать тот веселый, живой, остроумный разговор и хохот, который умела всегда внести с собой сестра. Братья не уступали ей и в дом с их приездом вносило столько шума, оживления и тепла, что я сама чувствовала, какой я представляю диссонанс в этом настроении, и у меня являлось что-то горькое на душе, какая-то ничем не устранимая обида. Даже нянька и кухарка как-то всегда прояснились с приездом «детей», а у мамы на лице являлось какое-то ласковое и вместе с тем горделивое выражение. У Любы не был такой дикий характер. Сперва она ничуть не чуждалась общества и ее всегда тормозили, потешались над ней, но потом она понемногу стала заражаться от меня дикостью и вскоре уже составляла мне компанию, чтобы удрать скорей от народа. Училась я недурно и даже шла одной из первых, но интересоваться учением — ни капельки. Я помню только с каким наслаждением приходя из прогимназии под праздники, я прежде всего спешила забросить свой саквояж, и уж тут мы с Любой пользовались вполне, чтобы поспеть вернуть все, что было упущено за неделю занятий. Ученье мне давалось совсем нетрудно, только я была страшно не развита и поэтому только благодаря способностям схватывала выученное совершенно машинально, в особенности Закон Б.[ожий] и историю. Арифметику и географию я всегда любила. Свою прогимназию я не только ни капельки не любила, но всей душой желала, чтобы она в один прекрасный день провалилась. Я там не услышала за пять лет ни одного теплого слова живого, а только форма, программа и зазубриванье. Отношения между учащими и учащимися состояли главным образом в том, чтобы как можно хитрее поймать в какой-либо оплошности, а с нашей стороны, чтобы перехитрить и вывернуться из ловушки. Ни одного свободного движенья — ни побежать, ни расхохотаться от души, ни громко крикнуть не позволялось, иначе сейчас же окрик: да как Вы смеете? Вы забываете, где вы находитесь!

Когда и Люба поступила в прогимназию, то ее переселили к матери, потому что та уже совсем оправилась и начала уже практиковать. Для нас это прошло как-то не особенно тяжело, потому что жили мы очень близко и она, собственно говоря, только ночевала дома, а то все время у нас. Но за то каким тяжелым кошмаром кажется для меня воспоминание о том, как отправляли Васю к матери. Назначили день его перехода и вечером его повели, но Евг. Ив.³⁵ дома не было и пришлось его оставить пока с прислугой и бабушкой по мате-

³⁵ См. прим. 11.

ри. Но, Боже мой, как он отчаянно плакал! Мы вышли на улицу и через двойные рамы доносился его крик: «Бабушка, я не останусь, возьмите меня отсюда!» Это какой-то был душу раздирающий вопль. Но так как решили сразу уже его ввести в ту жизнь, то не обратили внимание на эти крики, хотя, быть может, это очень дурно отозвалось на нем. В этот же год кончила гимназию моя сестра, а один из братьев должен был ехать в Орел, так что на зиму остались я, брат и сестра³⁶. Училась она блестяще и окончила с золотой медалью. Тогда я, конечно, не могла ее оценить, но теперь только, оглядываясь на то время, я понимаю, насколько она была интересным человеком. Ее никогда нельзя было увидеть скучающей, хандрящей, просто сидящей без всякого занятия.

Это была воплощенная энергия, жизнь и общительность. Еще в каникулы по окончании курса она занялась с братьями садом — разбили цветники, вычистили дорожки; устроила себе спальню поуютнее, нашла себе учеников и учениц репетировать, а дома всегда или работала, или читала, или играла. Если же ей надоело сидеть на одном месте, она не задумываясь, нахватывала какую-нибудь мамину шубку, схватывала брата, а иногда и меня, забирала салязки — и начиналось дикое катание с горки, а если снега не было, то просто удирали с нами в сад. С братом она дружила очень и иногда после ужина они просиживали очень долго и читали и разговаривали, а брат ее прямо обожал. Натянутости я в ней никогда не видела ни с кем в разговоре. Замечательно у ней была жива и остра речь со всеми. И она как-то вся дышала сознанием своих сил и уверенностью в себе. Между нами было 8 лет разницы и, конечно, она на меня смотрела как на ребенка. Но ничего для меня в то время не могло быть интереснее и поэтичнее, как настроение в доме перед Пасхой и Рождеством, когда ожидали приезда всех братьев. Нас всех детей было 9, но женатого брата и замужней сестры я не считаю, они были отрезанными ломтями, а оставалось 5 братьев, я с сестрой и Любой. В нашей семье не было неустойчивости и метания, а наоборот годовой круг совершался одним и тем же порядком, установившимся прочно с известными традициями и обычаями. Много помогало этой определенности то, что прислуга у нас не менялась, а жила долго, совершенно сливалась с интересами и порядками нашей жизни. Меня всегда приводил в восторг беспорядок в доме перед праздниками, когда буквально все перевертывали вверх дном.

Иконы снимались, драпировки все тоже; все чистилось, мылось, вытряхивалось. Всюду стояли лужи мыльной воды, на кроватях складывались стулья вверх дном, выражение лица няни — самое свирепое и вместе самодовольное. В особенности в великую пятницу я любила слушать звон к вечерни и выносу плащаницы. В это время уже приборка оканчивалась и все домашние уходили в церковь, а я забиралась одна куда-нибудь в уголок за нагроможденные стулья и думала. Во всем доме еще стоит запах сырыми полами, где-

³⁶ Речь идет о сестре Варе (см. прим. 3).

нибудь в соседней комнате няня двигает столами, стульями, а тут раздается перезвон грустный и величественный.

Еще хорош был для меня всегда момент разговения от заутрени: эти у всех как-то сияющие лица, смех, разговоры, только я тут не слышна была всегда, но наблюдала всегда очень внимательно.

[Зачеркнуты две с половиной строки]

Много дурачился Миша³⁷ и заставлял всех хохотать до упаду. Папы никогда в то время не бывало — он прямо из церкви уезжал в приход, а мама вся сияла кротостью и счастьем. Я ее никогда не помню озлобленной, кричащей, ругающей кого-нибудь грубо. Она была вечно поглощена хлопотами об обедах, ужинах, белье, квасе. Но все это как-то незаметно для нас. Детей всех она в общем очень баловала. По утрам, например, самовар подавался с восьми часов и продолжался до 12-ти, потому что все мольбы мамы о том, чтобы вставали братья, оставались тщетны, а у мамы не хватало духу настаивать, так как на приезды их домой она смотрела как на сплошной праздник, в который они должны отдохнуть от регулярной учебной жизни. Мы — девочки — тоже не имели никаких обязанностей на счет хозяйства, разве редко когда мама заставит подмести столовую или свернуть салфетки и только. Но зато какие мирные добрые отношения были в семье! Ссор серьезных я не помню никогда, но споры бывали такие, что можно было подумать, что в доме не только ссорятся, а даже дерутся. А по утрам иногда поднималась такая возня и драка подушками, что бедной маме приходилось только руками всплескивать при виде разодранных наволочек и ночных рубашек. И все это неистовство сопровождалось таким искренним здоровым хохотом³⁸, полным общего добродушного настроения, что мама никогда не могла серьезно рассердиться. Но папы побаивались и когда он бывал дома, то безобразий таких не допускалось, хотя он не был никогда пугалом для детей, но был строг и беспорядка большого не любил. Как мама, так и дети относились к нему с глубоким уважением совершенно искренним, а при нем были более сдержаны, но также открыто и весело говорили и хохотали. Летом целые дни всей семьей проводились в саду. Сад был прекрасный: как толькоходишь в калитку, то перед глазами открывается перспектива окрестностей города, от калитки влево крутой овраг, засаженный венгерками и малиной, а по ту сторону над оврагом старая беседка, которая несмотря на свою ветхость была любимым местом нашего пребывания и ночлегов братьев. Наш сад в конце соприкасался почти с садом очень уважаемого в городе прот.[оиерея] Л. У него тоже была очень большая семья, но воспитанная в каких-то странных понятиях о приличии, при чем у них даже неприличным считалось разговаривать у себя обыкновенными голосами, а всегда все говорили шопотом. И вот на сколько в на-

³⁷ Брат Михаил (см. прим. 19).

³⁸ Такая же атмосфера была характерна для булгаковского дома в Киеве. Ср. ниже раздел «Михаил Булгаков в семье».

шем саду всегда слышалось оживление, хохот, говор, пение и беготня, на столько там всегда стояла ненарушимая тишина и маму это нередко смущало и она, желая хоть немного подействовать на нас, всегда говорила: ну что подумает о.[тец] Пр.[отоиерей], ведь — это срам! Но, конечно, это ничуть не сокращало братьев. Большая война шла еще между братьями и нянькой, которая была большая любительница огорода и на каждом промежутке между деревьями и дорожками у ней были насажены огурцы, свекла, капуста, картофель, а так как братья в азарте бегства друг от друга совершенно не помнили куда неслись, то очень часто страдали грядки. При виде новых следов ног на грядках няня только руками схватывала и начинала причитать, что «и какие ж это только дети бессовестные! и куда только мать смотрит? это прямо злодеи своему дому». Братья благоразумно удирали всегда от ее нотаций, а иногда спешили до нее заглядить скоро руками все следы, чтобы не было заметно, вообще ее боялись гораздо больше, чем мамы. Любимыми играми и занятиями братьев были: городки, свайка, пускание змея и игра в стуколку. Последняя особенно одно время увлекала всех. Играли на марки: нарезали билетки из цветной бумаги и соответственно цвету ставили число рублей, желтые — рубли, зеленые — трехрублевки и т. д. и делили поровну. По громадной сумме до миллиона. Играли самым серьезным образом и в случае полнейшего банкротства давались векселя. Иногда просиживали ночи. Пускание змея тоже доведено было до виртуозности. Змей делали из восьми больших листов и пускали на сахарной бичевке. Про чтение я уже не говорю, потому что мы его все страшно любили. Я не могу себе представить как мама могла управляться со всеми делами! [Последняя фраза зачеркнута] Когда лето кончалось и братьям надо было уезжать, то начинались их сборы и укладывания. Как мама только управлялась! Братья привозили массу худого белья и все это надо было перечинить, понашить нового и кому сколько давать сообразить и все это делала она сама с нянькой, даже чулки успевала все выштопать! С отъездом их дом как-то казался пуст, но особенно грустно не бывало, потому что даже как бы с удовольствием приводили опять все в порядок и отдыхали от летней кутерьмы. 1888-й год Варя служила в Брянской гимназии клас[сной] дамой и жила у сестры, а в 1889 году поменялась с классной дамой в нашей Карач[евской] прогимназии, как раз в моем классе и здесь я очень часто проявляла свой домашний характер, в особенности, если она дома жаловалась папе на что-нибудь; я тогда страшно озлоблялась, грубила ей на каждом шагу и все старалась ей делать нá зло. Но иногда бывали периоды доброго моего расположения и мы вместе занимались, она помогала мне готовить уроки, и в прогимназии я ее не раздражала. Это был мой последний год в прогимназии. Вопрос о том, повезут ли меня учиться дальше, или оставят дома, занимал меня очень мало. И когда Варя возмущалась и говорила: «Слушай, неужели тебе не будет приятно получить образование и стоять по развитию головой выше карачевских купеческих барышень?» Я даже не могла понять, как это я

буду головой выше по развитию. Вообще я очень туго развивалась и на уче- ные смотрела, как на необходимое препровождение времени, не ожидая от не- го для себя никакой пользы. Причину этому сухому отношению к образова- нию я вижу в постановке преподавания предметов. Не умели заинтересовать ни капельки. За весь урок ни одного живого для души слова, ни одного про- стого разговора, а только слышится «г-жа Покровская, извольте рассказать о междоусобице». И вот, благодаря хорошей памяти механически отвечаешь и получаешь 5. Потому-то я и любила больше других арифметику, что там не требовалось механической зубрежки, а приходилось рассуждать, делать вы- воды, додумываться. На задачи я смотрела как на загадки, которые надо раз- гадать и с интересом отдавалась самому процессу решения. И географию я тоже любила потому, что чувствовала: о чем я учу, то сейчас существует и я могу увидеть, а в особенности мне нравилось описание природы и климата. Я вся фантазией переносилась, то на Кавказские горы, то в Тропические леса, то в Гренландские льды и снега, потому что я знала, что все это так и сейчас существует, и очень часто любила мечтать о том, как я поеду путешествовать и побы[ваю] сама в самых противоположных климатах. Но никогда я ни с кем не делилась своими интересами [зачеркнуто: *только когда осенью*]. Да тогда я так ясно и не сознавала причин интереса и безынтересности к предметам. Теперь я еще вижу причину вообще равнодушия общего к учению. Дело в том, что ведь это же было бы ненормально, чтобы ребенок 11 лет (как я была в третьем классе) мог интересоваться войнами филистимлян, ассирийцев, моавитян и т. п., или венским конгрессом, или унией, или враждой феодалов, вассалов. Ведь все это можно понять только лет в 15—16, да и то без особен- ного интереса. А самое ужасное — это синтаксис. Я буквально никогда не могла себя заставить выучить уроки по нем, и так и осталась с очень смутным представлением о содержании [*синтаксиса* — зачеркнуто] его. Даже судя по книжкам видно было, чем я больше занималась — синтаксис был совершенно новенький. Но любознательности, жажды научных знаний не было ничуть. Поэтому-то я должна быть благодарна только Вале, что попала в гимназию. Она настойчиво того требовала. Я уже говорила, что росла совершенно не- винной, наивной девочкой, и поэтому я не могла видеть ясно, что и кто инте- ресует сестру. А будь я поразвитее в романтическом направлении, то могла многое замечать и принимать к сведению. Она всегда пользовалась большим успехом, но сама не особенно-то была способна на увлечения, по крайней ме- ре так можно было судить по ней. Я видела, что у нас постоянно бывает мо- лодожень из мужчин и что большую часть времени проводят с сестрой, но даль- ше этого я ничего не видела, а смотрела одинаково, как на отношения их к братьям, так и к сестре. Только я никогда не видела, чтобы в компании сест- ры было скучающее выражение на лице ее собеседника. При моем переходе из 3-го в 4-й класс на каникулах приехал к нам из Киева дальний родственник —

доцент Киев.[ской] акад.[емии]³⁹. Это было очень веселое лето. Огромной компанией ездили в Брянск на неделю справлять именины сестры и зятя, и оттуда в Бел.[лые] Бер.[ега]⁴⁰, где безобразничали так, что надо только удивляться, как монахи допускали это, но зато весело было очень. Ночей буквально не спали и ели почти впроголодь, так как провизии на такую огромную компанию хватало очень на немного и все-таки все были веселы, бодры и неутомимы. Оттуда опять все в Карачев. Но тут уж и я заметила, что отношения приезжего знакомого и сестры не такие обыкновенные и простые, что они оба, как-то постоянно заняты только друг другом и в прогулках все отстают. Но особенно мне памятна ночь в Брянске на балконе, когда мы все досидели до солнечного восхода, я видела, что сестра как-то растерянна, а вместе с тем и вся сияет. Но я только все это заметила, а вывода сделать никакого не сумела. Осенью я видела, что сестра получает письма, кроме своей обычной переписки, потому что всегда волновалась, схватывала письмо и уходила читать к себе в комнату. Но все-таки я узнала почему-то, что эти письма из Киева. На святках опять приехал Аф. Ив. и под Новый Год, во время шампанского они были объявлены женихом и невестой. Помню, что это был очень веселый ужин и потом много безобразничал Миша, но на меня эта новость особенного впечатления не произвела. Свадьба была отложена до лета и пока, кроме домашних никому не объявляли новости. К Пасхе опять приехал Аф. Ив. как раз в страстную Пятницу к самой приборке, мама не знала, куда его выпроводить из комнат. Они оба были довольные, сияющие и в семье особенное носилось настроение праздничное, но мне и Любе Аф. Ив. не особенно нравился и мы больше от него удирали. Я забыла упомянуть про то, что в предыдущую зиму [когда просватали Варю — зачеркнуто] папино здоровье значительно пошатнулось, а 10 февраля с ним был первый припадок асмы⁴¹. Кому не приходилось видеть никогда этих припадков, тот не может себе представить, что это за мучительное страшное состояние. Сравнить можно приблизительно с тем, когда бы человеку взять и зажать рот и нос и держать так часа три-четыре. В особенности страшно было переживать это первый раз! Бедный папа! Как он страдал! Весь синий от напряжения, с вздувшимися жилами на висках и на шее, покрытый холодным потом он только умолял о помощи. Что мы все пережили за эту ночь, когда никто не мог ожидать ничего подобного. Еще в этот же день он был на блинах у одной прихожанки (что кажется и было причиной припадка) и чувствовал днем себя прекрасно, а ночью разом начал задыхаться. Отчаяние тем более охватило нас, что никто из нас раньше

³⁹ Афанасий Иванович Булгаков (см. прим. 4).

⁴⁰ См. прим. 6.

⁴¹ Написание *асма* (вместо орфографически правильного *астма*) отражает естественное русское произношение, при котором в сочетаниях из трех согласных типа *смт*, *ств* и подобных один из трех согласных (обычно *т*) не произносится.

не встречался с этой болезнью и пока съездили за доктором, никто из нас не мог придумать, что сделать для облегчения, а каждая минута казалась вечностью. Я помню только, что могла броситься на колени перед иконой в своей комнате и молила Бога помочь. Это, кажется, было первой сознательной молитвой. Состояние папы было очень опасное и доктор не ручался за благополучный исход, но, слава Богу, гроза миновала и к 7 часам утра мы, утомленные, истерзанные душой сидели за чайным столом с воскресшей надеждой после пережитого отчаяния. И вот с тех пор мы все жили под гнетом опасения ежеминутного за папину жизнь. Это в довершение всего придавливало меня окончательно.

При моей впечатлительности и нервности я не могла сбросить это бремя опасности с себя. Как только раздавался папин характерный кашель, или стоны я вся съеживалась и страдала ужасно. И на остальных это сказывалось очень, но у них все-таки слишком была жизнь ключом, чтобы чересчур сосредоточиваться на опасности. *[В предыдущее лето братьями был устроен собственноручно бильярд в каретном сарае. Да и странно б было, чтобы в семье, где 5 взрослых братьев — зачеркнуто.]*

Еще тою весною заболела наша няня и заболела тяжелой болезнью — водянкой [далее вымарано фиолетовыми чернилами 3/4 страницы].

Скоро она умерла и все мы ходили провожать ее. Но все эти тяжелые события не оставили глубокого следа в семье, потому что слишком велик был избыток молодых сил, энергии, жизнерадостности. Невольно прорывалось веселье и жизнь опять шла дружно, бодро, все оживлялись и опять братья додумывались до самых разнообразных развлечений.

Сперва устроили столярный станок, на котором работали общими силами; устроили гимнастику, поразбросали по саду скамеечки, даже сами устроили бильярд; выстругали доски, сделали борт и лузы, выстругали кии, а шары отдали выточить. Чтоб был ровнее, так доски были смазаны тестом очень ровно и высушены. Этот бильярд доставлял много развлечения. Но этого мало — они додумались вырыть колодезь в саду в овраге и принялись за это дело очень усердно. В небольшой промежуток времени, вырыли глубже, чем на сажень. Но тем и кончилось, дальше уж он не подвинулся и годился только на то, что на зиму туда были поставлены огурцы для сохранения. Еще пробовали устраивать сами фейерверк, но чуть не наделали пожара, так как пущенная ракета упала на крышу сеного сарая и после этого строго было запрещено заниматься этим.

Но опять-таки во всех этих развлечениях я играла пассивную роль наблюдателя, но мне было не до них, так как у нас с Любой были свои интересы, которые нас поглощали целиком. Не меньшим разнообразием отличались и наши развлечения, причем мы всегда страшно тяготились чьим бы то ни было вмешательством. Мы были только тогда довольны, когда были вдвоем. Единственный человек, который иногда посвящался в наши интересы, была

Катя — горничная девочка лет 14, взятая на место няни. Она на первых же порах привязалась к нам, а так как на нее можно было понадеяться, что она не выдаст, то она нам часто помогала в исполнении наших планов. Например, мы узнаем, что под полом в кладовой окотилась кошка; нам сейчас же является желание достать во что бы то ни стало котят, а для этого надо подкопаться под дверки и мы это исполняли при помощи Кати. Придет нам в голову выкупать нашу любимицу белую кошку и тут Катя нам все устроит: принесет в баню таз, мыло, воду и никто этого не подозревает. А бедная кошка, как только она извивалась и вырывалась из таза и когда ей удавалось вывернуться из рук она вся в мыле сейчас же удирает под печку, откуда вылезала [вся — зачеркнуто] покрытая толстым слоем золы и сажи.

Мы обе были страстные любительницы чтения, но только вкусы были различны. Мне нравились рассказы и повести из жизни детей, в особенности из жизни русских детей, чтобы я ясно представляла себе всю обстановку описываемых событий. Любе же нравились уже в 10 лет романы, особенно приложения к «свету» и «родине». Но она с увлечением читала Гоголя, Лермонтова, Пушкина, я же не могла их понять и читала только сказки Пушкина и его прозу. Вообще у меня был более реальный вкус, а у нее фантастичный. А как мы увлекались качелями. Мы не могли довольствоваться обыкновенным качаньем, а сейчас же додумывались как-нибудь осложнить это качанье: устраивали, так называемые кораблекрушения, т. е. на всем размахе начинали кривить доску, меняться местами, переходя с одного края на другой, так что доска совсем выскальзывала из-под ног. А потом еще устраивали из качелей гигантские шаги: брали по одной веревке, садились и расходились в противоположные стороны и начинали закручиваться и с страшной быстротой раскручиваться. При этом не обходилось без катастроф: один раз я со всего размаху оборвалась в чугунок и надо только удивляться как я не переломала спину, другой раз Люба, раскручиваясь на гигантских, оборвалась прямо в бук от белья⁴², так что я и Катя первый момент не могли понять куда она исчезла.

Но самым большим для нас удовольствием было — летом купанье, а зимою катанье на коньках. Люба совершенно слилась с нашей семьей. Она уже была во втором классе прогимназии и ученьем интересовалась не более меня, но так как способности у ней были плохи, то она шла не бойко.

Еще в этот год зимою сестра поехала как-то в Орел и возвратившись оттуда начала убеждать папу и маму обратить серьезное внимание на глаза предпоследнего брата, который всегда считался в семье близоруким⁴³. Оказывается, что зрение его на столько стало плохо, что он сам не в состоянии читать, а он уже был в шестом классе. Пришлось взять его из гимназии и отвезти в Москву. И вот опять пришлось пережить тяжелое время, когда профессор зая-

⁴² Бук (устар.) — деревянная кадка (бочка), в которой замачивали белье.

⁴³ Речь идет о брате Митрофане.

вил, что у него природный каттаракт глаз и ему необходима операция, причем не ручался за благопол.[учный] исход. Но сказал, что без операции он все равно ослепнет. Как мучились папа и мама, прежде чем дать ответ. Наконец телеграфировали в Москву, чтобы операцию сделать сперва в одном глазе. И как после того ждали известий оттуда! Но, слава Богу, все прошло хорошо, но на это потребовался целый год. Оперировали и другой глаз.

Весной опять приехал Аф. Ив. и тут назначили день свадьбы сестры, 1-е июля. Я этой весной кончила курс прогимназии. И как я мало интересовалась свадьбой сестры. Как-то я почти не останавливалась на этой мысли. А в особенности меня мало интересовало приготовление ее приданого и это тем более странно, что все-таки мне шел уже тринадцатый год. Но как-то с детства не было у меня никакого влечения к нарядам, так и осталось это равнодушие после. В доме постоянно бывали портнихи, белошвейки, но я даже не особенно входила в подробности наших [текст обрывается].

Переписка В. М. Покровской и А. И. Булгакова

*Письма А. И. Булгакова к В. М. Покровской
из Киева и Орла в Карачев*

Афанасий Иванович Булгаков (17 апреля 1859 г. — 14 марта 1907 г.), старший сын орловского священника Ивана Авраамовича и Олимпиады Ферапонтовны Булгаковых, у которых было девять детей (шесть сыновей и три дочери), прожил всего сорок восемь лет. Встречаются утверждения, что А. И. был сыном *сельского священника*⁴⁴. Это неверно: отец А. И. был священником Сергиевской Кладбищенской церкви г. Орла. В письме от 16 декабря 1889 г. к Варваре Михайловне (письмо № 5) А. И. сообщает ей орловский адрес: священнику Сергиевской Кладбищенской церкви Иоанну Булгакову.

Как А. И. пишет в письмах, он учился до двадцати шести лет. Знал, кроме древних, немецкий, французский, английский, славянские языки. В 1885 г. он окончил Киевскую Духовную Академию по церковному отделению со степенью кандидата богословия и затем трудился в Академии на кафедре древней гражданской истории, а позже — на кафедре истории западных исповеданий. Умер в Киеве от склероза почек в 1907 г., не дожив до 48 лет⁴⁵.

Сохранившиеся письма относятся к тому времени, когда А. И. было тридцать — тридцать семь лет и он находился в расцвете своих сил: это был молодой человек, жених, позднее молодой муж, отец четырех детей, ученый. Мы многое узнаем из писем о внешних и внутренних обстоятельствах жизни А. И. Он любит пение и музыку, сам поет, играет на скрипке, часто ходит в оперу. Посылает жене ноты Мендельсона и других композиторов. Не чужд и развлечений: катается на коньках, купается в Днепре, танцует, любит гулять. К игре в карты склонности не имеет и считает ее вредным времяпровождением: «Есть возможность составить свой кружок для наслаждения пением и музыкою и изгнать возможность карточной игры», — пишет он в письме от 22 ноября 1889 г. А. И. не чуждается общества, ходит на именины, свадьбы, крещения. Любит цветы. Сетует, что в Киеве нельзя нарвать ландышей и покупает их, чтобы поставить у себя в комнате. Умеет делать практические вещи, например, предлагает жене перекрасить кровати ее и детей. После покупки дачи постоянно работает на участке. А. И. много читает: беллетристику, газеты и журналы на разных языках. Часто ходит в библиотеку. Но главное — он очень много работает: читает лекции, пишет научные исследования, переводит с других языков. А. И. был специалистом по истории западных вероисповеданий. Основные темы его изысканий — масонство и англиканство. Он автор около ста печатных работ.

⁴⁴ См., например: Лакшин, 1988, с. 13.

⁴⁵ Более подробные сведения о научной деятельности и служебной карьере А. И. см. ниже в разделе «Материалы, посвященные памяти А. И. Булгакова».

Письма А. И. содержат размышления о жизни, вере, необходимости честно работать, выполнять свой долг. Приведу лишь одно рассуждение — об обязанностях мужа и жены, не вполне обычное для того времени: «На мужа и жену я смотрю как на равных, а потому не согласен, что мелочи жизни должны лежать преимущественно на женщине: они насколько возможно равномерно должны распределяться между обоими, а потому, — я очень хочу, — чтобы ты не одна терзалась ими, а чтобы сваливала часть их и на меня» (письмо № 10, 27 янв. 1890).

Сохранилось тридцать два письма Афанасия Ивановича к Варваре Михайловне и одна открытка к сыну Коле — поздравление с днем Ангела в 1906 г. Письма к Варваре Михайловне относятся к 1889—97 гг.: двадцать шесть писем написано до женитьбы, шесть писем — в 1897 г. из Киева в Карачев, куда В. М. с четырьмя детьми (Мишей, Верой, Надей, Варей) уехала на лето к матери. В переписке А. И. и В. М., ставших женихом и невестой, постепенно меняется общий тон. Они переходят на «ты», иногда возвращаясь к «Вы». Письма делаются менее официальными, язык — более разговорным, шутивным. Письма 1897 г. составляют особый цикл. В них меньше общих рассуждений, чаще упоминаются бытовые темы, они проникнуты ласковым отношением к жене и детям. А. И. и В. М. прожили вместе уже семь лет; письма подписаны не *Твой АБ* или *Афанасий*, а *твой Фаня*.

Все письма написаны красивым, мелким, разборчивым почерком на почтовой бумаге синего, розового, зеленого и палевого цвета, размером в поллиста. В одном из писем А. И. объясняет, что купил бумагу и, только принеся ее домой, заметил, что она разного цвета. Но так и оставил, решив, что этот случай даст возможность Варваре Михайловне посмеяться над его рассеянностью.

Наблюдения над языком и стилем писем А. И. см. во II части этой книги.

Письмо № 1⁴⁶.

18 ноября 1889 г.

Дорогая Варвара Михайловна!

Я давно хотел бы продолжить начатый разговор на каникулах⁴⁷, да затруднялся присылкою к Вам письма, не зная адреса Вашего теперешнего место-

⁴⁶ Конверт размером с визитную карточку, без штемпеля. Вероятно, письмо было передано с оказией. На конверте: Ее Высокородию / Варваре Михайловне Покровской / Киев, 18 11 89. На обороте конверта надпись почерком матери Варвары Михайловны: Варичка! Дай прочитать.

Все остальные письма посланы по почте в конвертах стандартного размера по адресу: Карачев (Орл. губ.) или: В Карачев (Орл. губ.) / Ея Высокородию или: Ея Высокоблагородию / Варваре Михайловне Покровской / Дом о. Протоиерея М. В. Покровского. На конверте 1897 г., посланном после смерти М. В. Покровского, указан адрес: Церковный дом Казанской церкви.

⁴⁷ Имеется в виду пребывание в 1889 г. А. И. в Карачеве, поездка в монастырь Белье Берега.

пребывания. Кроме того: Вы на прощаньи сказали мне, что «начнется ординарная прозаическая жизнь; все войдет в обычную колею — забудется.» Так ли это? Я пропустил почти 2 месяца, но и теперь еще не забыл ни одного не только выражения, но и малейшего оттенка нашего разговора. Как Вы?

Если обычная проза не изгладилась в Вашей памяти того, что говорилось; если Вы имеете желание продолжать наш разговор: то напишите мне об этом. Прибавьте также и адрес Вашего настоящего местопребывания, чтобы по этому адресу я мог направлять письма лично к Вам. Удалось ли Вам переместиться в К-скую прогимназию?⁴⁸ Как Ваше здоровье и как идут Ваши дела?

Я здоров, если не считать маленькой простуды, которую схватил при резких переменах погоды: стоят холода и дожди. Чтение лекций в Академии началось с 9^{го} сентября и мне пришлось открывать их, т. е. читать прежде других. Большинство времени я провожу дома над работою: до сих пор не выбрался послушать даже новой оперы, которая — по отзывам слышавших ее, — прелестна. При первом удобном случае пойду слушать, хотя бы для этого пришлось пожертвовать своим нервным спокойствием (оперное пение сильно действует на нервы, — разумеется, — не такое, какое мы слышали в Б-ске [Брянске?]). — С нетерпением жду от Вас ответа. Прощайте, передайте от меня приветствия своим родителям. От души желаю Вам всего, всего хорошего, — словом того, что Вы сами себе желаете, хотя я знаю, что желания людские часто бывают чрезмерны. Целую Ваши ручки.

Весь Ваш АБулгаков

P. S. Напишите мне: Вы обещались.

Письмо № 3 [отрывки]

Киев, 1889 г. 22 ноября

Благодарю Вас, дорогая, за скорый ответ на мое письмо. Спешу и сам ответить Вам поскорее. <...>

Увижусь с Вами, расскажу, если захотите, много прекомических случаев. — Во всяком случае жизнь в Академическом кружке (впрочем их несколько даже) [в Кисве] идет полнее, чем где-нибудь. Есть возможность читать новости литературы почти со всего света (у нас в библиотеку выписывается все выходящее по всем отраслям знаний), можно проникнуть в университетскую библиотеку и ходить читать в публичную. Недавно в нашу библиотеку была выписана вся классическая беллетристика, а теперь выписывается до 30 периодических изданий на разных языках. Есть тут театры, посещение которых, правда, дорого обходится, однако изредка есть возможность послушать хорошего пения и хорошей музыки. Есть возможность составить свой кружок для наслаждения пением и музыкою и изгнать возможность карточной игры; впрочем довольно об этом. Я довольно исправно посещаю оперу и сам изредка пою,

⁴⁸ В. М. работала один год в Брянской прогимназии, но потом перешла в Карачевскую, чтобы жить дома. См. об этом в записках Шурочки Бархатовой.

хотя без музыки пение в квартире довольно скучно. <...> Вполне готовый для Вас на все (если это все не противно долгу или нравственному закону)

АБулгаков

P. S. Поклон Вашим домашним.

*Письмо № 6. [отрывки]*⁴⁹

Орел. 1890 года 4 января

Трудно описать на словах, бесценная моя Варенька, чувство грусти, с которым я покинул Карачев. Только сознание необходимости уехать несколько поддерживало меня. <...>

Здоровье наших домашних я нашел почти в том же виде, как и после приезда из Киева. С чувством живой радости встретили они известие, что между нами дело сладилось. Папа и Мама поздравляют тебя и готовы встретить, как свою будущую дочь, сестры и братья — как сестру. Все вместе шлют поклоны и приветствия твоим (и моим теперь) Папе и Маме, а также пожелания здоровья и всякого благополучия. <...>

Напишите мне, моя милая, моя хорошая, как Ваше здоровье и каково Ваше настроение духа, как Вы провели вечер разлуки и ночь, а также следующий день. <...> В заключение письма повторю Вам, мое сокровище, поклоны, поцелуй и пожелания здоровья и счастья от всех наших. Сегодня мы будем пить за Ваше здоровье, моя радость, чего хочет моя Мама. Крепко, крепко целую Ваши ручки и Ваши губки (Удивительное дело: самым незаметным для себя образом я перешел в письме от «ты» к «Вы»; уже по одному этому можешь судить, какой хаос теперь в моей голове). До свидания, до свидания! <...> Я люблю тебя, и никто и ничто пусть не возмущает твоего спокойствия. Целую Папу, Маму и всех остальных. Любящий Афанасий Булгаков.

Письмо № 13 [отрывки]

Киев 13 февраля 1890 г.

<...> Составлял лекцию и так надоело возиться с разными книгами на всевозможных языках, что бросил и решил поговорить с тобою, моя радость. <...> За это время произошло кое-что такое, что необходимо и тебе знать. Я в тот же день был на вечере у одного из наших профессоров (милое семейство!), который (т. е. вечер) был очень оживлен, и я довольно много танцевал (даже мазурку-котильон и всякую другую чушь); окончил гулять, возвратился и лег спать уже в 6 ч. утра (единственный раз в нынешний сезон!)

⁴⁹ Н. А. Земская дает к этому письму такое пояснение: При личной встрече в Карачеве, куда А. И. приехал из Орла [от родителей] (Рождественские каникулы) Варвара Михайловна принимает его предложение. С этого времени они официально жених и невеста. Предстоит разлука на полгода — до лета: А. И. — в Киеве, В. М. — в Карачеве. Семья А. И. теперь считает Варвару Мих. своей дочерью и сестрой, а А. И. называет в этом письме родителей Варвары Михайловны Папой и Мамой.

[Приписка с краю письма] Я хотел бы, чтобы ты, — если когда-нибудь согласишься сокращать мое имя, — называла меня «Фаня»: мне не нравится ходячее сокращение моего имени; да оно и не правильно (не выдерживает корня).

Письмо № 14 [отрывок]

25 февраля⁵⁰

Commencement (так ставят в начале летописи)

Как я счастлив сегодня, моя дорогая, моя милая голубка! Во первых окончил составлять лекции для III курса и разгромил средневековую католическую нравственность (конечно, на бумаге, а словесно буду громить в аудитории), а во вторых получил твое письмо. <...>

Письмо № 20 [отрывок]

Киев, 1890 г. 22 апреля

Тридцать один год прожил я на белом свете (вчера был день моего рождения). Вспомнил я об этом, моя милая, и так-то грустно, грустно стало на душе! Что я сделал за это время для себя, что сделал для других? Способен ли я вообще что сделать, да и нужен ли я? Вот вопросы, которые невольно пронеслись в голове, которые я не раз и прежде задавал себе и на которые никогда не получал удовлетворительного ответа. Другим я боялся задавать эти вопросы, потому что в тех кружках, которые были моими кружками, подобного рода вопросы решаются легко или как-то молчаливо обходятся мимо. <...>

Письмо № 24 [отрывки; письмо начато 10 мая 1890 г.]

14 мая

<...> Дорогая моя! На этой прошлой неделе по случаю я два раза танцевал у одних знакомых. Выдают дочь, и я приходя к ним вечером заставал несколько пар молодых людей, сам начинал изображать молодого человека и танцевать, чтобы среди общего веселья моя фигура не производила впечатления кислого состояния духа: над такую фигурую могли бы подсмеиваться, как Аполоса Свистунов в «Дядюшкиной квартире» над фигурую своего приятеля. Завтра оказывается царский день и мне будет невозможно совершать переезд в квартиру <...> Сейчас иду на экзамен, чтобы присутствовать при истязании бедных студентов по греческому языку. Затем останется еще 4 экзамена. <...>

Голубка моя! отчего сегодня (среда 16^{го} мая) нет от тебя письма? Я не знаю, что и думать. <...> Да! Скверно я проведу праздник Троицы, благодаря какому-то шелопаю, недоставившему твоего письма ко мне или моего к тебе.

23 мая. Спасибо тебе, моя дорогая, за письмо! <...> Несомненно теперь, что твои письма пропадают в Карачеве. И я думаю, что опять письмо пропало, потому что захотели поинтересоваться тем, о чем может карачевская ба-

⁵⁰ Год и город не указаны.

рышня переписываться с профессором. <...> Исполни мой совет о штемпелеванных конвертах⁵¹ и проси адрес надписывать кого-нибудь из братьев. Свидетельствую всем почтение, всех целую: я сегодня готов перецеловать весь мир. Новая квартира очень мне нравится.

Твой А.

Р. С. Напиши о себе поподробнее и об Оле.

*Письмо № 25 [отрывки]*⁵²

Киев 1890 24 мая

В прошедшем письме я писал тебе, моя голубка, что очень доволен новой квартирою; не знаю, как она покажется тебе. <...>

Кстати: сколько раз ни приходилось мне говорить о прислуге, все хозяйки советуют мне привезти прислугу с собою с родины. Особенно одна, родом из Орловской губернии говорит, что ей на первое время было очень трудно понимать язык здешних баб. В особенности, — говорят, — нехороша прислуга в нравственном отношении. Поэтому советуют привезти пожилую женщину, конечно опытную в стряпне и мытье белья, словом женщину, жившую в приличном доме. <...>

Я писал тебе, что начну купаться в Днепре; но оказывается невозможно: последнюю неделю стоят такие холода, что приходится думать не об охлаждении или освежении, а о том чтобы хорошенько согреться.

28 мая. ...Сегодня у нас торжественный экзамен в Академии с Митрополитом во главе. <...> Интересного из своей жизни могу сообщить только то, что теперь я при чтении беллетристики получаю совершенно не то наслаждение, которое получал прежде. Мне открылся какой-то новый совершенно мир, новая сторона человеческих отношений, о которых я прежде только подозревал пожалуй, но которых прежде не видел. А теперь, благодаря тебе, моя голубка, поэзия получила для меня особый смысл, особое значение. Вообще я чувствую себя как-то по-новому, как будто переродившимся или перерождающимся. Пожелай мне от души, от всей души, чтобы это перерождение происходило в лучшую сторону. <...>

А как еще много у нас не переговорено с тобою?! И как много вопросов, данных мною тебе, ты оставила без ответа? <...>

⁵¹ А. И. советовал жене не опускать письма в ящик, наклеив марку на конверт (так как могут украсть марку), а отдавать письмо на почту и ставить на нем штемпель. Сам он посылал обычно штемпелеванные письма и утверждал, что ни одно его письмо не пропало.

⁵² Последнее из предсвадебных писем, на восьми страницах. Письмо помечено 24 мая, однако писалось оно несколько дней. Писалось оно несколько дней, отчасти из-за того, что А. И., не получая ожидаемого письма из Карачева и волнуясь, не отправлял свое письмо. Ожидаемое им письмо от В. М. пропало на почте. Даты поставлены в тексте (обычно в начале строки) и подчеркнуты.

29 мая. Сколько раз приходилось и читать, и слышать в разговорах, что ужасно страшно бывает вступать в новую жизнь, т. е. начинать жизнь семейную: я почему-то не могу представить себе причины этих страхов. Отчего это зависит, я положительно отказываюсь объяснить. Я почему-то так тягочусь одиночеством, что положительно в иные минуты с ума схожу от этого одиночества: я чувствую потребность говорить с кем-нибудь, мыслить вслух, но так, чтобы мысль твою кто-нибудь слышал, чувствовал и сочувствовал, вот в эти-то минуты и чувствуешь всю тяжесть своего одиночества. Ведь голые стены только вокруг тебя, да равномерный стук часов, наводящий тоску на душу. Вот когда душа рвется к тебе, моя дорогая, вот когда хочется видеть тебя, слышать твое «да» и видеть, что это «да» светится в твоих глазках. Что бы я не отдал тогда, чем бы не пожертвовал за момент такого свидания с тобою... <...>

30 мая. Вот уже никак не ожидал такого скандала! Лег спать в 1/2 двенадцатого, — теперь уже оканчивается четвертый, а я еще, как говорится, и одним глазом не заснул; 4 1/2 с половиною часа проворочаться с открытыми глазами, — ведь это ужасно, не правда ли?! Впрочем все это время думал о тебе и о нашей будущей жизни. <...>

Сегодня ожидаю твоего письма ко мне и поэтому до прихода почтальона буду в хорошем настроении духа; но будет двойной скандал (бессонница первый), если еще раз пропадет твое, моя голубка, письмо. Я не знаю, что тогда будет со мною. Пока прощай... Жду, крепко целую... Ну слава Богу! получил твое письмо и немного легче стало на душе. <...>

Немножко обидно мне показалось, что изю всех моих слов, которые я пишу тебе, ты веришь только многому. Почему же это не всему? Разве я когда-нибудь дал повод к тому, чтобы что-нибудь сказанное мною оказалось не верным? Ну, да ладно! Когда приеду я посчитаюсь за это с тобою. Кстати и любящие братцы сообщат мне то, что они когда-то собирались сообщить. Под председательством Миши⁵³ откроем суд; я обвинитель. В адвокаты допускается Кэтти, — так это и знай и приготовься к защите. Ну прощай, моя радость. Заболтался. До скорого свидания. Поклон пиковой даме⁵⁴ передам, когда увижу. Она очень редко встречается со мною теперь, да и вообще я отстал как-то от знакомств за делами. Поцелуй от меня Папу и Маму; передай поклон братьям по мере того, как они будут приезжать. На сокращение брачных церемоний я совершенно согласен. Только хотелось бы подольше пробыть вне Киева. Твой А.

Письмо № 27 [отрывки]

Киев. 1897 г. 8 июня

С Вашей стороны слишком жестоко оставлять в неведении меня относительно Вашего путешествия. Я вчера хотел было отважиться послать теле-

⁵³ Брат В. М.

⁵⁴ Знакомая, неоднократно упоминаемая в письмах.

грамму на имя Шурки⁵⁵ и Мамочки. Составил и понес на почту; чиновник читает, улыбается; а потом смотрит на меня и говорит: «Такую телеграмму мы не можем передать.» — Почему? — Да потому... потому... Обратитесь в другое место!.. «Да почему же?» — спрашиваю; молчит и смотрит на меня с инквизиторским взглядом. А потом буркнул: «Да содержание, знаете ли немного странно.» — Какое содержание! На моем листе было написано: «Карачев. Бархатову. Ответьте, получена ли Вами моя семья; отправлена 4^{го} июня. — Булгаков.» Посмотрев на чиновника минуты две, я ничего от него не добился и решил уйти домой. Что делать, как узнать о путешествии своей благоверной с чадами. Стал читать газеты, чтобы посмотреть, не случилось ли где крушения на ее пути: оказалось только, что Теффак[?]—паша сказал что-то державам, державы что-то сказали ему... Тфу! ты! думаю, ужели нет более интересных предметов для письма и разговоров. Плюнул на газеты и решил изругать маляров, которые третий день мажут, мажут и никак не могут придать потолкам надлежащей белизны. Пришел, они окончили работу и просят на чаек (pour boire или Drink-Geld). Плюнул и на них и не ругавшись (чему удивился даже сам) ушел в свою комнату; впрочем теперь у меня нет своей комнаты. Я разделяю комнаты с мебелью и хламом. На месте твоего ковра (бухарско-хивинского) стоит мой письменный стол, на месте тумбочки книги и газеты, тумбочка в святом углу. На месте твоей кровати сундук, столик с нотами, а на гвоздике над кроватью скрипка; Мишкину постель замещает другой сундук с картонами, картонками и картоночками, а рядом с печкою кушетка, на которой я успокаиваюсь в объятиях... не думай, что какой-нибудь красавицы, для этого она слишком неудобна, нет! В объятиях Морфея, когда для этого наступает хоть какая-нибудь возможность. <...>

Крепко целую тебя, Мамочку и всех, находящихся в доме, не исключая и Катьки с Пелагеєю⁵⁶. Сейчас продолжать письмо нет времени: завтра или послезавтра напишу подробнее.

Любящий тебя весь твой

Афанасий

Письмо № 29 [отрывки]

Киев. 1897 г. 13 июня

Дорогая моя голубка!

Получил я твои оба письма, и мне стало жаль, что я отпустил тебя с больным зубом в дальний путь. Я беспокоюсь, как бы Карачевские эскулапы не наделали тебе какого-нибудь серьезного вреда, но издали ничем не могу тебе помочь: одно только в моих силах, — это утешить тебя, что у меня все идет пока благополучно. Ремонт парадных комнат близится к концу, завтра будут красить в последний раз полы. Потолки все перебелили, французову комнату

⁵⁵ Александра Михайловна Бархатова, младшая сестра В. М.

⁵⁶ Вероятно, горничные.

переклеили⁵⁷; она теперь похожа на контору, или станцию железной дороги, — такие я выбрал обои (однообразный серенький рисунок), — полы уже загрунтованы во всех трех комнатах; я живу пока в твоей спальне, а в передней и детской сложена мебель гостиной и французовой комнаты. <...>

Я до 10^{го} ходил в Академию, почему в цензуре⁵⁸ запустились дела; теперь хожу туда; а по вечерам до настоящего времени готовил перевод к июльской книжке «Трудов», а теперь переделываю ту статью, которая залежалась, — из-за цензуры и прошлогодних библиотечных работ, — с 1893 года. По особым обстоятельствам она приобрела в настоящем году особый интерес, и я надеюсь на ней порядочно заработать.

В Академии год [учебный] закончился. Сережа⁵⁹ кончил курс 33 кандидатом из 45—46 человек; при таких условиях в Киеве ему трудно найти подходящее место по духовному ведомству, потому что в Киеве обыкновенно оставляют лучших кандидатов: Борадович оставлен кандидатом на следующий год.. <...> Пиши чаще и подробно, особенно про детей: скажи им, что если кто будет шалить, то я приказал с нянькою отправить ко мне, да в таком вагоне, в каком мужики ездят и нет хорошей постели. А особенно, если кто будет ругать Бабушку или тетю, или дядю. Так и скажи; а я уже в Киеве расправлюсь по-своему. <...>

Прощай, моя мамочка, крепко, крепко тебя целую и желаю поскорей выздороветь тебе и Михаилу⁶⁰, которого я очень жалею. Крепко целую всех. <...> Поблагодари Шурочку и Андрея Андреевича за радушный прием Вас в доме, да попроси не особенно баловать детвору. <...> Поцелуй от меня детей и самое себя много раз. Опиши успехи Варечки⁶¹ в пользовании языком своим. Напиши также: нужно ли перекрасить ваши кровати, т. е. твою и детские? <...> Прощай, Маша, крепко обнимаю тебя. <...>

Всею душою любящий тебя твой

Фаня.

⁵⁷ По-видимому, Булгаковы сдавали одну комнату французам.

⁵⁸ А. И. работал в цензурном комитете.

⁵⁹ Брат А. И.

⁶⁰ Сыну Мише.

⁶¹ Младшей дочери, которой тогда было два года.

Письма В. М. Покровской к А. И. Булгакову

Варвара Михайловна Покровская (5 сент. (ст. ст.) 1869 г. — 1 февраля (нов. ст.) 1922 г.) — дочь М. В. и А. И. Покровских. Семья жила в Карачеве Орловской губернии. В. М. окончила в Орле женскую гимназию с программой мужских гимназий. Сразу после этого до замужества два года преподавала в прогимназии: первый год — в Брянске, второй год — в Карачеве. Жизнь семьи Покровских в Карачеве описана в «Записках Шурочки Бархатовой» (см. выше). Здесь лишь подчеркну, что в многодетной семье о. Михаила Покровского Варвара пользовалась особой любовью и уважением как братьев, так и сестер. Свадьба В. М. и А. И. состоялась 1 июля 1890 г. в собственном доме отца, протоиерея церкви Казанской Божьей Матери.

Из обширной предсвадебной переписки А. И. Булгакова и В. М. Покровской до нас дошло только одиннадцать писем В. М., тогда как писем А. И. — двадцать шесть. Можно думать, что А. И. писал чаще, чем В. М., но вполне вероятно, что часть писем В. М. не уцелела. Так, от письма с почтовыми штампами 6/XI — 8/XI — 10/XI 1889, посланного из Карачева в Киев, — видимо, наиболее раннего, — сохранился только конверт (Киев/ Его Высокоблагородию/ А. И. Г-ну Булгакову/ Рейтарская улица, дом № 9). Первое из уцелевших писем датировано 5 февраля 1890 г., последнее — 3 июня 1890 г.

Письмо № 1 [отрывки]

5 февраля 1890 г. Карачев

Только сегодня получила твое письмо, мой милый, так давно ожидаемое⁶². И что же? Впечатление первой страницы этого письма было таково, что я готова была разрыдаться: это зачеркнутое «ты» и надписанное «Вы» как бы нарочно с целью уколоть меня. Неужели ты думал, что сама я не хотела написать тебе это «ты»? Не могла я написать так по какому-то странному чувству застенчивости, и кроме этого я так много даю значения этому слову: ведь я в первый раз писала его в таком смысле. Но потом при дальнейшем чтении этого письма это первое впечатление пропало, и я благодарю тебя за это письмо. Странное направление имели мои мысли в тот вечер до получения этого письма. Углубившись с виду в работу, я много, много передумала (если бы эта вышивка могла воспроизвести все мои мысли, как фонограф — звуки!). Кажется мне, что ты совсем не так думаешь обо мне, не так понимаешь меня, и мои отношения к себе, чем все это на самом деле. И чувство грусти поднималось во мне. И я теперь перебирала в уме все наши встречи, наши отношения. Получивши и прочитавши твое письмо, мне захотелось рассказать в общем мою внутреннюю жизнь до последней встречи с тобой на этих каникулах. Теперь я решила при первом свидании с тобой рассказать тебе многое, а

⁶² Ответ на письмо № 11 от 1 февр. 1890 г., отрывок из которого помещен выше.

теперь скажу только вкратце про себя. Никогда не увлекалась я целью «перевернуть мир». Еще будучи в гимназии, в последнем классе, когда мы все толковали о будущем, я не разделяла увлечений некоторых горячих голов, желающих поставить себе великие цели, достигнуть великих результатов. Я сочувствовала их горячему стремлению к хорошему и великому, но всегда знала, что на мою долю не выпадет никакой высокой роли в жизни, и поэтому тогда еще думала, что возьмусь за первое дело, которое сочту себя в состоянии сделать, и заранее не могла сказать, какое это дело будет. И первым делом, представившимся мне, была педагогическая деятельность, за которую я взялась, которую занимаюсь и теперь; с самого первого года окончания курса я не была без дела, и это мне давало возможность сознавать, что я не сижу сложа руки. Вот все, что я пока могу сказать про эту сторону жизни. В своем отношении с людьми я была счастлива, счастлива потому, что видела больше расположения к себе, чем антипатии. Не знаю, стою ли я того, стою ли, или особое покровительство судьбы было тому причиной, но только на мою долю выпадали симпатии других людей. Но я умела ценить эти симпатии, старалась и с своей стороны заплатить расположением. Я никогда не посмеялась, не оскорбила чужого чувства. Были у меня за это время и искания руки моей. Но они не нарушили обычного течения моей жизни; я спокойно отказала им, потому что знала, что не причину им большого огорчения, а сама с своей стороны не имела желания связать свою жизнь с их. Этим летом и осенью я выдержала борьбу. От чего происходила эта борьба, рассказывать долго: здесь играли роль и мои отношения к тебе, и мои отношения к другим. При свидании я может быть расскажу тебе все, а теперь с тебя довольно будет, что теперь борьба эта уже кончена, и для меня все ясно. Знай и ты, что все мои симпатии принадлежат тебе, мой дорогой, мой милый! Вспоминаются мне сейчас, каким странным чувством начались мои отношения к тебе, чувством почти враждебным, желанием показать, что я знать тебя не хочу. Тебе это странно? А мне сейчас это смешно. Ты пишешь, помню ли я вопрос, который предложила тебе на Святках, и ответ твой? Да, конечно, помню. Я спросила: «Всегда ли ты помнишь меня?» И получила в ответ, что был период (осень 1888 г. в особенности), когда ты, если не забыл меня совершенно, так и не помнил или не старался помнить. Причину этому ты ясно не сказал, но я поняла твои намеки так, что причина этому была другая привязанность — так я поняла тебя? Но только не понимаю я, чего ты хотел в этот период, из-за чего у тебя происходила борьба?.. На этом месте моего письма я была прервана. Приехал Зоря⁶³ из Брянска, и я хотела расспросить у него все, что он нашел нового и интересного там. Сейчас уже после чаю он утащил меня на каток, где было назначено большое гулянье. Мороз сегодня порядочный, так что я пошла в шубе и не надела коньков, впрочем шуба была надета после мамоч-

⁶³ Брат Захар.

киных слов: «Пожалей ты себя хоть немного». Да я и сама бы не захотела кататься в кофточке в такой мороз.

Все-таки я порядочно замерзла, и сейчас моя рука не особенно твердо держит перо. Что сказать тебе про себя? Я решительно отбилась от рук, лентяйкой стала такой, что ужас! Каждый день говорю себе, что надо взять себя в руки, заняться делом, и все-таки не могу. Стол завален массой книг, которую прислали мне, и которые надо прочитать, и я читаю в день по пяти строк, есть работа, которую надо было кончить и которая все-таки не кончена <...> 2^ю была в любительском спектакле, где участвовал и Зоря. Играли «На чужом пиру похмелье» Островского, где Зоре дали роль Андрея Титыча, и потом водевиль «Медведь сосватал». Комедией я осталась не особенно довольна, а водевиль сошел прекрасно. Хотела остаться танцевать, но благодаря головной боли, уехала домой <...> Не разбирай по косточкам этого моего письма, начала я его писать вчера, а нынче кончила, и писала в разном настроении, да к тому же не обдумывая того, что пишу; за то ты раньше получишь его. Прощай. Твоя В.

[Приписка сбоку страницы] Папа, мама и Зоря шлют тебе поклоны.

Письмо № 2 [отрывки]

14 февраля 1890 г. Карачев

<...> Можно было бы сказать, что мы отлично провели масленицу, если бы в последний день не заболел Папа. Дело в том, что в субботу вечером с ним сделался припадок астмы. Я ни разу не видела ничего подобного этому ужасному состоянию, когда человеку захватывает дыхание, когда он почти близок к смерти. Мы были ужасно испуганы и пережили ужасные минуты в этот вечер.

Часов в десять или в одиннадцать Папа почувствовал себя нехорошо, ему было тяжело в груди. Он хотел лечь в постель. Но как только лег, то почувствовал себя еще хуже, так как ему становилось все тяжелее дышать. Он сейчас же снова встал, но дыхание все больше и больше захватывало. Мы ничего не понимали, что такое с ним. Между тем с каждой [минутой] ему становилось все хуже и хуже. Зоря поспешил к доктору, другие братья побежали в аптеку. И вот когда с папой остались только мама да я, он и дошел до самого ужасного состояния: ему совершенно захватывало дыхание, руки похолодели, лицо сделалось бледно и было покрыто холодным потом. Мама и я не знали, что делать, и теряли головы совершенно. Наше положение действительно было ужасно: мы видели, что он почти умирает на наших глазах, и ничем не могли помочь. Я лила одеколон и спирт ему на голову, старалась согреть его похолодевшие руки. К счастью скоро приехал доктор, который и помог ему. Но только к часу ночи Папе сделалось лучше: припадок стал проходить, хотя дыхание было не совсем свободно. Эту ночь он провел уже в кресле посреди залы. Доктор мало утешительного сказал нам на счет общего состояния здоро-

вья Папы: он находит, что у него и сердце не в порядке. <...> Рада я очень, что здоровье твоего Папы поправляется. Когда я прочитала, что ты катаешься на коньках, то мне ужасно захотелось покататься с тобой; сама я последние дни не каталась. Чувствую себя здоровою. Папа, Мама и Зоря шлют тебе поклон. Желаю всего хорошего. Твоя В.

Р. С. Между прочим к нам в мужскую прогимназию прислали бывшего учителя русск. яз. в Брянске, и он был уже у нас.

Письмо № 3⁶⁴

22 февраля [1890]

Ну, попался ты, бедный мой, в руки к Киевским дамам! Теперь они не оставят тебя в покое. В этом случае одно могу посоветовать тебе: воздержись пожалуйста от описания моих внешних и внутренних качеств, потому что велико будет разочарование милых дам, когда они увидят меня после твоих описаний. Я не выдержу и снисходительной критики их, а что касается до строгой критики пиковой дамы, то я заранее пасую перед нею. Судя по вопросам, которые тебе предлагают, можно заключить, как велика любознательность Киевских дам! Воображаю себя в положении, когда буду подвергнута их строгому разбору: хотя я и не особенно трусливая особа, но в этом случае и мне страшно становится. Меня здесь тоже поздравляют, также проявляется любопытство относительно тебя, и особенно сильно оно со стороны моей сослуживицы, другой классной наставницы. На ее вопросы, хороши ли ты? умен ли? сильно ли любишь меня? я только посмотрела на нее и засмеялась: последнего вопроса совсем не следовало делать. На днях как-то, когда мы были с нею вдвоем в комнате, она посмотрела на меня и вдруг сказала: «Вы будете очень счастливы». И мне так захотелось верить ее словам, так захотелось, чтобы они исполнились. Иногда мне самой рисуется мое будущее таким светлым, хорошим и так легко становится на сердце. Вчера в таком настроении я возвращалась с прогулки (погода была такая чудная) и была уверена, что получу твое письмо вечером, и предчувствие не обмануло меня. Это время мы проводим самым скромным образом, но вместе с тем приятно; сидим постоянно дома, но совсем не чувствуем себя в одиночестве. Зоря иногда читает вслух, а я с мамой слушаем с работой в руках. Между прочим мама уезжает дня на два в Брянск, и представь себе, в первый же вечер были заметны следы нашего хозяйства без нее. Получаю письмо от Коли⁶⁵ с упреками, что я забыла его, что в последнее время изменилась. И действительно, я так занялась своими личными делами, что не так живо отзываюсь на чужие инте-

⁶⁴ Ответ на письмо А. И., в котором он рассказывает о том, как подвергся расспросам киевских дам о своей невесте. Примечание Н. А. Булгаковой-Земской: Отношения с братьями: ревнуют [В. М.] к жениху (Захар, Николай, Иван). Большая дружба с тремя средними братьями (Иван, Захар, Николай) и младшими (Митрофан, Михаил).

⁶⁵ Брата.

ресы, как прежде. Знаю, что это нехорошо, но ничего не могу сделать. Ты отнял меня совсем у братьев, поэтому не удивительно, что они ревнуют меня к тебе. Теперь к счастью прекратилось оживление в Карачеве, а то мне надоело слушать замечания, что я не хочу принимать участия в общих развлечениях. Еще до Святой у нас образовался небольшой кружок на катке любителей этого катанья, и мы очень весело проводили там время; в этом кружке играла не последнюю роль и я; но потом, особенно после твоего второго приезда (в январе)⁶⁶ я стала все реже и реже посещать каток, и выслушивала упреки в том, что расстраиваю наш кружок. В последний раз в воскресенье прошлое каталась и так устала, потому что целую неделю до этого не каталась; а теперь опять такая погода, что о катке и думать нельзя: снег идет по целым дням. Но теперь и весна недалеко. Ты пишешь, что не знаешь, приезжать тебе или нет на Святую? Спрашиваешь меня об этом. Но я не хочу отвечать тебе на этот вопрос, потому что хочу, чтобы ты сделал так, как сам хочешь, а я посмотрю, как ты хочешь. Жалею, что не знала, когда ты будешь говеть, а то постаралась бы прислать тебе поздравление в тот день, когда ты причащался, но теперь прими мое, хотя и позднее поздравление. Сама я буду говеть против обыкновения на третьей неделе вместе с мамой и со всеми и к великому моему искушению вместе с Зорей. Он меня окончательно преследует. Вчера старался разрешить интересующий его вопрос, что ты мне пишешь! И конечно не мог разрешить его, так как я в этом случае очень далека от мысли помочь ему. Вчера же за ужином объявил мне, что не отдаст меня тебе. Не правда ли, это легко сделать? Если бы ты знал, какие он портреты мои рисует к немалому удовольствию дв[уюродного] брата, что их очень не мешало бы показать интересующимся Киевским дамам. Между прочим твои предположения о моем приезде в Киев на Святой, к сожалению, останутся фантазией, потому что эту поездку предпринимать не собираюсь ни я, ни кто-либо из домашних. Кстати, получила от Вани⁶⁷ после масленицы такое письмо, которое удивило меня. Представь себе, он на масленице съездил в Петербург, и остался так доволен своей поездкой, что прислал мне такое восторженное письмо, что я за него порадовалась. Пишет, что жалеет, что я не могла участвовать с ним в этой поездке, а то бы вдвоем мы с ним «поносились бы по Петербургу» (у него любимое выражение «носиться» вместо скоро ходить). Но я успела наверно наскучить тебе своей болтовней. Очень благодарю тебя за участие, которое ты принимаешь в болезни Папы. Папа, конечно, шлет тебе благодарность за это и за твои пожелания. И Мама, и он, а также Зоря шлют тебе поклоны. Милый мой! Не огорчайся пожалуйста моими некоторыми письмами. Я так счастлива твоею любовью, что скоро забываю всякие огорчения, если даже они изредка и случаются, и у меня так хорошо на душе.

⁶⁶ В январе Афанасий Иванович сделал предложение Варваре Михайловне, и оно было принято. Они были объявлены женихом и невестой.

⁶⁷ Брата.

Если тебе когда-нибудь придется почувствовать себя одиноким, то знай, что мои мысли всегда около тебя. Прощай, мой дорогой! Желаю тебе всего хорошего. Твоя В.

Письмо № 4

9 марта [1890]. Карачев

Начинаю это письмо к тебе, мой милый, с предупреждения, что оно будет кратко и малосодержательно: главная цель его — обеспечить себе получение твоего нового письма; да к тому же я не хочу заставлять тебя долго ждать моего ответа, потому что по себе знаю, как неприятно это ожидание. Коротко это письмо будет потому, что я хочу отослать его сегодня, и у меня мало времени для написания его; кроме же того, я нахожусь в каком-то безразличном [?] настроении. Сказать по правде, меня иногда утомляет прогимназия, утомляет не потому, что мой труд тяжел, а самая обстановка действует каким-то притупляющим образом. Здесь во все умеют вложить печать скуки, однообразия, отупения. Состав преподавателей и особенно преподавательниц таков, что иногда придешь и уйдешь не сказавши ни с кем живого слова, и домой возвратишься с отяжелевшею головой. Стараешься внести несколько иной оттенок, но что он значит в сравнении с раньше установленным вкоренившимся здесь порядком, да и еще с большими стараниями поддерживаемым. Ну, да впрочем я совсем не могу жаловаться. Погода стоит теплая и прекрасная; грязи много, но она уже начинает просыхать под влиянием солнца, и скоро можно будет снова начать гулять, а то уже надоело дома сидеть, где я чувствую отсутствие Зори. Здоровье Папы хорошо сравнительно, что очень влияет на состояние расположения духа всех. Вчера вместе с твоим письмом получила и собственноручное письмо Митроши. Он также составляет предмет дум всех нас⁶⁸. С другим глазом его сделана операция, а теперь он видит раньше оперированным, но только с помощью очков может читать и писать, но и это много значит. Я была очень рада этому письму, а тем более потому, что имела возможность убедиться, что он может читать и писать с помощью раньше оперированного глаза, хотя правда почерк его не так тверд и правилен и сразу выдает слабость его зрения. Что это ты так, мой милый, вооружился против Киевских дам? У всяких людей есть свои недостатки в большей или меньшей степени, есть и у дам конечно, и как видно из твоего письма, есть и у Киевских дам и даже большие; но все-таки ты неправ, по-моему, говоря, что не можешь иметь снисхождения к их недостаткам. Мне кажется, что для того, чтобы строго судить поступки других людей, нужно самому стоять очень высоко, а какой человек с уверенностью может сказать, что он совершенно чист и высок душой? Впрочем, не могу не согласиться с тобой, что иные поступки и взгляды могут возмущать до глубины души. В своих письмах ты точно приготавливаешь меня к борьбе при вступлении в общество

⁶⁸ Брат Митрофан страдал болезнью глаз (катаракта), ему делали операцию.

Киевских дам. Со своей стороны могу сказать, что я не собираюсь преклоняться перед их «совершенствами», ни блистать своими «талантами», а тем более последней претензии у меня никогда не было (впрочем, самой о себе трудно судить), да и много нужно иметь талантов при такой претензии!

Завтра еду в Орел вместе с мамой, будем там и у твоих. Когда приеду оттуда, напишу тебе, чтобы отослать по получении твоего письма, а сейчас пока постарайся удовлетвориться этим письмом. Папа, мама и Шурка шлют тебе поклон. Желаю тебе всего хорошего.

Прощай мой милый, мой хороший! Твоя В.

Письмо № 5

13 марта [1890 г.]

Милый мой! Ты пишешь, что окончил со своими программами и теперь хочешь приняться за другие работы, — поздравляю тебя, радуюсь за тебя и отдаю должное твоему трудолюбию. Боюсь, что в сравнении с тобой я окажусь лентяйкой. Но, нет, это пожалуй не совсем так, видишь ли, и я не сижу без дела, даже наоборот целый день у меня занят, но результат получается небольшой, да и некоторые дела таковы, что не заслуживают внимания, а между тем время на них тратится. Но это не важно. Ездил с мамой в Орел: поехали в субботу, а вернулись в воскресенье ночью. К нашему удовольствию погода эти два дня стояла прекрасная. Едем с вокзала в Орле, когда только что приехали, и я не могу налюбоваться прекрасным теплым вечером и с наслаждением вдыхаю в себя воздух. Наконец одной показалось недостаточно наслаждаться, захотелось поделиться своим настроением, обращаюсь к маме и говорю: «Ах, мамочка, какой чудный вечер, как весной пахнет, потяните в себя воздух пожалуйста!» — «Нет, уж покорно благодарю: у меня зубы-то недавно болели». Этот ответ так несоответствовал моему настроению и так рассмешил меня, что я всю дорогу смеялась. Миша⁶⁹ ждал нас: я ему писала, что приеду. Нечего и говорить, каким истязаниям подверглись моя голова и шея в тот вечер. На другой день все время бегали по Бомен...вской [нрзб], благо погода была хороша, очень хотели мы побыть у твоих, но вместе с тем не могли выбрать времени; накануне решили отправиться вечером с тем, чтобы оттуда ехать прямо на вокзал; так и сделали, и пробыли там часа три или четыре. Конечно, наше шествие с чемоданами и картонками было неожиданным обстоятельством. Папу твоего нашли поправившимся, он даже вел шуточные разговоры. Мама твоя была очень добра ко мне. Жалею, что не было дома Ферапонта⁷⁰, я хотела видеть его, но зато все сестры были дома, и я теперь познакомилась и с самой последней твоей сестрой. На сегодня довольно. Прощай пока!

⁶⁹ Брат.

⁷⁰ Брата А. И.

14 марта.

Дорогой мой! Сажусь писать тебе и думаю: как хорошо, что есть у меня человек, с которым можно поговорить, с которым хочется всегда поговорить, и который сам снисходительно прочитает мои письма, иногда писанные под влиянием минуты, иногда наполненные почти детской болтовней. Пишешь ты, что я в своих письмах посылаю тебе частичку души своей. Да, я и сама теперь все яснее чувствую, как все глубже и глубже привязываюсь к тебе, как все ближе и ближе становишься ты мне, как мои мысли постепенно сходятся все к одному и тому же предмету и какое одностороннее направление получают. Теперь о чем бы я ни стала думать, все сходится к одному центру, все рассматривается и чувствуется по отношению только к одному чувству. Не для того только, чтобы утешить тебя, писала я, что счастлива твоей любовью, а и потому, что это действительно так: теперь это служит содержанием моей внутренней жизни. Случаются иногда минуты, когда находишься среди людей, с которыми не имеешь ничего общего, иногда же возмущешься за что-нибудь против них, и почувствуешь себя одинокой, но сейчас же скажешь себе: нет, есть человек, который дает мне право не считать себя одинокой, у которого я могу найти поддержку, когда буду в ней нуждаться. Правда, далеко он! Но неужели не чувствует он, как точно нити какие привязывают меня к нему, неужели не поймет этого? Нет, быть этого не может. И тогда так легко станет на душе, снова возвратится бодрость, энергия, уверенность в себе. Посмотришь на этих людей и усмежнешься про себя, думая: «нет мне до вас никакого дела, ни на что вы мне не нужны, мне и без вас хорошо». Дурно, эгоистично, не правда ли? Ведь ты строг к другим, следовательно будешь таким и ко мне. Но кончу пока.

15 марта.

Не могу удержаться, чтобы не начать говорить про погоду. Дурной признак, когда люди начинают говорить про погоду: это значит, что или им нечего сказать друг другу, или у них есть такой предмет для разговора, которого они желают избежать, и чтобы разговор не навелся на этот предмет, начинают говорить о погоде. Но в данном случае, надеюсь, что ты согласишься со мной, мой милый, это не так: невольно начинаешь говорить про погоду, потому что она представляет новое явление. В нашем саду уже просохло; и я сегодня пробыла там довольно долго, даже земли взяла для комнатных цветов, а потом гуляла вечером, и возвратясь с гулянья, просидела с своей родственницей несколько времени на лавочке, что стоит недалеко от нашего дома, над горкой, и любовалась оттуда видом, который при свете луны казался особенно привлекательным. (Очень жаль будет, если к Пасхе погода изменится, мне бы хотелось, чтобы она осталась такою же: тогда можно будет больше гулять). Пришла домой, поспешила взять работу, дв. брат начал было читать, как получила твое письмо, которое и ждала сегодня. Теперь до Страстной недели я успею получить от тебя только одно письмо, поэтому прежде всего хо-

чу узнать наиболее интересное для меня, а именно, приедешь ли ты на Пасху? Я уже писала тебе, что жду тебя, ждут и Папа с Мамой. Ты ничего не пишешь на этот счет, напиши же в следующем письме. Пишешь ты, что есть у тебя ко мне важный вопрос — какой это? Если не хочешь писать, то еще лучше, если скажешь это при свидании. Что это за важный вопрос? Я думала и не могла придумать. Между прочим я не догадалась (вообще в последнее время я стала такая недогадливая), на какой вопрос я не дала тебе ответа. Разъясним и это при свидании, на которое я очень надеюсь. Ты пишешь, что под влиянием чтения, настроился мрачно: я этого сочинения не читала, да и вообще почти ничего Крестовского [В. В. Крестовский, автор романа «Петербургские трущобы»] не читала. Мы все это время читаем Щедрина, и я под влиянием этого чтения настраиваюсь на особый лад. Сама же одна я теперь ничего не читаю, и боюсь, что до того дойду, что понимать ничего не стану. Да! Зоря пишет, что в Московском университете опять идут беспорядки; только что он приехал, как начались эти беспорядки. Как бы опять университет не закрыли. Он написал пока очень немного, обещал писать еще. Ждали от него сегодня письма, но не получили, хотя бы завтра прислал. Что написать тебе еще? Папа чувствует себя хорошо, что очень важно. На некоторые места твоего письма ничего не отвечу, а тем больше, если увидимся на Пасхе, то можно будет много поговорить. Между прочим, если приедешь, то напиши, когда приедешь к нам⁷¹: я буду тебя ждать. Папа, мама и Шурочка шлют тебе поклон, и они благодарят тебя за маленькую записочку. Кстати, я с удивлением посмотрела на третий листок твоего письма, думая, уж не древним ли уставом начал ты писать? Но Шура разъяснила мое недоумение, сказав, что ты левою рукой писал. Ах, бедный! До чего ты дописался: даже одной правой руки недостаточно. С удовольствием бы, если бы можно было, дала тебе на помощь мою правую руку: мне сравнительно с тобой мало приходится писать, теперь и у Папы мои секретарские обязанности заменил дв. брат. Прощай, мой хороший! Желаю тебе всего хорошего. Твоя В.

Письмо № 7

15 апреля 1890 г. Карачев

Вчера получила твое письмо, мой милый. Постараюсь дать ответ на те вопросы, которые ты предлагаешь мне. Что я разумею под сердцем и душою? Мне кажется, то же, что и все. Попробую объяснить, если сумею. Душою я называю весь внутренний мир человека, все то, что составляет его духовную жизнь; а сердце составляет только часть души, только известную сторону этого внутреннего мира. Я не отделяю сердца от души, я не дроблю ее, как ты выразился, сердце входит в состав души, я только думаю, что одни сердечные ощущения не составляют всей внутренней жизни человека, что есть еще другие духовные силы кроме сердца, так, напр[имер], та высшая сила, которая

⁷¹ А. И. из Киева приезжал в Орел, к своим родителям, а оттуда сехал в Карачев.

может взять верх над движениями сердца. Перейду теперь и к тому, что я хотела сказать, когда произнесла известные тебе слова. Думаю я и сама, что любит человек главным образом сердцем. Но все-таки я различаю — любить только сердцем и любить всею душою. Любить сердцем, мне кажется, можно человека и сам не знаешь, за что, человека, с которым не согласен во взглядах, человека, которого иногда убеждения не нравятся, у которого видишь даже недостатки, а все-таки тянет к нему. Любить человека всей душой значит находить в нем то, что хотел бы видеть в человеке, находить поддержку своим взглядам; только к этому человеку и пойдешь в тяжелые минуты, у него и будешь искать душевной пищи, когда внутри станет ощущаться какая-то душевная пустота. Человек, которого любишь всей душою, будет казаться родным по духу, у него будешь находить отголоски своего внутреннего я, сам поймешь каждое движение его души и будешь надеяться, что и твои душевные движения будут поняты. А любить только сердцем можно человека и не сродного по духу. Сердцем можно влюбить, увлечься, а душой — полюбить, привязаться. Любовь всею душой заключает в себе и любовь сердечную, но она еще сильнее и глубже ее, наполняет всю духовную жизнь. Не знаю, может быть, такой любви в жизни и не встречается, ведь я рассуждаю «теоретически». Кажется, ответила на твой вопрос. В твоём письме есть еще одно место, на счет которого хочу поговорить с тобою. На вопрос инспектора: почему наша свадьба отложена так далеко? Ты ответил, что это зависит лишь от меня и моих родных. Я же иначе смотрела на это до получения этого твоего письма. Я думала, что это было сделано с нашего общего согласия, с нашего общего желания (твоего и моего). Ты еще очень давно сказал мне, что она не может быть раньше этих каникул, и что у меня будет много времени на размышление (я тебе тогда еще не дала слова). Потом ты и мне, и маме моей говорил, что тебе свободнее и удобнее будет устроиться в твоей новой жизни во время свободное от занятий. Я же со своей стороны разделяла это мнение и была довольна отсрочкой, но не потому, чтобы, как ты пишешь, заняться какими-то необыкновенными приготовлениями, а потому, что я хотела воспользоваться этим временем, чтобы поразмышлять хорошенько. Тот шаг, который я собираюсь сделать, казался и кажется мне очень решительным, перед которым можно задуматься. Я старалась проверить себя, способна ли я буду связать свою жизнь с жизнью другого. Отдать себя на всю жизнь другому человеку — это слишком много, и нужно было проверить все свои чувства к этому человеку. Впрочем это я сейчас так только рассуждаю, а в то время у меня внутри трудно было разобраться, и я не могла так спокойно и благоразумно рассуждать. И время сделало то, что я от него хотела, и я привыкла к мысли о перемене своей жизни. И так видишь я много думала о внутренней стороне, теперь нужно подумать и о внешней, но на это времени потребуется гораздо меньше. Ты напрасно думаешь, что у нас идут чрезвычайные приготовления, мне сделают только самое необходимое, и ничего лишнего, а деньги бросать на вещи бесполезные нет и возможности. Да ты мог заключить и

из разговора с мамой, что ничего особенного не затевается; да из-за этого и время не стоило оттягивать. И твой взгляд на это был для меня маленькою неожиданностью. Про себя многого сказать не могу. Началось опять ежедневное хождение в прогимназию; теперь скоро наступит горячее время. Был уже один совет по поводу распределения экзаменов. У нас все кончится к 5^{му} июню. Погода стоит прекрасная, и в саду с каждым днем делается все лучше да лучше, кусты и деревья постепенно разворачиваются, а травы уже очень много. Вчера так хорошо в своем саду показалось, что я не пошла гулять, и весь вечер проходила в своем саду. Митроша с Колей занимаются устройством лавочек, а также взялись подрезать и подпилить сухие ветви и деревья, и я очень боюсь, что Митроша в пылу увлечения не подпилит бы свежие деревья. Но когда я ему самым вкрадчивым тоном заметила это, то получила такой грозный взгляд, что в другой раз не хватит решимости сказать это. Хочу заняться и я цветоводством; к счастью есть два помощника; у меня уже начинают расти георгины, посаженные пока в комнатах; а в середине мая высажу их в сад. Время проходит незаметно, по крайней мере эта неделя прошла скоро, а дальше время еще скорее пойдет, чувствую себя хорошо, в особенности сегодня. На днях делала ревизию Колиной школы; он давно просил меня зайти к нему в школу, к тому же ее недавно отделали; и вот мы вечером пошли гулять, и зашли. Я самым ревизорским оком осмотрела все, и сделала несколько замечаний (впрочем, не очень строгих, так как осталась довольна школой), которые он с подобающей почтительностью принял; жаль, что один Митроша был свидетелем моей важности и его почтительности. Он даже мне [нрзб] раздвижной табурет предложил, чтобы сесть. После этой ревизии мы в самом веселом настроении возвратились. Только лентяй порядочный мой дв.[оюродный] братец. Хотел разучить из твоих нот «Скоро, скоро месяц ясный» и до сих пор не разучил, а мне там так нравится аккомпанемент. Но довольно о себе. У тебя теперь также много дела будет, и время будет идти незаметно; я рада, что ты чувствуешь себя спокойным. Папа, мама и пр.[очие] и пр.[очие] шлют тебе поклон и благодарят тебя за поклонны.

Желаю тебе всего хорошего. Прощай, мой дорогой. Твоя В.

Письмо № 9

28 апреля [1890]. Карачев

Эта неделя, полная тревожений для меня, закончилась сегодня треволнением для всех. Расскажу тебе, мой милый, сегодняшнее событие: с Папой опять повторился припадок астмы, хотя и не в такой сильной степени, как в первый раз. Это было утром в 5 часов, когда он уже оделся чтобы идти к утрени. Как нарочно, Мама вчера вечером отправилась на свадебный вечер, и в это время еще не возвращалась. Конечно, на этот вечер приглашали и меня, но я наотрез отказалась, потому что не имела никакого желания быть там, а принуждать себя не видела надобности. Еще меньше меня желала быть там Мама, но она еще раньше дала слово хозяйке дома, и когда за ней прислали в

девять часов вечера экипаж, она не могла придумать причины отказа, и поехала, решившись быть козлом отпущения за всю семью. Мы мирно провели вчерашний вечер и спокойно разошлись по своим комнатам. Не совсем обыкновенное пробуждение готовилось мне: мимо моей кровати, стуча ногами и натываясь, пробежал Митроша и начал стучать склянками на комод. Я с испугом открыла глаза и первый вопрос, обращенный к нему, был: «Или ты с ума сошел сегодня?» Но его ответ заставил меня быстро вскочить, наскоро набросить на себя первое попавшееся под руки и выбежать в столовую, где на диване сидел Папа в знакомом мне уже виде. К великому моему удивлению на меня нашло какое-то необыкновенное спокойствие, может быть потому, что я уже видела этот припадок и знала, что делать. Митроша уехал за доктором и фельдшером вместе с Колей, а я с помощью Шуры и прислуги старалась известными мне средствами, которые употреблял доктор при первом случае, облегчить его, и все это с необыкновенным хладнокровием. В это же время послали за Мамой. Через полчаса приехал доктор и Мама, а также фельдшер с банками и к половине седьмого все пришло в порядок. Тогда я почувствовала сильную усталость и озноб (утро в самом деле было страшно неприятное — тусклое и холодное, составляющее резкий контраст с бывшею до сих пор погодою), легла в постель и провела около часу в каком-то полусонном состоянии, а потом все-таки оделась и отправилась в прогимназию. Папа в это время спал, спала и мама, не спавшая всю ночь. Погода сделалась очень нехорошая — холодная, и шел дождь. Вечером снова был доктор. Теперь опять появились на сцену всевозможные склянки с микстурами. Боимся мы очень, как бы эти припадки не стали бы часто повторяться с Папой. Доктор говорит, что это не зависит ни от каких внешних причин, а [нрзб] то, что у него грудь и сердце не в порядке. Последние дни он действительно снова начал чувствовать себя нехорошо; да вчера вечером сделалась разом резкая перемена в воздухе; сильная жара сменилась холодным ветром. День, начавшийся нехорошо, и весь протек как-то странно. Я, как пришла из прогимназии, так все читала «Человек-зверь»⁷², потом после обеда заснула, от чего у меня по обыкновению разболелась голова, но походила немного по воздуху (к счастью, дождь перестал), и она прошла. Потом опять читала, пока не получила твоего письма, и начала его читать. Но сегодня уже не могу отвечать на него и отложу до завтра. Прощай, до завтра. Я хотела очень получить твое письмо.

29 апреля.

Всю эту неделю я не могла взяться за перо, чтобы написать тебе, мой дорогой! В эту неделю я пережила и неприятности, но есть у меня и нечто приятное. Это именно то, что я заботилась об одном деле, не о своем личном, совсем не о себе, и на этой неделе привела к концу то, что от меня зависело; теперь остальное зависит уже не от меня: и успех, и неуспех его теперь уже в

⁷² По-видимому, только что изданный роман Э. Золя «La bête humaine».

других руках. В этом деле помогал мне и Коля — родной брат. Как бы мне хотелось, чтобы удалось довести наше дело до конца. В награду за мою деятельность в продолжении этой недели мне хотелось получить от тебя письмо потеплее, и этим письмом твоим я довольна. Мне особенно приятно получать твои письма по субботам, потому что это у меня день отдыха, день отчета за прошедшую неделю, да и ответить у меня есть время. Не удивляйся на этот раз, если письмо мое будет писано не совсем гладко; я нахожусь сегодня в возбужденном настроении и целый день [нрзб]; я не могу сосредоточить свои мысли, но хотя отрывками отвечу на твое письмо. Ты говоришь, что хотел бы поглядеть мне в глаза, когда я прочитаю написанное тобою, и я этого хотела бы, потому что мои глаза выражали в это время сочувствие тебе, мой дорогой. Но зачем ты все сводишь к внешней, материальной стороне вопроса? Тогда только внешняя, материальная сторона будет занимать главное место, когда нет ничего для внутренней стороны, тогда старается человек хоть мелочными заботами наполнить пустоту своей жизни. А разве ты не дашь мне материала, содержания для внутренней жизни? Нет, у меня есть надежда, что мы можем кое-что дать друг другу. Одной внешней стороной я прожить не могу. Нельзя, конечно, игнорировать и эту сторону жизни, но тогда только нужно бы было поднимать об этом вопрос, когда она была бы уж очень плоха, а мы еще можем удовлетвориться и оставить этот вопрос в стороне. — Боишься ты, что наши запросы от жизни не одинаковы, и я вполне понимаю тебя, потому что этот вопрос уже давно беспокоит меня. Если ты действительно можешь удовлетвориться малым в жизни, то ты будешь счастливый человек, да и должен быть уже, если держался такого взгляда. Я вполне разделяю твой взгляд, что чем меньше будешь желать, тем скорее будешь удовлетворен: но держалась, держусь ли я этого взгляда в жизни, я не могу сказать этого. Мне кажется, что если человек сам много дает другим людям, то и в ответ может потребовать себе многого. Был у меня случай в жизни, я говорила тебе мельком, когда я не удовлетворилась тем, что мне давали, когда мне показалось не тем, что я хотела бы, и я решила совсем отказаться, чем удовлетворилась вполнину. (Может быть, я многого требовала, и никогда не получу того, что мне хотелось бы.) Теперь при вступлении в мою новую жизнь я хочу только согласия стремлений, внутреннего спокойствия и, конечно, взаимного сочувствия, симпатии. Впрочем, это совсем не мало, в этом все, потому что при этих условиях, как я тебе уже давно писала, остальное все можно согласить. — При вступлении в совместную жизнь, зачем отказываться от своих идеалов, чтобы взять себе идеалы жены или мужа? Но невозможно и не признавать идеалов другой стороны; и если случится в жизни, что сходятся люди противоположных отношений и каждый старается сам по себе проводить в жизнь свои идеалы, то совместная жизнь уже невозможна, это будет постоянная борьба за отстаивание своих идеалов. Но это может, как мне кажется, произойти только в том случае, когда стремления и убеждения совер-

шенно противоположны, и тогда ни одна сторона, конечно, не может признать идеалов другой. Но ты пишешь, что твои убеждения честны и нравственны, такие же и мои, как мне кажется, а ведь честность и нравственность для всех одна. Я утешаю себя мыслью, что если будет у нас различие в привычках, в мелочах жизни, то в этом можно будет сделать взаимные уступки, и это тем легче будет сделать, чем больше симпатии будет между нами. Отчего твои взгляды всем казались странными? Неужели ты не находил людей, которые сочувствовали бы тебе? Мне же приходилось несколько раз встречать сочувствие своим взглядам; конечно я высказывалась немногим, да может быть и потому, что высказывалась тем, которые, я чувствовала, поймут меня. Я старалась в жизни держаться такого взгляда: что если я уже не могу сделать много добра, то буду по крайней мере стараться делать как можно меньше зла.

Ты пишешь, что иногда говорил себе, что людям нет до тебя никакого дела, и тебе они не нужны. Случалось и мне испытать такое настроение, но только настроение. Это бывает тогда, когда не встретишь в людях сочувствия себе, своим стремлениям, тогда оскорбленный в своих лучших стремлениях, замыкаешься в себя. Но относиться всегда так к людям нельзя, и в кружке себе подобных чувствуешь себя совсем иначе. Я иногда чувствую себя очень одинокою, вот напр. этот год в Карачеве, мне иногда так хочется поговорить с кем-нибудь по душе, и не с кем, ведь здесь нет того [нрзб], с кем бы я близко сошлась. Но зато с большим удовольствием поговоришь, когда встретишься с симпатичными людьми. Но я отвожу душу перепискою с тобою, с братьями, но главным образом теперь с тобою, и Вы должны это ценить, милостивый государь! Ты упрекаешь меня, что видно я не интересуюсь твоими письмами, если могла в продолжении 6 часов не читать твоего письма. Но пойми же ты, что я не могла прочесть его, потому что была в большом обществе, и я не могла уйти в отдельную комнату, не обратив на себя внимания, да и за мной кто-нибудь мог бы последовать. Да и мне приятно было сознавать, что у меня в кармане лежит что-то очень приятное для меня, а здесь никто и не подозревает об этом, разговаривая со мной. Написала тебе, но отсылать сегодня не буду, чтобы в день твоих именин ты не получил известия довольно неприятного о болезни Папы, чтобы этот день не принес тебе даже очень маленькой неприятности, а тем более через меня. Но прости, мой милый. Твоя В.

Письмо № 11

3 мая 1890 г. Карачев

Мой милый! Я также праздновала твои именины, хотя случайно: в этот день я совершенно неожиданно была за городом. Это была среда, и у меня 5 уроков; я едва досидела последние два урока: весной очень трудно пробыть до трех часов в прогимназии. Пришла утомленная домой, пообедала уже одна, и села написать Ване⁷³ письмо. В то же время мне был дан приказ быть го-

⁷³ Брату.

товой, чтобы отправиться в одно место с мамой и Шурой. Я спешила кончить письмо, в то же время Шурочка собиралась, как вдруг Евгения Ивановна пришла сказать, что она идет со своими квартирантами в рощу, и просит нас принять участие в этой прогулке. Нужно отдать мне справедливость — я две секунды думала: сначала мелькнула мысль, что я не могу бросить все, но представление о роще встало в такой соблазнительной форме, что я махнула рукой, и написав наскоро адрес Ване, объявила братьям и Шурочке, что мы идем; она сейчас же бросила свои приготовления. Но когда мы объявили мамочке, ожидающей нас, чтобы идти, куда хотели раньше, что получили приглашение в рощу и намерены принять его, она от изумления не могла выговорить слова, а когда хотела образумить меня, я уже в ватерпруфе и шляпе направлялась мимо нее к двери, успев только на ходу крикнуть, что даю слово, что в восемь часов буду дома, и тогда успею сделать, что мне нужно было. Я могла только вообразить взгляд, который сопровождал меня, но боялась оглянуться, и через четверть часа мы уже шли веселой компанией по дороге в рощу. С каким удовольствием я погуляла там, хотя комары уже сильно обижают. Но желая сдержать свое слово, я старалась быть дома в восемь, и действительно в половине девятого предстала пред смягчившиеся уже очи мамы. В этот день Коля, Митроша и Евг. Ив. с лукавым выражением лица поздравляли меня с именинником (мамочка поздравила, как следует), но я так просто и серьезно приняла их поздравление и поблагодарила, что их улыбочки не достигли своего назначения. Ну, прощай пока, мой милый. Надеюсь, ты хорошо провел свои именины.

4 мая.

Сегодня я снималась в группе с своим четвертым выпускным классом. Неделю тому назад они торжественно всем классом просили меня доставить им это удовольствие, и я конечно согласилась. Завтра последний день занятий в старших классах, и завтра я отпущу уже навсегда свой четвертый класс, и мы будем встречаться только на экзаменах. Но мы унесем друг о друге, кажется, хорошее впечатление, и я с удовольствием снялась с ними сегодня, а тем больше, что с их стороны это было выражение симпатии. Правда, за последнее время я едва могла справиться с ними. С наступлением весны, и они начали чувствовать себя по-весеннему, и совершенно отбились от рук. Положим, они выражали свою симпатию ко мне, но делали иногда это очень шумно. Вообще за последнее время я вижу со стороны всех своих учениц [нрзб] выражения симпатии, у меня комната заставлена букетами от учениц. Может быть они узнали, что я у них последний год, и на прощанье хотят мне высказать расположение. И знаешь что, мне жалко стало оставить их: они ко мне так привыкли, и я уверена пожалеют обо мне. И мне самой так знакомы и близки стали их лица. Я благодарна им, что они выражением своего расположения ко мне дают возможность унести хорошее впечатление о моем последнем пребывании здесь. Теперь мне кажется, что этот год не пропал у меня да-



О. Иоанн Авраамович Булгаков,
дед М. Булгакова (1830—1904 гг.)



Олимпиада
Ферапонтовна
Булгакова,
жена о. Иоанна
(1840—1908 гг.)



Семья Михаила Васильевича Покровского, деда М. Булгакова
(1830—1904 гг.). О. Михаил сидит в центре



О. Иоанн Авраамович Булгаков с семьей

Анфиса Ивановна Покровская
с дочерью Варварой, матерью
М. Булгакова



Варвара Михайловна Покровская —
гимназистка, мать М. Булгакова



Дети Покровских — Михаил (слева) и Митрофан (справа);
Александра Михайловна Болмасова (вдова старшего сына Василия),
ее дочь Любовь Васильевна Болмасова

О. Андрей Андреевич
Бархатов (умер в 1916 г.)



Александра Михайловна Бархатова (ур. Покровская) — младшая сестра
матери М. Булгакова — с семьей: муж о. Андрей Бархатов,
дочь Шурочка (стоит), сын Андрей (на руках у матери)



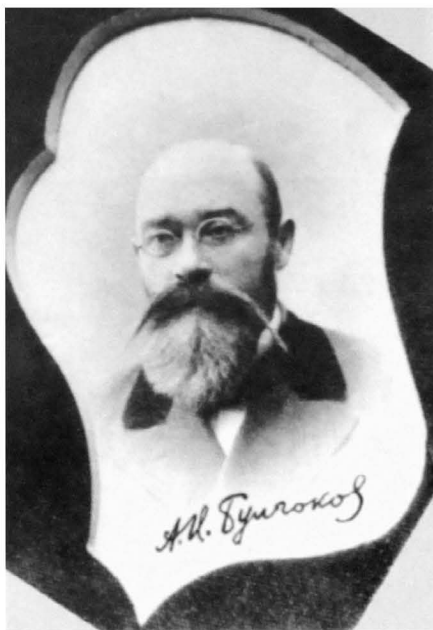
А. А. Бархатова
с дочерью
Шурочкой
после переезда
в Москву



А. А. Бархатова
с сыном Андреем
в Карачеве



Варвара Михайловна Покровская
(в замужестве Булгакова) — невеста



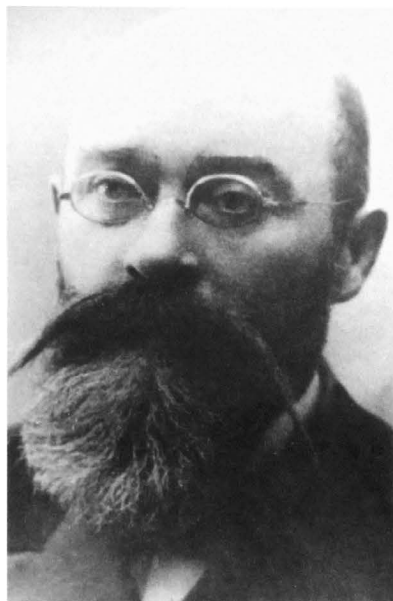
Афанасий Иванович Булгаков —
жених



В. М. Булгакова
с дочерью Надей



Варвара Михайловна Булгакова



Афанасий Иванович Булгаков

По случаю бракосочетания дочери нашей
Варвары Михайловны с Афанасі-
емъ Ивановичемъ Булгаковымъ,
покорнѣйше просимъ Васъ пожаловать къ
намъ на балъ въ собственный домъ, въ 8 час.
вечера Юля 4-го дня.

Протоіерей Михаилъ Васильевичъ
и Діаконъ Ивановна.

ПОДРОБСКІЕ

Въичаніе имѣеть быть въ Казанской
церкви въ 6 час. вечера.

Е. Курочкинъ, Оруч. пуд.

Приглашение на бракосочетание
1 июля 1890 г.



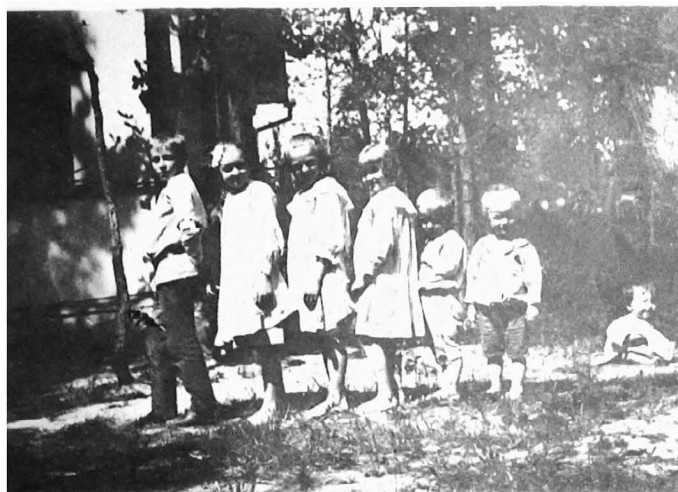
Старшие дети Булгаковых:
вверху Вера (слева), Миша (рядом),
внизу — Надя и Варя



Вера — сидит в кресле,
Миша — стоит



Младшая дочь Леля
в роше в Буче



«Босоногая команда» — все дети босиком на даче в Буче: (слева направо) Миша, Вера, Надя, Варя, Коля, Ваня, Леля (сидит)



Миша — гимназист, 15 лет



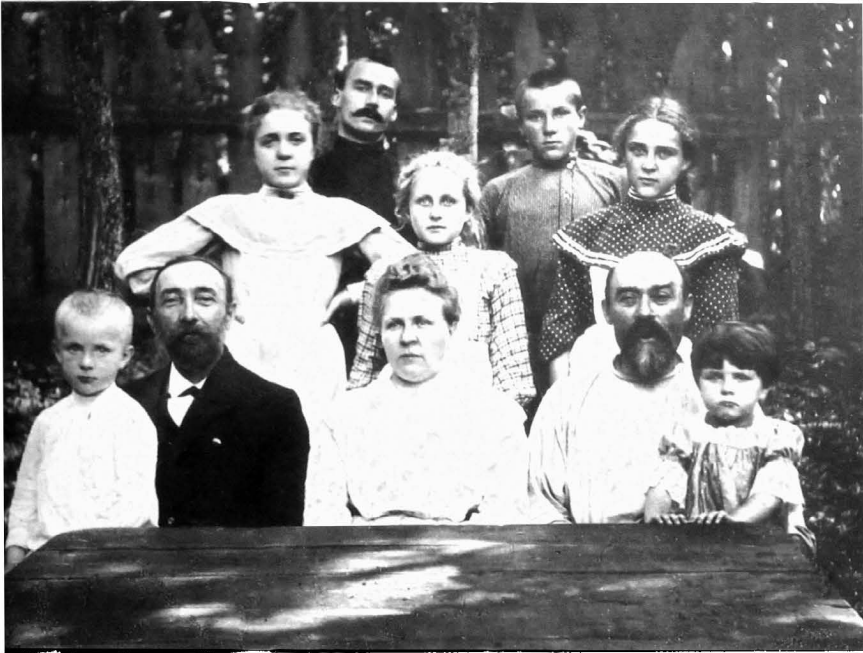
Все дети в цветнике в Буче: (верхний ряд) Миша, Варя, Надя; (средний ряд) Вера, Коля, Ваня; внизу — Леля. Начало 1900-х годов



Дом, в котором жила семья Булгаковых в Киеве:
Андреевский спуск, 13 (вид с улицы)



На крыльце в Буче: отец (в широкополой шляпе) держит Ваню, рядом — Варя;
мать (на руках младшая дочь Леля); рядом слева Надя; внизу сидит Коля;
наверху в дверях стоит Вера



Вся семья в Буче. За полгода до смерти отца, 1906 г. Справа налево (сидят): отец с Лелей, мать, брат отца с Колей; (стоят) Надя, Варя, Вера; в верхнем ряду стоят Михаил и его друг Борис Богданов



Отдых в роще. Сидят: в центре мать, Вера и Муик; левее Варя, далее Надя; у ног Веры Коля; внизу лежат Михаил и Леля; справа Борис Богданов и Ван



А. И. Булгаков

*Афанасій Ивановичъ
Булгаковъ
Профессоръ Киевской Духовной Академіи.*

Визитная карточка
проф. А. И. Булгакова

Н. Булгакова (Зачекал).



Профессоръ

Афанасій Ивановичъ

БУЛГАКОВЪ.



К І Е В Ъ.

Типографія Н. И. Горбунова, Крещатикъ, д. № 38
1907.

Некролог
«Профессор
Афанасій Ивановичъ
Булгаковъ».
Киев. 1907 г.



В. М. Булгакова в трауре
в Киевской гостиной
под портретом мужа.
1907 г.



Леля в трауре
под портретом отца



Могила А. И. Булгакова на Старом Байковом кладбище в Киеве

ром. Эту неделю я была занята своим четвертым выпускным классом, и все мои мысли были сосредоточены на них. Если получу от тебя завтра письмо, то напишу сама тебе, а сегодня уже поздно.

5 мая.

Получила твое письмо, мой милый! И знаешь, что я заметила: что когда бы я ни собиралась тебе писать, мне непременно помешают, и я на несколько времени принуждена отложить свое письмо. Так и сегодня. По получении твоего письма походила немного в своем саду, и только что шла, чтобы сесть писать тебе, благо в доме никого не было и среди тишины очень хорошо писать, как пришли меня звать, говоря, что Людмила на крыльчке нашего дома и желает меня видеть. Прихожу туда, и застаю уже там Папу с Мамой, и ее с мужем, села с ними, и мы проболтали целый вечер. Теперь пишу уже после ужина, и имею в своем распоряжении очень мало времени. Но отвечу на твое письмо. Ты может быть, мой милый, думаешь, что я нахожусь в хорошем настроении потому, что я пользуюсь частыми развлечениями и удовольствиями? Совсем нет. Наоборот. Я веду самую скромную жизнь, и у меня все время занято делами. Причина же моего веселого настроения находится во мне самой. Правда, я гуляю и в саду городском, и была, как писала тебе выше, за городом, но прогулку эту я предпринимала только для прогулки, а не для общества, которое было очень невелико. Да, и роща наша очень невелика. Для Карачева она хороша, так как здесь совсем плохи окрестности; но ты, избалованный, может быть, хорошими окрестностями Киева, и смотреть бы на нее не стал. Тем не менее я имею в виду (и Евгения Ивановна также) познакомиться тебя с нею. Между прочим завтра мы может быть отправимся в другую рощу березовую, в которой я никогда не была, за ландышами, и опять очень небольшой кампанией, почти одна наша семья. Как видишь, мои развлечения очень скромны. И ты можешь пользоваться подобными же в Киеве, даже может быть в лучшей обстановке. Почему ты считаешь себя пасынком судьбы? Неужели у тебя в самом деле не было радостей в жизни? У всякого человека, мне кажется, больше неприятностей, чем радостей; и чем лучше человек, чем больше думает у него голова, чем добрее его сердце и душа, тем больше страданий переносит она. Но и у всякого человека есть радости, правда, у одного их больше и они долгие, у другого их меньше и они короче; кроме того, одному нужно немного, чтобы чувствовать себя счастливым, а другому много. А ты говоришь, что можешь удовлетвориться, неужели же судьба не дает тебе и немногого? Есть на свете так называемые «неудачники», которым ничто не удастся, так разве ты считаешь себя в числе их? Но как бы то ни было, если ты в самом деле мало радостей видел в жизни, это только лишний повод к увеличению моей симпатии к тебе. Ты пишешь, что я знаю немного, почему каникулы 1886 года окончились для тебя плохо, но я совсем не знаю, и очень интересуюсь и буду рада, если ты расскажешь мне и с подробностями, как обещаешь в этом письме. Может быть, это событие я и помню, если ты рас-

сказывал мне, но забыла, что это было в 1886 году. Во всяком случае, напиши мне об этом. Но на сегодня довольно. Уже поздно, а завтра царский день.

6 мая.

Сегодня была в обедне, а оттуда зашла к Евгении Ивановне: нынче день рождения Васи⁷⁴. У меня с нею теперь новая забота. Надо ей Васю отдать в прогимназию, он должен будет в конце мая держать экзамен в 1^{ый} класс. Он учился в училище, но все-таки надо проверить его знания. Мне самой совсем некогда заняться с ним, я его поручила Митроше. Занятия у него в училище кончились, и поэтому он по утрам может ходить к Митроше. Сегодня я ему обещала, если он сдаст экзамен, что он будет на моей свадьбе и поедет со мною к венцу, но не иначе, как в форме прогимназиста. Он весь просиял и дал мне слово, что сдаст. А как бы я рада была, если бы к тому времени удалось устроить ее детей⁷⁵. Что сказать тебе про себя? Время летит совсем незаметно. Эти дни готовила отчеты к завтрашнему совету. Завтра решается судьба старших классов. Все-таки думала и думаю о тебе, отчего ты и видишь меня во сне. Ты же никогда, никогда не думаешь обо мне, потому что я редко вижу тебя во сне; а иногда увижу во сне и поссорюсь. Сейчас по поводу дня рождения Васи идем в рощу за ландышами. Послала бы тебе букет, да далеко... Вернулась сейчас из рощи; описала бы тебе нашу прогулку, но устала до невозможности — с 2^{1/2} часов и до десяти. Наше общество неожиданно увеличилось приездом в рощу других знакомых, и поэтому прогулка была очень удачна. Надо письмо отослать. Прощай. Сегодня постараюсь увидеть тебя во сне и не буду ссориться. Желаю тебе всего хорошего, мой милый.

Твоя В.

⁷⁴ Племянник В. М., сын ее умершего брата.

⁷⁵ По-видимому, имеет в виду вдову своего умершего брата.

Письма М. В. Покровского и А. И. Покровской из Карачева в Киев к дочери Варваре и ее мужу

Н. А. Земская сберегла письма бабушки и дедушки Покровских, посланные из Карачева в Киев. Сохранилось два письма, написанные дедушкой, и семь писем, а также две открытки, написанные бабушкой. Письма Михаила Васильевича относятся к 1890 г. и 1892 г., письма Анфисы Ивановны — к 1894—1910 гг. Основная часть писем бабушки написана после смерти мужа. Письма М. В. Покровского подписаны двумя именами — его собственным и жены.

Привожу тексты двух писем Михаила Васильевича и двух писем Анфисы Ивановны полностью. В данном случае я сохранила некоторые значимые особенности орфографии. Необходимо добавить, что почерк М. В. Покровского крайне труден для чтения (мелкий, бисерный), а бумага плохого качества: буквы сквозь нее просвечивают. Именно этим объясняется большое количество неп прочтенных слов. В архиве сохранились не только письма М. В. Покровского, но и их копии, сделанные его внучками Надеждой и Верой Булгаковыми уже в Москве. Эти копии очень помогли мне.

Письма Михаила Васильевича Покровского

Письмо № 1

21 сент. 1890 года

Драгоценные наши детки: Афанасий Иванович и Варичька!

Без двух дней два месяца прошло, как мы расстались с Вами и мне не пришлось написать Вам ни одной строчки, но этому причина небеспечность моя и лень, а многосложный порядок дел и семейных и служебных. Все было по милости Божией и при Вас и после прекрасно; в родительских душах наших обитали одни только соусложнения [?] семейным нашим положением, как вдруг роковой день 21^е Августа⁷⁶ разрушил все. Слава Богу, что я возвратился ночью под этот день, а дети Захарий с Колею не уезжали от нас, а то 19 и 20 была дома одна мать, случись такая пертурбация, то что бы тогда случилось с нею!! На съезде пробыл я одиннадцать дней. Седьмого числа Бог дал Олечке сына Владимира при полном благополучии. Мамаша ездила в Брянск и пробыла двое суток, а 11^{го} вечером возвратилась, через час после моего приезда из Орла. На другой день отправили утром Колю в Москву. Дети в Орле живут хорошо и ладят между собою. Саша⁷⁷ тоже сжилась с Орлом. У сватов любезных⁷⁸ я был 5 сент. на именинах Захара, где мы с о. Матвеем Андреевичем обедали. Они были полны радушия и ласки. Много пришлось, по

⁷⁶ Примечание Н. А. Булгаковой-Земской: Пожар дома, где жили Покровские и где венчалась Варвара Михайловна.

⁷⁷ Младшая дочь.

⁷⁸ В семье Булгаковых.

приезде, провозиться с бумагами, которых накопилось порядочное количество за отсутствием моим. А с прошлой недели поднялась строительная часть только не в таком порядке, как писал Вам Коля. Преосвящ[енный] с удовольствием разрешил занять [нрзб] и обычную; но оказалось, что они сложены только в полтора кирпича и неизбежно уже нам прозябать [замерзать] и иметь большую сырость. Посему дело приняло другой оборот. Ктитор⁷⁹ отделяет нам дом, который занимал диакон против Анюши [?]. Он прирубает к нему по улице 10 аршин, что составит всего по улице 20^{тв} аршин с 6^ю окнами, а по двору 10 аршин, и под новою постройкою кладется каменный выход со сводами, большие сени с двумя кладовыми чуланами, и в 9^{тв} аршин прекрасная кухня. Надеемся устроиться хорошо, если Бог даст. Жалеем и скорбим за Вас, что навязавшаяся в прислуги кислая Ольга нарушает Ваше спокойствие; но это дело поправимое, заведется Бог даст, и местною прислугою, лишь бы только не попалась пьяница и нахал. После рассказа о своих делах нахожу нужным сказать и про Г. Святитского, который с 20^{тв} Августа все разежжает и сватается, и, кажется, остановился в Ельце у Священника Александровского, но это только слух, а от него ничего мы не имеем. Он задался вопросом, чтобы жениться на Гимназистке, непременно, и если сбудется брак его в Ельце, то цель будет достигнута.

Извините, любезный Афанасий Иванович, что в начале письма забыл поздравить Вас с чином Надворного Советника, прошу извинить мою растрепанность и принять мое искреннее поздравление в конце, с прибавлением [нрзб] о чем и мы Господа Бога молим и просим.

Да не забудь, дорогой, прописать о всех предерзостях Вашей против Вас супруги, дабы дать нам возможность написать в счет обуздания их. А когда мать придет к Вам лично по управке дел, то она озаботится сделать ей внушение.

Да благословит Вас Господь миром, спокойствием и благополучием.

Искренне любящие Вас и молитвенно всегда помнящие родители: Михаил и Анфиса Покровские

21^е Сент.

1890 года

Письмо № 2

Мая 4^{тв} 1892 года

г. Карачев

Прелюбезнейшие наши дети

Афанасий Иванович и Варичька

а также и милейший наш внучоночик,
многолетствуйте!

Письмо съ карточкою Мишутки мы получили, и вдоволь им налюбовались [sic !]. Внучоночик настолько хорош, что мы цены ему представить не мо-

⁷⁹ Церковный староста.

жем. Ты, Варичька, пишешь, чтобы откровенно написать, не стесните ли Вы нас своим приездом и необезпокоите ли собственно меня? Да разве дети могут причинить родителям беспокойство, особенно тем, которые всегда дышат на детей своих всецелою отеческой любовью; больше радости и довольства Вы ничего нам не доставите своим приездом; посему все Ваши мысли отложите в сторону, и как только вздумается и представится возможность к отезду, приезжайте, ничто же сумнясь и ничим еще не стесняясь. Афанасию Ивановичу наш искренний привет и поздравление с чином Коллежского Советника.

В ожидании Вашего к нам приезда остаемся родители Ваши: Михаил и Анфиса Покровские.

Письма Анфисы Ивановны Покровской (урожденной Турбиной)

А. И. Покровская крайне редко использует знаки препинания: точек нет совсем, запятых очень мало. Так, в первом письме на четырех страницах находим всего пять запятых. Для того чтобы облегчить читателю чтение писем, я ставила черту в тех случаях, когда по правилам пунктуации должна была бы стоять точка. Но, не желая навязывать свое понимание ни Анфисе Ивановне, ни читателю, я следовала принципу: лучше «недопоставить», чем поставить лишнее. См. ксерокопии писем о. Михаила и Анфисы И. среди иллюстраций.

Письмо № 1

[9 мая 1894 г.]

Дорогая дочичка Варичка

приятное письмо твое ныне получила и очень рада что господь тебя донес благополучно до Киева и дома все нашла в порядке | дай Бог здоровья Афанасию Ивановичу Милому и дарагому зятечку за все его хлопоты в твое отсутствие, | ты варичка желаешь знать как мы устроились теперь своею жизнью | повереш дочичка что я не видала еще одной минуты свободной когда бы могла подумать осебя | вот я тебя напишу как мы проводим время после твоего отезда, | на другой день после тебя в пятницу под субботу приехали наши молодые⁸⁰ из Орла, | Андрея андреевича рукоположеня во священника было отложено нанеделю, | воскресенье на заговянье вечером проводили трех ребят⁸¹ в Москву, | настал понедельник виликаго поста | провели весь день дома | на другой день молодые поехали в брянск а я занелась преборкою дома и мытьем белья | на третий день в среду приехали из брянска | в четверг вечерним поездом проводили Андрея А в орел однаго а Саша осталась дома хоть немного отдохнуть | в субботу на первой недели был произведен во Диакона а воскресенье во священника | в понедельник получила Саша письмо от молодяго батюшки в катором просить усердна Сашу и меня приехать в орел | со

⁸⁰ Андрей Бархатов и его жена Саша (Шурочка), младшая дочь Покровских.

⁸¹ Сыновей-студентов.

скучилась ему одному | Я хотела проводить одну сашу ну мне нужно необходимо самой быть в орле | нужно сощитатся с подшивалов [нрзб] и расплатиться, а патом саша справить весеннюю одежду и зятя выручить из орла | и так мы с сашею вчера во вторник в четыре часа утром отправелись в орел | разыскали своего батюшку пиющим чай после утрени | радость его была несказанная при свидании с сашей | на пивши чаю он пошел служить часы а я с сашей отправились по магазинам и в лавку подшивалова | все что нужно сделала и расплатилась | немного не достало до плотить подшиваловым | нуето самой пустяки | приехали в квартиру | А. А. уже давно ждет нас | и обед у него был готов | после обеда в четыре часа вечера он пошел к вечерни в богоявленскую церковь куда и я направила свои стопы посмотреть и послушать как служи[т] молодой зять | служит без укоризненно | ряса к нему идет только расточком помал в сравней [описка: сравнении] с наром [описка: народом?] после вечерни часов в семь мы отправились к брату турбину | пробыли там до половины десятого вечера и я с божею помою [sic!] поехала на поезд в Карачев а сашу оставила с благоверным | они должны приехать завтра четерг [sic!] или в пятницу 11^{ого} марта, | и вод пользуясь нынешним днем спешу тебе написать [sic! — вм. *написать*] слава богу что после обеда немного заснула а то голова совсем аглупела [?] | еще белья половину неприбрано | ну да уж мне о своем спокойствии нечего толковать а нужно просить господа бога чтобы он подкреплял меня, | папашана здоровье в одном положении | в общем терпима | благочинеской дела здал | тоже хлопот немало было | нублагодарить Бога | все покончили | атам што бог даст, | ну довольно писать часа три сию | папаша и заря⁸² а также и я всех вас целуем и желаем всех благ | от господа остаюсь мать ваша

Анфиса Покровская

1894 года

мая 9 го

Варичка Я забыла было написать | унас осталась чьята кохвта черная кашимирова | нетво- яли | то напиши | мы тебе перешлем

Письмо № 2⁸³

[25 апреля 1894 г.]

Милая и дарагая дочичка варичка. нынче получили твое письмо и спешу тебя написать обовсем | вас поразила смерть о. иоанна | немене и мы здесь изумлены | ну мы прежде знали о его болезни | они нам писали поздравительное письмо на праздник а с тем вместе и со общили что о. иоанн зо болел и доктор сказал что последствию могут быть дурные | авоскресение 24 мы получили письмо что он помер | мы решили поехать с сашею утром в понедельник

⁸² Брат Захар.

⁸³ В письме речь идет о смерти о. Иоанна — отца Афанасия Ивановича Булгакова.

побыть на похоронах и кое что ей купить для себя а мне хотелось повидаться с Афанасием Ивановичем | я предполагала что он преедет в орел | так и збылось | приезжаем накарачевскую станцею смотрим едет и владимер ивановичь едет тудаже | мы вместе и поехали | преехали прямо к булгаковым | вкаридоре нас встретил Афанасий Ивановичь | он слава богу здоров и сказал что вы все здоровы | нубулгаковы конечно убиты | владимер ивановичь вначале отслужил панихиду а потом стали пить чай и узнали что похороны будут во вторник | ныне владимеру И [Ивановичу] нельзя было остатся | нынешней день поминають радителей | так он и уехал также имы съсашею пробыли до-вечера в орле а вечером опять к булгаковым | Афанасий Ивановичь был у Архиерия | Архиерей предоставил избрать жениха для поступления на место | пробыли мы до десяти часов вечера и отправились домой | мне нельзя было остся [описка: остаться] напохороны до вторника, папаша с пятой недели поста хворает | на Святой ставили мушку и банки | покомнатам он ходить и кушаеть да толкута мало | Я все собиралась написать тебя | ну веришь варичка что минуты не видишь свабодной | мы как жили так и живем | пока перемены нет | А Андревичь в домашнии дела не во што не входит да и некогда было | ето время самое для него тяжелое и хлопотное | ну дочичка пока довольно а то опоздает [?] письмо | а мне хочется чтобы ты поскорее получила | Афанасий Ивановичь обещался приехать кнам | он тебе передаст все что здесь увидить | а теперь до свиданье | целую тебя с ребетишками

Мать твоя Анфиса Покровская | папаша и дети целуют тебя

1894

Апреля 25.

Любимый пастырь (статья о М. В. Покровском)

В 1894 г. скончался дед писателя М. В. Покровский. В семейном архиве Н. А. Булгаковой-Земской сохранилась статья, посвященная усопшему; она написана священником Андреем Бархатовым. Название и год издания журнала неизвестны, так как статья сохранилась в виде отдельных листов (с. 12—16). Листы имеют размер среднего журнала; над заглавием «Любимый пастырь» стоит цифра III. Предшествующий текст — воспоминания книгоиздателя В. В. Попова, рассказывающего о своем религиозном воспитании. Текст, начинающийся на с. 16, озаглавлен: «Из церковно-приходской памятки». Можно предположить, что этот журнал — периодическое церковное издание г. Орла.

Любимый пастырь

*Слово мое и проповедь моя не в
убедительных словах человеческой
мудрости, но в явлении духа и силы
(1 Кор. 2, 4)*

19 сентября 1894 года, на 64 году своей жизни, после 40-летнего служения в священном сане, почил о Господе Протоиерей Казанской Карачевской церкви отец Михаил. Смерть его последовала вследствие тяжкой, долгой и неизлечимой болезни сердца. Почивший о. Протоиерей был одним из лучших и симпатичнейших представителей нашего духовенства. Стоявший на высоте своего звания, он был глубоко уважаем и любим от всех, кто только знал его и имел с ним какие-либо отношения: архипастыри, светское начальство, духовенство, миряне всех сословий — все и всегда отдавали справедливую дань любви и уважения его высоким качествам. Не только для всего прихода, но и для всех граждан Карачева он был добрым пастырем, учителем и руководителем во всех случаях жизни. Прихожане и неприхожане — все одинаково чем-либо обязаны ему. О таких людях отраднo и назидательно вспоминать, и тем отраднее, что в наш век не часто встречаются такие светлые личности, какою был покойный. Много потрудился он на различных поприщах духовной и общественной деятельности. Но не здесь его главная заслуга. Любовь, уважение и известность приобрел он там, где являлся духовным отцом, учителем и руководителем своей паствы и всех, кто к нему обращался. Здесь главной чертой покойного, лучшею и достойною высокого почтения, являлась широта и обилие любви к ближнему. О. Михаил Васильевич был полон неподдельного благодушия, приветливости и ласковости ко всем. И его благодушие было ключом для него к сердцам прихожан и всех, его знавших. Между ним и его паствой установились чисто-отеческие отношения. Он, среди пасомых, везде был как бы старшим членом семьи и жил с ними одними интересами. Он успел приобрести познание о нравах тех, которыми управлял, и, по примеру Пастыреначальника Христа, — поистине знал овец своих, и овцы знали его. Обладая при этом в значительной степени даром совета, он тем самым обеспечивал к себе полное доверие и заставлял каждого чувствовать, что он такой руководитель, на которого можно положиться. И сколько добра сделал почивший, благодаря основательному знанию характера своей паствы, благодаря своей доступности и общительности со всеми, благодаря силе и твердости своего духа, на которую другие могли опереться! Бедняки и богачи-купцы — все обращались к нему с своими нуждами, и всякий принимаем им был, как родной, и, уходя от него, получал разрешение своих вопросов и недоумений, совет и помощь. Громадный пожар, бывший в Карачеве, подал повод о. Михаилу Васильевичу на первых же порах своего служения обнаружить свою ревность о благе прихода. Это было 19-го мая 1863 года. Казанская паства ли-

шилась своего храма, а многие и собственного крова. Тяжелою скорбию поражены были все при виде храма, опустошенного огнем. Много мрачных дум, много томительных чувствований пришлось пережить тогда Казанским прихожанам, и во главе их — их пастырю. Во время разных переговоров о том, как возобновить храм, не раз доходили они до отчаяния, ибо лучшая и большая часть домов, которые и по средствам своим и по свойственному им благочестию могли бы содействовать своими пожертвованиями к восстановлению св. Храма, также подверглась опустошению. Но вот, четыре дня спустя, о. Михаил спешит к преосвященному Поликарпу лично объяснить о случившемся несчастье и просить Его Архипастырского благословения к воссозданию опустошенного огнем храма. С разрешения и благословения Владыки Казанский храм стал вновь устраиваться. Дело пошло успешно. О. Михаил Васильевич, отложив всякое попечение о своем доме, которого он лишился в этом же пожаре, все время свое посвятил построению храма, собирая пожертвования от прихожан и других благотворителей Карачева, постоянно сам вникая и присматривая за многосложной церковной постройкой. В пять месяцев нижний храм был готов к служению. Преосвященному Поликарпу угодно было письменно выразить о. Михаилу Архипастырскую признательность за понесенные при этом труды.

В личной и семейной своей жизни о. Михаил, вместе с радостью и великою милостию Божией, видел немало и горя. Пожар трижды лишил его дома и имущества. Преждевременная смерть отняла у него первого любимого сына, оставившего после себя трех малых сирот. В последние годы он видел тяжелую и неизлечимую болезнь своего третьего сына, окончившего университет и готового воспользоваться правами своего образования... Горько отзывались в сердце почившего эти и другие посещения Божии. Но сам испытывший в жизни немало скорбей, Михаил Васильевич умел и других утешить при несчастьи. Тогда самым трогательным образом выражалась сердечная доброта почившего. Добрый батюшка и чужую скорбь близко принимал к сердцу и являлся постоянным и искренним утешителем и помощником своих прихожан в трудные минуты их жизни. «Случится какая скорбь у нас, батюшка, бывало, как рукою ее снимет», рассказывают прихожане о. Михаила.

«Была я тяжело больна», рассказывает одна прихожанка почившего, «и вместе со мной и муж мой при смерти был. Некому было присмотреть за детьми малолетними и за именем тоже. Царствие Небесное батюшке о. Михаилу! девять дней подряд навещал он нас: муж умирал, о детях беспокоился; так он и за детьми сам присматривал и его утешал». — «С нами батюшка был очень близок, и уж сколько раз помогал нам, сколько раз из беды выручал!» — Это можно услышать от любого прихожанина о. Михаила. Не менее обнаружил любви и доброты покойный и в отношениях к родным.

Добросовестно исполняя свой пастырский долг, дорожа своей честью и чуждый склонности к вражде и пререканиям, о. Михаил Васильевич поставил

себя на подобающую высоту, так что слово его было авторитетно для всех. А его нестяжательность, редкая доброта души, постоянная готовность помочь всякому нуждающемуся и замечательная находчивость и общительность — у всякого невольно возбуждали к нему симпатии и делали его популярным везде, где он ни являлся.

Непрестанный и сложный пастырский труд, при многих неблагоприятных обстоятельствах, преждевременно расстроили и без того слабое здоровье о. Михаила. В последние три года жизнь покойного о. Протоиерея видимо стала клониться к концу. Однако, и с ослабевшими силами он не хотел оставлять даже должности благочинного. В начале 1894 года покойный чувствовал себя уже так плохо, что подал прошение о почислении своем за-штат. По выходе о. Михаила за-штат здоровье его не улучшалось. Над ним было совершенно таинство Елеосвящения, и после того он несколько раз был напутствован св. Таинствами Покаяния и Причащения, 24-го августа того же года болящего о. Протоиерея удостоил своим посещением владыка Мисаил, проезжавший через Карачев. Неожиданное высокое посещение и душевная беседа владыки оживили упавшие силы Михаила Васильевича, но ненадолго... 19 сентября больной снова исповедывался и причастился св. Таин, а в десять часов вечера этого же дня удар колокола возвестил Казанским прихожанам, что не стало их пастыря. Глубоко тронутые, приходили они в течение двух дней к почившему молиться о упокоении души его в Царствии небесном. 21 сентября в 5 часов вечера был совершен вынос почившего из дома в нижнее, зимнее помещение церкви. Множество народу сопровождало перенесение тела любимого пастыря.

Величественна и трогательна была картина целого сонма пастырей, воссылавших последние молитвы о своем старейшем брате и сослуживце. Обширная ограда церкви была наполнена народом, когда после отпевания обносили гроб покойного о. Протоиерея вокруг церкви. Почивший погребен около церкви.

ЖИЗНЬ В КИЕВЕ:
ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАИЛЕ БУЛГАКОВЕ
Н. А. БУЛГАКОВОЙ-ЗЕМСКОЙ

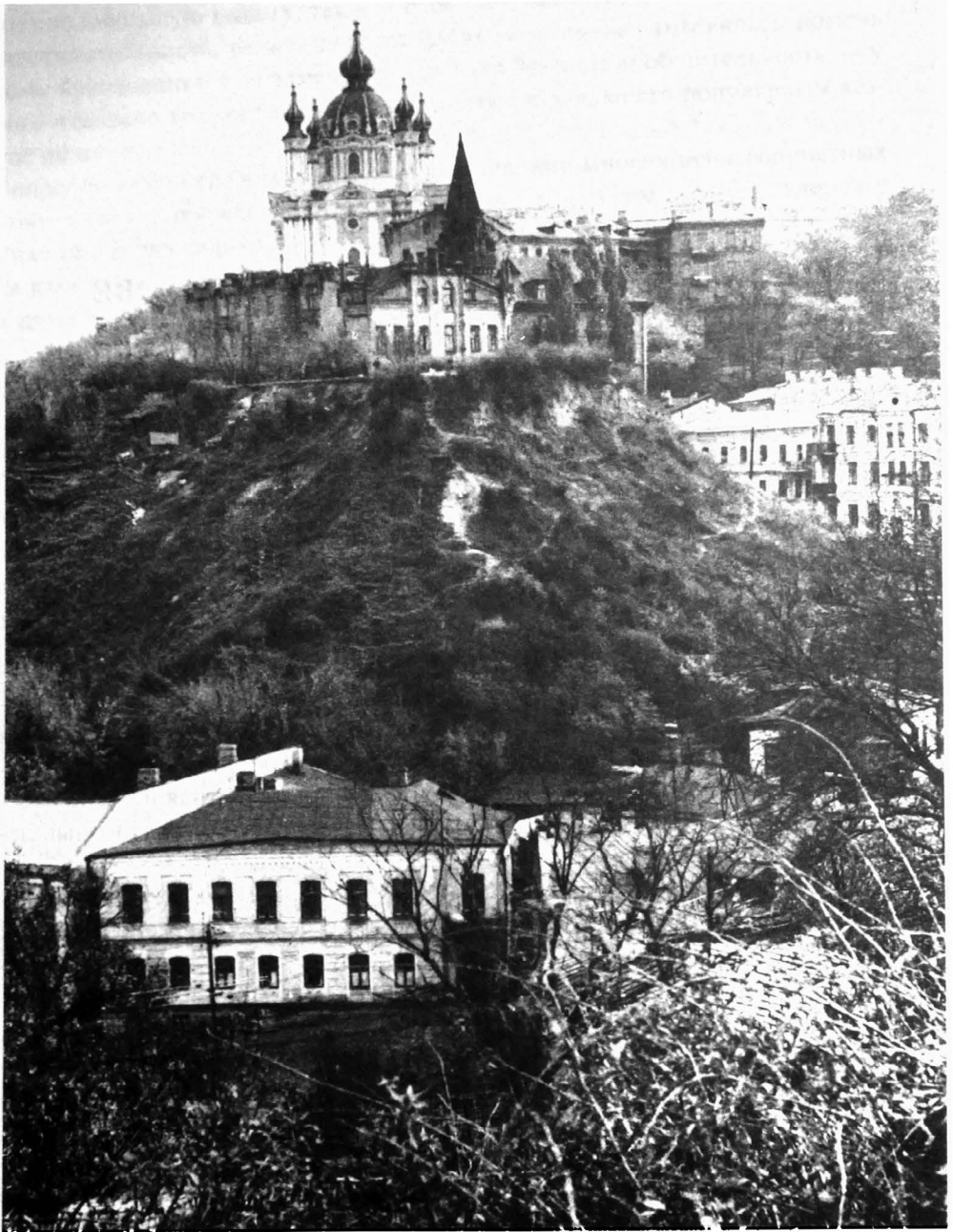
Приведу полностью одно из немногих воспоминаний Н. А. о ее брате, которое можно считать законченным, — устное выступление 30 января 1967 г. в музее Л. Н. Толстого в Москве.

Михаил Булгаков в семье

1891 год. Весна. В Киеве на Госпитальной улице, которая, подобно большинству киевских улиц, шла в гору, в доме № 4 у магистра Киевской Духовной Академии доцента по кафедре древней гражданской истории родился первенец. Отца звали Афанасий Иванович. Мальчик рос, окруженный заботой. Отец был внимателен, заботлив, а мать — жизнерадостная и очень веселая женщина. Хохотунья. И вот в этой обстановке начинает расти смышленный, очень способный мальчик.

Весна в Киеве очаровательна. Кто был в Киеве, знает это. Первые в киевских садах зацветают абрикосы, а потом буйное весеннее цветение киевских садов и парков продолжается. Сирень цветет. Весь город в сирени. И кончается цветением каштанов. Это чудесное зрелище.

Красоты киевской природы и сам город, весь на горах, с большой рекой, которая расстилается под прекрасными горами, эти красоты города и природы на всю жизнь отложились в памяти у писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Он любил Киев до самого конца своих дней, о чем говорил со мной, уже лежа больным в постели. И он пишет о Киеве в своих позднейших произведениях. Например, «И было садов в Городе (в романе «Белая гвардия» он не называет Киев Киевом, а называет Городом с большой буквы) так много, как ни в одном городе мира. Они раскинулись повсюду огромными пятнами, с аллеями, каштанами, оврагами, кленами и липами» («Белая гвардия»). «А Киев!» — тоскует в Константинополе, вспоминая о Киеве, генерал Чарнота. «Эх, Киев! — город, красота! Вот так Лавра пылает на горах, а Днепро! Днепро!



Вид на Андреевский спуск. Внизу дом Булгаковых. Фото К. Курило-Царевой, 1979 г.

Неописуемый воздух, неописуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, доли, на Днепре черторой!» Это «Бег». И даже в последнем романе. И там у Михаила Афанасьевича вырываются строки о Киеве: «Весенние разливы Днепра, когда, затопляя острова на низком берегу, вода сливалась с горизонтом, потрясающий по красоте вид, что открывался от подножия памятника князю Владимиру. Солнечные пятна, играющие весной на кирпичных дорожках Владимирской горки». Это в «Мастере и Маргарите». Даже там Михаил вспомнил Киев.

Михаил рос не одиноко. Появились братья и сестры. Всего в семье было семеро детей: четыре сестры и три брата. Родители сумели сдружить и сплотить эту большую и разнохарактерную компанию. По характерам дети были разные. Конечно, были общие черты, но дети были интересны именно каждый своими индивидуальными способностями. Вывозить такую ораву на наемные дачи было невозможно, и решили купить дачу. В девятисотом году они купили участок в поселке Буча в 30 километрах от Киева — две десятины леса, парк, можно сказать. И на этом участке под наблюдением отца была выстроена добротная дача в пять комнат и две большие веранды. Это была целая эпоха в семье Булгаковых. Действительно, дача дала нам простор, прежде всего простор, зелень, природу. Отец (он был хорошим семьянином) старался дать жене и детям полноценный летний отдых. Роскоши никакой не было. Было все очень просто. Ребята спали на так называемых дачках (знаете, теперь раскладушки). Но роскошь была: роскошь была в природе. В зелени. Роскошь была в цветнике, который развела мать, очень любившая цветы. Она еще в Карачеве, в своем родном городе, девушкой занималась цветами, о чем писала отцу, тогда жениху, в Киев.

Цветник. Много зелени. Каштаны, посаженные руками самой матери. И дети вырастали на свободе, на просторе, пользуясь всеми возможными радостями природы. В первый же год жизни в Буче отец сказал матери: «Знаешь, Варечка, а если ребята будут бегать босиком?» Мать дала свое полное согласие, а мы с восторгом разулись и начали бегать по дорожкам, по улице и даже по лесу. Старались только не наступать на сосновые шишки, потому что это неприятно. И это вызвало большое удивление у соседней. Особенно поджимали губы соседки: «Ах! Профессорские дети, а босиком бегают!» Няня сказала об этом матери. Мать только рассмеялась.

Родители, и отец, и мать, оба были из Орловской губернии, из сердца России. Тургеневские места. И это тоже наложило отпечаток. Хотя мы жили на Украине (потом все уже научились говорить по-украински), но у нас все-таки было чисто русское воспитание. И мы очень чувствовали себя русскими. Но Украину любили.

Семьи и отца и матери были огромные. У отца было в семье десять человек детей, а у матери девять.

Я хочу здесь отметить один факт, на который стоит обратить внимание. У матери в семье было шесть братьев и три девочки. И из шести братьев трое стали врачами. В семье отца один был врачом. После смерти нашего отца, потом, не сразу мать вышла второй раз замуж, и наш отчим был тоже врачом. Поэтому я опровергаю здесь мнение, что Михаил Афанасьевич случайно выбрал эту профессию. Совсем не случайно. Это было как-то в воздухе нашей семьи — и Михаил выбрал свою профессию, свою медицину обдуманно и сознательно. И он любил свою медицину. Потом я скажу, как он занимался естественными науками. Много работал с микроскопом. То, что я сейчас сказала относительно медицины, это полемика с теми, кто пишет сейчас биографии Михаила Афанасьевича. И надо опровергнуть еще одно мнение. Во многих биографиях мне пришлось прочитать о том, что Булгаков определился как писатель к 30 годам, уже в зрелом возрасте. Это неверно. Он начал писать очень рано. Павел Сергеевич Попов, его первый биограф, сразу после его смерти в 1940 году пишет: «Михаил Афанасьевич с младенческих лет отдавался чтению и сочинительству. Первый рассказ «Похождения Светлана» был им написан, когда автору исполнилось всего 7 лет». Вы видите, достаточно рано, не к 30 годам. Я не говорю, конечно, что этот рассказ был такой, что его надо было напечатать. Но тем не менее Михаил писал. Сочинял устно и очень много.

Читатель он был страстный, с младенческих же лет. Читал очень много, и при его совершенно исключительной памяти он многое помнил из прочитанного и все впитывал в себя. Это становилось его жизненным опытом — то, что он читал. И, например, сестра старшая Вера (вторая после Михаила) рассказывает, что он прочитал «Собор Парижской богородицы» чуть ли не в 8—9 лет и от него «Собор Парижской богородицы» попал в руки Веры Афанасьевны.

Родители, между прочим, как-то умело нас воспитывали, нас не смущали: «Ах, что ты читаешь? Ах, что ты взял?» У нас были разные книги. И классики русской литературы, которых мы жадно читали. Были детские книги. Из них я и сейчас помню целыми страницами детские стихи. И была иностранная литература. И вот эта свобода, которую нам давали родители, тоже, способствовала нашему развитию, она не повлияла на нас плохо.

Мы со вкусом выбирали книги.

Отец у нас умер рано.

Свадьба отца и матери произошла в 1890 году 1 июля, а отец умер в 1907 году, т. е., другими словами, он прожил в семье всего семнадцать лет. Он погиб от тяжелой болезни почек. От такой болезни умер и Михаил Афанасьевич. Да. Болезнь и смерть Михаила Афанасьевича повторили буквально болезнь и смерть нашего отца. Отец умер 48 лет, а Михаил Афанасьевич — 49. И было это, может быть, наследственно, а может быть, и повлияло то, что в годы Гражданской войны Михаилу пришлось очень трудно. Он мне писал в письмах (я была в Киеве, а он в Москве): «Едим понемножку. Сахарин и картошку». Думаю, что этот сахарин здорово разрушил его организм.

Так вот об отце. Когда отец умер, мне было 13 лет. Мне казалось, что мы, дети, плохо его знали. Ну что же, он был профессором, он очень много писал, он очень много работал. Много времени проводил в своем кабинете. И тем не менее вот теперь, оглядываясь на прошлое, я должна сказать: только сейчас я поняла, что такое был наш отец. Это был очень интересный человек, интересный и высоких нравственных качеств. Это я тоже считаю своим долгом отметить здесь, где я выступаю впервые с неопубликованными воспоминаниями. Над его гробом один из студентов, его учеников, сказал: «Ваш симпатичный, честный и высоконравственный облик». Действительно — честный, и чистый, и нравственный, как сказал его студент. Это повторяли и его сослуживцы. Отец проработал в академии 20 лет, и за эти 20 лет у него ни разу не было не только ссоры или каких-нибудь столкновений с сослуживцами, но даже размолвки. Это было в его характере. У него была довольно строгая наружность. Но он был добр к людям, добр по-настоящему, без всякой излишней сентиментальности. И эту ласку к людям, строгую ласку, требовательную, передал отец и нам. В доме была требовательность, была серьезность, но мне кажется, я могу с полным правом сказать, что основным методом воспитания детей у Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны Булгаковых были шутка, ласка и доброжелательность. Мы очень дружили детьми и дружили потом, когда у нас выросла семья до десяти человек. Ну, конечно, мы ссорились, было все что хотите, мальчишки и дрались, но доброжелательность, шутка и ласка — это то, что выковало наши характеры. Еще одно качество нам передал отец. Отец обладал огромной трудоспособностью. Вот я помню. Он уезжал в Киев с дачи на экзамены. А с экзамена он приезжал, снимал сюртук, надевал простую русскую рубаху-косоворотку и шел расчищать участок под сад или огород. Вместе с дворником они корчевали деревья, и уже один, без дворника, отец прокладывал на участке (большой участок — две десятины) дорожки, а братья помогали убирать снятый дерн, песок...

Отец с большой любовью устраивал домашнее гнездо, но, к сожалению, это продолжалось недолго. Мы начали жить в Буче в 1902 году, а отец умер в 1907-м. Смерть отца для всей семьи была неожиданным и очень страшным ударом. Подумайте, семеро детей осталось на руках у матери, и тем не менее она сумела нам дать радостное детство. Сначала она (видно было это) растерялась, но потом нашла в себе силы. Она была женщина энергичная, очень умная, жизнеспособная и радостная. У нас в доме все время звучал смех. Помню одно письмо от сестры Варвары. Начиналось оно такими словами: «Мы так хохотали». Так вот: «Мы так хохотали». Это был лейтмотив нашей жизни.

Интересно, что произошло после смерти отца. Наша мать славилась среди родных и знакомых (а родных у нас было, как вы видите, очень много, и Булгаковых, и Покровских) как великолепная воспитательница. И вот один из братьев отца, который служил в Японии, привез матери своих двоих сыновей

и попросил взять их в нашу семью, потому что он хотел дать своим сыновьям русское образование. Там не было полных русских гимназий. И вот появились у нас в семье два «японца» — так мы их называли: Коля и Костя¹. Костя — старший, Коля — младший. А через год, очень скоро после японцев, приехала уже с запада (из г. Холм Люблинской губернии) сестра, тоже Булгакова, двоюродная. Приехала в Киев на Киевские женские курсы. Она кончила гимназию раньше, чем я. И таким образом у вдовы-матери оказалось в семье десять человек детей. И мама с ними справлялась. Маме тогда, когда отец умер, шел 37-й год.

И вот эта женщина сумела нас сплотить, вырастить и дать нам всем образование. Это была ее основная идея. Она говорила нам потом, когда мы уже стали взрослыми: «Я хочу вам всем дать настоящее образование. Я не могу вам дать приданое или капитал. Но я могу вам дать единственный капитал, который у вас будет, — это образование». И действительно. Она дала нам всем образование. А вторая ее идея, превосходная идея, была: нельзя допустить, чтобы дети бездельничали. И мама давала нам работу. Мы и сами работали, даже летом. Например, моя обязанность была заниматься до обеда с младшими братьями. А обязанность братьев была сначала помогать отцу в расчистке дорожек, а затем убирать мусор с участка. Братья собирали песок, дерн, листья. И вот Михаил в 15-м году (интересное было лето у нас 15-го года) пишет стихотворение:

*Утро. Мама в спальне дремлет.
Солнце красное взойдет,
Мама встанет и тотчас же
Всем работу раздает:
«Ты иди песок сыпь в ямы.
Ты ж из ям песок таскай».*

Миша, конечно, смеется. Причем мать сама весело смеялась в таких случаях. И у нас эти слова, когда речь заходила о работе, стали крылатыми словами, как и очень многие Мишины слова. «Ты иди песок сыпь в ямы, / Ты ж из ям песок таскай». Таким образом Михаил освещал нашу жизнь. Это стихотворение — длинное, большое. Оно целый день наш описывает.

Вся эта компания большая, которая жила в семье Булгаковых, была тоже очень дружна.

Это была шумная, чересчур даже шумная, веселая, способная молодежь. Вокруг нас группировались товарищи братьев и подруги сестер. Иногда ле-

¹ Николай Петрович и Константин Петрович Булгаковы, двоюродные братья, жившие с 1910 г. в семье Булгаковых. Их отец Петр Иванович Булгаков, брат Афанасия Ивановича, настоятель православного собора в Токио, прислал своих сыновей на воспитание к вдове своего брата В. М. Булгаковой, так как хотел, чтобы они получили образование в России.

том у нас за стол садилось 14 человек. И это было хорошо. Вот я теперь смотрю, какие это несчастные семьи, где один, от силы два ребенка, и думаю: «А бедные дети!» Мы, между прочим, знали и тяготы, знали и труд, как я вам уже говорила. Например, одна из интереснейших наших работ, которую я, даже будучи курсисткой в Москве, вспоминала, — это штопать носки братьев, а дырки же были с кулак величиной.

Мать была, конечно, незаурядная женщина, очень способная. Вот сказки. Она рассказывала нам сказки, которые всегда сама сочиняла. Она вела нас твердой и умной рукой. Была требовательна. Но помните слова из письма сестры Вари: «Мы так хохотали». Мать не стесняла нашей свободы, доверяла нам. И мы со своей стороны были с нею очень откровенны. У нас не было того, что бывает в других семьях, — недоверия. Были товарищи братьев, были поклонники у нас. Меня спрашивали: «Надя, вам надо писать до востребования?» Я говорю: «Зачем? Пишите, если вы хотите мне писать, на нашу квартиру». — «Как? А мама?» — «А что мама? Мама наших писем не читает». И это правильно. Это было, подумайте, когда. В начале XX века. Мама наших писем не читала. А мы ей сами читали, если нам хотелось ей что-нибудь рассказать.

Конечно, наша компания причиняла ей немало забот, тревог и огорчений, иногда серьезных огорчений, но все-таки она нам не мешала жить радостно, и мы жили радостно. Но в этой компании разнохарактерные были люди, и вот, в частности Михаил Афанасьевич, старший, первенец, отличался одной особенностью. Он был весел, он задавал тон шуткам, он писал сатирические стихи про ту же самую маму и про нас, давал нам всем стихотворные характеристики, рисовал карикатуры. Он был человек всесторонне одаренный: рисовал, играл на рояле, карикатуры сочинял. Действительно, это был редкий случай. Вторым таким, тоже всесторонне одаренным в нашей семье, был брат, пятый ребенок по счету, Николай. Он стал профессором-бактериологом, так что тоже медиком.

Так вот Михаил. Он очень много смеялся и задавал тон нашему веселью, был превосходным рассказчиком (об этом много писали, это все знают). Мы слушали его затаив дыхание. Но были моменты в его жизни, когда он задумывался. Он сидел у себя за письменным столом (студентом уже с папиросой), молчал и думал. О чем он думал? О чем он молчал? О смысле жизни. О цели жизни. О назначении человека.

Теперь я расскажу о некоторых бытовых шуточных историях, которые происходили на даче. Один раз возвращаюсь я из Киева на дачу и вижу: мальчишки стоят на головах. Я спрашиваю: «Что это такое? В чем дело?» А мне отвечают: «Надюша! У нас же от алгебры мозги перевернулись. Надо их поставить на место. И вот мы сейчас стараемся, мы ставим мозги на место». Таких интересных веселых, шуточных сценок я могла бы рассказать очень много.

Когда в Киеве появился футбол, Михаил еще был гимназистом. Он увлекся футболом (он умел увлекаться!) и стал футболистом. Вслед за ним стали футболистами младшие братья. Есть снимок — футбольная команда...²

Теперь мне хочется сказать о более серьезном. У нас в доме интеллектуальные интересы преобладали. Очень много читали. Прекрасно знали литературу. Занимались иностранными языками. И очень любили музыку. Писали, и многие писали, например Константин Паустовский, о том что в доме Булгаковых процветала любовь к драматургии. Да, любовь к драматургии процветала, но наше основное увлечение была все-таки опера. Например, Михаил, который умел увлекаться, видел «Фауст», свою любимую оперу, 41 раз — гимназистом и студентом. Это точно. Он приносил билетки и накалывал, а потом сестра Вера, она любила дотошность, сосчитала... Михаил любил разные оперы, я не буду их перечислять. Например, уже здесь, в Москве, будучи признанным писателем, они с художником Черемных Михаил Михалычем устраивали концерты. Они пели «Севильского цирюльника» от увертюры до последних слов. Все мужские арии пели, а Михаил Афанасьевич дирижировал. И увертюра исполнялась. Вот не знаю, как с Розиной было дело. Розину, мне кажется, не исполняли, но остальное все звучало в доме. Это тоже один из штрихов нашей жизни.

Расскажу о занятиях Михаила естественными науками и медициной. Он увлекался опытами, экспериментировал. Ловил жуков. У него есть сравнение в «Театральном романе»: «иссушаемый любовью к независимому театру, прикованный к нему, как жук на пробке». Да, он имел эти коробки, там он препарировал жуков или их высушивал, мариновал ужей. Были случаи, когда уж, пойманный младшим братом Колей для Михаила, уходил, и одного такого ужа мать обнаружила вечером (хорошо, что она зажгла лампу перед этим) у себя, свернувшимся клубочком, под подушкой. Михаил ловил и бабочек. И конечно, при горячем участии братьев он увлекался энтомологией, собрал очень хорошую коллекцию бабочек. Причем там были и сатир, и махаоны, и многие другие редкие экземпляры. Потом, уезжая из Киева, я спросила у мамы: «А где же Мишины коробки с энтомологической коллекцией?» Она говорит: «Он отдал ее Киевскому университету, уезжая из Киева». Это уже было в 1919 году. Так вот, Михаил очень много работал с микроскопом. Вы сего-

² Приведу еще одно воспоминание Надежды Афанасьевны о том, как отец со старшим сыном ходили в Киеве в баню. Эту историю Н. А. очень любила рассказывать.

Варвара Михайловна, отправляя мужа со старшим сыном в баню, каждому дает узелок с чистым бельем. Вернувшись, Афанасий Иванович с упреком говорит жене: «Варечка! Что же ты белье нам дала такое странное. Мне все мало, я даже носки чистые не мог надеть. А Мише — все велико. Ему пришлось рукава у рубашки подворачивать и кальсоны булавками закалывать». Варвара Михайловна громко рассмеялась, сказав: «А поменяться узелками вы не догадались?»

дня услышите в чтении артиста Ю. В. Ларионова отрывок из «Роковых яиц» — сценку с микроскопом, в этой повести он играет огромную роль. Да, еще одно я уж скажу. 1915 год, лето. Киев эвакуировался, немецкое наступление подошло к самым границам, а Киев в 300 километрах от границы. В этот год я приехала из Москвы и в окно, из сада заглянула в комнату, где жил Миша со своей первой женой. И первое, что мне бросилось в глаза, это через всю комнату по оштукатуренной стене написано по латыни: *Quod medicamenta non sanant, mors sanat*. Что не излечивают лекарства, то излечивает смерть. Это из Гиппократы, древнегреческого врача. И другое изречение: *Ignis sanat*. Это не было написано, но, если вы помните, в «Мастере и Маргарите» огонь лечит. Когда Мастер и Маргарита улетают из своего подвала, огонь лечит, огнем сжигается подвал. И так, огонь. Ну это, так сказать, мимоходом.

А это вот «*Quod medicamenta non sanant*» — это очень серьезное изречение, говорящее о том, что Михаил очень много думал о смысле жизни, о смерти. Смерть ненавидел, как и войну. Войну ненавидел. Думал о цели жизни. У нас очень много в семье спорили о религии, о науке, о Дарвине. И он, задумываясь над этим, ставил вопрос о том, кем же, каким же должен быть человек. Я прочту вам то, что написал о нем его ближайший друг. Конечно, Михаил имел друзей в Москве, и близких. Но самым близким его другом в жизни, я считаю, был один киевский скрипач. Мы подружились с ним подростками. И эта дружба с Мишей сохранилась на всю жизнь. Этот друг умер в 1951 году. Его зовут Александр Петрович Гдешинский³. Вот что пишет Александр Петрович давая характеристику Михаилу в письме после того, как Михаил умер. Он мне тогда прислал письмо: «Что поражало в нем прежде всего — это острый, как лезвие, ум. Он проникал за внешние покровы мысли и слов и обнаруживал тайники души. (Вот это обнаруживание тайников души вы найдете во многих произведениях Михаила, самых серьезных.) Его прозорливость была необычайна. От него не было тайн. Беспощадный враг пошлости, лицемерия, косности и мещанства, он хотел видеть всех лучшими, чем они есть на самом деле, — эту мысль выразил он мне однажды. Он не только боролся с пошлостью, лицемерием, жадностью и другими человеческими пороками, он хотел сделать людей лучше. Проникая в чужую душу, он безошибочно отделял правду от лжи, уродливое от прекрасного и выносил беспощадный приговор самым страшным оружием — смехом! Но это одна сторона, а с другой стороны — этот блестящий непобедимый юмор, это сверкание обаятельной неповторимой личности». Вот что сказал о Михаиле его друг.

Сидя в Киеве за маленьким письменным столом, Михаил думал. Он был мыслителем. Я вот не сказала об этом. Как-то отец написал своим товарищам-студентам: «Будьте честными мыслителями». Михаил был мыслителем, прежде всего — честным и вдумчивым. Отсюда рождение романа «Белая

³ У отца Саши Гдешинского мальчиком Булгаков учился играть на скрипке. А. П. Гдешинский всю жизнь прожил в Киеве.

гвардия» и отсюда «Мастер и Маргарита», роман о добре и зле, и о справедливости. У Михаила в жизни было одно увлечение, о котором не известно его биографам. Он очень любил детей, в особенности мальчишек. Он умел играть с ними. Он умел им рассказывать, умел привязать их к себе так, что они за ним ходили раскрывши рот. Вот это качество Михаила Афанасьевича я хотела бы отметить особо, кончая свои воспоминания.

«Мы все были очень дружны»

Выступление Н. А. дополняют другие материалы семейного архива. Особенно интересно в этом отношении ее письмо к К. Паустовскому.

28 янв. 1962 г.

Москва

Многоуважаемый Константин Георгиевич!

Вам пишет сестра Михаила Афанасьевича Булгакова, Надежда Афанасьевна Булгакова-Земская. Намерение написать Вам возникло у меня давно, в 1947 г., когда я впервые прочитала Ваши «Далекie годы». Трудные события моей личной жизни тех лет помешали мне тогда осуществить это намерение.

«Далекie годы» я очень люблю и часто перечитываю эту книгу, как и все Ваши книги, из которых складывается Ваша «Повесть о жизни». При первом же чтении «Далекie годы» поразили меня многим: созвучием моего и Вашего восприятия чудесного Киева, родного и любимого города всей нашей семьи; общностью наших с Вами переживаний, общностью пережитого в юности. <...>

Здесь я должна написать о нашей семье. Михаил Булгаков был человеком яркой индивидуальности, разносторонне одаренным, очень сложным и своеобразным. Это знают многие. Но мало кто знает, какую роль в формировании его личности сыграла наша большая семья... Мы все были очень дружны. Это была шумная, чересчур даже шумная, веселая, способная молодежь...

Мы много работали: хорошо учились; все старшие рано начали «давать уроки» (репетиторствовать), чтобы облегчить мамы материальные тяготы; мы много помогали по хозяйству, особенно летом; старшие помогали младшим и отвечали за них. Мы знали трудности (ведь отец умер рано), но жили мы радостно. Это сделала наша мать — энергичная, жизнерадостная незаурядная женщина. В доме у нас все время звучали музыка и пение и — смех, смех, смех. Много танцевали. Ставили шарады и спектакли. Михаил Афанасьевич был режиссером шарадных постановок и блистал как актер в шарадах и любительских спектаклях. Весной и летом ездили на лодках по Днепру. А зимой — каток. Гимназист Булгаков, в кругу зрителей, демонстрировал «пистолет» и «испанскую звезду». Летом у нас на даче (в Буче под Киевом) про-

цветал крокет: играли со страшным азартом, играли, бывало, до темноты, кончая при лампах. Мама принимала участие в этих крокетных турнирах наравне с нами; играла она хорошо. Затем крокет отошел на задний план, пришло общее увлечение теннисом. Это была дорогая игра. Ракетки и мячи покупали мы, старшие дети, на заработанные нами деньги. Стали постарше, не бросая крокета и тенниса, увлеклись игрой в винт. Играли и в шахматы, и в шашки; в доме процветали «блошки» — настольная игра.

В старших классах гимназии Михаил Афанасьевич увлекся горячо, как он умел, новой игрой — футболом, тогда впервые появившимся в Киеве; а вслед за ним и младшие братья стали отчаянными футболистами. А мы, сестры и наши подруги, «болельщицами» (тогда этого выражения еще не было).

Но преобладали интеллектуальные интересы. Мы увлекались литературой и поэзией. В семье все очень много читали. Все, начиная с матери, прекрасно знали русскую литературу. Знали и западную.

Любимым писателем Михаила Афанасьевича был Гоголь. И Салтыков-Щедрин. А из западных — Диккенс. Чехов читался и перечитывался, непрестанно цитировался, его одноактные пьесы мы ставили неоднократно. Михаил Афанасьевич поразил нас блестящим, совершенно зрелым исполнением роли Хиринина (бухгалтера) в «Юбилее» Чехова.

Читали Горького, Леонида Андреева, Куприна, Бунина, сборники «Знания». Достоевского мы читали все, даже бабушка, приезжавшая из Карачева (город под Брянском) к нам в Бучу погостить летом.

Читали мы западных классиков и новую тогда западную литературу: Мопассана, Метерлинка, Ибсена и Кнута Гамсуна, Оскара Уайльда.

Читали декадентов и символистов, спорили о них и декламировали пародии Соловьева: «Пусть в небесах горят паникадила — В могиле тьма». Спорили о политике, о женском вопросе и женском образовании⁴, об английских суфражистках, об украинском вопросе, о Балканах; о науке и религии, о философии, непотворении злу и сверхчеловеке; читали Ницше.

Мы посещали киевские театры. Любили театр Соловцова⁵ и бывали в нем. Михаил Афанасьевич чаще нас всех. Но увлечение оперой преобладало.

Мы увлекались оперой, серьезной музыкой и пением. С детства мы привыкли засыпать под музыку Шопена: уложив детей спать, мама садилась за пианино. Отец играл на скрипке и пел (у отца был мягкий красивый бас). Часто он пел «Нелюдимо наше море» — эту вещь мы все полюбили. В старших

⁴ В дневнике Н. А. замечает, что брат не был сторонником женского образования. Он посмеивается над «курсивами» Верой и Лилей. «Советует мне идти на медицинский: “Из всех зол женского образования выбирать наименьшее — идти в женщины-врачи”» (23 февр. 1911).

⁵ Театр Соловцова — один из лучших русских провинциальных театров. Создан в 1891 г. в Киеве. В 1919 г. был национализирован и переименован во Второй драмат. театр УССР им. Ленина.

классах гимназии мы стали постоянными посетителями симфонических концертов зимой и летом; с нетерпением ждали открытия летнего сезона в Купеческом саду. В доме все играли на пианино. Сестра Варя училась в Киевской консерватории (рояль), сестра Вера пела; кончив гимназию, она стала участницей известного киевского хора Кошица. Да и вся семья пела; у нас образовался свой домашний хор с участием близких друзей. Пели хором мои любимые «Вечерний звон» и «Выхожу один я на дорогу» (запевал нежным тенором младший брат Ваня), а наряду с этим пели «Крамбамбули», «Антоныча», «Цыпленка»; любили петь солдатские песни, чаще других «Вещего Олега» и «Взвейтесь, соколы, орлами». Обе эти песни Михаил Афанасьевич ввел в «Дни Турбиных» — «Вещего Олега» мы пели именно так, как эта песня звучит теперь в спектакле.

В доме часто звучала скрипка; играл друг нашей юности, ученик Киевской консерватории, а потом преподаватель Киевской музыкальной школы Александр Петрович Гдешинский. Младшие братья участвовали в гимназическом оркестре струнных и духовых инструментов, у них были свои балалайки и домры, и из их комнаты часто звучали «Светит месяц», «Полянка» и другие народные песни⁶. Мама сносила все это терпеливо. Но когда один из них принес домой тромбон и начал дома разучивать свою партию на тромбоне, тут уж ее нервы не выдержали, и тромбон был отправлен обратно в гимназию.

У Михаила Афанасьевича был мягкий красивый баритон. Брат мечтал стать оперным артистом. На столе у него, гимназиста, стояла фотографическая карточка артиста Киевской оперы Льва Сибирякова — с надписью, которую брат с гордостью дал мне прочесть: «Мечты иногда претворяются в действительность».

Михаил Афанасьевич играл на пианино⁷ увертюры и сцены из всех своих любимых опер: «Фауст», «Кармен», «Руслан и Людмила», «Севильский цирюльник», «Травиата», «Тангейзер», «Аида». Пел арии из опер. Особенно часто он пел все мужские арии из «Севильского цирюльника» и арию Валентина из «Фауста», эпиталаму из «Нерона». Когда Киевский оперный театр начал ставить оперы Вагнера, мы слушали их все (Михаил, конечно, по несколько раз), а в доме зазвучали «Полет валькирий» и увертюра из «Тангейзера».

Мы любили шутить друг над другом (тон задавал старший брат), а шутки бывали острые и задевающие.

Мы выписывали «Сатирикон», активно читали тогдашних юмористов — прозаиков и поэтов (Аркадий Аверченко и Тэффи). Любили и хорошо знали Джерома Джерома и Марка Твена. Михаил Афанасьевич писал сатирические

⁶ Брат Коля и двоюродный брат Коля японский увлекались игрой на балалайке. Ваня учился играть на виолончели у сына известного скрипача Воячека.

⁷ Михаил Афанасьевич взял у преподавательницы музыки, которая ходила к сестрам, всего несколько уроков, научился читать ноты; потом он уже играл самостоятельно самые сложные вещи — конечно, любительски.

стихи о семейных событиях, сценки и «оперы», давал всем нам стихотворные характеристики и рисовал на нас и на себя самого карикатуры⁸. Некоторые из его сценок и стихов я помню. Многие из его выражений и шуток стали у нас в доме «крылатыми словами» и вошли в наш семейный язык. Мы любили слушать его рассказы-импровизации, а он любил рассказывать нам, потому что мы были понимающие и сочувствующие слушатели, — контакт между аудиторией и рассказчиком был полный и восхищение слушателей было полное. В одном из своих писем к сестре Вере в начале 20-х годов Михаил Афанасьевич жалеет о том, что мы не вместе, и прибавляет: «Я прочел бы вам что-нибудь смешное. Помнишь, как мы хохотали в № 13!»

Уже гимназистом старших классов Михаил Афанасьевич стал писать по-серьезному: драмы и рассказы. Он выбрал свой путь — стать писателем, но сначала молчал об этом. В конце 1912 г. он дал мне прочесть свои первые рассказы и тогда впервые сказал мне твердо: «Вот увидишь, я буду писателем».

Этот наш дружный детский, а потом юношеский коллектив, эта кипучая, деятельная жизнь семьи, наша семейная спайка не могли не наложить свой отпечаток на наши характеры, не могли не оставить след на всю жизнь. Семья воспитала в нас чувство дружбы и долга, научила работать, научила сочувствию, научила ценить человека. <...>

В начале 20-х годов, даря мне экземпляр одного из своих рассказов, старший брат написал на нем: «Сестрам — я мечтаю, что мы съедемся вместе. Скучаю по своим»... Съехаться нам так и не пришлось...

Я думаю, что подкупающий лиризм и сердечность «Дней Турбиных», некоторых страниц «Белой гвардии» и «Записок покойника» (в печатной публикации «Театральный роман») идут оттуда — из сердечной связи нашей семьи, от здорового дружного семейного коллектива.

Киев брат нежно любил до конца своих дней. Замышлял написать автобиографическую повесть (уже больной писал об этом другу в Киев).

С глубоким уважением
Н. Булгакова-Земская

* * *

Увлечение театром было одно из главных в жизни семьи и Миши — гимназиста и студента. Об этом свидетельствуют прежде всего любительские спектакли, в которых принимали участие все молодые Булгаковы. Спектакли ставились чаще летом, в Буче. Первая пьеса, в которой играл Миша, — детская сказка «Царевна Горошина» (текст ее сохранился). В ней 12-летний Миша играл лешего и атамана разбойников. Это был благотворительный спек-

⁸ Михаил Афанасьевич рисовал карикатуры на всех нас и себя. Есть его рассказ в рисунках «Тетрога mutantur (времена меняются), или Что вышло из того, который женился, и из другого, который учился»; героями этих рисунков были сам Михаил и наш двоюродный брат Костя. Эта карикатура дана среди иллюстраций.

такль для богаделок, как вспоминает сестра Вера. Гимназистом М. А. играл во многих спектаклях. Он исполнял роли: Лешего — в семейном спектакле; мичмана Деревеева (жениха) в водевиле «По бабушкиному завещанию», который ставился летом 1909 г. в Буче на даче Лерхе (друзей семьи), роль невесты играла сестра Надя; Хирина в «Юбилее» Чехова; жениха в «Предложении» Чехова.

5 июля 1909 г. в Буче была поставлена фантазия «Спиритический сеанс» (с подзаголовком «Нервных просят не смотреть»). По словам Н. А., это был балет в стихах, словом, что-то вроде эстрады; автор стихов — друг семьи Е. А. Поппер. Эта фантазия была целиком сочинена, оформлена и поставлена группой молодежи на даче Семенцовых; М. А. был одним из постановщиков и исполнял роль спирита, вызывавшего духов.

Студентом М. А. участвовал в любительских платных спектаклях, которые ставились в дачном поселке Буча летом 1910 г., под фамилией Агарина. Он исполнял роли: начальника станции в комедии «На рельсах», дядюшки молодоженов в комедии Григорьева «Разлука та же наука», Арлекина в одноактной пьесе «Коломбина» («роль первого любовника — не его ампула», — замечает впоследствии Н. А.). Вот как Н. А. пишет об этом 13 июля 1910 г. к двоюродной сестре Лиле — Иларии Михайловне Булгаковой (1891—1986): «В Бучанском парке подвизаются на подмостках артисты императорских театров Агарин и Неверова (Миша и Вера) под режиссерством Жоржа Семенцова... [друг семьи] ...В воскресенье мы были в парке, где Миша удивлял всех игрою (играл он действительно хорошо)». И на следующий день (14 июля 1910) запись в дневнике: «Миша великолепно играл 11-го».

Зимой 1913 г. всеобщим увлечением стала постановка шарад. Об этом Лилия подробно рассказывает в письме Н. А. Булгаковой от 24 ноября 1913 г. из Киева в Москву, где Н. А. училась на Высших женских курсах. Лилия — ровесница Миши — жила несколько лет в семье Булгаковых и очень подружилась с ним. Ее семья жила в Польше, и родители прислали Лилию в Киев для получения высшего образования. Приведем отрывок из ее письма с позднейшими примечаниями Н. А.

...что в Киеве, у нас дома, на курсах?

К обеду оживляется столовая (обедает Миша с Тасей; у мамы принципиал. causeries с Мишей (знаешь, в каком тоне!)⁹, Ваня кричит, Муик¹⁰ кормит Ле-

⁹ Примечание Н. А.: «У мамы принципиал. causeries с Мишей»: в этих разговорах затрагивались и житейские, и весьма широкие вопросы мировоззрения, науки, искусства. Мих. Аф. любил поражать мать, как и других своих собеседников, парадоксальностью, оригинальностью суждений, едкой иронией; говоря с матерью, он любил ниспровергать общепризнанные авторитеты; отсюда и замечание Лили: «знаешь, в каком тоне!»

¹⁰ Муик — Ирина Лукинична Булгакова, жившая в семье Булгаковых вдова младшего брата Афанасия Ивановича — Сергея Ивановича.

лю. Утро и вечер, как и прежде. Вот нечетные субботы приняли другой характер. Старые друзья (которые хотя и лучше, по пословице, новых) стушевались совершенно. Один Саша [Гдешинский] стоит, как тень прошлого. Выступили новые люди. Я нахожу некоторых интересными. Началась более общественная жизнь в нашей желтой гостиной. Даже не так! Она приняла «гостинный» характер, хотя шарады гонят маски с лиц. Разделились на две партии, каждая со своим автором — творцом картин. Они уже наметились: Драма — Варя, Юзик Фиало (о нем следовало бы рассказать тебе подробнее; мне он и Ива Фасс кажутся самыми интересными), Мурка Герман, Лисянск., Миша Фасс, Коля яп., Ваня, Леля + остальные, непостоянные, случайные члены — одна партия; другая Комедия — Вера, Тася, Миша, Ива Фасс, Мишин товарищ В. В-м, Костя, Коля, Саша Гд[ешинский] + случайные члены... Шарады проходят эволюцию: ставят пьесы из нескольких актов в зависимости от числа слогов: *нас-лед-ник*, *о-тра-ва*. Сейчас шарады гвоздь нечетных суббот, и действительно некоторые номера очень удачны...

В Киеве после Бейлиса делает сенсацию поставленная у Соловцова «Ревность» Арцыбашева. Говорят, вышел вальс «Мечты Бейлиса».

Сочинять Миша начал рано. Как уже было упомянуто, его первое произведение «Похождения Светлана» было написано в 7 лет. Сочинительство продолжалось неумолимо и постоянно: это были и пьесы, и сатирические стихи, и домашние журналы. Н. А. перечисляет в своих записках пьесы «для домашнего употребления», написанные М. А.: «Поездка Ивана Павловича в Житомир». Мишина драма о том, как Иван Павлович (врач, друг семьи, за которого мать, когда дети стали взрослыми, вышла замуж) из Киева к тяжелобольному в Житомир, по совету Кости, поехал не на поезде, а в дилижансе — автомобиле, тогда — новинке¹¹. По дороге дилижанс сломался. Пациент умер.

И. П. с револьвером врывается в столовую и целится в Костю. Тот мгновенно ныряет под стол, и пуля попадает в Муика, которая со словами «Пианино Леле!» умирает.

Две пьесы были связаны с женитьбой М. А. О пьесе в карикатурах «*Genora mutantur*» мы уже упоминали. О пьесе «С мира по нитке, голому шиш» будет рассказано далее — в главе о женитьбе М. А.

Сатирические стихи, описывающие домашнюю жизнь, составляли другую струю творческой активности юного Булгакова. Начало стихотворения, характеризующего жизнь семьи в Буче летом 1915 г., было приведено выше. Вот еще несколько отрывков из этого же длинного стихотворения, почти поэмы:

*День течет в работе мило.
Все, как надо, в круг идет:*

¹¹ Иван Павлович Воскресенский (1873—1961), с которым В. М. Булгакова заключила брак в 1920 г. Все молодые Булгаковы очень любили и уважали своего отчима.

Сенька¹² выкатил чернила
 На штаны и на живот.
 За калиткой, на просеке,
 Мама вешает говядину¹³,
 Маша с тихой воркотнею
 В кухне гладит юбку Надину.
 (Наступает вечер. Все развлекаются)
 Миша с Сенькой на траве
 Прыгают на голове. <...>
 Оля в теннисе талант!
 Белый мячик, красный бант! <...>

Помоляся Богу,
 Улеглася мать.
 Дети понемногу
 Сели в винт играть.
 (Наступает ночь)
 Спать давно уже пора.
 Все вы, жители бучанские,
 Спите мирно до утра.
 (А молодая компания за калиткой поет)
 Пишет-пишет царь Салтан турецкий
 Православному царю:
 «Разорю я, разорю я,
 Сам в Расею жить пойду!»
 Мама шепчет: «Разгоню я,
 Спать их быстро уложу я!»

М. А. писал и эпиграммы. Особенно много — на Костю японского:

За усердие всегдашнее
 И за то, что вежлив, мил,
 Титул мальчика домашнего
 Он от мамы получил.

Дружба с Костей, которая сохранилась и в поздние года, не мешала, а наоборот — способствовала постоянному подтруниванию. 22 окт. 1913 г. в письме к Н. А. Костя пишет:

Приходя домой вечером, иногда нахожу у себя на столе записки приблизительно следующего содержания:

¹² Ученик сестры Вари, «Варин урок».

¹³ Примечание Н. А.: За стол в это лето садилось 14 человек. Мясник привозил мясо, его покупали большими количествами и хранили на леднике.

*Сижу я перед книгою,
В ней формул длинный ряд,
Но вижу в книге фигу я...
Блуждает мутный взгляд.
За окнами акации
Ветвями шелестят...
Но кончились вакации
И грозен формул ряд.*

*Будь прокляты фундаменты
На свайном основании
Нелепые орнаменты
«Скольженье» и «катание»¹⁴.*

Или такое:

*В гориках ночных (зачем, Бог весть!)
Уныло вьются травки,
Живет, по всем приметам, здесь
Какая-то босявка.*

Это значит, что приходил Миша...

М. А. включал «домашние стихи» в письма к родным, уже и будучи писателем¹⁵,

Как видим, раннее «домашнее» творчество имело преимущественно юмористический характер. Чувство юмора высоко ценили в семье. Показательны слова М. А., сказанные при обсуждении характера одного дальнего родственника, которые приводит в дневнике Н. А.: «Я уже не говорю о Мишиных словах, как он лез на дыбы и хватался за голову: “Нет, ты подумай, ...человек, который сам про себя говорит, что у него нет юмористической жилки! Ведь за это расстрелять можно!”» (8 сент. 1915).

«Спорю с Мишей на мировые темы»

О студенческом периоде М. А. много важных и интересных сведений дает дневник Н. А. Булгаковой-Земской.

В 1909 г. Михаил кончает гимназию (8 классов) и поступает в университет. Это для него годы решения многих мировоззренческих вопросов. К их числу

¹⁴ Костя готовился стать инженером: чертил, делал расчеты.

¹⁵ См. ниже в разделе «Письма М. Булгакова к родным» письмо № 11 к сестре Надежде, постскриптум которого содержит шуточное стихотворение «На Большой Садовой...».

относится вопрос о вере и неверии, который волнует всех молодых Булгаковых и окружающую молодежь.

3 марта 1910 г. Н. А. записывает в дневник: «Пахнет рыбой и постным. Мальчишки [братья Коля и Ваня] сегодня причащались. Мы говеем, Миша ходит и клянет обычай поститься, говоря, что голоден страшно... он не говееет...». А в конце того же месяца, 25 марта 1910 г., идет длинная запись, вся посвященная вопросам веры: «...пережила я два интересных спора мамы и Вл. Дм. с Мишей и Иваном Павловичем, при моем косвенном участии... Теперь о религии... Нет, я чувствую, что не могу еще! Я не могу еще писать. Я не ханжа, как говорит Миша. Я идеалистка, оптимистка... Я — не знаю... — Нет, я пока не разрешу всего, не могу писать. А эти споры, где И(ван) П(авлович) и Миша защищали теорию Дарвина и где я всецело была на их стороне — разве это не признание с моей стороны, разве не то, что я уже громко заговорила, о чем молчала даже самой себе, что я ответила Мише на его вопрос: «Христос — Бог по-твоему?» — «Нет!»

Только, когда теперь меня спросят о моих личных чувствах, о моем отношении к вере, я отвечу, как И(ван) П(авлович): «Это интервью?» и замолчу... (позднейшее примечание: «Иван Павлович был, по-видимому, совершенно равнодушен к религии и спокойно атеистичен и вместе с тем глубоко порядочен в самой своей сущности, человек долга до мозга костей»). И сама эта запись, и тем более ее продолжение показывают, что сама Н. А. не была тогда ни спокойно атеистичной, ни спокойно верующей. Ее, семнадцатилетнюю гимназистку, вопросы веры глубоко мучили: с одной стороны, авторитет отца, воспитание, с другой — влияние старшего брата. Н. А. продолжает запись так: «Я не знаю! Я не знаю. Я не думаю... Я больше не буду говорить... Я боюсь решить, как Миша (поздн. примечание: неверие), а Лиля, Саша Гд(ешинский) считают меня еще на своей стороне... (поздн. примечание: т. е. верующей), я тороплюсь отвечать, потому что кругом с меня потребовали ответа — только искренно я ни разу, — нет, раз — говорила... Решить, решить надо! А тогда... — Я не знаю... Боже! Дайте мне веру! Дайте, дайте мне душу живую, которой бы я все рассказала».

В эти страницы дневника, вероятно, в 1940 г. вложен листок: «1910 г. Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии — *неверие*. Увлечен Дарвином. Находит поддержку у Ивана Павловича».

Всплеск «споров на мировые темы» (как их называет Н. А.) дает зима 1912/13 гг. Осенью 1912 г. Н. А. уезжает в Москву учиться — на Высшие женские курсы. На Рождество она приезжает домой в Киев. Новая интенсивная жизнь московской курсистки помогла Н. А. повзрослеть и по-новому взглянуть на киевскую жизнь, на всю семью и в особенности на старшего брата. «Смех, смех, смех, шумный, несмолкаемый, шутки, шум, музыка и калейдоскоп милых лиц: мама, сестры и братья, — так начинает свои записи

Н. А. по приезде в Киев. — Старые разговоры, “ночная жизнь” со всегдашним маминым желанием уложить нас спать... и смех, смех, которым я три месяца не смеялась...» (18 дек. 1912 г.). «22 дек. Суббота. Ночь. Мама меня не гонит спать, т. к. думает, что я давно сплю. ...Долго говорила сегодня с Сашей <Гдешинским> и Мишей и натолкнулась на массу интересного... Конечно, они значительно интересней людей, с которыми я сталкивалась в Москве, и я бесконечно рада, что могу снова с ними говорить, спорить, что тут воскресают старые вопросы, которые надо выяснять, в новом ярком освещении».

Через несколько дней (28 дек. 1912) в дневнике появляется запись на 16 тетрадных страницах, вся посвященная разговорам и спорам с Мишей. К этой записи 1912 г. Н. А. дает позднейшие пояснения и комментарии — в 1940 и в 1960 гг., которые я привожу в скобках:

«Теперь мне надо разобраться во всем, да нет времени: гений, эгоизм, талантливость, сомнение, наука, ложные интересы, права на эгоизм, широта мировоззрения и мелочность, вернее, узость, над чем работать, что читать, чего хотеть, цель жизни, свобода человеческой личности, дерзнуть или застыть, прежние идеалы или отрешение от них, непротивление злу — сиречь юродивость, или свобода делания хотя бы зла во имя талантливости, эрудиция и неразвитость, мошенничество или ошибка... (Это все вопросы, поднимаемые в моих разговорах с Мишей — братом) <...> Все эти вопросы, заглохшие в Москве, <...> воскресли тут ярко и ново, т. к. развила меня Москва — с новой силой под влиянием разговоров с Мишей, встречи с одним из интереснейших людей, которых я когда-либо видела, моей давнишней инстинктивной симпатией — Василием Ильичом Экземплярским»¹⁶. Разговоры со старшим братом приводят Н. А. в смятение, она пугается грандиозности нерешенных вопросов, необходимости уже сейчас выбрать свой путь в жизни, а не просто учиться. В примечании от 8 дек. 1960 г. Н. А. так поясняет свое смятение: «Брат задел в сестре ряд глубоких вопросов, упрекая ее в том, что она не думает над ними и не решает их, ...взбудоражил ее упреками в застое».

И далее в дневнике: «Миша недавно в разговоре поразил меня широтой и глубиной своего выработанного мировоззрения — он в первый раз так разоткровенничался, — своей эрудицией, не оригинальностью взглядов, — многое из того, что он говорил, дойдя собственным умом, для меня было довольно старо, — но оригинальностью всей их компоновки и определенностью мировоззрения. Правда, с моим «юродивым» благодушием (соединяю два Мишины термина) я не могу согласиться с ним, но это не оттого, что я понимаю: нет, но он “дерзнул” (хоть на словах пока, — он бесконечный теоретик, как правильно заметил Саша (Гдешинский)), а у меня не хватает силы пока даже дерзнуть подумать, и я молчу, и это мое бессилие мне не больно, а нудно — скучно и тяжело ложится на душу <...> Плохо мне и потому, что, благодаря моей дряблости, может быть, у меня такая широкая, такая с некоторых точек

¹⁶ Религиозный философ.

зрения преступная терпимость¹⁷ к чужим мнениям и верованиям, такая податливость и гибкость в их понимании. <...> У Миши этого нет совершенно, да и у других ни у кого я этого не замечала. У Миши есть вера в свою правоту или желание этой веры, а отсюда невозможность или нежелание понять окончательно другого и отнестись терпимо к его мнению. Необузданная сатанинская гордость, развивавшаяся в мыслях все в одном направлении за папирисой у себя в углу, за односторонним подбором книг, гордость, поднимаемая сознанием собственной недюжинности, отвращение к обычному строю жизни — мещанскому и отсюда «права на эгоизм» и вместе рядом такая привязанность к жизненному внешнему комфорту, любовь, сознательная и оправданная самим, к тому, что для меня давно утратило свою силу и перестало интересоваться. Если б я нашла в себе силы позволить себе дойти до конца своих мыслей, не прикрываясь другими и всосанным нежеланием открыться перед чужим мнением, то вышло бы, я думаю, нечто похожее на Мишу по “дерзновению”, противоположное в некоторых пунктах и очень сходное во многом; — но не могу: не чувствую за собой силы и права, что главней всего. И безумно хочется приобрести это право, и его я начну добиваться. <...> И конечно, если выбирать людей, с которыми у меня могло бы быть понимание серьезное, то первый, кому я должна протянуть руку, — это Миша. Но он меня не понимает, и я не хочу идти к нему, да пока и не чувствую потребности, гордость обуяла... Одна справлюсь, справлюсь, справлюсь. И добьюсь права перед собой, прежде всего, потом перед другими... *Правда, Мишка откровенней всех со мною, но все равно...*» И далее: «Миша стал терпимее к маме — дай Бог. Но принять его эгоизма я не могу, может быть, не смею, не чувствую за собою прав. А выйдет ли из меня что-нибудь — Бог весть? ...Во всяком случае я начну действовать, но опять-таки не могу, как Миша, в ожидании заняться только самим собой, не чувствую за собою прав (эх, опыта бы мне побольше!), а поэтому получится “и хлеб пекти, по телята идти...”». И примечание позднейшее: «Тогда Ницше читали и толковали о нем; Ницше поразил воображение неокрепшей молодежи».

В той же записи от 28 дек. 1912 г. содержится свидетельство о том, что уже тогда у М. А. созрело решение стать писателем. Н. А. пишет: «Хорошую мне вещь показывал сегодня Миша (свои литературные наброски-замыслы) — хорошо и удивительно интересно!» И через страницу снова: «Миша хорошо пишет» (примечание 1960 г.: «Это о его рассказах»). В примечании 8 дек. 1960 г. Н. А. поясняет: «В этот вечер старший брат прочел сестре свои первые литературные наброски-замыслы и сказал: “Вот увидишь, я буду писателем”». В конце этой длинной записи Н. А. в 1958 г. дает итог: «Меня, в сущности девчонку (19 лет), поразило то, что Миша уже определил себя. И я заметалась в смятении, что еще ничего определенного о своем будущем не решила и в жизни не сделала».

¹⁷ Примечание Н. А. (1960 г.): У Миши терпимости не было.

Итак, 1912 г. — М. А. на пороге литературной деятельности и женитьбы: «Миша жаждет личной жизни и осуществления своей цели» (8 янв. 1913).

В январе 1913 г., прощаясь с киевской жизнью перед возвращением в Москву, Н. А. пишет: «Жаль мне моих постоянных собеседников за это время — Миши и Саша [Гдешинского], жаль этого красивого города... Пусть наша квартира шумна и неудобна для жизни; пусть “мальчики” [братья Коля и Ваня], так безумно утомившие Мишу, шалят и занимаются фотографией, куда ни взглянешь; пусть <...> девизом всего будет “выеденное яйцо” (примечание 1958 г.: «конечно, Мишины слова: протест против придавания большого значения мелочам жизни, быта») — мне жаль, что я брошу эту жизнь, не смогу внести свою лепту в нее, не прослежу дальше того нового, интересного и важного, что я открыла в нашем Мише теперь. Мне хотелось бы проследить его жизнь дальше, от души хотелось бы, чтобы исполнились его планы, чтобы он счастливо и спокойно зажил с Тасей... Хочется посмотреть, как кончится близкая к развязке их эпопея, — дай Бог, чтобы вышло по их, по-хорошему...

Разговоры с Мишей и Сашей — интересные, широкие (как я хорошо понимаю Мишу, как иногда мы одинаково мыслим и как несогласны часто — совершенно противоположны по взглядам), разговоры обо всем, начиная со смысла жизни и кончая Бетховеном, Пушкиным, Вагнером, идеей эволюции, теоретизмом, эгоизмом, Мишиными мечтами о “лампе и тишине” и жалобами на мальчиков, — эти разговоры подняли во мне многое» (8 янв. 1913 г.).

Н. А. все время сравнивает свою жизнь в Москве и в Киеве: «Конечно, в Москве общий темп жизни интересней и общий уровень людей интересней; но тут, в Киеве, романтизму, широты, разносторонности в отдельных личностях больше, хотя меньше опыта, меньше знания практической жизни, меньше, пожалуй, материализма, скорее надо сказать практицизма, чем в Москве; но ведь это захватывает; но ведь глубина и разносторонность, хотя бы дилетантская, необходимы в жизни.

И вот как много, как бесконечно много, несмотря на внешнее почти полное бездействие, дал мне Киев за этот месяц; т. е. не дал, а разбудил во мне... В Москве пока нет у меня таких людей, да таких, как Миша и Саша, не будет, т. к. они недюжинны» (8 янв. 1913). Кончается эта запись следующим описанием киевской жизни, в котором особенно интересны наблюдения над языком семьи Булгаковых и М. А.: «Я люблю остроумие, ничем не стесняемые разносторонние разговоры нашего близкого кружка, наш смех и понимание друг друга; люблю некоторую вольность в наших выражениях, образность, которую так преследует мама; конечно, Володя (имеется в виду московский кузен В. Попов) вытаращил бы глаза, если б я сказала ему “ухайдакать” в смысле “убить, уничтожить” и поблагодарила за то, что он “накорябал” мне письмо; а малороссийские пословицы и словечки, которых не понимают в Москве!

И несмотря на излишний шум нашей квартиры, я жадно люблю музыку, которая в ней звучит постоянно, — репертуар от Вагнера, Листа, Бетховена до “Ойры” и “Осеннего сна”» (8 янв. 1913).

В записи от того же числа находим характеристику речи М. А.: «Смесь остроумных анекдотов, метких резких слов, парадоксов и каламбуров в Мишином разговоре; переход этой манеры говорить ко мне... Мишины красивые оригинальные проповеди».

Знакомство М. Булгакова с Т. Лаппа

Из семейной переписки и записей в дневнике Н. А. мы узнаем об обстоятельствах женитьбы М. А. Булгакова на Т. Н. Лаппа — Тасе, как ее звали в доме Булгаковых¹⁸.

Лето 1910 г. — первый приезд Таси в Киев, знакомство Булгакова с саратовской семьей Лаппа. Описывая жизнь в Буче летом 1911 г., Н. А. пишет: «Койка [девушка-болгарка, жившая летом у Булгаковых] довольна Костей, он ею, Миша — Наташей Плаховой и перепиской с Лилей [двоюродной сестрой] и Тасей Лаппа, которая может в Киев этим летом приехать к тете Соне» (15 июля 1911); «27 июля 1911. Миша доволен: приехала Тася <...> и мама во избежание Мишиных поездок через день в Киев хочет пригласить Тасю гостить...»; «Буча, 31 июля 1911 г. Приехала на эти последние летние дни к нам Тася Лаппа: живет у нас с 29-го. Я ей рада. Она славная <...> Миша занимается к экзаменам и бабочек ловит, жуков собирает, ужей маринует». На рождественские каникулы 1911/12 г. Миша уехал в Саратов: «Миша у знакомых гостит в Саратове» (24.XII.1911). «Вернулся Миша из Саратова» (15.1.1912). 30.V.1912: «Миша уехал сегодня на урок в Саратовскую губернию».

Летом 1912 г. М. А. служит контролером на дачных поездах (студенческий приработок). Бывает у Лаппа в Саратове. К записи от 11 авг. 1912 г.: «Разъехалась наша дача на это лето <...> Жорж давно вычеркнут из нашей компании, Миша и говорить нечего...» сделана приписка в 1940 г.: «Мишино увлечение Тасей и его решение жениться на ней. Он все время стремится в Саратов, где она живет, забросил занятия в университете, не перешел на 3-й курс». 20 авг. 1912 г.: «Миша вернулся — en deux с Тасей; она поступает на курсы в Киеве. Как они оба подходят к друг другу по безалаберности натур! [В 1940 г. исправлено: по стилю и по вкусам.] Любят они друг друга очень, вернее — не знаю про Тасю — но Миша ее очень любит...» (16 окт. 1916 г. сделано примечание: «Теперь я бы написала наоборот». И в 1940 г. дано пояснение: «Мишин отъезд врачом в Никольское — Тася едет с ним»).

«16-го, когда я устраивала мальчиков [младшие братья Коля и Ваня, вернувшись с дачи, жили временно — в связи с отъездом матери в Крым — у

¹⁸ Татьяна Николаевна Лаппа (1891—1982).

друга семьи Ивана Павловича] в Киеве, я зашла в нашу квартиру за книгами и там натолкнулась на эту картину: Мишин кабинет в беспорядке, сам он за книгами, Тася в большой шляпе. Платон и Саша [братья Гдешинские]. <...> У Миши экзамены — последний срок, или он летит из университета: что-то будет, что-то будет?¹⁹ <...> Миша много со мной говорил в тот день... [Вставка 1940 г.: “Беспокойная он натура и беспокойная у него жизнь, которую он сам по своему характеру себе устраивает”.] Изломала его жизнь, но доброта и ласковость, остроумие блестящее, веселость незлобивая, когда его не раздражают, остаются его привлекательными чертами [Вставка 1940 г.: Он бывает обаятелен и этим покоряет окружающих.] Теперь он понимает свое положение [пояснение 1940 г.: речь идет об экзаменах], но скрывает свою тревогу, не хочет об этом говорить, гаерничает и напевает, аккомпанируя себе бравурно на пианино, веселые куплеты из оперетт... Хотя готовится, готовится... Грустно, в общем. [Примечание 1940 г.: “Экзамены он в ту осень благополучно сдал”.]» 30 авг. 1912. г. Буча: «<...> гостившие у нас два дня Миша и Тася, привезшие много шуму, гаму и хохоту — тоже уехали сегодня».

Дело идет к свадьбе. Перед свадьбой М. А. сочиняет шутиливую пьесу «С мира по нитке — голому шиш». В ней действовали: Бабушка — Елизавета Николаевна Лаппа, Доброжелательница солидная — мать (Варвара Михайловна), Доброжелательница ехидная — тетя Ириша (Ирина Лукинична Булгакова, которая упоминалась выше), Доброжелательница — тетка Таси — Софья Николаевна Лаппа-Давидович, близкая подруга матери; Просто доброжелательница — тетя Катя Лаппа-Давидович; Хор молодых доброжелателей — братья, сестры и друзья. В пьесе был такой диалог: «Бабушка: Но где же они будут жить? Доброжелательница: Жить они вполне свободно могут в ванной комнате. Миша будет спать в ванне, а Тася — на умывальнике».

30 марта 1913 г. мать Варвара Михайловна пишет дочери Наде, которая учится в Москве, о предполагаемой женитьбе сына:

«Моя милая Надя! Давно собираюсь написать тебе, но не в силах в письме изложить тебе всю эпопею, которую я пережила в эту зиму: Миша совершенно измочалил меня <...> В результате я должна предоставить ему самому пережить все последствия своего безумного шага: 26 апреля предполагается его свадьба. Дела стоят так, что все равно они повенчались бы, только со скандалом и разрывом с родными; так я решила устроить лучше все без скандала. Пошла к о. Александру Александровичу²⁰ (можешь представить, как Миша с Тасей меня выпроваживали поскорее на этот визит!), поговорила с ним откровенно, и он сказал, что лучше, конечно, повенчать их, что “Бог устроит все к лучшему”. ...Если бы я могла надеяться на хороший результат этого брака; а то я, к сожалению, никаких данных с обеих сторон к каким бы то ни было на-

¹⁹ Пояснение Н. А. (1940 г.): Иначе его исключат, университет ему больше отсрочки не даст.

²⁰ Священник А. А. Глаголев, друг семьи Булгаковых.

деждам не вижу, и это меня приводит в ужас. Александр Александрович искренно сочувствовал мне, и мне стало легче после разговора с ним. (...) Потом Миша был у него; он, конечно, старался обратить Мишино внимание на всю серьезность этого шага (а Мише его слова как с гуся вода!), призывал Божье благословение на это дело...

Теперь Мише нужно хлопотать о всяких бумагах; и я хочу еще, чтобы в матрикуле был зачтен его переход на 3-й курс, а тогда уже венчаться можно. Свадьба будет, конечно, самая скромная и тихая. Я посоветовала им [Мише и Тасе] написать Ник<олаю> Николаевичу [отцу Таси — Н. Н. Лаппа] письмо с извещением о переходе на 3-й курс и с просьбой о позволении венчаться. Вчера они отослали это письмо.

Ты, конечно, можешь себе представить, какой скандал шел всю зиму и на Мар<иинско>-Благ<овещенской>²¹. Бабушка и сейчас не хочет слышать об этой свадьбе, Сонечка же старается принимать самое активное участие. Но самая симпатичная роль была Кати. Она старалась всячески привести все к благополучному концу, и все время ее симпатии были на стороне “безумцев”...»

Очевидно, старшее поколение считало безумством женитьбу студента, кончившего лишь два курса, и молоденькой девушки, только окончившей гимназию. Никаких указаний о том, что Булгаковым не нравилась Тася, а Лаппа-Давидовичам — Миша, в переписке и дневниках нет.

О приготовлениях к Мишиной свадьбе, об отношении к ней молодежи мы узнаем из письма от 20 апр. 1913 г. старшей сестры Веры к Наде в Москву:

«Теперь самое главное: Мишина свадьба будет 26 апр. (пятница). Будут только Давидовичи [родные Таси], Булгаковы, Богдановы, Гдешинские, больше в церкви никого не будет, чтобы было потише и поскромнее, а на дом пригласят только Сынгаевских [друзья дома], которых эта свадьба страшно интересуется, а поэтому их нельзя не позвать, потому что они сами бы пришли в церковь, а мама не хочет толпы, и помпы. К свадьбе приедет мать Таси, Евгения Викторовна. Тасе уже выслали образ из Саратова, а мать приедет благословить. Мама купила и Мише такой же образ, как у Таси, почти точь-в-точь. Оба образа очень хороши. Кольца заказали под руководством мамы, говорят, очень хороши, я их еще не видела. Вся молодежь, конечно, очень довольна и подшучивают над Тасей и Мишей. Тасе к свадьбе из дома прислали 100 руб., и бабушка, тетя Соня, Катя и отчасти мама все наперерыв советовали, что нужно купить к свадьбе. Бабушке особенно хотелось фату купить, но Тася наотрез отказалась. Бабушка теперь утешается тем, что оденет ту же наколку, что на Сонину свадьбу одевала. Мы же, молодежь, над всем этим хохотали и даже хотели заказать тебе поэму к их свадьбе: “Таську замуж выдают”. Я рада в конце концов за них, а то они совершенно издергались, избеспокоились, изволновались и извелись. Теперь же пока наступает некоторое успокоение. Мама шьет Мише простыни и наволочки, а Маша и Груня их ме-

²¹ На Мариинско-Благовещенской улице жили родственники Таси.

тят. После церкви у нас будет чай, фрукты и конфеты, а затем сторонних отправят по домам (образное выражение), а молодежь, верно, еще останется. После свадьбы Миша и Тася поселятся в Тасиной комнате, до Бучи, а в Буче будут вместе с нами...»

Свадьба М. А. Булгакова состоялась, как и было намечено, 26 апреля 1913 г. по старому стилю, а 2 мая 1913 г. мать пишет в письме к Наде: «Сегодня я и сама собиралась писать тебе <...> Хотела сделать это раньше, но <...> только что поднялась с одра болезни, куда меня уложила Мишина свадьба. У меня еще хватило сил с честью проводить их к венцу и встретить с хлебом-солью и вообще не испортить семейного торжества. Свадьба вышла очень приличная. Приехала мать Таси, были бабушка, Сонечка, Катя с Ирочкой [тетки Таси и ее двоюродная сестра], Иван Павлович, 2 брата Богдановых, 2 брата Гдешинских и Миша Книппович (это все близкие друзья Михаила), который попал случайно, и вся наша фамилия в торжественном виде. Встретили цветами и хлебом-солью, потом выпили шампанского (конечно, донского), читали телеграммы (которых с обеих сторон оказалось штук 15), а потом пошли пить чай. Я и молодые благодарим тебя и Колю за телеграмму. А потом у меня поднялась t° до 39° , и я уж не помню, как упала в постель, где пролежала 3 дня, а потом понемножку стала отходить. Сейчас у меня сильная слабость деятельности сердца, утром t° — 36° , и я шатаюсь, когда хожу».

Осенью молодые поселились отдельно, но обедать ходили к маме. Об этом пишет в своих письмах двоюродная сестра Лиля (см. выше письмо от 14.XI.1913).

Частые упоминания о Мише и Тасе содержатся в письмах к Наде Александра Петровича Гдешинского (Саши), друга юности Булгаковых: «Я знаю, что Вы любите, когда Вам пишут о Ваших: Миша и Тася недавно были у нас в гостях, я был у них вчера. Пришел, Миши еще не было, зато была Вера; мы весьма уютно посидели троим, затем пришел Миша; когда поел, то очень полюбил и начал изображать тигра, который залез в купе и бросается на путешественников» (13.X.1913).

Живой рассказ об именинах Михаила Афанасьевича, о жизни молодых находим в письме И. М. Булгаковой (Лили) к Н. А. от 11 ноября 1914 г.: «Решила приурочить письмо к 9—10—11 ноября, т. е. после 8-го, дня именин твоего брата, моего кузена и «драгоценного» именинника, как стоит в твоём поздравлении. Думаю, что будет интересна тебе страничка нашей жизни. Начну с нее. Были только свои и близкие знакомые (именины праздновались на Андреевском спуске). Сначала шли поздравления и демонстрирование подарков — Тася — англ. трубку, мама — кавказск. запонки, Саша — 5-ю рапсодию Листа, от которой «зажигаются огни в душе», я — коробку зернистой икры с надписью из «божественного» Уайльда, на кот. невольно в результате сбивается жизнь вокруг: «Люди чудовища. Единственное, что остается, это получше их кормить». Вечер прошел тихо, один из обычных вечеров в зеленой столовой, когда шумит самовар, безапелляционно утверждает что-либо мама, ничего не

замечая, углублен в свои мысли Саша, хохочет Вера, смотрит и слушает Мишу Тася, в унисон с Мишей острит Варя... Одна Варя обратила на себя мое внимание. В ней появилось что-то новое, открылось что-то необыкновенное женское... Пробовал играть Саша на скрипке. Но концерт проходил в пустой гостиной (гости играли в карты, я с Тасей сидела у себя, т. е. в Муйкиной комнате). Скрипка скоро замолчала... Разошлись... Война томит всех. Все чаще на улицах появляются ползающие на костылях «они». Жуть. Вчера вечером около остановки трамвая проходили мерным шагом, не спеша, наши — русские. Шли к вокзалу, отправлялись на войну...

Знаешь, Надечка, — осуждай меня — страшно часто бываю в театре. Грех какой! После стона, которым пропитана перевязочная, уходить в море сладостных звуков!.. Завтра думаю быть с Тасей на «Садко». Тася просила тебе передать привет... Нравятся они с Мишкой тебе? Они живут настоящим семейным домом. Устраивают субботы; винтят [т. е. играют в карты в винт]».

Осенью 1915 г., когда немцы приблизились к Киеву, М. А. отправляет жену к родителям в Саратов. Вот как об этой рассказывает А. П. Гдешинский в письме к Н. А. от 3 ноября 1915 г.:

«В последнее время упорно говорят о Саратове, но медицинский факультет не хочет перебираться туда никакими силами (вернее — саратовцы не хотят), а за медиц. факультетом что-то и остальные поговаривают об оставлении всех в Киеве. <...> Миша тоже на раздорожье, у него на столе я увидел Ваше письмо. Тасю мы с величайшими героическими усилиями вчетвером (Миша, Коля яп<онский>, Немиров и я) усадили в вагон. Рассказать этого нельзя, а нужно самому видеть. Вчера собрались у Миши на винтик, но как-то чувствуется тревога и беспокойство и какая-то сиротливость»²².

Однако уже в октябре 1915 г. Тася снова в Киеве. Мать пишет Наде: «У меня же обедают и Миша с Тасей, которая вернулась еще 1 октября, не будучи в силах вынести дольше разлуку с Мишей» (18/X 1915).

И опять в письме А. П. Гдешинского к Н. А.: «Почти ежевечерне бываю у Миши. Положили мы сперва заниматься, а потом дружеской беседой забавляться». (3.XI.1915).

В 1962 г. Н. А. записывает: «Гатьяна Николаевна пережила с М. А. все трудности вступления в самостоятельную жизнь, годы первой империалистической войны (работа в Красном Кресте), затем скитания, жизнь в с. Никольском (в 40 км от г. Сычевки Смоленской губернии) и Вязьме, переезды, материальные недостатки, каторжную работу в начале литературной деятельности...» М. А. высоко оценивал помощь жены. В письме к матери от 17 ноября 1921 г. из Москвы в Киев он пишет: «Таськина помощь для меня не поддается учету...»

²² На письме рукой Н. А. надпись, сделанная в 60-е гг.: «Осень 1915 г. в Киеве — наступление австрийцев, перевод учебных заведений из Киева. Тася отправлена в Саратов к родителям, Миша — в Киеве».

Михаил Афанасьевич и Татьяна Николаевна прожили вместе одиннадцать лет — до 1924 г.

Смерть Бориса Богданова

Среди событий предреволюционных лет, оказавших, по всей вероятности, большое влияние на молодого Булгакова, была гибель Бориса Богданова. Вот как пишет об этом событии мать Наде в Москву в письме от 2 марта 1915 г.: «Милая Надя! Собиралась тебе писать, но была прямо не в силах. Теперь я сама удивляюсь своей выносливости. Чем дальше, тем события вокруг меня делаются все сложнее и головокружительнее и, не переставая, бьют меня по нервам... О смерти Бори Богданова ты знаешь уже от Вари. <...> Он экстренно вызвал к себе Мишу и тут же при нем застрелился. Промучился ночь и на другой день умер. <...> Миша вынес немалую пытку...»

Сохранилась позднейшая запись Н. А., комментирующая это событие. «Боря Богданов — близкий друг М. А., сидевший с ним на одной парте несколько лет. Бывал в доме Булгаковых летом почти ежедневно, а зимой часто. Дача Богдановых находилась недалеко от дачи Булгаковых. В 1914 г. был призван на военную службу и служил в инженерных войсках. Застрелился в присутствии М. Булгакова: Борис лежал на постели у себя в комнате, куда к нему зашел Миша; разговаривали; потом Борис попросил Мишу посмотреть у него в карманах пальто, висевшего у двери на вешалке, нет ли там денег; Миша отошел к двери, в это время Борис выстрелил себе в голову; на стуле у постели, на крышке от папиросной коробки, было написано, что в смерти своей он просит никого не винить».

МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ А. И. БУЛГАКОВА¹

Профессор Афанасий Иванович Булгаков
(некролог)

14 марта 1907 года, около 10 ч. утра, после продолжительной и тяжелой болезни, скончался ординарный профессор Киевской Духовной Академии по кафедре Истории и разбора западных исповеданий, доктор богословия, Афанасий Иванович Булгаков.

Почивший А. И. Булгаков сын священника, уроженец Орловской губернии (род. 17 апреля 1859 г.). В Орловских духовно-учебных заведениях он получил низшее и среднее образование. В 1881 г., по окончании курса семинарии, Афанасий Иванович поступил в Киевскую Академию на церковно-историческое отделение. В 1885 г. он окончил курс Академии, при чем был утвержден в степени кандидата богословия с правом получения магистерской степени без нового устного испытания, а чрез представление только печатной диссертации. В сентябре того же 1885 г. Афанасий Иванович получил назначение на должность преподавателя греческого языка в Новочеркасское духовное училище. Здесь Афанасий Иванович обработал свою диссертацию и к концу 1886 г. напечатал ее под заглавием: «Очерки истории методизма» (Вып. I-й). В январе 1887 г. названная диссертация была представлена Аф. И-чем в Совет Киевской Академии на соискание магистерской степени. Согласно с рецензией, составленной доцентом Ф. С. Орнатским, диссертация была Советом Академии признана достойной искомой степени. 27-го мая состоялся магистерский коллоквиум Афанасия Ивановича, а 21 августа Афанасий Иванович был утвержден Синодальным указом в степени магистра.

Магистерская диссертация обнаружила в Афанасии Ивановиче крупную ученую силу, на которую Академия не могла не обратить внимания. И вот, 20-го сентября 1887 г. Афанасий Иванович, по предложению преосв. Ректора Академии еп. Сильвестра, единогласно был избран Советом Академии на ка-

¹ Печатаются по: Булгаков, 1907.

федру Древней гражданской истории, бывшую вакантной уже два года. 29 октября Афанасий Иванович был утвержден в звании доцента по названной кафедре. На этой кафедре, однако, Афанасий Иванович оставался только около года. Скоро освободилась в Академии, за выходом доцента С. А. Булатова, кафедра Истории и разбора западных исповеданий. Афанасий Иванович пожелал занять эту кафедру и 17 января 1889 г., согласно прошению, был перемещен на нее. В 1902 г., марта 21-го Афанасий Иванович был избран экстраординарным профессором. 11 декабря 1906 г. он был удостоен Советом Академии степени доктора богословия, за сочинения: «Старокатолическое и христианско-католическое богослужение и его отношение к римско-католическому богослужению и вероучению» (Киев, 1901) и «О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения православной Церкви» (Вып. I-й. Киев, 1906). Тогда же Совет Академии постановил ходатайствовать пред Св. Синодом об удостоении Афанасия Ивановича звания ординарного профессора сверх штата, с присвоенным сему званию содержанием. 8 февраля 1907 г. Св. Синод удовлетворил это ходатайство. На получение ординатуры Афанасий Иванович возлагал большие надежды. Не имея возможности доселе существовать на академическое жалование, Афанасий Иванович вынужден был взять на себя еще и службу вне Академии. В течение 1892—93 гг. он был преподавателем в Киевском Женском Институте, а с 1893 г. состоял киевским отдельным цензором по внутренней цензуре. Последняя должность, заставлявшая Афанасия Ивановича переворачивать и пересматривать груды книг, нот, картин, отнимала у него особенно много времени и труда. Глубоко преданный Академии Афанасий Иванович надеялся, что с получением ординатуры он, благодаря увеличению содержания, будет иметь возможность оставить службу на стороне и всецело отдаться Академии, — лекциям и литературной работе. Но этим надеждам, к сожалению, не суждено было осуществиться...

Уже весной 1906 г. Афанасий Иванович стал чувствовать какое-то странное недомогание. В течение лета болезнь, которой сначала покойный не придавал значения, усилилась и к началу текущего учебного года резко выразилась потерей зрения и общим сильным ослаблением организма. Произведенными врачебными исследованиями скоро была констатирована наличность у Афанасия Ивановича серьезной хронической болезни почек. Началось энергическое лечение. Но все усилия врачей киевских, а потом и московских, сломить болезнь не привели ни к каким результатам. Болезнь так быстро прогрессировала, что близость печального исхода ее была ясна уже для всех. 9-го марта Афанасий Иванович подал прошение об увольнении по болезни от службы в Академии. 11-го марта он приобщился св. таин и с великим благоговением принял св. Елеосвящение. 14-го марта, около десяти часов утра, Афанасия Ивановича не стало...

В тот же день, в 4 часа по полудни, была отслужена академическим духовенством у гроба почившего панихида, на которой присутствовали профессора Академии и студенты. 15 марта гроб с останками почившего был перенесен в Св. Духовскую церковь Братского монастыря, а 16-го в великой Братской церкви состоялось отпевание. Заупокойную литургию преждеосвященных даров совершал преосв. Агапит, еп. Уманский, в сослужении наместника Братского монастыря архим. Прохора и академического духовенства. В отпевании принял участие преосв. Иннокентий, еп. Каневский, и ученики почившего из городского духовенства. За литургией произнесено было слово проф. свящ. А. А. Глаголевым, а во время отпевания сказаны были речи проф. Д. И. Богдашевским, студ. В. Соколовым, Н. Фетисовым и свящ. Н. Чудновцевым.

По окончании отпевания, погребальная процессия с останками почившего направилась на Старое Байково кладбище. Гроб сопровождали родные почившего, сослуживцы по академии и студенты. Около 4-х часов печальная процессия прибыла на кладбище. Здесь, у могилы, отслужена была последняя лития; студ. IV-го курса Г. Булгаков произнес краткую речь; студенческий хор мощно и стройно пропел «Вечную память» новопреставленному рабу Божию Афанасию, и гроб был предан земле. Место последнего земного упокоения Афанасий Иванович нашел рядом с могилой своего младшего брата Сергея Ивановича, питомца Киевской Академии, неожиданно скончавшегося несколько лет тому назад.

* * *

Безвременная смерть Афанасия Ивановича Булгакова составляет тяжелую потерю и для Академии, и для русской богословской науки. Покойный профессор, получивший богатые природные дарования, отличался выдающимся трудолюбием и работоспособностью. Аккуратно исполняя свои прямые профессорские обязанности, не пропуская до свдшей его в могилу болезни почти ни одной лекции, не уклоняясь никогда от официальной работы, Афанасий Иванович нес еще, как замечено выше, и внеакадемическую службу. При всем том он находил время и для учено-литературной работы. Как ученый писатель, Афанасий Иванович был очень продуктивен. Кроме перевода творений бл. Иеронима и Августина, заключающего в общей сложности около 150 печатных листов, Афанасий Иванович поместил на страницах «Трудов Киевской Духовной Академии» более ста печатных листов оригинальных статей, многие из которых вышли отдельными книгами и брошюрами. На ряду с этим Афанасий Иванович писал в «Христианском Чтении», в «Православной Богословской энциклопедии», в «Миссионерском Обозрении» и в «Руководстве для сельских пастырей».

Учено-литературная деятельность Афанасия Ивановича началась упомянутым выше сочинением «Очерки истории методизма», вышедшим в 1886—

1887 г. в двух выпусках. Эта обширная работа посвящена исследованию одного из крупнейших явлений в истории английской церкви, так как методизм нередко называют второю реформациею английской церкви. Хотя автор и назвал свою работу только «очерками», но это в сущности довольно полная история методизма, начиная от зарождения его в 1729 г., и до наших дней. При этом автор знакомит не только с внешней историей методизма, а и с внутренней его стороной, — с догматикой методистов, их богослужением и жизнью.

Работа над магистерской диссертацией определила научные симпатии Афанасия Ивановича на все последующее время. В течение всей его профессорской деятельности главным предметом его ученых работ были западные исповедания. Афанасий Иванович внимательно следил за религиозной жизнью запада и считал своим долгом отмечать для русских читателей все выдающиеся события в области западных исповеданий и так или иначе их оценивать. В академическом журнале Афанасий Иванович поместил длинный ряд статей, которые в своей совокупности составляют, можно сказать довольно полную хронику религиозной жизни запада за последние 20 лет. Сюда относятся статьи: «Общее собрание англиканских епископов в 1888 г. в июле месяце» (Труды К. А. 1889 г., кн. 1); «Страница из истории современного ритуализма в Англии» (*ibid.* 1890, 6); «И. Фонь-Деллингер, глава старокатолического движения» (*ibid.* 1890, 7); «Баптизм» (*ibid.* 1890, кн. 10—11); «К вопросу о папской непогрешимости» (Труды К. А. 1892, 3); «Католичество в Англии» (*ibid.* 1893, 2); «Мормонство» (*ibid.* 1896, 2); «О религиозном образовании в Северо-Американских Соединенных штатах» (*ibid.* 1900, 4); «Предположение о принятии еще одного догмата в римско-католическую догматику» (*ibid.* 1903, 10); «Современное франкмасонство в его отношении к церкви и государству» (Труды К. А. 1903, 12); «Римский католицизм во Франции» (Христиан. Чтен. 1905, кн. 10—11) и мн. др. Кроме названных статей, в период 1893—96 г. Афанасий Иванович регулярно на страницах Трудов Академии помещал свои краткие, но содержательные и интересные заметки, под заглавием: «Из заграничной религиозной жизни».

Интересуясь религиозной жизнью запада вообще, Афанасий Иванович особенное внимание уделял, при этом, тем движениям, которые, по-видимому, направляются к восстановлению нарушенного некогда церковного мира и к единению с православной церковью.

Движения эти — английский ритуализм и старокатолицизм. Этими движениями Афанасий Иванович занимался с особою любовью и их избрал предметом для своей докторской диссертации. По вопросу об англиканстве А. И. высказался впервые в 1893 г., в актовой речи, изданной затем под заглавием: «Стремление англикан к восстановлению древнецерковной вселенскости в Англии в последние шестьдесят лет» (Киев, 1894). Тот же предмет более обширно А. И. трактовал в статье: «Новые религиозные преобразования в Англии в XIX в.», напечатанный в Трудах Академии за 1897 г. Между тем об-

стоятельства выдвинули из области англиканства на первый план вопрос об англиканской иерархии. В 1896 г. вышла булла Льва XIII, *Apostolicae sigae*, в которой глава Римской церкви осуждал английскую иерархию, как не действительную, и таким образом низводил англиканство на степень протестантской секты. Через полгода после появления буллы в свет 19 февраля 1897 г. англиканский примас арх. Кентерберийский выпустил в свет ответ на папскую буллу, подвергнув ее критике. Вслед затем появились на всех языках сочинения об англиканской иерархии, вопрос о которой был неясен и раньше. Афанасий Иванович принял деятельное участие в обсуждении этого вопроса. В август. книжке Трудов за 1898 г. он поместил статью под заглавием: «К вопросу об англиканской иерархии». Здесь он излагает полемику между католиками и англиканами, вызванную буллой Льва XIII и делает из нее выводы по вопросу о законности и действительности англиканской иерархии. Названные статьи, заметим кстати, обратили на себя внимание в Англии и были переведены на английский язык Лондонским Церковно-Историческим Обществом. Не ограничившись отмеченной статьею, Афанасий Иванович решил посвятить спорному вопросу об англиканской иерархии специальное исследование, первый выпуск которого и вышел в 1906 г. под заглавием «О законности и действительности англиканской иерархии». Сочинение это, вследствие неожиданной болезни Афанасия Ивановича оставшееся незаконченным, задумано было по широкому плану. В начале сочинения автор дает анализ верований первых представителей англиканской иерархии и краткий очерк истории последующего развития этих верований. Желая далее сделать с православной точки зрения оценку этих верований, автор устанавливает критерий для нее. С этою целью, во избежание подозрений в односторонности и пристрасти, — подозрений, нередко высказываемых в вероисповедной полемике, — Афанасий Иванович определяет, православно-церковный взгляд на иерархию по Св. Писанию и творениям св. отцов и учителей Церкви, а также по Соборным деяниям. Анализ этот, отличающийся основательностью, доведен, к сожалению, только до посланий Игнатия Богоносца, во время которого, по признанию англикан, определились формы христианского служения.

Другим явлением религиозной жизни запада, весьма интересовавшим Афанасия Ивановича, было старокатоличество. Свой общий взгляд на старокатоличество Афанасий Иванович высказал в 1893 г. в небольшой статье по поводу конгресса старокатоликов (см. Труды К. Д. А. 1893, 2). В этой статье Афанасий Иванович признает, что старокатолическое движение есть не что иное, как «возвращение к древле-вселенскому вероучению». В основе этого движения он видит, не искание каких-либо выгод, а любовь к истине. Соединение старокатоликов с православною Церковью Афанасий Иванович признавал весьма желательным. «Это воссоединение, писал он, принадлежит к одному из заветнейших желаний наших. С искреннею радостью мы приветствуем составленную для наследования вопроса об отношении старокатолицизм-

ма к православной Церкви Комиссию из ученейших представителей нашей богословской науки и желаем ей полнейшего успеха в деле, ею намеченном». Но будучи сторонником единения со старокатоликами, Афанасий Иванович не принадлежал к числу таких людей, которые хотели бы достигнуть этого единения ценою всевозможных уступок. В рассматриваемой нами статье Афанасий Иванович писал: «Храня вселенскую истину, православная Церковь не может при принятии в свои недра новых членов поступать подобно римскому католицизму, т. е. соглашаться на разного рода accommodations к их воззрениям и делать хотя бы и временные только уступки. Такие полумеры в принятии новых членов никакого добра в себе не заключают: напротив, они служат источником непоправимого зла; они указали бы только, что православная Церковь считает возможным спуститься с того пьедестала, стоя на котором она есть столп и утверждение истины; они показали бы ее верным чадам, что Церковь сама умаляет значение хранимой ею истины. Православная Церковь не может допустить ни шаткости, ни индифферентизма, а потому должна с крайнею осторожностью отнестись к старокатоликам. Двадцатилетнее существование старокатолицизма показало, что он в лице своих представителей склонен к индифферентизму или к лютитудинарианству; в массах же народа старокатолицизм есть не что иное, как то же самое римское католичество, из которого он выделился».

С целью более глубокого выяснения сущности старокатолицизма А. И. в 1898 г. начал исследование старокатолического богослужения, справедливо полагая, что общественное богослужение является наилучшим выражением самой потаенной стороны в жизни общества, — его верований и настроения. Названное исследование Афан. Ив. задумал по широкому плану: он намеревался изложить самое богослужение старокатоликов, затем выяснить на основании его догматические принципы старокатоличества и, наконец, сравнить старокатолическое богослужение с формулами древнего христианского богослужения. Но последняя часть плана А. И. не была осуществлена: в вышедшей в 1901 г. книге «Старокатолическое и христианско-католическое богослужение» он ограничился только изложением старокатолического богослужения и сделал из него выводы относительно догматических основ его. Вывод получился тот, что «элементы чисто католические в богослужении старокатоличества выступают очень заметно, что, очищая верования запада от средневековых наростов на них и воплощая их в молитвенную форму, недостаточно решительно изглаждали эти наросты в богослужении». Старокатолическое богослужение, по мнению Афанасия Ивановича, должно претерпеть еще некоторые существенные дополнения и отчасти изменения, чтобы оно имело право называться старокатолическим в том смысле этого слова, которое придают ему сами старокатолики, т. е. *древневселенским*. Таким образом, исследованием старокатолического богослужения Афанасий Иванович обосновал тот

взгляд на сущность старокатоличества и на отношение к нему со стороны православия, которые он проводил и в рассмотренной выше статье.

Наряду с западными исповеданиями интересовало Афанасия Ивановича и русское сектантство, как один из видов уклонения от православия. К изучению сектантства относятся брошюры Афанасия Ивановича: «О молоканстве» (Киев, 1891) и другая под заглавием «Когда нужно креститься» (Против перекрещенцев), Киев, 1893. Обе брошюры представляют сжатое, но обстоятельное и основательное изложение и опровержение сектантских заблуждений.

Кроме трудов, относящихся к области своих специальных занятий, Афанасий Иванович оставил не мало ученых рецензий, несколько слов и речей, а также работ общего богословского характера. Из числа последних упомянем брошюры: «Четырехсотлетие Новой истории» (Киев, 1893 г.); «Церковь и ее отношения к прогрессу» (Киев, 1903 г.); «О просвещении народов» (Киев, 1904 г.); «О свободе человека христианина» (Киев, 1905 г.). Все названные работы, без сомнения, представляют значительный интерес и по затронутым в них вопросам, и по содержащимся в них оригинальным и свежим мыслям.

Краткий очерк учено-литературной деятельности Афанасия Ивановича дополним характеристикой покойного профессора, как человека.

В бытность свою на школьной скамье Афанасий Иванович, по отзывам товарищей, пользовался любовью за свою простоту, общительность, готовность войти в товарищеские интересы и поделиться своими знаниями. Искренними симпатиями Афанасий Иванович пользовался и среди своих сослуживцев. Покойный профессор, может быть, не принадлежал к числу тех людей, которые с первого же взгляда, с первого слова останавливают на себе внимание: простой, не претенциозный, — Афанасий Иванович для многих, вероятно, мог пройти незамеченным. Но ближайшее знакомство с несомненностью показывало, что это был человек достойный большого уважения и симпатии. При частых беседах с Афанасием Ивановичем легко было убедиться в наличности у него одного чрезвычайно ценного для нашего мятущегося времени качества — именно в том, что почивший представлял собою типичную цельную натуру с законченным мирозерцанием. По всем важнейшим вопросам мысли и жизни у Афанасия Ивановича были определенные взгляды, и всякое новое явление он легко укладывал в рамки своего мировоззрения. Мировоззрение это было очень широко: Афанасий Иванович не был узким специалистом, ничего не видевшим кроме предмета своих непосредственных занятий; он очень много знал по разным областям науки и свои знания непрерывно пополнял, внимательно следя за иностранной и русской литературой. Основной чертой мировоззрения Афанасия Ивановича была его церковность. Афанасий Иванович был церковным человеком в настоящем лучшем смысле этого слова. Идея Церкви была центральной в его теоретических построениях. Практические вопросы церковной жизни также всегда живо его интересовали, и он считал своим долгом по мере сил содействовать осуществлению церковных

задач. Несколько лет тому назад почивший принимал деятельное участие в происходивших под руководством покойного архиепископа Сергия беседах со штундистами. Последние годы он был одним из ревностнейших деятелей Киевского Религиозно-Просветительного общества: здесь он вел чтения для народа, пел на клиросе, исполнял обязанности казначея и многое другое. Когда в Киеве несколько лет тому назад образовался кружок духовных и светских лиц, имевший целью обсуждение церковных вопросов и уяснение основ назревшей церковной реформы, Афанасий Иванович был одним из усерднейших членов этого кружка: он неопустительно посещал заседания кружка и принимал самое горячее участие в спорах. Что касается воззрений Афанасия Ивановича по церковным вопросам, то об этом можно сказать следующее: почивший профессор был очень далек от того поверхностного либерализма, который с легкостью все критикует и отрицает; но в то же время он был противником и того неумеренного консерватизма, который не умеет различать между вечным и временным, между буквой и духом и ведет к косности церковной жизни и церковных форм.

В товарищеском кругу Афанасий Иванович был простой человек, чуждый зависти, недоброжелательности и того мелочного самолюбия, которое столь часто является источником печальных недоразумений. В течение двадцатилетней службы в Академии у Афанасия Ивановича ни с кем не было не только столкновений, но и простой размолвки: всюду он был приятным гостем и собеседником. А как собеседник, кстати сказать, Афанасий Иванович был незаменим. Всем он интересовался, во всякий разговор легко входил, а главное, — твердо держась своего взгляда, был терпим к чужому мнению и никогда не выходил из себя, не смотря на самую резкую оппозицию...

Как наставник, Афанасий Иванович пользовался неизменной любовью студентов, ярким выражением которой являются помещаемые ниже речи.

Мир праху твоему и твоей доброй душе, дорогой товарищ!

Вл. Рыбинский

СЛОВО

на заупокойной литургии при погребении профессора
Афанасия Ивановича Булгакова (16 марта 1907 года)

*Скажи ми, Господи, кончину мою
и число дней моих, кое есть*

(Пс. 38, 5).

Эти слова св. псалмопевца, этот вопль души верующей, но мучимой безотрадным сознанием всей краткости и бренности нашего земного бытия, сами собою приходят нам, братие, на мысль при виде сего гроба. Воистину, неисповедимы судьбы Божии: кто бы из нас год тому назад мог подумать, чтобы наш возлюбленный о Христе и приснопамятный Афанасий Иванович, всегда представлявшийся нам образцом здорового человека, так скоро, по суду Божию, отошел «в путь вся земля» (3 Цар. 2, 2). Роковой недуг, зачатки которого, быть может, и ранее таились в почившем, так быстро сразил его могучую природу.

Все мы, братие, — семья и родные почившего, сослуживцы и питомцы его и все знаемые его, — соединились у гроба его для последнего на земле свидания с ним. И в эти знаменательные минуты объединяет нас и проникает не только общее чувство любви к почившему и жгучая скорбь о невознаградившей утрате дорогого нам существа, но и глубоко-горестное изумление и недоумение по поводу столь, по-видимому, безвременной кончины его: как так быстро пресеклась жизнь, столь дорогая и нужная для многих, для присных, ближних и дальних почившего?

Но вот, в ответ этим недоумениям любящего сердца мы слышим древнее слово премудрости: *Старость честна немноголетна, ниже в числе лет исчисляется: седина же есть мудрость человеком и возраст старости житие нескверно* (Прем. Сол. 4, 8—9). Приложим же, братие, это мерило к почившему, кратко воспроизведем здесь его духовно-нравственный облик, бросим общий взор на его жизнь и деятельность: не найдем ли мы здесь некоего бальзама на раны скорбящих любящих его сердец?

В лице почившего сходит в могилу великий труженик, примерно-добросовестный работник на отечественной учено-богословской ниве. Богатые природными дарованиями он во много крат у плодоносил неослабным и непрерывным напряжением умственных сил своих и все их посвятил на служение науке веры. Глубокая и искренняя преданность избранному делу, делу развития богословской науки и богословского просвещения, отличала все двадцатилетнее служение его в Академии. Он всегда работал, работал, не покладая рук, сколько позволили ему хорошие силы и здоровье, хотя, вероятно, иногда и в ущерб последнему. Печатные труды его по своей науке, исчисляются десятками и имеют большую ученую ценность. И во всех этих трудах, как и во всей

преподавательской и просветительно-общественной деятельности, почивший высоко держал знамя вселенской истины, знамя нравственно-богословской науки: «право править слово истины» (1 Тим. 2, 15) было неизменным правилом его учено-богословской деятельности, непреложным требованием его ученой совести, при свете которой он счастливо умел блюсти и объединять права и требования веры и разума.

Но ученая совесть А. И., побуждавшая его так свято относиться к преподаваемой им науке, была у него лишь одним из проявлений цельной совести его как человека-христианина. Ученый никогда не отгеснял и не заслонял в нем человека-христианина, верного сына Церкви, семьянина, общественного деятеля: «сия творити и оных не оставляти» (Мф. 23, 23) было руководящим началом его отношения к науке и жизни. Отсюда — незаурядная цельность духовного развития почившего, чуждого крайностей и односторонностей ученой замкнутости, с одной стороны, и жизненно-практической мелочности, с другой. Это был человек крепкой веры, твердого убеждения, широкой природной доброты и радушия, искренности, простоты и открытости нрава, готовности на все доброе, отзывчивости к чужому страданию и т. д. Это был — дерзнем сказать — «воистину израильтянин в нем же лъсти несть» (Иоан. 1, 47). И понятно, что «добрый человек из добраго сокровища сердца своего выносить доброе» (Лук. 6, 45), что при названных свойствах души, он был и дорогим товарищем — сослуживцем, и добрым наставником — учителем, и желанным собеседником, и добрым семьянином, и полезным общественным деятелем.

Но выше всего, к общему нашему назиданию и утешению, поставим мы духовную зрелость почившего, ради которой он и мог быть представлен Господом, по слову премудрого: *благоугоден Богови быв, возлюблен бысть, и живый посреде грешник преставлен бысть* (Прем. 4, 10). Всю жизнь носил он, храня паче всякого хранимого, в сердце своем зерно веры, неизменно являя послушание водительству св. Церкви. И семя дало плод по роду своему: Господь сподобил раба Своего, хотя и не безболезненной, но истинно христианской кончины. Умилительно было видеть великую нравственную чуткость умирающего при приготовлении его к последнему напутствию святейшего таинства тела и крови Христовых. Прикованный тяжким недугом к смертному одру, он скорбит душою о том, что ему в первый раз в жизни придется принять Св. Тайны на положении больного, на дому, без нарочитого приготовления и говения, а когда удалось склонить его помириться с этим, он, с великим напряжением последних сил, то выслушал, то сам вычитал «правило к причащению». Это был последний день его сознательной жизни на земле, и он удостоился с полным сознанием и глубокою верою принять тогда же и таинство елеосвящения. Надежда на выздоровление не покидала его и тогда: глубоко объятый горьким сознанием грехов, он со всею пламенностью верующей души чаял начать обновленную жизнь во Христе. Господь судил иначе...

Но мы верим, братие, что приятыя им Св. Тайны по неложному обетованию Господа (Иоан. 6, 54), соделаются в нем, ростком вечной жизни со Христом, по молитвам Св. Церкви. К молитвам Церкви и мы все, братие, присоединим горячие мольбы свои о почившем.

Свящ. А. Глаголев

РЕЧЬ
у гроба почившего профессора Киевской Академии
Афанасия Ивановича Булгакова

Дорогой учитель!

После долгой разлуки ты опять с нами. Но не обычным радостным приветствием приходится встречать тебя теперь, а новым, грустным и печальным. Не «здравствуйте, Афанасий Иванович», говорим мы тебе, а «прощай, дорогой наш учитель». И прощай навсегда, без надежды когда-либо видеться с тобою здесь еще, без надежды когда-либо быть с тобой вместе, говорить с тобой...

А эти прежние наши столь частые встречи, прежние душевные, почти нескончаемые беседы! Как трудно забыть их! Да больше: их, кажется, невозможно забыть!.. Ведь, ты, учитель, был так близок к нам. Ты никогда не сторонился от нас, не чуждался нашего общества. В нашей молодой студенческой среде ты, можно сказать, был нашим, своим, товарищем.

А это такое незаурядное явление!

В наши дни много жалуются на разобщенность учащихся и учащихся в высшей школе, много говорят о необходимости сближения между теми и другими. И жаловаться, думается, можно, говорить нужно. Но, кажется, нельзя при этом забывать и того, что разобщенность эта так естественна, а сближение это так трудно достижимо.

В самом деле: если учащий в высшей школе, должен быть ученым в собственном смысле слова, если в той или другой научной области он должен быть строгим специалистом, если наука должна быть делом всей его жизни, то естественно, что его внимание, его интересы преимущественным образом сосредоточиваются там, в высоких сферах научных. А ведь сферы нашей обычной жизни, наших обычных интересов и вопросов с теми высокими сферами могут не совпадать. Здесь может быть много не общего, здесь может быть большое различие. А отсюда — естественность разобщенности между учащими и учащимися в высшей школе, отсюда трудность сближения между теми и другими.

Ты, учитель, был ученым в собственном смысле.

Но при всей твоей учености тебе не чужда была наша обычная жизнь, наши обычные интересы и вопросы. Твоя ученость редким образом сочеталась в тебе с чуткостью к переживаниям всякой души, с отзывчивостью на волнения всякого сердца.

Как же нам будет забыть о тебе?

Живо представляются нам эти столь частые сцены.

Ты только на минуту по какому-нибудь делу зашел в академию. Где-нибудь на коридоре или в вестибюле встретился со студентом. Два слова приветствия, какой-нибудь вопрос — завязывается разговор. Проходит мимо дру-

гой студент — присоединяется к беседующим. То же делают третий и четвертый. Около тебя быстро образуется группа собеседников. Разговор становится все оживленнее и оживленнее. Вопрос сменяется вопросом. Одна тема переходит в другую. А вот уже и прения, споры... Незаметно проходят полчаса, час... Но ты зашел только на минуту. Ты спешешь. Смотришь на часы; «а мне пора», — говоришь и прощаешься с нами. — «Подождите, Афанасий Иванович», — просим мы: — «еще рано. Поспееете». И ты сейчас же забываешь о недосуге и говоришь, говоришь... Опять вспоминаешь, застегиваешь пальто, опять прощаешься и... опять говоришь... Что было в академии, то могло быть и везде: на улице, в вагоне, у тебя на квартире, в какой-нибудь аудитории, зале на чтении, реферате... Твои собственные лекции нередко обращались в полные живого интереса коллоквиумы. И вот, когда у тебя уже большого в Москве были некоторые из товарищей, ты, оживляемый светлыми надеждами, говорил им, — «скоро, скоро уже вернусь к вам. И опять за лекции. А если нельзя будет читать, то — что же? — мы... так... поговорим»...

Любил, ты, учитель, эти беседы с нами. Но еще больше любили их мы. Вот и теперь хотелось бы нам подольше задержать тебя у себя. И теперь хотелось бы сказать: — «подождите, Афанасий Иванович. Еще рано. Вы еще так молоды. Вы еще полны сил. Вы еще много могли бы сказать нам, много могли бы сделать для науки, Церкви и общества»...

Но вид этого гроба, эта обстановка, эти печальные лица, твое молчание составляют только горестно воскликнуть: — «как все это неожиданно и больно!»

Прощай же, учитель!

Вечная тебе память!

Н. Колосов

НАЧАЛО ВРАЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. БУЛГАКОВА И «РАССКАЗЫ ЮНОГО ВРАЧА»

По свидетельству Н. А. Земской, именно так назвал это произведение сам писатель. Свое мнение она основывала на том, что такое название носил машинописный текст, подаренный ей братом. «Рассказы юного врача» превратились в «Записки юного врача» по воле редакторов, готовивших публикацию в библиотеке «Огонек» (1963). Н. А. Земская была крайне огорчена этой и другими редакторскими переделками «Рассказов юного врача», портившими, как она считала, булгаковский текст¹. В публикуемом ниже письме Н. А. Земской к Е. С. Булгаковой, вдове писателя, сравнивается огоньковский текст и текст прижизненных изданий рассказов, к которому Н. А. предлагала вернуться при дальнейших публикациях. Это письмо содержит также интересные воспоминания о времени создания «Рассказов».

Москва — Ростокино
18—25 апреля 1964 года
Милая Люся²!

После встречи с тобой я много думала об испорченном тексте «Рассказов юного врача» в издании «Огонька» и советовалась с дочерью, которая очень поддержала меня. Я внимательно перечитала подлинный текст «Рассказов юного врача»; тщательно сверила текст напечатанного в издании «Огонька» рассказа «Серебряное горло» и авторский текст рассказа «Стальное горло».

Рассказ «Стальное горло», один из лучших рассказов сборника, пострадал очень сильно: он, можно сказать, разрушен, начиная с заглавия, которое дал ему Мих. Булгаков со свойственным ему умением смело давать меткие, не стандартные заглавия, вытекающие из сути текста — отсюда — «Стальное горло».

В других рассказах в издании «Огонька» тоже имеются досадные «исправления», испортившие подлинный авторский текст.

¹ В пятитомном собрании сочинений М. А. Булгакова (М.: Худ. лит., 1989. Т. 1) «Рассказы юного врача» печатаются по текстам первых публикаций (это указывается и в комментариях), однако сохраняется название «Записки».

² Домашнее имя Елены Сергеевны Булгаковой.

Мы пришли к заключению, что исправить это можно только одним способом: полным восстановлением при новом издании текста подлинника во всех рассказах, начиная с названия всего сборника: не ЗАПИСКИ, а РАССКАЗЫ. Тем более, что все пропуски и «исправления» в сущности не оправданы, не являются необходимостью.

Мы прочитали прекрасный конец «Стального горла» в подлиннике и пришли к заключению, что нужно восстановить весь рассказ (как и другие рассказы сборника), ничего не выпуская. Я нахожу конец «Стального горла» *очень булгаковским*; в похвалах акушерки и реакции на них врача я не вижу никакого хвастовства автора; я увидела там тонкую иронию Булгакова над самим собой. Этой иронией проникнуты многие эпизоды и в других рассказах сборника.

Вообще, повторяю, мы считаем, что надо напечатать второе издание «Рассказов врача», вернув весь текст подлинника. Ведь, когда эти рассказы печатались в журнале «Медицинский работник» в 1923—27 годах при жизни автора, он не нашел нужным делать все эти, внесенные теперь в издании «Огонька» пропуски и переделки.

На выпуски и переделки в значительной мере толкнуло изменение общего названия сборника: слово «*Рассказы*» заменено словом «*Записки*». Но ведь по *жанру* это не записки, а именно художественные рассказы, хотя они ведутся от первого лица. И нет никакой надобности скрывать, что действие рассказов начинается в 1916 г., а продолжается в 1917 г. (рассказы «Пропавший глаз» и «Морфий») — пусть солдат в «Пропавшем глазе» рассказывает про Керенского — ничего в этом нет плохого.

Подгонять текст одного рассказа к другому не было надобности. Кроме того, название «Записки» невольно заставляет отождествлять автора с героем рассказов — юным врачом, 23-летним выпускником, только что окончившим медицинский факультет, не опытным. А это не так. В этих рассказах, основанных на пережитом, Михаил Булгаков не воспроизводит себя, хотя в герое есть его черты, а создает своего героя — молодого, даже юного врача, на которого смотрит как бы со стороны, как старший, уже много переживший, ставя его в разные положения на основе своего опыта. Это особенно видно с первых же страниц сборника (рассказ «Полотенце с петухом»), где герой, только что приехавший в Мурино, оставшись вечером один, «осваивается» у лампы.

Михаил Булгаков окончил медицинский факультет в апреле 1916 года, когда ему было уже 25 лет. В Смоленскую глушь, в Никольскую пункт-больницу, он приехал с женой Татьяной Николаевной через пять месяцев, в сентябре 1916 года, проработав перед этим все лето в прифронтовых госпиталях на юго-западном фронте. Оттуда он был срочно отозван в Москву и назначен в земскую больницу, как и все его товарищи, окончившие вместе с ним. Весь выпуск при окончании получил военное звание *ратников ополчения 2-го разряда* — именно с той целью, чтобы они не были призваны на военную службу.

бу, а использованы в земствах: опытные земские врачи были взяты на фронт, в полевые госпитали, а молодые выпускники заменили их в тылу, в земских больницах. (Об этом есть упоминание и в рассказе «Морфий»). Но назначение киевских выпускников в земства состоялось не сразу, и Михаил Булгаков получил возможность все лето 1916 года проработать в прифронтовых госпиталях на юго-западном фронте, куда он поехал добровольно, поступив в *Красный Крест*. Вот там он и получил некоторые навыки, особенно по хирургии, которые много помогли ему в Никольской больнице.

Вернемся к тексту в издании «Огонька» и к подлиннику.

В печатном тексте «Огонька», чтобы избежать повторений, которые в сущности в рассказах вполне допустимы, были сделаны выпуски, иногда очень длинные и совсем не оправданные. Сделаны и неудачные переделки авторского текста. Особенно много выпусков в начале рассказа «Серебряное горло» (целые абзацы — стр. 21 печатного текста). Так, например, выпущен один важный абзац — после слов: «приемная уже была освещена»... В подлиннике: «Приемная уже была освещена, и весь состав моих помощников ждал уже меня — одетым в халатах. Это были фельдшер Андрей Лукич, молодой еще, но очень способный человек, и две опытных акушерки — Мария Николаевна и Прасковья Михайловна. Я же был всего 24-летним врачом, два месяца назад выпущенным и назначенным заведывать Никольской больницей».

В этом абзаце ценна характеристика персонала, без которой он обезличивается; ценны подробности начала чрезвычайной ночной работы. Нет ничего «противозаконного» в том, что в этом рассказе имена и отчества фельдшера и акушерок несколько разнятся с именами в других рассказах — такова воля автора.

Название *Никольская больница* — это подлинное название той больницы, в которой Михаил Булгаков работал в Сычевском уезде Смоленской губернии. В «Стальном горле» это название повторяется дважды («привезли ко мне в Никольский пункт-больницу в 11 часов ночи девочку») — это название тоже выпущено в тексте «Огонька».

В других рассказах названия больниц в авторском подлиннике меняются так: «Полотенце с петухом» — Мурьино; «Крещение поворотом» — №-ая больница; «Вьюга» — Эн-ая больница, ...участка, такой-то губернии; «Тьма египетская» — название больницы не упоминается; «Пропавший глаз» — Мурьево; «Стальное горло» — Никольский пункт-больница. Нужно ли давать единое название? В печатном тексте «Огонька» дано для всех рассказов *Мурьево*. Эта унификация не нужна (тем более, что в журнале «Москва» — № 5 — 1963 г. — в рассказе «Вьюга» дано название больницы согласно подлиннику — стр. 149). Автор нашел нужным в «Стальном горле» дать подлинное название больницы, а в других рассказах зашифровал его — такова его авторская воля.

Первая операция, которую М. А. пришлось сделать в Никольской больнице была, по словам его жены Татьяны Николаевны, *операция поворот на нож-*

ку — вот почему рассказ и носит название «Крещение поворотом». Но в сборнике автор первым случаем поставил ампутацию ноги — такова его авторская воля, у него были свои соображения.

«Стальное горло» было задумано раньше других рассказов.

Этот эпизод (трахеотомия — операция над ребенком), видимо, взволновал Михаила больше других. Я помню, как он, приехав на короткий срок из Никольской больницы в Киев весной 1917 года, взволнованно рассказывал об этой операции над умирающей девочкой нам (маме, Вере, Варе, мне, Саше Гдешинскому), об обмороке фельдшера во время операции, рассказывал, когда ни один из этих рассказов еще не был написан. Но замысел их, по-видимому, уже был.

Надо указать и на другие неудачные переделки.

На стр. 26 печатного текста «Огонька» в рассказе «Серебряное горло» мы читаем: «Но голосом *довольно* (!) спокойным я ей ответил...» А в подлиннике: «Но голосом *очень* спокойным я ей ответил...» Одно это «*очень*», характеризующее выдержку врача, говорит, каких усилий стоит врачу сохранять внешнее спокойствие, когда на него *свалилось трудное, страшное дело*, и пот течет у него по спине и по лицу, застилая глаза.

Сравнить в рассказе «Крещение поворотом»: «...сам подивился своему тону, настолько он был уверен и спокоен» — стр. 15 печатного текста в издании «Огонька».

Рассказ «Вьюга» в подлиннике: «...слушал, как таинственно *бьет* в глубине сердце»... Это необычное «*бьет*» (таинственно в глубине) — как хорошо, лучше не придумаешь! Зачем понадобилось редактору исправлять «бьет» на трафаретное «*бьется*»? Непонятно. (В журнале «Москва» согласно с подлинником — «бьет» — стр. 149).

В рассказе «Полотенце с петухом» — стр. 12 печатного текста: — «Вам, доктор, вероятно, *приходилось* делать ампутации? — вдруг спросила Анна Николаевна. — Очень, очень хорошо»...

А в подлиннике: — «Вы, доктор, вероятно, *много* делали ампутаций? — вдруг спросила Анна Николаевна. — Очень, очень хорошо»...

(В журнале «Москва» напечатано согласно с подлинником — стр. 148).

Вряд ли бы задала акушерка неуместный вопрос, *приходилось ли* делать ампутации врачу, который только что у нее на глазах *очень, очень хорошо* произвел сложную ампутацию.

Надо ко второму изданию восстановить весь подлинный текст. Это долг перед автором и перед читателем, который хочет получить настоящий булгаковский текст и вправе иметь его.

Если и второе издание выйдет в искаженном тексте «Огонька», то потом исправить это будет уже очень трудно, и «Рассказы врача» так и пойдут к широкому читателю, так и будут ходить по свету в искаженном виде.

Надо еще сказать о рассказе «Морфий». Пора его напечатать. Я теперь перечитала его несколько раз. Написан он превосходно. Те, кто прочел его, считают его самым сильным рассказом сборника. В этом рассказе нельзя ничего изменить. Видно, что Михаил, когда писал его, взвешивал каждое слово. Рассказ этот сознательно выведен автором из обстановки Никольского и Мурьева. Главный герой рассказа, доктор Сергей Васильевич Поляков, работает в глухом *Левковском пункте-больнице*; ему 25 лет.

Доктор Бомгард, от лица которого ведется рассказ, переведен в уездный город в 1917 году уже после переворота: до этого он работал в Горелове; он старше Полякова на два года. В Горелово, после отъезда Бомгарда, послан Поляков — за два месяца до самоубийства. В Горелове акушерка Марья Власьева — она привозит в город умирающего Полякова. Поляков ведет дневник, и по датам можно точно установить время действия. Здесь ничего нельзя изменить.

Рассказ этот должен войти в сборник избранной прозы Булгакова; но я считаю, что включать его в серию «Рассказы юного врача» не надо, он не подходит; его надо печатать как отдельный рассказ.

Этот рассказ *очень булгаковский*.

Сорок лет прошло после его написания — срок достаточно большой. Я помню, что очень давно (в 1912—13 г.), когда Миша был еще студентом, а я курсисткой-первокурсницей, он дал мне прочитать свой рассказ «Огненный змей» — об алкоголике, допившемся до белой горячки и погибшем во время ее приступа: его задушил (или сжег) вползший к нему в комнату змей. Галлюцинация. Пятьдесят лет прошло с тех пор, как я читала этот рассказ, а я до сих пор помню эту последнюю сцену: к лежащему на полу в ужасе человеку вползает и подбирается к нему огромный змей. Мишу всегда интересовали патологические глубины человеческой психики. Рассказ этот хранился в киевской квартире до 1921 года. Он был разыскан мною, по просьбе Миши, и в Москве отдан мною Мише. Потом Миша его сжег.

Надо еще сказать о «Белой гвардии». Текст надо тщательно проверить и уберечь от ненужных, неоправданных выпусков и от редакторского произвола. Не допустить редакторских «исправлений».

Надо спасти сны: первый большой сон Турбина, сон Елены в конце романа; *сон Петьки!* Чего доброго, кто-нибудь захочет смахнуть молитву Елены — надо ее спасти. И т. п. Этот роман ведь тоже *очень булгаковская вещь*.

Сейчас в печати настойчиво поднимается вопрос о редакторском произволе, о недопустимости этого произвола, о сохранении в неприкосновенности авторского текста.

* * *

Думая о втором издании «Рассказов юного врача», Н. А. написала для него предисловие (к сожалению, так и не опубликованное при ее жизни). Вот этот текст:

Михаил Афанасьевич Булгаков окончил Киевский университет, медицинский факультет, в апреле 1916 г. Шла война с Германией. Все окончившие после сдачи государственных экзаменов получили звание ратники ополчения второго разряда. Это было сделано с целью использования молодых врачей не на фронте, а в тылу, в земских больницах, откуда опытные врачи были сняты и отправлены в полевые военные госпитали. Назначение в военный госпиталь получил и прекрасный земский врач — предшественник Мих. Булгакова в Никольской земской больнице, о котором в «Рассказах юного врача» автор упоминает с уважением и благодарностью, называя его именем Леопольда Леопольдовича (или «Липонтя», как называли его крестьяне).

Киевский выпуск 1916 года был призван не сразу. Немедленно после окончания Мих. Булгаков поступил в Красный Крест и добровольно уехал на юго-западный фронт, где работал в военном госпитале в городах Западной Украины: в Каменец-Подольске и Черновицах. Там он получил первые врачебные практические навыки, особенно по хирургии.

Осенью 1916 г. Мих. Булгаков был призван на военную службу, вызван в Москву и оттуда послан «в распоряжение смоленского губернатора»³. Из Смоленска его послали в Никольскую земскую больницу, одиноко расположенную среди полей вдали от селений (в 30—40 километрах от уездного города Сычевки). Там Мих. Булгаков проработал более года.

В Никольской больнице было три строения: 1) больничный корпус, 2) двухэтажный флигель, в котором помещалась шестикомнатная квартира врача, и 3) флигель персонала, где жили две фельдшерицы-акушерки, фельдшер и сторож. С Мих. Афанасьевичем жила его жена Татьяна Николаевна, не покидавшая его во весь этот период его жизни: ни во время пребывания в военных госпиталях, ни во все время его службы в земстве.

³ Вот как описывает по непосредственным впечатлениям этот эпизод Н. А. Булгакова (дневниковая запись, сделанная в Москве 22 сентября 1916 г.): Вечер. Миша был здесь три дня с Тасей. Приезжал призываться, сейчас уехал с Тасей (она сказала, что будет там, где он, и не иначе) к месту своего назначения «в распоряжение смоленского губернатора». Привез он с собой дикое и нелепое известие о мамином здоровье [подозрение, что у нее рак. — Е. З.]. Привез тревогу, трезвый взгляд на будущее, жену, свой юмор и болтовню, свой столь привычный и дорогой мне характер, такой приятный для всех членов нашей семьи. И, как всегда чувствовалось перед лицом серьезного несчастья, привез заботу о семье — моей с ним — и нашей общей, семейной. И это вдруг зазвучало перед лицом серьезного несчастья, очень громко...

К концу 1917 г. Мих. Булгаков был отозван в г. Вязьму, где проработал зимой 1917/18 гг. в Вяземской городской земской больнице. В феврале 1918 г. был демобилизован по болезни и уехал на родину — в Киев к матери.

Вот этот период его службы врачом в земских больницах и отражен в «Рассказах юного врача». «Рассказы» написаны от первого лица, но это не дневник, не точные записи всего пережитого, а художественное претворение действительности. Действующие лица «Рассказов», как и сам их герой — молодой врач, — это обобщенные художественные типы. «Юный врач», от лица которого ведется рассказ, несколько моложе, чем был в этот период Мих. Булгаков, и наделен обобщающими чертами. Автор как бы несколько со стороны смотрит на себя, вспоминая о пережитом. Но вместе с тем в «Рассказах» и много автобиографического, как в характере героя, так и в фактах. Чувства, переживания, отношение к своей работе — это подлинные чувства и переживания самого автора.

Уроженец большого культурного города, любящий и знающий искусство, большой знаток и ценитель музыки и литературы, а как врач склонный к исследовательской лабораторной и кабинетной работе, Михаил Булгаков, попав в глухую деревню, в совершенно непривычную для него обстановку, стал делать свое трудное дело так, как диктовало ему его внутреннее чувство, его врачебная совесть. Врачебный долг — вот что прежде всего определяет его отношение к больным. Он относится к ним с подлинно человеческим чувством. Он глубоко жалеет страдающего человека и горячо хочет ему помочь, чего бы это ни стоило лично ему. Жалеет и маленькую задыхающуюся Лидку («Стальное горло»), и девушку, попавшую в мялку («Полотенце с петухом»), и роженицу, не дошедшую до больницы и рожающую у речки в кустах, и бестолковых баб, говорящих о своих болезнях совершенно непонятными словами («Пропавший глаз»: «...научился понимать такие бабьи речи, которых никто не поймет»), и всех, всех своих пациентов.

Пишет он об этом без излишней декламации, без пышных фраз о долге врача, без ненужных поучений.

Не боится он сказать и о том, как трудно ему приходится.

В жизни Мих. Булгаков был остро наблюдателен, стремителен, находчив и смел, он обладал выдающейся памятью. Эти качества определяют его и как врача, они помогали ему в его врачебной деятельности. Диагнозы он ставил быстро, умел сразу схватить характерные черты заболевания; ошибался в диагнозах редко. Смелость помогала ему решаться на трудные операции.

В «Рассказах» описаны подлинные врачебные случаи. Все описанные операции были сделаны самим автором книги. Обморок фельдшера во время операции трахеотомии, которую производил М. Булгаков, — подлинное происшествие.

* * *

Сведения о жизни и работе М. Булгакова в Смоленской губернии мы узнаем из его писем к другу юности А. П. Гдешинскому. Письма эти, к сожалению, не сохранились, но А. П. Гдешинский рассказывает об их содержании в письмах к Н. А.: «Киев. 14.X.1916. Недавно был у Ваших. Варвара Мих. лежит, но чувствует себя, по-видимому, бодро. От Миши получили письмо, полное юмора над своим сычевским положением. Он перефразировал Аверченковское: “Я, не будучи поэтом, расскажу, как этим летом поселился я в Сычевке, повинаясь капризу судьбы-плутовки...”».

Уже после смерти М. Булгакова, в письме от 1—13 ноября 1940 г., отвечая на просьбу Н. А. вспомнить побольше о Мише, чтобы собрать материалы для его биографии, А. П. Гдешинский пишет:

«Я думаю, что Вы не посетуете на меня, дорогая Надежда Афанасьевна, что я так много пишу о личных своих впечатлениях. Душа полна Мишей, и невольно вспоминаешь, грустишь и оцениваешь...

На Ваши просьбы, к сожалению, едва ли могу дать исчерпывающие ответы. Что касается пребывания Миши в Никольском, под Сычевкой (Смоленской губ.), то действительно я получил от него письмо, но оно не сохранилось (многие дорогие для меня документы погибли при переезде на новые места и квартиры). Помню только следующее: 1) Это село Никольское под Сычевкой представляло собой дикую глушь и по местоположению, и по окружающей бытовой обстановке и всеобщей народной темноте. Кажется, единственным представителем интеллигенции был лишь священник, 2) Больничные дела были поставлены вроде как в чеховской палате № 6, 3) Огромное распространение сифилиса. Помню, Миша рассказывал об усилиях по открытию венерических отделений в этих местах. Впрочем, об этой стороне его деятельности наилучше расскажет его большая работа, которую он зачитывал в Киеве (слушателями были Варвара Михайловна, кажется, Вы, покойный брат Платон и я). К стыду своему, я заснул (время было утомительное), за что и был впоследствии отмечен соответствующим образом... Этот труд, как мне кажется, касался его деятельности в упомянутом Никольском и, как мне казалось, — не без влияния Вересаева, 4) Миша очень сетовал на кулацкую, черствую натуру туземных жителей, которые, пользуясь неопенимой помощью его как врача, отказали в продаже полуфунта масла, когда заболела жена... или в таком духе, 5) Помню — это уже в разговоре потом в Киеве — о высоком наслаждении умственного труда в глубоком одиночестве ночей, вдали от жизни и людей, 6) Помню одну фразу ироническую, которой начиналось его письмо ко мне: “Перед моим умственным взором проходишь ты в смокинге, пластроне, шагающий по ногам первых рядов партера, а я...” и т. д. Дело в том, что я увлекался тогда драмой: “Мечта любви” Косоротова, “Осенние скрипки” и т. п. и писал ему об этом... 7) Еще помню упоминание о какой-то Ан-

нушке — больничной сестре, кажется, которая очень тепло к нему относилась и скрашивала жизнь. Увы... это, кажется, все, что осталось в памяти от этого периода.

Гораздо больше помню о других годах и в особенности о самых ранних, когда он бывал у нас, сперва беря уроки скрипки у покойника Папы, а потом и так. Я задаю себе вопрос, почему он так охотно и часто бывал у нас на Ильинской? Ответ простой: мы полюбили его, и он ответил нам тем же! И как всегда, из искреннего неподкупного чувства любви большие и чудесные последствия бывают на целую жизнь. В данном случае я имею в виду то незабываемое время отрочества, которое мы (я и Платон) провели в Вашем гостеприимнейшем, умном, добром и веселом доме, с доброй ласки [sic!] покойной Варвары Михайловны, окруженные всей Вашей прекрасной семьей... Уходят... уходят дорогие...»

Из этих воспоминаний мы многое узнаем о реальной жизни земского врача М. А. Булгакова, о том, почему, получив при окончании университета специальность «детский врач», М. А., вернувшись в Киев в 1918 г., открывает частный прием как специалист по кожным и венерическим болезням в кв. № 2 в доме № 13 по Андреевскому спуску. (Вести прием ему помогают жена Тася и друг студент-медик Николай Леонидович Гладыревский, впоследствии видный хирург.) Н. А. так пишет об этом: «1916 год. Приехав в деревню в качестве врача, Михаил Афанасьевич столкнулся с катастрофическим распространением сифилиса и других венерических болезней (конец войны, фронт валом валил в тыл, в деревню хлынули свои и приезжие солдаты). При общей некультурности быта это принимало катастрофические размеры. Кончая университет, М. А. выбрал специальностью детские болезни (характерно для него), но волей-неволей пришлось обратить внимание на венерологию. М. А. хлопотал об открытии венерологических пунктов в уезде, о принятии профилактических мер. В Киев в 1918 г. он приехал уже венерологом. И там продолжал работу по этой специальности — недолго. В 1919 г. совершенно оставил медицину для литературы».

СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА, СВЯЗАННАЯ С РАССКАЗАМИ «ДАНЬ ВОСХИЩЕНИЯ» И «КРАСНАЯ КОРОНА»

В начале февраля 1920 г. М. А. Булгаков публикует во владикавказской газете рассказ «Дань восхищения». А примерно через год, 26 апр. 1921 г., в письме к сестре Вере М. Булгаков пишет: «...посылаю три обрывочка из рассказа с подзаголовком “Дань восхищения”. Хоть они и обрывочки, но мне почему-то кажется, что они будут не безынтересны вам...»

Вот эти «обрывочки» не сохранившегося рассказа, переданные сестрами писателя в архив Библиотеки им. В. И. Ленина:

«В тот же вечер мать рассказывает мне о том, что было без меня, рассказывает про сына: — Начались беспорядки... Коля ушел в училище три дня назад и нет ни слуху...»; «...Вижу вдруг — что-то застучало по стене в разных местах и полетела во все стороны штукатурка. — А Коля... Коленька... — Тут голос у матери становится вдруг нежным и теплым, потом дрожит, и она всхлипывает. Потом утирает глаза и продолжает: — А Коленька обнял меня, и я чувствую, что он... он закрывает меня... собой закрывает».

Н. А. так передает содержание этого рассказа: «Сцена обстрела у белой стены. Герои — мать и сын. Мать навещает сына в училище, и на обратном пути он провожает ее. Они попадают под обстрел, сын закрывает мать... Об этом они рассказывают вернувшемуся старшему брату».

В рассказе звучала песня, которую часто пели в семье Булгаковых и которую мы знаем по «Дням Турбиных»: «Здравствуйте, дачники, здравствуйте, дачницы, съемки у нас уж давно начались!»

Почему же именно эти обрывочки М. А. посылает родным? Почему они «будут не безынтересны» сестре?¹ Ответ можно найти в письме матери писателя Варвары Михайловны, написанном осенью 1917 г. дочери Надежде и ее мужу, которые тогда жили в Царском Селе.

¹ М. О. Чудакова, цитируя письмо М. А. Булгакова сестре Вере, пишет: «В письме есть глухие намеки на личную значимость этого материала, на связь его с какими-то хорошо известными семье Булгаковых событиями тех лет» (Вопросы литературы. 1973. № 7, с. 237).

10 ноября 1917 г. Киев²

Дорогие Надя и Андриуша!

Наконец я получила письмо Нади (благодарю ее за него) и вздохнула свободно: я страшно волновалась за вас, т. к. события в Царском Селе по газетным сведениям были особенно грозны. — Что вы пережили немало тревожных, могу понять, т. к. и у нас здесь пришлось пережить немало. Хуже всего было положение бедного Николайчика, как юнкера. Вынес он порядочно потрясений, а в ночь с 29-го на 30-е я с ним вместе: мы были буквально на волосок от смерти. С 25-го октября на Печерске начались военные приготовления, и он был отрезан от остального города. Пока действовал телефон в Инженер. училище, с Колей разговаривали по телефону; но потом прервали и телефонное сообщение... Мое беспокойство за Колю росло, я решила добраться до него, и 29-го после обеда добралась. Туда мне удалось попасть; а оттуда, когда в 7 1/2 часов вечера мы с Колей сделали попытку (он был отпущен на 15 минут проводить меня) выйти в город мимо Константиновского училища³ — начался знаменитый обстрел этого Училища. Мы только что миновали каменную стену перед Конст. училищем, когда грянул первый выстрел. Мы бросились назад и укрылись за небольшой выступ стены; но когда начался перекрестный огонь — по Училищу и обратно, — мы очутились в сфере огня — пули шлепались о ту стену, где мы стояли. По счастью, среди случайной публики (человек 6), пытавшейся здесь укрыться от пуль, был офицер: он командовал нам лечь на землю, как можно ближе к стене. Мы пережили ужасный час: трещали пулеметы и ружейные выстрелы, пули «цокались» о стену, а потом присоединилось уханье снарядов... Но видно, наш смертный час еще не пришел, и мы с Колей остались живы (одну женщину убило); но мы никогда не забудем этой ночи... В короткий промежуток между выстрелами мы успели (по команде того же офицера) перебежать обратно до Инженерного училища. Здесь уже были потушены огни; вспыхивал только прожектор; юнкера строились в боевой порядок; раздавалась команда офицеров; Коля стал в ряды, и я его больше не видела... Я сидела на стуле в приемной, знала, что я должна буду там просидеть всю ночь, о возвращении домой в эту страшную ночь нечего было и думать, нас было человек восемь такой публики, застигнутой в Инженерн. училище началом боевых действий. Я пришла в себя после пережитого тревожения, когда успокоилось ужасное сердцебиение (как мое сердце только вынесло перебежку по открытому месту к Инженерн. училищу, уже снова начали свистать пули — Коля схватил меня обеими руками, защищая от пуль и помогая бежать... Бедный мальчик, как он волновался за меня, а я за него...)

² На конверте: «Царское Село. Саперная, д. 38, кв. 2. Надежде Афанасьевне Земской». На лицевой стороне конверта штамп — 12.11.17. Четыре листа почтовой бумаги исписаны с двух сторон мелким почерком.

³ Константиновское пехотное училище.

Минуты казались часами, я представляла себе, что делается дома, где меня ждут, боялась, что Ванечка кинется меня искать и попадет под обстрел... И мое пассивное состояние превратилось для меня в пытку... Понемногу публика выползла из приемной в коридор, а потом к наружной двери... Здесь в это время стояли два офицера и юнкер Артиллер. училища, также застигнутые в дороге, и вот один из офицеров предложил желающим провести их через саперное поле к бойням на Демиевке⁴: этот район был вне обстрела... В числе пожелавших пуститься в этот путь оказались 6 мужчин и две дамы (из них одна я). И мы пошли... Но какое это было жуткое и фантастическое путешествие среди полной темноты, среди тумана, по каким-то оврагам и буеракам, по непролазной липкой грязи, гуськом друг за другом при полном молчании, у мужчин в руках револьверы. Около Инженерного училища нас остановили патрули (офицер взял пропуск), и около самого оврага, в который мы должны были спускаться, вырисовалась в темноте фигура Николайчика с винтовкой... Он узнал меня, схватил за плечи и шептал в самое ухо: «Вернись, не делай безумия! Куда ты идешь? Тебя убьют!» Но я молча его перекрестила, крепко поцеловала, офицер схватил меня за руку, и мы стали спускаться в овраг... Одним словом, в час ночи я была дома (благодетель офицер проводил меня до самого дома). Воображаете, как меня ждали! Я так устала и физически и морально, что опустилась на первый стул и разрыдалась. Но я была дома, могла раздеться и лечь в постель, а бедный Николайчик, не спавший уже две ночи, вынес еще два ужасных дня и ночи. И я была рада, что была с ним в ту ужасную ночь... Теперь все кончено... У нас торжественно вчера объявлена Украинская Республика, был большой парад. О юнкерах вопрос еще не решен. Их распустили на месяц. Инженерное училище пострадало меньше других: четверо ранено, один сошел с ума. Они разделились на две партии — одна пошла в отпуск, другая добровольно осталась в Училище нести дежурства и караулы. Коля присоединился к последним, хотя я предпочитала бы, чтобы он отдохнул дома от всех потрясений. Но он так поглощен своими училищными делами, эти события еще больше захватили его, у него развилось чувство долга. Больше писать негде. Напиши мне, Надечка! Мы все крепко целуем вас.

Любящая мама

Эпизод, описанный в письме матери, непосредственно отразился в рассказе «Дань восхищения», который следует рассматривать как подготовительный этап в создании более зрелого произведения — рассказа «Красная корона». Этот рассказ был написан М. Булгаковым, по всей вероятности, вскоре после получения известия о смерти матери. В. М. Булгакова умерла внезапно, от сып-

⁴ Демиевка — район Киева, противоположный Подолу, к которому ведет Андреевский спуск, где жили Булгаковы.

ного тифа, 1 февраля 1922 г.⁵, а рассказ был опубликован 22 окт. 1922 г. в Литературном приложении (№ 23) к газете «Накануне» (№ 166, с. 2—3).

Смерть матери, которой было только 52 года, потрясла М. Булгакова. Именно этим объясняется трагический тон рассказа.

Приведем факты семейной хроники, отразившиеся в рассказе⁶. Убитого брата рассказчика зовут Коля, как и младшего брата М. Булгакова, о котором идет речь в письме. В рассказе больной герой в бреду вспоминает слова матери: «Ты — старший, и я знаю, что ты любишь его. Верни Колю, Верни. Ты старший». Слова из письма В. М. Булгаковой об Инженерном училище: «четверо ранено, один сошел с ума» — перекликаются с мотивом сумасшествия в рассказе «Красная корона». Интересно, что рассказ этот, по воспоминаниям Н. А. Земской, первоначально назывался «Юнкер».

Герой видит во сне гостиную, обстановка которой удивительным образом напоминает булгаковскую гостиную в доме № 13 по Андреевскому спуску: старенькая мебель, обитая плюшем, уютное кресло, портрет на стене в черной раме, цветы на подставке. Все это запечатлено на фотографии Варвары Михайловны, где она в трауре сидит под портретом покойного мужа (1908 г.) см. илл.

Многие образы, намеченные в этом рассказе, сохраняются в зрелом творчестве писателя: образ старшего брата, ответственного за судьбу младших («Белая гвардия», «Дни Турбиных»), образ матери — хранительницы домашнего очага.

⁵ Муж сестры Варвары Л. С. Карум пишет на следующий день: «И вот к нашему ужасу в 3-м часу ночи на 1 февраля наша дорогая мама, не просыпаясь, тихо скончалась. В момент смерти возле нее были Ив. Павл., Леля, Варя, Костя и я. Только утром дали знать Наде и Андрюше, живущим теперь у Экземплярских. Тогда же Костя послал телеграммы о маминной смерти в Москву (Мише и дяде Коле)...»

⁶ Разумеется, рассказ — не отражение реальных событий: ни один из братьев Булгаковых не сходил с ума, брат Николай не погиб и Михаил Афанасьевич знал это, как явствует из семейной переписки тех лет.

БУЛГАКОВЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

В этом разделе речь идет о судьбе семьи Булгаковых в период революции и гражданской войны и отчасти в более позднее время. Используются письма М. А. Булгакова, письма матери писателя В. М. Булгаковой, относящиеся к 1917—1922 гг., письма сестры Елены, воспоминания и записи Надежды Афанасьевны.

Наиболее ранний отклик на события 1917 года запечатлен в письме младшей сестры М. Булгакова — Елены (Лели, как ее звали дома). 6 марта 1917 г., т. е. вскоре после событий февральской революции, она пишет из Киева сестре Наде, которая в то время училась на Московских высших женских курсах:

Не знаю право с чего начать, милая Надя. Конечно, ты, как и все другие, всецело поглощена происходящим. Но мне хотелось бы поделиться с тобой моими личными впечатлениями. У меня на душе так радостно и спокойно, как будто на душе было что-то тяжелое и большое; оно давило, оно мешало спокойно дышать и кто-то снял эту тяжесть и стало так легко-легко.

Это восприятие событий молоденькой девушкой-гимназисткой. Старшие не принимали происходящее с такой доверчивой безоблачной радостью. Они смотрели в будущее с тревогой и беспокойством, о чем пишет сама Леля:

Сейчас все наши довольны всем происходящим, довольны избавлением от старого порядка, но они ждут чего-то. Они не могут спокойно верить новому будущему, ждут доказательств, фактов, активных проявлений деятельности. Почему же я так спокойна сейчас? Почему мне верится в лучшее будущее, почему я знаю, что после стольких страданий настанет освобождение? По-моему, надо верить, надо работать, надо помогать, надо идти навстречу. Только при таких условиях, при полном доверии можно достигнуть полезных результатов.

Настоящее рисуется Леле в голубом свете:

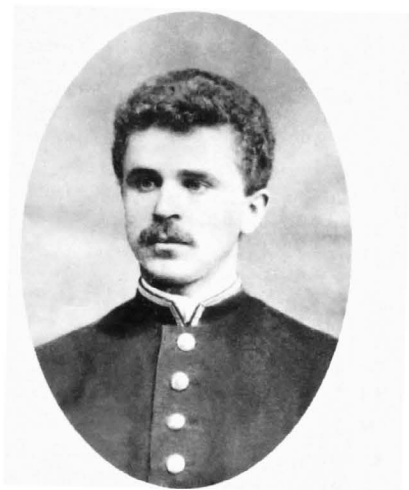
Киев сегодня голубой, голубой. Он весь залит лучами солнца, и люди все голубые и студенты на улицах вместо городских тоже голубые, и все кругом голубое.



Вся семья в трауре после смерти отца: (слева направо, сверху вниз)
Миша, Вера, Варя, мать с Колей, Надя; внизу сидят
Леля и Ваня



Н. М. Покровский — в офицерской форме,
участник русско-японской войны



Николай Михайлович
Покровский, брат матери,
известный московский
врач, прототип доктора
Преображенского



Н. М. Покровский —
в Италии (Неаполь),
куда сопровождал
пациентку



Н. М. Покровский на отдыхе в Ессентуках с племянниками:
Вера, Коля, Варя, Надя (1912 г.)



Николай Михайлович Покровский
(брат матери)



Михаил Михайлович Покровский
(брат матери) военный врач



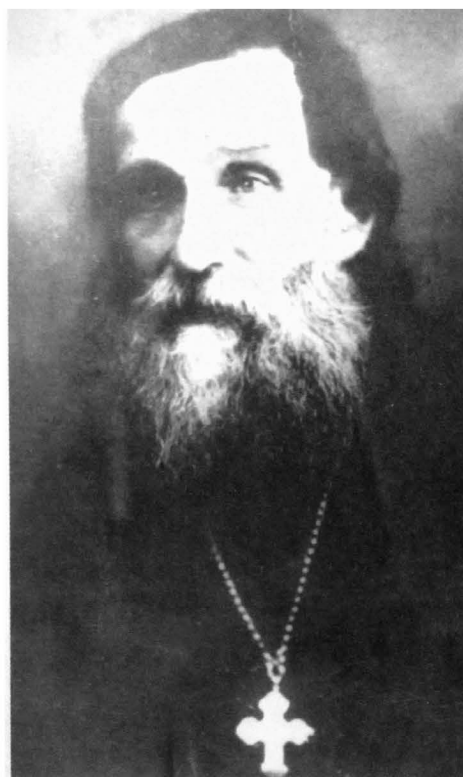
Семейство Земских:
Борис Михайлович Земский,
его жена Мария Даниловна
(Мутя), ее отец, его младший
брат Андрей Михайлович
Земский — студент-
филолог, будущий муж
Н. А. Булгаковой



Татьяна Николаевна Лаппа
(Тася) — первая жена
М. Булгакова, 1913 г.



М. Булгаков — студент-медик,
в своем кабинете
на Андреевском спуске, д. 13.
В семье называли этот снимок
«Миша — доктор»



О. Александр Глаголев,
духовник Булгаковых;
дал благословение
на брак Михаила

Цена программы 5

**ПОД ОТДЕЛ
ИСКУССТВ**

1-й Владикавказский Советский театр

В четверг 3 го Июня

ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТ:

Три миниатюры. В революционные дни.

I

ПЛАМЯ

Древля в 1 д. соч. Ю. Слезкина.

Действующие лица:

| | |
|--|---------------|
| Герцог-правитель страны | г. Августов |
| Паули министр финансов | г. Дамаров |
| Лавито Инголи адъютант Герцога | г. Кольцов |
| Садиритта любовница Паули | г. Башкина |
| Лаулава — артистка | г. Корсак |
| Ляли артистка олемачка | г. Риевская |
| Радио антрапренер | г. Дьяков |
| Горовакча | г. Кувшинские |
| Танцовщица в маске Джуство-Гомба ре- волюционер | г. Коц |
| Бассо стар слуга Герцога | г. Чужбинский |
| Гандо-Паж | г. Черковский |

Постановка В. Слезкина

II.

Самооборона

Юмореска в 1 д соч. М. Булгакова.

Действующие лица:

| | |
|---------------------------------|----------------|
| Иванов — обыватель | г. Сагайденный |
| Петя его сын гимназ. 3-го клас. | г. Ларина |
| Студент квартирнт. Иванова | г. Августов |
| Барышня | г. Корсак |
| Командор предсеа. ком-та | г. Волгарь |
| Пьяный | г. Чужбинский |
| Господин | г. Кольцов |

Действие происходит в наши дни в губер. городе.
постановка Августова.

III

Красноармейцы

Иллюстрировка стихов Демьяна Бедного. Лубон Юр. Слезкина

Действующие лица:

| | |
|--------------|-----------------|
| Пол Иван | г. Демьяков |
| Кулак Прох | г. Сагайденный |
| Кулак | г. Волгарь |
| Шарни | г. Дьяков и |
| | г. Кольцов |
| Деки | г. Риевская |
| Жена Проха | |
| Половина | |
| 3 мальчика | г. Ларина, Бодь |
| | г. Николаевская |
| Красноармеец | г. Волгарь |

Постановка Ю. Слезкина
Пол. реж. В. Слезкин

1920 г. — 1921 г.



Фотография с надписью внизу:
«(Сидят) Варвара,
Надежда и Николай
Булгаковы. (Стоят) Вера
Булгакова и Николай
Михайлович Покровский.
Ессентуки в 1913 г.»

Программа 1920—1921 гг.
1-й Владикавказский
Советский театр.
Три миниатюры. В революционные
дни. I. Пламя. II. Самооборона.
(Юмореска в одном д.,
соч. М. Булгакова)
III. Красноармейцы

Программа: 1. «Многоженство».
2. «Самооборона»

1-й ВЕЧЕР-КОНЦЕРТЪ, 1-й
Устраиваемый Отделом Народного Образования
Ингушского Исполкома
в пол. Театра Красная Звезда (бывш. здание Ком-
мерческа. клуба (Ворошиловская ул.).

Программа  **Программа**

1-е Отделение:

1. „Многоженство“
4-й акт пьеса Козлова

Кайи Магомет — Минский Н.
Артихан — Мальсаов Ч.
Эльмурза — Кадзоев М.
Дуди Хафки — Алиев И.
Абдурахман — Ужахов М.
Джамбика — Ахроева Р.
Сахар 1-я жена — Укурова Н.
Салимат 2-я жена — Базоркина Ж.
Дзаднет — Долиева Н.

2. „САМОБОРОНА“
в 1-м действии пьеса Булгакова

Командоров — Ханиев М.
Иванов — Эсиев М.
Ньянций — Губар Н.
Студент — Динаров В.
Гимназистка — Укурова Т.
Гимназист — Бек-Бузарова Н.
Господин —

2-е Отделение

КОНЦЕРТ

 **ПОДЪОТДЕЛ ИСКУСТВ**
1-й Советский Театр

СЕГОДНЯ

ПРОГРАММА

„Братья Турбины“
Драма в 4 д. М. Булгакова

Действующие лица:

| | |
|-----------------------------|-----------------|
| Лина Владимировна Турбина | т. Назаркин |
| Алексей Васильевич Турбин | т. Поль |
| Вяга студент | т. Демир |
| Лена, ученица консерватории | т. Нарманьян |
| Шура, горничная Турбина | т. Париская |
| Ют Рында | т. Ждановская |
| Женя Рында, скульптор | т. Богословская |
| Саша Бурчинский, скрипач | т. Нольцов |
| Владимир Карлович Стронглер | т. Доктаров |
| Баранов, брат Шуры | т. Тугаринов |
| Всеволод Ахсай | т. Манкин |
| Шелухов | т. Федоров |
| Александр Иосифович Риль | т. Дивеев |
| Третьников, бывший студент | т. Гюлтер |
| Сверчков | т. Кар |
| Горничная Турбиной | т. Леос |

Постановка **Августова.**

1920г.

Программа «Братья
Турбины». 1920 г.
[написано рукой
Н. А. Земской]

Под'отдел Искусств

*Первая афиша, присланная
нам из Владикавказа*
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КОМИТЕТ

Вторник 26-го Октября 1920 года

Из цикла вечеров посвященных великим писателям

ВЕЧЕР 2-й

А. С. ПУШКИН (1799-1837)

Товарищ верь: взойдет она
Заря пленительного счастья
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена
(Чаадову 1818 г.)

Отделение 1-е

„Мастер и его достояние“ Юрия Славкина.
„Модарг и Сальери“ (1830 г.)

Моцарт—Демюр
Сальери—Богославский
Серже—

„Вакхическая поэзия“ (1825 г.) Августов
Друг на острове „Пиковая дама“ Чайковского, Победилская
и Радзире
„Гусар“ (1833 г.) Диегов
Ария Елецкого из оперы „Пиковая дама“ Чайковского Кожуков.

Отделение 2-е

„Решения пер дуга“ статьи Меланга Буагакова
Прелюдия „Руслан и Людмила“ (1820 г.)—Геге
Спека в опере на „Бориса Гудунова“ (1825 г.)

Евара
Масе
Григорий Огред
1 в прие
2 в прие
Хоза

„Встреча“ (1835 г.)—Демюр
Ария из оперы „Милана“ Чайковского—Кожуков
„Сказка о золотом петушке“ (1834 г.)—Менин
Из „Истории села Горюхиана“ баснословные времена

Ария Ленского из оперы Чайковского „Евгений Онегин“
с оркестром под управлением Д. С. В.
„Я памятник себе воздвиг“ (1816)—Геге.

Начало в 7 часов вечер

Админист

Вечер, посвященный
А. С. Пушкину. 26 октября
1920 г. Надпись рукой
Н. А. Земской: «Первая
афиша, присланная
из Владикавказа»

Камерный театр.
Журнал «Новый зритель».
Афиша спектакля «Багровый
остров», худ. Рындин

КАМЕРНЫЙ ТЕАТР

Место постановки
„БАГРОВОГО ОСТРОВА“
работы В. Ф. Рындина

НОВЫЙ ЗРИТЕЛЬ



Как странно, право: мне знакомы эти люди, только я не могу их вспомнить. (матери.) А ты, конечно-быть, очень добрый, и я совсем не боюсь себя.... (на няню.) И вот эта старушка — тоже добрый.

Вед. — Я приказываю тебе, О, я и безъ приказанія вольно: это такой кусок пшты, и человекъ этотъ (сидитъ на стула, которой подноситъ къ ей чашку кубокъ) такъ сарково шлоить на меня.... (Пьетъ изъ кубка, и вотъ я выпила все до дна.... (Смотритъ крикомъ, роняетъ кубокъ и срывается на него матери.) Мама!!!
Царь. * * * * * скривлась.

Горошина: Вотъ ты добрый братъ, покажись! Дай мнѣ поцѣловать тебя



Принадлежит
Н. А. Земской —
Булгаковъ

Детская пьеса
«Принцесса-
Горошина»
(написано рукой
Н. А. Земской),
1903—1904 гг.
Переписаны
детским почерком
(вероятно, Надей)
отрывки из пьесы,
в основном
реплики
Горошины

Горошина.

Надеи

Мат. * * * * *
Горошина. Вы не знаете меня трога
и царская дочь?
Разбойники. Ха, ха, ха!
Горошина. Какъ вы знаете издввал
се надо мной: я царская дочь. Вы от
вѣстите за это!
Мат. — отелитъ.
Я. Тебѣ же, ея вая ватинако мей гасова
сниситъ, да коткнетъ или ко таяно; ~~фудетъ~~
во оградѣ вараебѣе тупанъ!
Разбойники. Ура.
Я. Развѣрите мнѣ руки. Зартея вы
мнѣ сбваси?
Мат. — сниситъ.
Я. Развѣрите мнѣ — я буду прислу.
приветъ вамъ.
Мат. — мнѣ кика.
(Горошина называетъ еису)
(Горошина называетъ боний вика и потво-
рѣитъ это иткочко расъ)
Разбойники потонъ.
(Горошина во врасиъ тннѣс надвлетъ ко
мнѣ) таллу кувешину и потисонку вичеа
въ мнѣ зельѣс надъ бланенкоа кувешина)
Разбойники. — мнѣво!
(Горошина называетъ встоль).
Мат. * * * * *

Спектакли, в которых выступил
Миша. 1903-1904гг.

1. Сюжетно "Черевички" Горюхино "Детективный спектакль"
исполняли две роли: 1. Мельник 2. Антон разбойников.
Юношей. Маша Маша
под режиссер.
2. Чехов А. П. - "Предложение".
исп. роль Женя Маша. - исполнила
дважды в Киеве у знакомых и на даче.
3. Чехов А. П. - "Юбилей". - на даче
исп. роль Курин - Ивановича Джорж.
Лубянский И. театральные спектакли 1910гг.
в дачном поселке "Буча" под Киевом
летом 1910 года. - судейтом Васильев.
4. Комедия "На реях" Антон
исп. роль Королевича Гоним
5. Иванович Разумно та же Научно
в 1 действе. Тригорьево
исполняли роль Дядюшки
6. "Каморщики" Иванович. Карин в пер.
исп. роль Маносевича
Арлекина

Спектакли, в которых выступал Миша (написано взрослым почерком
Веры Булгаковой-Давыдовой)

БУЧА
 Въ воскресенье 8-го Августа 1910 года
 Общество содействия благоустройству поселка „БУЧА“ въ собственномъ
 парке (напротивъ ярмарки) близъ дачной площадки 27-ой версты
 УСТРАИВАЕТЪ

ГУЛЯНЬЕ
 на следующей программѣ:

I
 Дѣтскія игры и забавы, воздушный шаръ, декламация и **ТАНЦЫ**.
 Дѣти, участвующія въ декламаций, получаютъ на память книжки.

II
 Прошальный спектакль съ участіемъ **Г. П. ГЕОРГИЕВА**
 (представленъ будетъ)

КОЛОМБИНА
 Роль Павца исполняетъ **Г. П. Георгиевъ**.

III
РАЗЛУКА ТА-ЖЕ НАУКА
 Роль Сармиснаго исполняетъ **Г. П. Георгиевъ**, Разомой и др.
 Ученники: Ганъ Варлаамъ, Нестровъ, Итима, Еванъ Аверкинъ, Георгиевъ, Разомой и др.
 Песни исполняютъ **Г. П. Георгиевъ**.

IV
ТАНЦЫ
 при оркестрѣ военной музыки.
 Въ 3 часа дня, въ 7 часовъ вечера. (въ 7 часовъ вечера)
 Начало дѣтскаго гулянья въ 4 часа дня, и спектакля въ 8 часовъ вечера.
БУФЕТЪ въ дачной площадке и съестныя напитки въ УБОРНИЦѢ ВЪСѢ.

Входы свободны въ весь паркъ съ 3 часовъ дня.
 Дѣти, имѣющія билеты на вѣтъ, могутъ входить въ паркъ въ любое время.
 Въ случаѣ непогоды вечера, билеты возвращаются на 15-е Августа.
 Председатель правленія: **В. Ф. СЫСЫНЪ**

Буча. Афиша 8 августа 1910 г.

3. Варвара Михайловна
 Булгакова и Иван Павлович
 Воскресенский



Взрослым почерком Н. А. Земской
написано: «Михаил Афан. исполняет роль
Лешего. Играет с таким мастерством,
что при его появлении на сцене зрители
испытывают жуткое чувство»

Михаил Афан.
исполняет
роль Лешего,
играет с та-
ким мастерст-
вом, что зрители
появления на сцене
зрители испытыва-
ют жуткое чувство.



Спектакль «Принцесса-Горошина».
Участники спектакля: Вера, Надя, Варя, Миша и др.



Участники спектакля:
Вера (стоит), Варя и Надя —
с распущенными волосами

Игры на поляне в Буче.
В центре
Н. М. Покровский,
брат матери;
рядом — немного позади
Варвара Михайловна,
левее — другой ее
брат М. М. Покровский
в военном мундире;
с ним рядом Варя;
Михаил выглядывает
из-за плеча
Н. М. Покровского





Надя с подругой



Надя и Миша



Чаепитие в роще в Святошине. В центре Варвара Михайловна, слева Миша, Вера, Варя, стоит Коля и сидит Ваня (младшие братья). У дерева стоит Надя. Справа от Варвары Михайловны Борис Богданов, тетя Ирина Лукинична, рядом стоит с блюдом Леля. Фото В. И. Экземплярского

Теперь мне после окончания курса гимназии и курсов представится более широкое поле деятельности, чем моим и твоим предшественницам, я верю в это и — как это хорошо.

В письме упоминается и старший брат Миша. Леля пишет о матери:

Мама недавно лежала в постели, чувствовала головокружение, не могла встать. Миша объясняет это малокровием...

И далее его менторский тон врача, дающего советы:

... мама так поздно ложится, недосыпает, ей надо вести более правильный образ жизни.

10 ноября 1917 года Варвара Михайловна посылает из Киева письмо дочери Наде, только что вышедшей замуж за А. М. Земского и находившейся вместе с мужем в Царском Селе. Это письмо, приведенное в предыдущем разделе, содержит яркий рассказ о том, как мать с сыном Колей, который был тогда юнкером, попали под обстрел. Политических оценок в том письме нет.

Юнкером, однако, Николай Булгаков был недолго. 30 декабря 1917 г. мать сообщает: «Коля зачислился в студенты Медицинского факультета». Этот поступок не вызывает у нас удивления. Врачами были многие родные и близкие Николая Афанасьевича — два брата матери (Николай Михайлович и Михаил Михайлович Покровские, холостяки, жившие в Москве, но всячески помогавшие племянникам), старший брат Михаил, отчим И. П. Воскресенский. Но события не дали Николаю Аф. возможности учиться в Киеве.

Наиболее яркую и резкую оценку происходящего дал сам Михаил Афанасьевич в письме к сестре Наде от 31 декабря 1917 года¹. Это не обычное письмо от брата к сестре, но письмо *предновогоднее* и, как все подобные письма, оно подводит итоги пережитому и передуманному. Привожу здесь отрывки из этого письма. М. Булгаков, 26-летний врач захолустного городка Вязьмы, пишет:

Мое окружающее настолько мне противно, что я живу в полном одиночестве. Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю. Единственным моим утешением является для меня работа и чтение по вечерам. Я с умилением читаю старых авторов (что попадает, т. к. книг здесь мало) и упиваюсь картинами старого времени. Ах, отчего я опоздал родиться! Отчего я не родился сто лет назад. [...]

¹ См. Булгаков, 1990б, с. 390. Это письмо печатается полностью ниже в разделе «Письма к родным», с. 270—271.

Недавно в поездке в Москву и Саратов² мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть. Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица...

[...]Все воочию видел и понял окончательно, что произошло.

Что же произошло с семьей Булгаковых в годы революции и гражданской войны? В Киеве остается мать с младшей дочерью Лелей, младшими сыновьями Колей и Ваней и племянником Костей³. В феврале 1918 г. в Киев из Вязьмы возвращается Михаил с женой Тасей, а в мае — дочь Варя с мужем Леонидом Карумом. Все они живут на Андреевском спуске № 13. После лета 1918 г., проведенного в Буче, мать уступает свою квартиру старшим детям, а сама с младшими переезжает в дом № 38 к своему второму мужу И. П. Воскресенскому. Год 1919 положения не изменил. 16 марта 1919 г. В. М. Булгакова с горечью пишет дочери Наде:

... кажется не будет и пенсии. Тогда младшим придется очень плохо — придется думать о заработке на существование, а не о дальнейшем образовании. И мне придется искать себе какой-нибудь заработок. Вот видишь, милая Надечка, какой печальный оборот принимает моя жизнь, когда я могла бы подумать и об отдыхе... Осчастливят ли кого-нибудь новые реформы — не знаю; но сейчас многим приходится переживать много горя — и я попала в эту категорию.

Грозные события 1918—19 гг., когда в Киеве власть переходила из рук в руки, разбросали детей Варвары Михайловны в разные концы земли. Как пишет в «Белой гвардии» М. Булгаков, «давно уже начало мести с севера, и метет, и метет...» К 1 декабря 1919 г. в Киеве остаются только мама, Иван Павлович и Леля. Младших сыновей уже нет в Киеве — они уходят с белой армией за границу. Мать объясняет «случившееся» тем, что у Коли повреждено правое легкое и, не долечив, «пришлось отправить его на юг». В более позднем письме к Наде (от 29 марта 1920 г.) она сообщает:

² Н. А. вспоминала: «В Москву Михаил Афанасьевич ездил на комиссию для освидетельствования его здоровья, которое тогда было действительно очень плохо. В этот раз его не освободили от военной службы». После окончания медицинского факультета Киевского университета М. Булгаков по мобилизации был вызван в Москву и послан «в распоряжение смоленского губернатора», работал земским врачом. В Саратов М. Булгаков ездил к родственникам своей жены Татьяны Николаевны, урожденной Лаппа.

³ Костя японский.

Сейчас в Киеве только я и Леля, живем у Ивана Павловича; с моей квартирой пришлось расстаться, и все вещи остались там. От дачи тоже ничего не останется.

Так кончается целая эпоха в жизни семьи Булгаковых — эпоха безоблачной, радостной, полной надежд жизни. Квартира на Андреевском спуске, 13, которая позже будет увековечена в «Белой гвардии» и «Днях Турбиных», безвозвратно утрачена. Дача в Буче сгорела. Гнездо разрушено.

На некоторое время связи между членами семьи обрываются. В 1920 г. мать переписывается только с дочерью Надей, которая вместе с мужем работает в Самаре и Самарской губернии — по линии Наробраза, как говорили тогда.

Приведу выдержки из писем Варвары Михайловны 1920 г.

Пасхальное письмо от 29 марта (11 апреля) 1920 г. Мать хочет, чтобы дети слетелись в родной город:

Если бы ты знала, как я хочу видеть тебя, Андрюшу и малютку Лелечку [новорожденная дочь Нади Елена, которая умерла в младенчестве в Самарской губ. — *Е. З.*]. Может быть, нам вместе легче жилось бы... Но нужно тебе сказать, что у нас сейчас очень тяжело жить, дороговизна ужасающая и идет crescendo, особенно, когда нет подвоза из деревень. При самой скромной жизни нужно не меньше тысячи в день только на пропитание, дрова очень трудно доставать и по баснословной цене, квартир нет, все взяты на учет были и теперь уже заполнены: весной прибыло к нам много матросов. Леля по получении твоего письма ухватилась за мысль о твоём приезде сюда. Я, конечно, тоже очень хотела бы видеть тебя, но положение педагогов у нас плачевное. Недавно во всех учебных заведениях были перевыборы, много осталось совершенно без мест. Вы оба, как люди молодые и энергичные, и в курсе последних школьных реформ, могли бы иметь надежду на получение работы и здесь. Но нужно считаться с тем, что вас здесь не знают, много своих кандидатов, и украинское течение очень сильно.

Ни одной светлой ноты. В том же конверте письмо Лели. Все ее голубые надежды развеялись. Прошло ровно три года, и она даже не вспоминает о них, а деловито рассказывает о ситуации в Киевской системе просвещения:

Напишу тебе кое-что о Киевском Наробразе. В «внешкольниках» здесь очень нуждаются и некоторые отделы не функционируют за недостатком. Школы тоже страдают недостатками педагогов, т. к. только что были перевыборы школьных работников и из прежних старых, в полном смысле этого слова, мало кто остался... Что касается до украинства, то все три подотдела — нижний (дошкольного возраста), средней школы и высшей, разделены на три секции: украинскую, русскую и еврейскую и работают почти самостоятельно.

Можно даже пристроиться и без знания украинского языка. Но все же Украина есть Украина, и самостийники украинцы играют видную роль, особенно в деле кооперации. В Наробразе тоже бывали неоднократные столкновения между двумя течениями.

Никакого более широкого поля деятельности, о котором так уверенно заявляла Леля в мартовском письме 1917 г. — увы! — нет. А вот предновогоднее письмо — 30 декабря 1920 г. — Варвары Михайловны к дочери. Это письмо важно потому, что в нем В. М. пересказывает сведения о Михаиле Афанасьевиче, сообщенные им самим:

Зато в ноябре получила письмо от сына Миши из Владикавказа. Он сделался там литератором; пишет в газетах; написал две пьесы для сцены, из которых одна *Братья Турбины* идет в театре и пользуется успехом; читает лекции в драматической студии, а также выступает на литературных вечерах; а Тася состоит актрисой в драматической студии на выходных ролях... Вообще письмо очень интересное... Но я прежде всего очень рада, что они живы и здоровы, так как про других детей я не имею даже такой уверенности, что меня очень угнетает. [...] Особенно меня беспокоит мысль о Ване и Вере, про которых я не знаю даже, где они... [Из этих слов можно заключить, что местопребывание Коли матери известно. — Е. З.] Между прочим Миша пишет, что при первой возможности приедет в Киев, особенно, если его пьеса будет идти на Киевской сцене.

В. М. рассказывает о том, что происходит в университете:

Вчера был праздник «Технического образования». Я была утром в университете на докладах, которые все читались на украинском языке, вообще филологический факультет украинизируется...

Письмо содержит постскриптум, в котором сообщаются новейшие сведения о всех членах семьи:

Я получила телеграмму из Феодосии: там Леня, Варя, Костя и Вера, здоровы, Леонид служит в Наробразе. Значит про всех старших имею сведения. Слава Богу, все живы. Теперь только беспокоюсь за двух младших. Адрес в Феодосию дали: Наробраз Каруму [фамилия Леонида, мужа Вари].

Адрес Миши: Владикавказ, Маринская ул. д. 61, кв. 3.

Год 1921 был годом восстановления связей между членами семьи. Михаил переписывается с Надей и Костей, позднее с Верой; пишет подробное письмо о своей московской жизни матери в Киев. Сохранилось одиннадцать писем

Михаила Афанасьевича родным за 1921 г. В 1921 г. Надя с мужем (после смерти первой дочери) приезжают в Москву, сначала в квартиру старшего брата Андрея — Бориса Михайловича Земского⁴, а потом они получают комнату по адресу: Б. Садовая, 10, которая впоследствии переходит к М. Булгакову. Хорошо известный читателям Булгакова адрес!

Все старшие дети побывали в 1921 году в Киеве, чтобы повидать маму. О Коле и Ване по-прежнему известий нет.

Осенью в Киев приезжает на неделю Михаил Афанасьевич. Позже, в письме к матери из Москвы он пишет, что самое приятное воспоминание за последние годы у него было о том, как он спал у нее на диване и пил горячий чай с булками.

Со смертью матери 1 февраля 1922 г. Булгаковы теряют объединяющую сердцевину. Киевское гнездо окончательно пустеет, семья распадается. Михаил поселился в Москве. Надя с мужем тоже избирают местом жизни Москву. Через некоторое время к ним перебираются Вера и Леля. В Киеве остаются только Варя с мужем и дочерью, но в 30-е годы Л. С. Карум после ареста был выслан в Новосибирск, куда вслед за ним едет и жена Варвара Афанасьевна с дочерью Ириной.

Итак, в Москве сосредоточивается основная часть семьи — Михаил Афанасьевич и три сестры. Два младших брата поселяются за границей, одна сестра живет в далекой Сибири.

От того поколения Булгаковых, к которому принадлежал Михаил Афанасьевич, в настоящее время никого не осталось. Последней, в 1973 г., умерла старшая сестра Вера Афанасьевна. Следующее поколение малочисленно: всего пять человек. Из них сейчас живы три племянницы писателя (дочери Надежды, Варвары и Елены). Одна живет в Новосибирске, две в Москве⁵.

В душе всех Булгаковых жизнь на Андреевском спуске № 13 запечатлелась навеки. Счастливые, радостные, полные смеха, шуток, музыки и пения детство и юность навсегда остались для писателя источником душевных сил, идеалом жизни, к которому он стремился. Не случайно героев романа «Белая гвардия» автор поселил в доме № 13. Приверженность к числу 13 вообще характерна для Булгакова.

Воспоминания о детстве и юности, о жизни в предреволюционном Киеве, по-видимому, особенно часто посещали М. Булгакова перед смертью (об этом свидетельствуют его письма к другу детства и юности А. П. Гдешинскому⁶), но они постоянно питали творчество писателя, порождая многие повторяющиеся, развивающиеся темы и мотивы (матери — «светлой королевы»,

⁴ Борис Михайлович Земский (1890—1940), профессор Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского.

⁵ Судьба семьи Булгаковых, разумеется, вполне типична. Ср., например: Йокояма, 1991.

⁶ См. текст этих писем ниже в разделе «Письма М. Булгакова».

уютного дома с «лампой под зеленым абажуром» и т. п.)⁷. Детские и юношеские впечатления не только давали материал для творчества, но формировали мироощущение писателя. Михаил Булгаков ненавидел хаос, разруху, беспорядок. Мечта, выраженная им в письме к матери из Москвы, — восстановить библиотеку, иметь квартиру. Тяга М. Булгакова к семейному уюту неоднократно отмечалась биографами. Этим он резко отличался от многих писателей 20-х годов, для которых ветер перемен, сметавший старый быт, был желанным⁸.

⁷ «... Булгаков постоянно сознательно выстраивает параллели между своей жизнью и жизнью своих героев, мифологизируя элементы своей биографии в соответствии с параметрами своего художественного мира» (Гаспаров, 1983). См. также (Хабар, 1985), где речь идет об отце писателя и его влиянии на творчество М. Булгакова.

⁸ По мнению А. Дравича, М. Булгакова отличает «привязанность к традиции в самом широком и глубоком смысле» (Дравич, 1998, с. 81).

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ:

1917—1922

Все «молодые» Булгаковы (так я называю детей А. И. и В. М. Булгаковых) пережили революцию и гражданскую войну. Но лишь двое из семерых оставили письменные свидетельства о пережитом — сам М. А. Булгаков и его сестра Н. А. Булгакова¹. Она вела дневник, делала путевые заметки, сохраняла документы эпохи — письма, записки, телеграммы. Этот раздел содержит многообразные письменные документы, собранные Н. А. Все записи Н. А. относятся к тому времени, о котором она повествует, однако некоторые материалы она позднее пересматривала, иные даже переписывала. Я всегда это указываю при цитировании.

1916 год

Этот год был временем значительных перемен в жизни многих членов семьи Булгаковых. Настроение Н. А. Булгаковой того времени передает ее письмо от 10 апреля 1916 г., посланное из Киева (где она была на Пасхальных каникулах) в Москву «Андрюшину товарищу Леве Дунаевскому (Лев Робертович Дунаевский)», как поясняет позднее Н. А. Она вкладывает это письмо в свой дневник с таким объяснением: «...потому что оно простое, объективное, говорящее о важном для меня и интересном, но спокойное» (запись 29.IX.1916). Публикуется с сокращениями.

Киев 10/IV 1916

Воистину Воскресе, Левочка милый!

Спасибо Вам за Ваше длинное хорошее письмо из Москвы, которая работает и думает, и в будничную обстановку которой мне пока, по правде ска-

¹ Разумеется, существуют и письма других братьев и сестер, относящиеся к этому времени (в частности, у внука Ивана Афанасьевича Булгакова Мишеля Седакова, живущего во Франции, хранится собрание ценных документов, которые мы, к сожалению, не можем опубликовать в этой книге).

зять, не очень хочется возвращаться от перезвона киевских колоколов. Я поняла теперь, почему мне всегда так грустно было в Москве на Пасху: мне не хватало киевской весны, темного неба, ярких звезд и горячего солнца, не хватало этих весенних южных вечеров, в которые так же хорошо мечтать, как под музыку. И тут мой «романтизм» — или «лирика», которые продолжают жить во мне, несмотря на все «столовые» и издательские комиссии², развиты во мне, конечно, в Киеве, где для меня незаметна была общественная суровая школа жизни, но где так умеют жить жизнью личных чувств, так умеют ставить их во главу угла. Я хожу по Киеву, наблюдаю, ловлю разные черточки, и иногда в какой-нибудь мелочи вижу характернейшим образом отразившейся всю разницу этих двух воспитавших меня городов — южной красавицы Киева и матушки Москвы.

Перемена обстановки, свидание с семьей и с некоторыми из знакомых после семимесячной разлуки встряхнули меня и очень освежили. А главное мне надо было на некоторое расстояние отойти от круга, в котором я вращалась, чтобы взглянуть со стороны и сопоставить или, верней, попробовать сопоставить воспринимаемые мною теории³ с теми фактами, которые я встречаю дома и в окружающей жизни здесь. Кажется, впрочем, что я очень туманно выражаюсь. Но результаты этого сопоставления для меня лично несомненно плодотворные. <...> Я с Вами во многом очень согласна и, конечно, в особенности по поводу любви к ближнему. Вот поэтому я и чувствую, что для меня уже неприемлемо много из того, что здесь в мирной семейной обстановке трактуется как ценности. <...> нельзя отделаться от грустной мысли, что война расплыла наш молодой дружный и шумный кружок знакомых и друзей молодежи, что нас мало против обыкновения, и неизвестно, когда мы сойдемся все снова вместе, *какими* мы сойдемся, да и сойдемся ли... Мало ли куда разбросает жизнь, когда мы все — вместе учившиеся, *читавшие*, развивавшиеся, воспринимавшие довольно одинаковые впечатления, «вырастем большими» и должны будем сами создавать себе пути. И это еще одна из причин, почему я не хотела бы уже теперь остаться совсем в старом доме на Андреевском спуске, выдавшем наш рост, наши совместные переживания, п. ч. трудно и скучно и даже больно сидеть на одном месте, когда кругом идут и уходят⁴. Да, я очень благодарна Киеву и нашей семейной обстановке — они создали мне светлое и интересное детство, светлую, интересную и даже поэтическую юность, но этим запасом жизнь моя уходит в другую сторону и пойдет своим путем.

² Общественная работа, которой активно занималась Н. А., учась на курсах в Москве.

³ Позднейшее примечание Н. А.: Теории социализма и политической борьбы с самодержавием, марксизма и народничества.

⁴ Примечание 1961 г.: Это писалось весной 1916 г. Никто из нас даже представить себе не мог, как, через два-три года, расшвыряла нас жизнь и какие испытания обрушила на нашу голову.

Сумбурное у меня получилось письмо. Не знаю, понятно ли Вам, что я хотела выразить. Я и сама с трудом разбираюсь в нахлынувших впечатлениях и чувствах, как это всегда бывает при возвращении на старое пепелище <...> А по форме изложения вот Вам блестящий пример нелогичности женского мышления.

Желаю Вам всего хорошего. <...>

Я вернусь, должно быть, 18го.

Андрюшу [Земского] от меня поздравьте с праздником и передайте ему привет. Н. Б.

* * *

Дневниковые записи Н. А., сделанные в 1916 году в Москве.

16 сент. 1916. <...> Не могу отделаться от одного впечатления: грустных глаз Коли Сынгаевского⁵ вчера в передней, грустных больших не по обычному и детских. 20го он едет со своей артиллерийской бригадой на фронт. Вот. Ужасно почему-то оставило это во мне большое впечатление.

26 сент. 1916 г. Вечер.

Миша был здесь три дня с Тасей. Приезжал призываться, сейчас уехал с Тасей (она сказала, что будет там где он, и не иначе) к месту своего назначения «в распоряжение смоленского губернатора».

* * *

Итак, Михаил Афанасьевич едет врачом в Смоленскую губернию. Н. А. в 1916 г. оканчивает V курс Московских высших женских курсов — ей предстоит только защитить магистерскую и летом 1917 г. сдать государственные экзамены.

1916 г. — год больших перемен и в личной жизни двух сестер Булгаковых — Нади и Вари. Н. А. записывает в своем дневнике: «16го октября [1916 г.] я — невеста А. М. Земского». А. М. Земский был студентом Историко-филологического факультета МГУ. Н. А. и А. М. учились в одно время, у одних и тех же профессоров (хоть и в разных учебных заведениях), несколько лет вместе работали в студенческом издательском обществе.

Летом 1916 г. Н. А. уехала домой в Киев на каникулы, а А. М. оставался в Москве — его призывают в армию. Между ними завязывается переписка. Привожу полностью одно из писем А. М. Земского, описывающего начало своей службы в пехоте (хотя он хотел служить в артиллерии).

На конверте адрес: Буча Киево-Ковельской ж. д.

Надежде Афанасьевне Булгаковой

[штамп: Буча 2.8.16; письмо без даты и без обращения]

⁵ Киевский друг юности. — Е. З.

Володя [Гуцевич, друг А. М. и Н. А.] Вам, вероятно, писал, что я сейчас нахожусь во 2м отд. 1го взвода 3ей роты 85 пехотного запасного полка, который стоит лагерем на Ходынке. Службу я начал с 12 июля и сейчас уже являюсь старым солдатом в роте, почти с меня начавшей пополняться.

Судя по тону Вашего письма, Вам кажется невероятной моя судьба. Действительно, я представляю собой некоторого рода исключение: на смотре вольноопределяющихся я оказался единственным перворядником, т. е. окончившим среднее учебное заведение, не то — чтобы высшее⁶. Уже это обстоятельство может говорить не в пользу моего положения. Я одет в сальное тряпье и семипудовые опорки и уж конечно не похож на душку военного. Живу в палатке, которую пробивает дождь и в которой тьма не «числящихся на довольствии» из всякого рода паразитов. Довольствуюсь из общего котла, ржавого и до вони грязного. Мое общество состоит из людей самых разнородных профессий и этнических групп: есть Сливки, Бурачки, Заноза и Товчегречки, есть Ларионовы, Николаевы, Барановы, есть Шнейдерманы, Зелигманы и пр.; есть слесаря, портные, сапожники, строительные десятники, есть карманники, судившиеся за грабеж с убийством, есть, наконец, писаря, чиновники и т. д. Это разнообразие могло бы составить значительный интерес, если бы из всех не стремились сделать хороших солдат: даже сейчас едва можно по большинству судить об их прошлом. Занимаемся мы и в праздники. Из меня, оказывается, трудно сделать хорошего солдата: ношу, напр., ружье двумя руками и жалею, что нет третьей, в строю не каменею, а «проявляю жизнь», «ноги не даю» и т. д. Т. о. я — и не чудобогатырь. Низшее начальство сперва не знало, как ко мне отнестись, но теперь относится ко мне с большим уважением, чем к своему начальству. Я ежедневно читаю газеты, главн. образ. «Русские ведомости», и комментирую сообщения, объясняю современную политическую и экономическую обстановку, рассказываю о кооперации и профессиональном движении, даю даже юридические советы, пишу письма, рапорты и т. д. Равное ко всем отношение заставляет и солдатское начальство быть гуманнее к новичкам, так что до сих пор в первом взводе нет еще настоящей дисциплины. Настроение среди солдат тяжелое — стон стоит о мире. Все стонут об усложнившейся жизни, о своем бесправии, о своей изолированности от общей жизни, о нарушенной личной жизни. Гораздо легче всеми переносятся страхи войны, хотя они не далеки от каждого. Особенно тяжело, что не дают отпусков. Я сегодня только впервые вырвался, и то только до 2х дня. «Нянек» у меня достаточно. Помимо полковых — сестра и невестка [жена его брата Бориса Земского]. О своих перспективах напишу после. Поклон Варваре Афанасьевне [сестре Н. А. Булгаковой]. Пишите по старому адресу.

А. З.

⁶ Позднейшее примечание Н. А.: Еще бы не большое впечатление! Война уже взяла несколько жертв из нашей молодежи...

* * *

Вернувшись после каникул в Москву, Н. А. навещает два раза А. М. Земского-солдата по месту службы. [Привожу примечание к дневнику, сделанное в 1961 г.] «...Между поездкой 14го сентября 16го года на Ходынское поле, где часть Андрея стояла в палатках, и 16м октября — нашим объяснением, была еще одна моя поездка — в Крутицкие казармы (в страшную даль от Пречистенки), куда Андрей был переведен на зимние квартиры. <...>

Получив назначение на родину в Тифлис, в артиллерийскую часть, стоящую под Тифлисом, он пришел ко мне прощаться вечером 16го октября 1916 г. И тогда только мы договорились».

А вот как она рассказывает об этом событии в дневнике.

16/X 1916

Finis. Теперь живу. Все будет хорошо. И теперь не знаю, когда я еще буду писать сюда и буду ли вообще когда-нибудь.

* * *

И действительно — дневник умирает. Последняя страница регулярного дневника имеет цифру 1148. Страницы 1149 и 1150 написаны небрежно, на обрывках бумаги небольшого размера. Записи очень короткие (по 2—3 строчки). Позднее — вероятно, в 1961 г., — они были переписаны (но подлинники сохранены и дополнены). Регулярный дневник кончается страницей 1151 — записью от 30 ноября 1917 г., которая приводится полностью далее.

Приведу некоторые из кратких записей и их позднейшие пояснения.

[Пояснения] «С Земским, перед его отъездом, целую неделю по Москве гоняла...» [слова Саши, горничной дяди Коли]. После 16го октября Андрей приходил ко мне каждый день, до своего отъезда в Тифлис, и мы уходили по всяким делам, связанным с отъездом, или просто гулять. Это была чудесная неделя после всех переживаний предыдущих месяцев, после всех сомнений.

Саша о нашем стоворе ничего не знала (м. б. догадывалась). А дяде Коле я сказала в ту же ночь 16го октября (он вернулся после ухода Андря): он пришел в ужас (его смущало и здоровье Андрея, и его солдатство, и его явная бедность⁷); этого он не скрыл от меня, но он был ласков и сказал только: «Ты маме пока ничего не пиши и не говори. Как она будет огорчена (таким женихом)! А у вас, может быть, еще и разладится. Что ж ее зря огорчать...» То, что Андрей — солдат, было одной из главных причин огорчения мамы.

А. М. Земский был переведен на службу на родину. В октябре—декабре 1916 г. А. М. Земский — солдат в Тифлисе.

⁷ А. М. Земский был сыном рано овдовевшего священника, сначала служившего в Кутаиси, а затем переселившегося в Тифлис. В семье было восемь детей: четыре сына (Борис, Андрей, Олег, Глеб) и четыре дочери (Мария, Анна, Елена, Екатерина). Андрей действительно не отличался крепким здоровьем.

Запись в дневнике Н. А.: 8 декабря 1916 г. В Киев, в Киев, в Киев! Разрешение всего, исцеление от всех бед, разъяснение всего.

[Н. А. поясняет в 1961 г.]: Как «вольноопределяющийся» (термин для солдат с образованием не ниже высшего начального училища; а у Андрюши было полное университетское образование) Андрюша получил разрешение подать бумаги в Артил[лерийское] Училище; Борис Земский, кончивший с отличием Петроградское Михайловское Артил. Училище, куда принимали очень ограниченно, с трудом выхлопотал для Андрюши разрешение на поступление туда и подал туда Андрюшины бумаги. И вдруг, к полному недоумению и негодованию Бориса и Мар[ии] Дан[иловны], [его жены], Андрей бахнул начальнику Петрогр. Училища телеграмму, чтобы его бумаги передали в Киевское Артилл. Училище, что и было сделано.

Сестра Варя, после моего письма к ней, ездила к начальнику Киевского училища просить за Андрея и узнавать, принят ли он. Он наконец был принят в Киев. Арт. Училище на ускоренный 10-ти месячный курс.

Андрюша приехал в Киев в Арт. Училище 26го дек. 1916 г.: в солдатской шинелишке, без вещей, с ящиком вина на плече⁸ пришел он со мной к нам на Андреевский спуск (я его встречала на вокзале). Мама внутренне ахнула⁹. У нас встречали Новый (1917 г.) Год с его вином».

Это одна из последних записей многолетнего и многостраничного дневника курсистки Нади Булгаковой за 1916 г.

План-оглавление

Привожу текст, написанный Н. А. Земской уже в 60-е годы в Москве. Его жанр можно было бы определить словами «план-оглавление». Он мог предназначаться для задуманной Н. А., но не написанной ею книги.

Часть III. Годы странствий

Глава I-ая: Царское Село. Лето 1917 г. — весна 1918 г.

Октябрьский переворот. Работа во внешкольном п/отд.

Царскосельского УОНО.

Глава 2-ая: На Волге.

1918—1919—1920—1921 г.

Саратов — Самара.

Работа в Самарском уезде:

Село Кандабулак.

⁸ А. М. Земский возвращался из Грузии. Разве он мог не привезти грузинского вина! — Е. З.

⁹ Позже, в Москве, Н. А. вспоминала со смехом, как мама сказала ей: «Надичка! Он же еще и пьяница!»

Самара — Самарский Уездный Отдел Народного Образования.

Сергей Иванович Гадимачук и его семья.

Андрей в Губнаробразе. Мих. Ник. Тихомиров¹⁰.

Весна 1919 г. — Моя поездка в Москву на Всероссийский съезд по внешк. обр. делегатом от СамУОНО.

Глава 3-ья: Село Старый Буян

Старо-Буянский техникум. Организация Техникума и наша война с Бернадским.

Рождение дочери Елены («Чижик»). Крестная мать — Пелагея Ивановна Смыслова. Спектакли — учитель Смыслов.

Май 1920 г. Попытка добраться до Киева — навестить мать, о серьезной болезни которой пришли из Киева две телеграммы — одна за другой¹¹. (Роковая телеграмма сестры Лели). До Киева не доехала, вернулась из Нежина (белополяки заняли Киев), не решившись проникнуть пешком в Киев. Возвращение в Старый Буян к Андрею и дочери.

Лето 1920 г.

(жара, страшная
засуха, неурожай,
голод).

Эпидемия дизентерии в Старом Буяне.

Смерть дочери. Отчаяние.

Глава 4-ая: Снова работа в Самаре. Уездные курсы — мои лекции. Андрей. С. И. Гадимачук. М. Н. Тихомиров

«Лекторский стаж»

«Снеся на берег свой багаж,

Она дождалась ночи

И лекторский отбыла стаж

У Волги на песочке»

(Из стихотворения Мих. Ник.)

Зима 1920—21 гг. Зима в Самаре — новый состав УОНО.

В Самаре. «Булгакова и Тихомиров» — наша роль в УОНО.

Моя работа лектором в Сам. Нар. Университете. Призыв Андрея в Красную Армию. Борис Земский вызывает его в Москву — работать в Опытном Аэродроме. Наш отъезд из Самары — в феврале 1921 г.

Глава 5-ая: Москва — весна 1921 г. Главполитпросвет.

Переписка с братом Михаилом. Мое знакомство по делам Мих. Афан. с Мастерской Коммунистической Драматургии (Масткомдрам¹², или Маска). Я

¹⁰ М. Н. Тихомиров — друг студенческих лет А. М. и Н. А. Земских, впоследствии известный историк, академик.

¹¹ По ошибке почты два раза принесли одну и ту же телеграмму.

¹² См. ниже примечания к разделу «Письма М. Булгакова к родным».

поступаю туда секретарем. Рецензии. Командировка в Киев (от Просвета Военного ведомства).

В апреле 1921 года я в Киеве.

Царское Село

В 1917 г. две сестры Булгаковы в Киеве выходят замуж, обе за военных. В мае 1917 г. Варвара Афанасьевна — за Леонида Сергеевича Карума, в июле 1917 г. Надежда Афанасьевна — за Андрея Михайловича Земского. Обе сестры едут туда, куда посылают их мужей: Надя — в Царское село, Варя — в Петроград.

Варвара Афанасьевна прерывает занятия в Киевской консерватории (класс фортепьяно, преподаватель — Нейгауз) и едет вслед за мужем в Петроград, так как Л. С. Карум отозван из Киева. Он получил предписание продолжать прерванную им учебу в Александровской военной юридической Академии.

Сохранилась гневная открытка от 21 авг. 17 г. от Вари к Наде, посланная из Петрограда в Ц. Село.

Надя! Я уже три дня в Петрограде и уже жду в газете объявления о вашей смерти. Тетя Аня звонила, спрашивала, живы ли вы. Я сказала, что не знаю! Неужели трудно позвонить! Туфли уже готовы. «Если б не этот мой девичий стыд... так я б тебя... и не так бы еще изругала»¹³. Андрей жив? Володя¹⁴ жив? Бить Вас надо, да некому. Варя.

* * *

Сестры Варя и Надя живут недалеко друг от друга, переписываются, ездят в гости друг к другу. Молодая семья Земских живет в Царском Селе на частных квартирах, которых — по свидетельству Н. А. — было четыре. 2 августа 1917 г. друзья поздравляют Андрея Михайловича и Надежду Афанасьевну «С первым семейным юбилеем: 2 июля — 2 августа 1917 г.». Поздравительную открытку помещаю ниже, среди иллюстраций.

Жизнь молодых, однако, нельзя назвать безмятежной. Привожу две последние страницы дневника Н. А., который она вела в течение многих лет (с. 1151—52). Можно думать, что эти страницы были специально написаны ею как заключительные, итоговые, как прощание со старой жизнью.

Царское Село
30 ноября 1917 г.

Внизу трио — рояль, скрипка и голос — исполняют колыбельную из Жоселена. Как давно я не слыхала музыки! Вообще хорошую музыку слушаю так

¹³ Неточная цитата из стихотворения А. К. Толстого «Песня о Потоке-богатыре».

¹⁴ Володя Гуцевич — друг А. М. Земского по университету и службе в артиллерии.

редко теперь, а эту, такую до каждой нотки знакомую, нашу «домашнюю» — обычный в Киеве репертуар — почти никогда. И так далеко-далеко ушло то прошлое, когда мы, изнывая в романтических настроениях, слушали по вечерам в Киевской гостиниой наш обычный репертуар. И даже Москва — уже прошлое. В настоящем есть «мальчик с тонкими губами и очаровательным голосом»¹⁵, только он уже другой: тот самый, настоящий мальчик тоже уже в прошлом, тоже воспоминание — и какое хорошее! Ах, настоящее реальнее милого прошлого: в прошлом было настроение, в настоящем — жизнь. В настоящем — большевики, обед из собрания¹⁶, продовольственные разговоры и внешкольное образование в Царско-сельском уезде. Что на первом плане? Не знаю. Будем надеяться, что внешкольное образование возьмет верх. Даже светлые курсы с залом под матовым стеклянным потолком грозят отойти в прошлое. Я не отсекаю нитей, связывающих прошлое с настоящим, я только не особенно старательно поддерживаю их и бросаю старое, если нужно бросить, не жалея. О чем жалеть? Раньше я жила будущим, часто возвращаясь к прошедшему, и поэтому данный момент не замечала. Это время уходило мало-помалу и теперь совсем ушло: особенно этому помогли теперешняя тяжелая неопределенность и окончание курсов. И я живу настоящим, не загадывая дальше следующей недели, и так себя к этому приучила, что даже легко стало. «Пока — то-то, ну, а там видно будет» — вот формула. «Там видно будет», а пока «держись, мамзель».

Мальчик мой в Петроград уехал, все газеты вышли сегодня, и у нас не осталось ни крошки сахара. Вот и не с чем пить чай.

* * *

Из письма А. М. к молодой жене, посланного на следующий день после последней записи в дневнике, мы узнаем, зачем он уехал в Петроград. Письмо сложено треугольником военных лет; бумага желтоватая, просвечивает, чернила черные, расплываются. Без марки и даты. Позднейшая надпись рукой Н. А.: Из Петрограда в Ц. Село, и дата: 1 сент. 1917 г. На конвертной части треугольника адрес — почерком А. М. Земского.

Ее Превосходительству
дочери профессора
Надежде Афанасьевне Земской
Надичка славная, любимая, хорошая, работяга, симпатичная, умная, красавица, богиня, ангел и пр. и пр.

Нас, четыре офицера, засажены в Зимнем дворце и приставлены обслуживать шестиорудийную батарею 3 дюймового калибра. Помещаемся в карауль-

¹⁵ У А. М. Земского действительно был очень красивый голос, похожий на голос актера МХАТ В. И. Качалова.

¹⁶ Имеется в виду Офицерское собрание.

ной комнате дворца (тел. 38—125), едим сытно, дают бутылку вина ежедневно. Т. ч. можете за меня не беспокоиться, если уже слышала, что заговор ликвидирован.

С Семеном Ивановичем¹⁷ пришли денег, мыло и полотенце, носовой платок [далее густо зачеркнута строчка] и шинель.

Сколько мы пробудем, неизвестно. [зачеркнуты две строки]. Дай телефон Карумов. Когда «Онегин» в Музыкальной драме?

Целую, как воспитанный чиж¹⁸, только один раз.

* * *

Позже Н. А. записывает: «Из Ц. Села Н. А. ездила в Москву для сдачи государственных экзаменов. По возвращении в Ц. Село (14 сент. 1917 г.) работала во внешкольном подотделе Уездной Земской Управы, позднее — Уисполкома. Ранней весной 1918 г. через Москву она уехала на Волгу». Туда была переведена артиллерийская часть, в которой служил ее муж.

Переписка четырех сестер: 1917—1918 гг.

Н. А. сохранила переписку четырех сестер Булгаковых (с июля 1917 г. по январь 1918 г.). В это время две сестры — младшая Елена (Леля, как ее звали дома, пятнадцатилетняя гимназистка) и старшая Вера (ей было 25 лет) жили в Киеве; Надя с мужем жила в Царском Селе, откуда осенью 1917 г. уехала сдавать государственные экзамены в Москву, а потом вернулась в Ц. Село. Варя с мужем жили в Петрограде, откуда в январе 1918 г. уехали в Москву.

Леля — Наде из Киева в Ц. Село

Буча 19 $\frac{25}{VII}$ 17

Только сегодня получила твое письмо с адресом. Вообще теперь письма идут невыносимо долго, ожидаю, что это ты получишь не раньше Рождества, а заодно поздравляю и с Новым годом.

Пари я, конечно, выдержала. (Помнишь, я говорила, что именно тот Пишиболванчик будет с тобою в Царском Селе.) Мама сначала негодовала, что ты написала сперва им (да к тому же всякие глупости), а ей ни слова, т. к. открытка от 15 июля пришла раньше, чем открытка от 13, которая пришла лишь сегодня. Но теперь мама успокоилась. Больше всего ее радует, что вы хорошо устроились с едой. Просит мама тебя написать подробнее обо всем: казенная ли квартира, ск. комнат и т. д. Конечно, с вашим отъездом мама несколько не успокоилась, а, наоборот, все время думает о том, где и как вы устроились,

¹⁷ По-видимому, лицо, с которым было переслано письмо.

¹⁸ Чиж — ласковое семейное прозвище А. М.

выдержишь ли ты государственные (это самое главное) и готовишься ли к ним. Кроме того маму еще беспокоит, где теперь Ив. Павл. Ведь он находился в Новоселицах, а немцы в 5 верстах от них и железнодорожное сообщение отрезано. В Киевскую городскую думу прошло 1) 44 гласных (по 1 списку) — социалиста, 2) 24 украинца (12 список 3), 10 кадетов (4 список), 4) 7 большевиков (10 список), 5) 5 поляков (5 список), 6) 15 человек партии «внепартийного блока русских избирателей», 7) 5 евреев (8 список).

В Буче настоящая осень: льет дождь, желтеют листья, настроение тоже осеннее — никого нет тоска и скука. Каждый день занимаюсь с Тamarой (она, по-видимому, выдержит), потом сама, много читаю. Пиши, когда будет время.

Целую тебя. Мама целует тебя и Андр.

Леля.

[Приписка — вверху страницы] Поблагодари Андрея от меня за почтительный привет.

[Приписка — на пустом обороте страницы; через бумагу просвечивает текст с другой стороны листа.]

Бумага ужасная, так что не моя вина в том, что так грязно написано. Относительно содержания... тоже не моя вина.

P. S. Мама сказала, чтобы я не писала Н. Аф. Булгаковой, а написала бы Земской — а почему?

Леля — Наде в Ц. Село

Буча

19 $\frac{15}{VIII}$ 17

Вчера получила от тебя заказное письмо. Видела твою карточку: «Бьет» — говоришь; Андрей, по сравнению с тобой, сильно поправился (оно и понятно); см. илл. 1917 года. <...> Мы 30 или 31 августа переезжаем в Киев. В Буче совершенная осень и грустно по-осеннему. Опять надо заниматься, перевозить вещи и т. д. В общем заваривается переездная волынка. Быть может, Вы уже забыли последнее выражение, графиня? Да, хотя что от Вас требовать, ведь прапорщик не офицер, а жена его не барыня, где ей научиться литературным выражениям.

Настроение в Киеве тяжелое, ждут многого от Московского совещания и ожидают голода, который может толкнуть население на решительные и печальные поступки. Население теряет терпение и веру. На то, чего можно было не бояться раньше, толкнет холод, голод и вообще невозможность существования. Что ты делаешь? Маму больше всего беспокоит — занимаешься ли ты? Ой, Надя, не даром устами граммофона говорится. «Как любила меня мать, уважала». Не сбылись бы эти слова! Вера [сестра] сидит за одним столом, я за

другим, а мама за третьим и все пишем тебе. Вере в последние дни снятся пророческие сны — маме тоже и по утрам происходят целые совещания.

У Константина¹⁹ (мама так говорит) по-видимому водянка, голова круглая, пухнет и блестит, фуражка уже еле держится на макушке. Сегодня Ноля²⁰ и Коля [брат] устраивают в Буче Кадетский митинг. Мама идет — я тоже иду послушать. Ноля дразнит меня большевиком, а за компанию и тебя, т. к. подобных идей от тебя набралась.

Ну пока довольноно.

Целую тебя и Андрея.

Передай поклон Володе²¹.

Леля.

Вера — Наде в Ц. Село

[письмо черными чернилами на тетрадной бумаге в линейку]

Буча $19 \frac{15}{VIII} - 17$

«Цыплят по осени считают» — следуя этому совету народной мудрости мама и Дуня [горничная] занялись этим нелегким делом. Главное надо было оставить на зиму как можно меньше петушков и как можно больше курочек. Но это оказалось не так то просто, так как предполагаемые курочки вдруг начинали петть петухами и дрались смертным боем, а петушки скромно разгуливали, поклевывая зернышки. Появились термины «петушка» и «кури́ц». Но это еще легкий случай. Были случаи, что ни одна душа определенно не могла высказать своего мнения, даже призванная на экспертизу Хима, стиравшая у нас белье. Мама и Корней [дворник] уверяли, что «серенькая» — курица, а Дуня упорно возражала: «Много ты понимаешь, мужик. Петух, барыня, петух, он по утрам и свистит по-петушинуму». Рисуеться перспектива, как в результате всех споров и консультаций оставлены будут десять курочек и один петух и как к весне курочки все передерутся и запоют по-петушинуму, а петух начнет нести яйца к Пасхе.

Ну, и угораздило вас сняться, графиня. У Андрюши вид унтера, даже университетский значок не поможет, а тебя точно с креста сняли; или он чего доброго все сам съедает, а ты сидишь там голодная?

Приготовления к отъезду [переезд с дачи в Киев] начались у нас полным ходом. Мама страшно беспокоится, как мы проживем эту зиму, а поэтому старается утилитаризировать все добро, накопленное годами здесь (бабушкина ротонда, дедушкин халат и все проч. появилось на сцену и приспособляется к тому или иному случаю нашей зимней жизни). На той неделе заканчиваем работы здесь и к первому сентября переедем в город.

¹⁹ Двоюродный брат молодых Булгаковых, Костя японский.

²⁰ Ноля Семенов — друг молодых Булгаковых.

²¹ Вероятно, уже упоминавшийся Володя Гуцевич, друг А. М. Земского.

Весь этот месяц я провела здесь. Погода была переменчивая. Но вобщем все-таки было достаточно вполне ясных дней. Я поправилась. Экзема прошла бесследно и платья на мне с трудом сходятся. Передай Андрюше, что я обратилась в то, что на его языке называется «босьявой»: хожу без чулок в одних туфлях и поверх рубашенки один «пеплум», больше ничего.

Настроение у всех пессимистическое. Только мальчики наши [младшие братья] не унывают и занимаются ухаживанием: Ваня за Шурой, Коля за Галей. Как-то мама, уехав в город в мрачном настроении, поручила Дуне нас отравить («так то лучше будет» — решила она — «чем нам всем терпеть голод»). Но Леля выступила в роли «мальчика с пальчик'а» и открыла коварный замысел. На первое нам подан был суп, в котором, под видом сыроежек, плавали самые настоящие поганки, тонконогие с остроконечными шапочками. На второе подано было огромное блюдо кукурузы, дескать, если суп их не проймет, то они набросятся на кукурузу и помрут от жадности.

Слава Богу, все кончилось благополучно.

Как поживаете вы все (выселенцы из Киева) в Петрограде и его окрестностях? Мама получила от Коли Яп.[онского] письмо и страшно расстроилась им: потерянным Колей временем и деньгами, затем попадет ли он по конкурсу аттестатов, ведь у него отметки слабые. Вобщем она всегда волнуется и ждет от вас всех писем, так что пишите ей почаще, но в письмах она боится прочитать какую-нибудь неприятную новость и жалуется, что ждешь-ждешь писем, а никакого утешения не получаешь, кроме неприятности. Больше всего ее сейчас занимают твои дела и завезла ли ты кандидатское Веселовскому? Главное, что ты пишешь всякую чепуху Леле, это ее возмущает (особенно относительно ртов ваших и их конструкции и я скажу, что это уж слишком), а о деле ее интересующем, ничего.

Ну, желаю Вам дальнейшего процветания: «и здоровья прежде всего». Пиши мне, я без всех вас очень скучаю. Передай привет Андрюше от Кота [прозвище Веры], представляю его себе в шпорах без сапог. Да, между прочим, городской театр Багров передает украинцам, так что в предстоящем сезоне и оперы-то, верно, у нас не будет. Совсем крышка! Целую вас, пишите.

«Кот».

Надя — Вере из Ц. Села в Киев

13/IX1917

Милая Вера, поздравляю тебя с днем Ангела, шлю лучшие пожелания. Особенно желаю процветания твоему детскому саду. Затея эта мне очень нравится, я от души ее приветствую. Поступил ли куда-нибудь Коля? Как здоровье мамы? Мое царскосельское житье на-днях кончится — уезжаю в Москву. Пишите в Москву подробнее о своей жизни. Попроси Лелю писать. Не возгордитесь, живя в «gelbe-rote Poragai». Всех целую. Надя

[Приписка А. М. Земского] Поздравляю Кота с днем Ангела и желаю ему счастья. У нас тоже есть кот, но он старенький и обижает Надичку: съел ее копчушки, ужин и кислое молоко. Меня Надичка бросает; права была Варвара Михайловна: недолго прожили.

А. Земский

Вера — Наде из Киева в Ц. Село

по адресу: Стессельская, 5 кв. 5. [первый адрес в Ц. Селе]

18.9.17

Милая Надичка!

Поздравляю тебя с днем ангела и желаю исполнения всех твоих «надежд» и желаний. Еще поздравляю тебя с именинницей [т. е. Верой]. Андрюшу, Варю и Леню [сестру Варвару с мужем, которые жили тогда в Петрограде] поздравляю с именинницами. Мы все сидим с насморками и кашлями, хотя последние дни стоит летняя жара. Жизнь наша почти вошла в колею. С понедельника я принимаюсь за дело — какое Варя тебе расскажет... [вероятно, организацию детского сада]. А на днях мы получили бумажку, что к нам ставят офицера и сегодня он пришел. Оказался солидным папой-чиновником в чине подпоручика (инженер-строитель по образованию), он из Гельсинфорса, говорит с акцентом, там у него жена русская, дочери замужние. Держит себя очень корректно к нашему успокоению, так как было опасение, что попадетс какой-нибудь невоспитанный прапор. Завтра он переселяется к нам, в Муину комнату.

Ну, целую Вас всех. Будьте счастливы.

Не забывайте Кота. Пишите.

Надя — Леле из Ц. Села в Киев

[Открытка без конверта и даты, вероятно, осень 1917 г. Адрес в Ц. Селе: Саперная 38, кв.2 (второй по счету). На обороте: вид Ц. Села — Широкая улица и вокзал]

Правда, у нас нет граммофона, канарейки в клетке и герани на окнах. Но зато у нас на туалете скатерть из красных кружочков с желтыми кружевами, красная дорожка на полу, кисейные занавески, слон с поднятым хоботом, фарфоровая девочка с букетом из сухих трав, фотографии, картинки и тарелочки на стенах, часы с башенным боем. Канарейки очень не хватает. А вещей-то, вещей у нас в комнате! На целую квартиру хватит. Под боком кладовая. В ней, кроме прочего, два велосипеда мужской и женский — живем у настоящих царскосельцев.

Пиши мне подробнее о Киеве. Отчего ты замолчала?

В Ц. Селе хорошо жить. Мы сейчас на самом краю города. Пожалуй, в самое Ц. Село также далеко, как и в Павловск от нас. Домик деревянный, двухэтаж-

ный с крашенными полями и садиком. Трогательно. Пиши же. Если скоро соберешься, то сюда (Саперная, 38, 2), а нет, то на Андриюшин адрес [служебный] — мама знает. Наш кот, передает Андриюша, остался на старой квартире. Целую тебя. Н.

Варя — Наде, из Петрограда в Москву. На конверте адрес: Москва. Прецистенка № 24, кв. 12. Ее Благородию Надежде Афанасьевне Земской (жене прапорщика).

Петроград

19 $\frac{24}{IX}$ 17

Дорогая Надя!

Только что получила твою открытку. Очень рада за тебя, что ты хорошо написала сочинение. А я больна. На другой день после твоего отъезда у меня начал болеть живот. <...> у меня катарр кишок, есть доктор позволил только жидкое, сказал, что это пройдет, чтобы я начинала постепенно есть, т. к. мне нужно питаться, потому что я «слишком малокровная» (его слова).

Написал мне рецепт на молоко и белый хлеб (я его даже не просила об этом), сказал, чтобы я лежала, пока боль не утихает, вот я лежу уже четвертый день. Теперь мне гораздо лучше. Бульон мне Ленья приносит из Парижа [вероятно, название ресторана]. Молоко еще ни разу не удалось получить. Был у меня Андриюша [муж Нади], как раз в тот день, когда я была у доктора, привез масло (чудное сливочное) и сыр, а молоко не привез, обещал привезти сегодня. Я буду очень рада. Дело в том, что желудок у меня здоров и есть хочется, а кишки не позволяют есть что-нибудь твердое. Деньги я, конечно, ему точно отдам. <...> С продовольствием у нас гораздо лучше. В нашей лавке есть все и почти без очереди, даже дали два раза яйца, масло и рис.

Вышло очень неприятно с посылкой. В моих чулках оказывается лежали письма, мне от Веры и тебе от Лели. Кроме того «пишиболванчики»²² тебе ко дню Ангела. Письмо посылаю, болванчиков получишь, когда приедешь.

Пока, будь здорова. Пиши.

Целую, Варя

P. S. Приезжай скорее, нам скучно без вас. Получили от Белочки [прозвище дяди Коли Покровского] письмо, он поздравляет тебя с днем Ангела и говорит, что ты его забыла. Напиши ему.

Варя

[приписка Л. С. Карума]

Милая Наденька, приезжай скорей.

Я очень люблю тебя видеть, поговорить и пожить вместе. Андрей погружен по горло в свою «комиссию» и собирается учить наших правителей че-

²² Семейное словечко.

тырем правилам арифметики. Недавно у них было какое-то волнение: Володя [Гуцевич] повел двойную игру, подвел начальство и вызвал к себе энтузиазм правителей. Ну, будь здорова. Целую крепко. <...>

Твой Леня.

Варя — Наде

из Петрограда в Москву.

19 $\frac{30}{IX}$ 17

Милая Надя!

Твой Андрюша пропал. Самое главное то, что он нам привез масла на 12 р., денег не получил, с тех пор мы его не видали.

Как-то были у меня Володя [Гуцевич] и Топоровский [друзья Андрея Земского]. Говорили, что Андрей очень занят, но скоро придет, так его и нет до сих пор!

Я понемногу поправляюсь.

Но у меня убежала почка, Леонид говорит, что теперь по ночам, вместо того, чтобы спать, придется сторожить почку, чтобы она совсем не убежала! <...>

Ну, как твои дела? Когда у тебя экзамен?

Жизнь здесь все дорожает. Сегодня отдала белье, будет стоить 23 рубля! Прямо ужас!

Живем теперь скромно, как только можем. Еле сводим концы с концами!

Считаю месяцы и дни до конца нашей жизни здесь! Леонид²³ зубрит, а я работаю как вол! Эти два дня обед готовила дома!

Шо было, шо было! <...>

Евгения [кухарка хозяйки] стала топить плиту в пятом часу, п. ч. обедать хозяйка будет только к ночи, а то завтра! Я то, хитрая, почти все на спиртовке сварила.

Купила себе белую хорошую эмалированную кастрюльку и сковородку. Теперь у меня полное хозяйство!

Ну, пиши побольше и почаще.

2го октября мы приглашены на обед с бароном к ее «Высокородию». Открытку или письмо от тебя она получила. <...>

Целую крепко

Варя

Варя — Наде, из Петрограда в Москву
[с купюрами]

19 $\frac{6}{X}$ 17

Милая Надя!

Только что собралась тебе писать, как получила твое письмо.

Думаю, что теперь ты уже не поедешь в Петроград [из Москвы], а поедешь туда, куда Андрюша, или останешься в Москве. А я уже тоже думаю ехать в Москву. Эвакуация Петрограда уже назначена.

²³ Ее муж — офицер, студент Военной юридической академии.

Думаю, что мне лучше всего ехать в Москву, чтобы не уезжать далеко из Петрограда и быть в центре России. Во всяком случае приеду в Москву, а там с дядей [Н. М. Покровский, брат матери, известный врач] и тобой обсудим все дела. Думаю попасть в Москву 18—20го октября.

18^{го} кончается срок нашей комнаты, и Лене нет смысла одному жить в такой комнате и так дорого платить. Если же он переедет к товарищу, то он сможет мне посылать деньги. Одним словом вы с дядей ответьте мне, что вы об этом думаете и поскорее. <...>

[Доктор] прописал мне молоко (кот. я не получаю, т. к. железные дороги оказались принимать молоко, а «помещики под Петроградом поят молоком свиней» — официальное сообщение в газетах). <...>

Пиши поскорее. Леня целует.

Варя

Варя — Наде из Москвы в Ц. Село²⁴

Москва

19 $\frac{15}{1}$ 18

Дорогая Надя!

Это письмо ты получишь из Петрограда, где его бросит Коля Японский [двоюродный брат, который через Москву ехал в Петроград]. Все твои вещи²⁵ Коля оставит у Леонида [мужа Вари]. Дядя Коля ругал тебя ужасно, я же тебя проклинала, потому что мне страшно досталось за то, что у меня такая «замечательная сестрица». <...> Твое счастье, что Коля взял, хотя и с большой руганью. Володя [Гуцевич, друг А. М. и Н. А. Земских], я думаю, не согласился бы тащить такой тюк.

С Володей я пришлю твой старый синий костюм, дядя Коля говорит, что весной в грязь он тебе пригодится «ездить по ее внешкольному образованию»²⁶ (слова Зайки [другое прозвище дяди Коли]).

Просил, чтобы я тебя выругала [за оставление вещей], чтобы я написала Леониду, чтобы он тебя выругал, умолял Николая, а сам сказал «письмецо» напишет. Одним словом, «шо было, шо было».

У нас все по-старому. Провели сигнализацию на случай тревоги по всему дому²⁷ и каждый считает своим долгом «нечаянно» позвонить, после чего начинается страшная кутерьма.

²⁴ Варвара Афанасьевна, по сведениям ее дочери И. М. Карум, 5 января 1918 г. уехала из Петрограда в Москву к дяде Н. М. Покровскому. Ее муж закончил обучение в Академии и получил назначение в Департамент земледелия, который был эвакуирован в Москву. 9 января 1918 г. Л. Карум также приехал в Москву.

²⁵ Уезжая из Москвы после сдачи государственных экзаменов, Н. А. оставила свои вещи в квартире у дяди.

²⁶ Н. А. в Ц. Селе работала в области внешкольного образования.

²⁷ Дом 24 по Пречистенке, где жил дядя. Н. А. жила у него, учась на Курсах.

Разыщи мою подушку и отправь ее к Лене, мне это очень важно.

Потом, когда будешь у Лени, спроси не нужна ли ему твоя помощь, а то он очень бедный.

Как твои дела?

Зачем Андрей остается в батарее? Вообрази, что переменится настроение политики и он не сможет уйти.

Когда переедете на другую квартиру немедленно сообщи адрес новый. (Ведь дольше, чем до 26 января вам стыдно прожить на одной и той же квартире!!!²⁸).

Ну, а каково твое мнение насчет «щепок», которые летят при рубке леса (Кожкин, Шингарев²⁹ и мирные манифестации!)?

Напиши мне, получила ли ты открытку, в которой тебя приглашают на заседание 16 декабря 1917 г. с докладом проф. М. Н. Петерсона и Мишино письмо, которые я тебе переслала отсюда.

Привет Андрею. Пока всего хорошего.

Целую крепко. Зайка целует.

Исполни мои просьбы.

Варя.

Неудачная поездка в Киев: весна 1920 г.

Печатаемые ниже тексты — письма и путевые заметки — были написаны Н. А. весной 1920 г. и переписаны ею набело (кроме письма № 1) в 60-е годы, в Москве. Все примечания, кроме специально отмеченного случая, составлены ею в 60-е годы.

*Письмо № 1*³⁰

Самара
24/IV.20

Милый Андрик³¹ и моя чижуненька!

Завтра хочу ехать. Думаю через Москву. Мишка³², хотя ругал меня здорово и ворчал, все-таки согласился проводить меня на вокзал и даже хочет с ехидным видом притянуть к этому делу Богомолова.

²⁸ Шутка: Земские в Ц. Селе часто переезжали с квартиры на квартиру.

²⁹ Подразумевается зверское убийство арестованных в ноябре 1917 г. министров Временного правительства Ф. Кокошкина и А. Шингарева группой красноармейцев и матросов, совершенное 7 января 1918 г.

³⁰ Письмо на больших листах желтоватой бумаги, написано простым карандашом. — Е. З.

³¹ Обращение к мужу, которое обычно использовала Н. А. Дочку она называла Чижка, Мурзилка и Лелька (от имени Елена). — Е. З.

³² М. Н. Тихомиров. В 1941 г. Н. А. делает такое примечание: «Правильно ворчал

По Мурзилке нашей я ужасно соскучилась. Не могу равнодушно видеть матерей с ребятами на руках — иногда хочется плакать. С пропуском устроилась пока довольно легко. На вокзале, по сравнению с прошлым³³, много порядку — едут только командированные, народу сравнительно мало, существуют правила, которые — представь себе! — исполняются. Я уже вымылась в бане, без этого не дают билета: работает специальная баня для едущих Поезд Самара — Москва прямого сообщения.

Посылаю тебе доверенность на получение жалованья и ботинки, купленные для сына Александры Николаевны, как плата за чиженьку. Она просила об этом. Если они ему не полезут, отдай их Смысловым для Гальки, как плату за молоко, а ему постараемся найти новые. Я купила эти очень удачно, как все говорят: за 1500 р.!

Мишке я 500 р. не отдала, п. ч. у меня остается не так много денег. Платье не продала еще (за это взялся Куликов), если оно не будет продано, или если будет продано после моего отъезда, то тебе пришлют или его или деньги. Подушку свою большую не беру, ее тебе пришлют.

Тальк, пепсин и цинковую мазь [вероятно, для ребенка — Е. З.] пришлет тебе Циля Самуиловна.

Целую тебя и Лельку крепко-крепко.

Сбереги мне мою мурзилочку, Андрик, родной. Пошли в Киев телеграмму об ее здоровьи, чтобы я могла, приехав, иметь от вас весть, а потом через неделю посылай регулярно по телеграмме. Это поддержит мое настроение.

Целую, целую вас обоих. Буду телеграфировать из Москвы.

Надя

24/IV.20 г.

* * *

Поездка в Киев из Старого Буяна к больной матери [выехала из Самары 24 апр. — вернулась в конце мая 1920 г. — Е. З.]

Путь:

От Ст. Буяна до Самары на лошадях; от Самары через Москву, Курск и Харьков до Нежина; в Киев не попала, он взят белополяками; обратный путь от Нежина до Харькова на площадках эшелонов с эвакуированными или военными; от Харькова с многочисленными пересадками в Москву; отсюда в Самару и снова — в Буян³⁴.

и правильно ругал, Андрею не надо было пускать меня, удержать хоть силой».

³³ Год назад, весной 1919 г., Н. А. ездила в Москву на Всероссийский съезд по внешкольному образованию делегатом от Самарского УОНО. — Е. З.

³⁴ М. б., на пароходе. А от Волжской пристани — с попутчиками?

Весна 1920 г.

Поездка в Киев после телеграммы сестры Лели о болезни матери. Телеграмму на Самарской почте почему-то дублировали (прислали сначала один экземпляр, а спустя два дня снова ту же телеграмму; но я не поняла, что это одна и та же телеграмма, а решила, что матери совсем плохо, если Леля шлет телеграммы одну за другой — роковая телеграмма, роковая случайность!).

Я выехала из Самары 24^{го} апреля 1920^{го} года, а вернулась в конце мая 1920 г., не попав в Киев, т. к. он был занят белополяками.

Ох, не надо было ездить, не надо!

Дочь Лелю я оставила на руки Андрею и кормилице, учительнице — коллеге по Ст. Буянскому техникуму³⁵.

Письмо № 2

Письмо Андрею в Ст. Буян с дороги 27/IV.1920 г. (между Самарой и Москвой — со ст. Инза)

Копия

Инза. 27/IV.20 8 ч. в.

Телеграфируй³⁶, как Чижуня.

Я боюсь за нее.

Полсуток стоим в Инзе и будем, говорят, стоять до завтрашнего утра. Едем по принципу: «Тише едешь — дальше будешь». Во время хода поезд делает по 30—40 верст в час, но зато стоит — терпеливо и упорно — при всяком удобном и неудобном случае, на всякой большой и маленькой станции и даже без всякой станции. Пассажиры терпеливы: «Вылезай, товарищи, на дачу приехали!» — острит один из спутников. Тоска ужасная. Спасают только сон и книги³⁷. Больше думаю не о том, что впереди, а о тебе с Чижкой. Мечтаю, как вернусь и три дня не буду спускать чижку с рук.

После советов и всестороннего рассмотрения дела решаю все-таки ехать через Москву, п. ч. при такой быстроте следования пересадки (а их должно быть три) будут не так, д. б., трудны, а замучают ожиданием. По сравнению с прошлым годом большой прогресс в порядке на станциях и при посадке: народу немного сравнительно: едут только по удостоверениям; на станциях метут и убирают, дают справки (вроде: «паровоза нет и не скоро будет»); метут вагоны; в Инзе на станции библиотека-читальня, где можно приятно и полезно провести время. Только железнодорожники не торопятся с работой. Разгуливают по путям, не спеша и солидно свистя, два паровоза и только дразнят

³⁵ Пелагея Ивановна Смыслова — местная учительница, крестная мать моей дочери, очень много мне помогавшая в те тяжкие дни: роды, после родов, искусственное вскармливание и т. д. Удивительно душевная и здоровая нравственно, добрая, работающая русская женщина! Мать нескольких детей.

³⁶ Куда телеграфируй?! Куда?!!

³⁷ Абсолютно не помню, какие книги я с собой взяла и читала в дороге.

воображение. Нас обгоняют маршрутные поезда. Спутники у меня тоже предмет для развлечения. В одном со мной отделении едет партия б. служащих лазарета из Челябинска — санитары и женщины, причем у них удивительная простота нравов; ночью на общих нарах разыгрываются сценки, о которых неудобно писать (я сплю отдельно). А в соседнем отделении едет группа, по какой-то «важной командировке», как они говорят; один из них наспециализировался по скандалам с агентами Транс. Ч. К. и повествует без усталости о своих подвигах, а другой превосходно рассказывает неприличные анекдоты и поет такие же песни; большой знаток русской «словесности»; ему подпевают дружный хор. Весело. Однако все-таки гляжу кругом и вижу, что Россия идет сильно вперед и перемена происходит к лучшему. Одна деревня стоит на месте и ворчит и ноет. Где пересяду, решу окончательно в Рязани.

Целую обоих. Надя.

Послал ли Мишка сухари в Москву? Отдай, если можно, ему долги. Я ему 500 р. не отдала, задолжала еще 300 р. И за посылку. Он, бедный, мрачен и беден.

Береги нашу Чиженьку, Андрик, береги, родной. Я приеду — всеми силами дам тебе отдохнуть. Н.

28/IV.20. 11 ч. у. Мы все еще стоим в Инзе. Мало-помалу публика начинает возмущаться. Пока мы стоим, ушли уже несколько маршрутных и других поездов на Москву. Сесть на них нельзя было, а то бы я уехала. Тоска. Ходят толпами к коменданту, дежурному и пр. начальникам. Наконец, обещали отправить скоро. Будем еще ждать. Вчера соседи устроили вечерний концерт. Услыхали много поучительного. Вот образец:

Бог разгневался на нас, улетел на небо
И по карточкам дает четверть фунта хлеба.
Большинство из остального непечатно.
Вообще учусь. Н.

28/IV.20. 7^{1/2} ч. в. Проехали «Ночку» (где продотряды). Из Инзы выехали в 7 ч. в. В «Ночке» ничего ни у кого не взяли. Н.

Я на Самарском вокзале вынула муку, которую взяла было в Москву. Не трать ее — она пшеничная. Я из нее pošлю опять в Москву посылку.

До Инзы были кое-какие базары, а отсюда, говорят, ничего нельзя купить. Жалею, что не взяла больше продовольствия — я не ожидала такой медленности. В вагоне находятся два попутчика до самого Киева, а остальная компания едет вообще на Украину — кто куда.

Если можно будет, пошли с В. В.³⁸ посылку Земским. Передал ли тебе Мишка мою записку и муку с веревками? Вернули ли тебе белое платье? Если вместо него дали деньги, береги их для осенних запасов.

³⁸ Василий Васильевич Виноградов, преподаватель математики в Ст. Буянском Народном Техникуме, друг в те тяжкие дни.

Привет Пелагее Ивановне; В. В. и всем на горе³⁹. Гадимачуков целую. Билет до Киева стоит от Самары 580 р.

Письмо № 3

Копия

Рузаевка. 29/IV.20

1 ч. д.

Проклинаю себя, что поехала этой дорогой, а не пересела в Сызрани на Пензу: здесь один за другим нас обгоняют маршрутные поезда, а в Москве, говорят, переезд с вокзала на вокзал представляет большие трудности, не говоря уже о деньгах; пугают, что и посадка очень медленно идет в Москве.

В Рязани решу, где пересяду. Если поеду через Москву, то обратно постараюсь вернуться другим путем.

Тоска ужасная. В Рузаевке стоим с утра. Нехватает паровозов.

Железнодорожники, несмотря на все плакаты и призывы работают, как саботажники. Но на вокзале чисто: читальня, буфет.

После Инзы прекратилась возможность купить что-нибудь за деньги: меняют на соль, мыло, спички, гл. обр. на соль. А я не взяла из Самары ни щепотки соли — забыла — и если бы не любезность спутников, пропала бы: все, даже обед на станциях, продают несоленым. Но большинство вагона — из Сибири, и у них даровая (служащие лазарета) или дешевая (90 р. ф.⁴⁰) соль.

Телеграфируй в Киев и в Москву о чижке. Вчера вечером на разъезде увидела женщину с трехмесячным ребенком на руках, расстроилась и всю ночь видела чижку во сне.

Целую вас обоих. Как-то ты там, мой родной, один справляешься — я все об этом думаю. Из Киева дам телеграмму, если можно будет. Здесь частных не принимают.

Сейчас буду готовить обед: мы тут устраиваемся по-домашнему.

Н. Б.

* * *

Дорожные записи

1/V.20 Ст. Рыбная (между Рязанью и Москвой)

«Я так хочу в Киев, что когда-нибудь брошу, наконец, все и улечу, ни на что не глядя». Так, приблизительно, писала я как-то в дневнике давно, когда «улететь в Киев» было вполне доступно.

Но все-таки того, что случилось, я не ожидала, хотя с замиранием сердца думала: «Что будет, если это случится?» Пришла от Лели телеграмма, что мама больна. Я проплакала целый вечер, пометалась, поговорила с Андреем и «тетей Полей» и на утро встала с твердой решимостью ехать в Киев. Пока я

³⁹ См. объяснение этого гибридного термина ниже, в примечании к записи от 9 мая 1920 г.

⁴⁰ 90 рублей фунт.

была в Буяне, жадное желание увидеть мать заслоняло передо мною все. Я пускала слезы, нянча Лельку в дни перед отъездом, но все-таки собиралась. Собралась, поехала.

И вот завтра неделя, как я выбралась из Самары и есть шанс, что завтра мы будем в Москве. А там не менее недели такого медленного движения на Киев, если только его можно будет осуществить. А может случиться и так, что в связи с польским фронтом я туда и не проберусь. И странное дело: когда я думаю, что вдруг в Киев нельзя будет попасть, жажда видеть маму вспыхивает с новой силой; когда же я об этом не думаю, то во мне живет — сознательно или бессознательно — одно чувство: Лелька. Вспоминаю почему-то больше всего ее ручонки, когда они «дирижируют мировым оркестром»: делаешь что-нибудь, а Лелька не спит; с ее дивана доносится усердное пыхтенье; оглянешься на нее и первое, что видишь, это две худенькие ручонки в широких рукавчиках, без усталости, ритмично размахивающие в воздухе.

Поезд едет или стоит, как сейчас (больше последнее), а я рисую, как вернусь, как устрою ей удобные условия жизни, как буду ее растить и лелеять, передам ей все те знания и чувства, какими обладаю, как сделаю из нее интересного человека. Я еще не жалею, что поехала, особенно, когда подумаю о причине, которая меня сюда погнала. Но я поймала себя на таком чувстве: у одного из разъездов стояла жена заведующего⁴¹ с завернутым ребенком на руках; меня вдруг неудержимо потянуло взглянуть на него — «хоть взглянуть» — авось хоть черты напомнят мне моего «мурзилка»⁴².

Сегодня 1^{ое} мая. Из-за досадной случайности («мы», штабные вагоны⁴³, прицепились в Инзе к санитарному поезду) нас держат здесь на сортировочной, и на «всероссийский субботник» мы не попадем в Москву. В другое время я бы жалела ужасно, а сейчас мне все равно.

Но все-таки, несмотря на горечь разлуки, на томительную тоску, живущую в душе, у меня такое чувство, будто я проснулась после долгого-долгого сна. Шутка ли: целая зима в молчаливых снегах Буяна с его мелкими дрязгами и узким размахом; три месяца, можно сказать, в стенах одной комнаты, когда даже прогулка на село была развлечением. И вот теперь живет и волнуется перед глазами Россия на тысячу верст, Россия, которую я, можно сказать год не видала и не чувствовала совсем, сначала за болезнью беременности, потом в заточении над Лелькой после родов. В поезде я сплю, сколько и когда хочу — роскошь, неиспытанная уже три месяца (правда, я бы с восторгом отдала эту роскошь, чтобы держать на руках Лельку). Читаю, что и сколько хочу. Наблюдаю людей, говорю, слушаю. Принимаю вспыхнувшей душой даже неприличные куплеты и анекдоты, которые так и сыплются в соседнем купе в ком-

⁴¹ Заведующего разъездом? — наверное надо было сказать сторожа или?..

⁴² От мурзилка.

⁴³ По-видимому, я выехала из Самары с командировкой или направлением ОНО и ехала в привилегированных штабных вагонах.

пании молодых военных⁴⁴. Чувство такое, будто я выздоравливаю после болезни, да физически оно, пожалуй так и есть. Вероятно, я слишком переутюмилась болеть душой и волноваться, п. ч. даже тоскую спокойно (вернее сказать, тихо) и молча принимаю душой происходящее и те события, которые разыгрываются кругом. Это спокойствие⁴⁵, д. б., реакция на то душевное напряжение, в котором прошли, можно сказать, почти без исключения все три последние года моей жизни — и даже больше. Но живут зато вместе с этим спокойствием в душе усталость и некоторая апатия. Это, конечно, скверно: они, например, мешают мне записать и привести в систему те наблюдения и мысли, которые родились в результате самарской работы, прошлогодней поездки на съезд в Москву, жизни в Буяне и теперешнего путешествия. А перемену, произведенную во мне Буяном, «Мишка» недаром заметил во мне в краткое мое пребывание в Самаре перед отъездом.

Но я уже устала писать и думать. Брошу.

5/V.20 *Перегон Белгород — Харьков*

Въехали на Украину, и со мной случилось что-то странное. Я ехала с намерением сказать родине решительное «прощай» и устраивать свою судьбу где-нибудь в другом месте. Но сейчас тихая радость наполняет душу при виде с детства привычной природы и обстановки, хотя я еду по совсем незнакомым местам: ведь в этой части Украины никогда не бывала.

Надежда попасть в Киев все больше и больше падает, но, я знаю, главное было сделать попытку, а теперь я, если сейчас не проеду, то потом вернусь. Я ясно чувствую сейчас, что только здесь найду тот покой и уют, которого мне не хватало последнее время. Самарский уезд вспоминается как нечто скучное, грубое. Если б там не Лелька с Андреем, я бы бросила его (уезд) ни минуты не жалея.

* * *

Письмо № 4 Харьков. 5/V.20

11 ч. в.

Сию в Харькове. У меня пропуск до Нежина⁴⁶ особого отдела, пропуск коменданта в штабной вагон и пр. документы. Стоило это мне целого дня беготни, переговоров, волнений... Здесь порядки на железной дороге такие, что Россию вспоминаю с большим удовольствием: там рай по сравнению со

⁴⁴ Это, как вспоминается, были матросы, державшие себя достаточно непринужденно и бесцеремонно.

⁴⁵ Следовало бы назвать это не спокойствием, а пассивностью (от переутомления душевной перегрузкой).

⁴⁶ По-видимому, пропусков в Киев тогда уже не давали (белополяки были на подступах к Киеву), но меня, безумную, это не остановило: я настойчиво двигалась вперед, веря, что доберусь, проскочу. Серьезности происходящего я не понимала до конца. Но, все-таки, см. дальше: «Я поколебалась в Харькове — ехать ли в Киев»... и, конечно, безумием было, что из Харькова не повернула обратно.

здешней бестолковщиной. Едут все, кто хочет, а потому в Харькове на вокзале — груды тел и масса людей по всем проходам, залам и платформам. Всю жизнь я буду помнить этот Харьков. Поезд должен отойти в 9 ч. в., а сейчас уже 11, но поезд еще не подавали. Похоже немного на Самару. На Украине еще в полном разгаре беспокойное настроение после всего пережитого⁴⁷.

Я поколебалась в Харькове — ехать ли в Киев, но потом стало жаль проделанных усилий. В Харьков я попала, п. ч. Москва — Харьков — чудесное сообщение: почтовый поезд идет меньше двух суток почти без остановок. Я попыталась встать (пересестъ) в Курске, но там на вокзале кошмар неразберихи и, как заявили мне сидевшие на станции пассажиры: «Поездов нет никаких ни туды, ни сюды вот уже третий день»⁴⁸. Тогда я вернулась в свой поезд и попала сюда, в «центр Украины».

Здесь — обилие всего, но цены почти московские, дороже Самары. Рынок богат почти как рынок старого времени. А в маленьких городках здесь не жизнь, а масленица. Но не существует еще порядка, выработанных правил, той революционной дисциплины, которая все-таки до известной степени установилась в России. Здесь еще масса крикунов и авантюристов, строящих из себя соль земли, а окружающие их, пока еще, не умеют обуздывать.

А край благодатный. Всюду весна в полном разгаре, богатая зелень, богатая почва. Ем белые-белые французские булки, но все больше соглашаюсь в душе с тобой, что нам здесь не работать: да, пожалуй, мы тут будем не ко двору.

6/V.

Из Харькова выехали ночью. Едем ничего, но до московско-курской дороги далеко.

Как-то и когда-то попаду в Киев? Ведь кружу вокруг него, а близко не подъезжаю.

Целую обоих. Береги Лельку. Все думаю о ней.

Надя.

8/V.20 *Ст. Круты (около Нежина)*

Э, нет, братики, это не так просто — вернуться сюда для жизни и работы.

Не ко двору мы здесь с Андреем в этом царстве спекуляции и мелкого кулачества (крестьян), в этом море смешения племен и интересов, к тому же взволнованном паникой постоянной гражданской войны. Я пробыла в Харькове полдня и совсем упала духом: дороговизна, всякое отсутствие порядка, неустановленность принципов; по сравнению с богатой и сытой Украинной го-

⁴⁷ Наивность и слепота: «беспокойное настроение!..» да ведь война, и уже не только гражданская, внутренняя, а с вмешательством иностранных войск! Все-таки там, на Волге, в глубине России, мы были мало осведомлены о кипящем на Украине котле...

⁴⁸ И опять же это надо было понять в свете происходящей войны.

лодная, «пустая» (у меня такое впечатление) Россия кажется чудесным краем. Первое впечатление от внутреннего содержания украинской жизни было очень скверное. Сейчас оно сгладилось мало-помалу, и я жду Киева для окончательной рекогносцировки и решения всех вопросов своей личной жизни.

Но — горе мое — в какое неудачное время попала я снова на родину! Кружусь около Киева вот уже четвертый день, а точной надежды попасть туда у меня нет; пожалуй, она все уменьшается: поляки близко, и часть храброго здешнего воинства устраивает панику. Я еду в штабном вагоне, и его мужское население не на шутку взволновано. На таких людей нельзя положиться — это самое главное. Я бы твердо двинула вперед и достигла бы цели, но боязнь быть отрезанной от Самары останавливает меня. И потом: что найду я в Киеве? Лелина телеграмма послана около полутора месяца тому назад. За эти полтора месяца могло произойти много. Плохо. Хорошо, что я устала волноваться и плакать, а то еще не один фунт крови стоила бы мне эта поездка. Военные учреждения полным ходом эвакуируются из Киева (оттуда идут эшелоны), но не это меня пугает. Пугает невозможность в случае чего легко и быстро повернуть обратно, пугает отсутствие поддержки и защиты для меня и полное отсутствие средств: мне не с чем ехать ни вперед ни назад. Я не ожидала таких обстоятельств и по обыкновению легкомысленно не запасла ни денег, ни провизии.

Ну, интересно, как в этом случае вынесет меня моя звезда?

9/V.20. Ст. Грузсково. 25 в. от Конотопа.

Моя звезда решила, наконец, дать мне урок тягчайшего терпения: проехать больше 2000 верст, истратить последние свои физические силенки и за 120 в. от Киева повернуть обратно! Это ли не издевательство над человеческой душой. И все это после того, как мечта о доме и маме была моей идеей *fixe* почти целый год, когда тоска по родине изгрызла мне душу до последней степени, когда я для этой поездки бросила ребенка, уничтожила последнюю надежду на мое грудное молоко, отягчила жизнь Андрея, не говоря уже о материальном ударе, нанесенном нашему бедному бюджету этой безумной поездкой. Нервы мои не выдержали: когда я в Нежине окончательно убедилась, что не доеду, я не могла удержать слез. Встретила Лелю Альтмана⁴⁹ среди эвакуированных и, начав говорить о себе и своей поездке, расплакалась. Час побыла в Нежине и, уезжая на открытой площадке эшелона обратно на Бахмач, не могла удержать горьких слез обиды и отчаяния.

Лелька [дочь] взяла перевес над моей тоской по родному дому, а то бы я не повернула обратно. А сейчас я еду, и сердце сжимается при мысли, что все принесенные жертвы — напрасны и что другого такого усилия мне уже не сделать. Если с чиженькой моей все будет благополучно, я больше ее уже не оставляю.

⁴⁹ Леля Альтман — один из киевских знакомых, молоденький юноша.

И снова Киев в чужих руках, и новая власть предписывает сейчас маме с Делей⁵⁰ законы... Ну, и тяжело же!

Кроме всего я устала физически ужасно. Мечтаю доехать до Москвы, вымыться, раздеться, наплакаться вволю (ведь не могла же я здесь, на людях, досыта плакать!) и заснуть на простыне⁵¹.

Роскошная весна расцветает на Украине, но я не вижу ее из вагона или прыгая по душным вокзалам с эшелона на эшелон. Вот тебе и каштаны, вот и белая акация в Киеве, и бучанская сирень, робкая мечта о которых мелькала среди всех грустных чувств у меня в душе, когда я собралась на родину. И теперь я с грустью думаю: не было ни одной спокойной весны на лоне природы в моей жизни: в юности гимназия и курсы отравляли ее экзаменами, а после замужества всегда по веснам особенно жестоко схватывала меня действительность. В 18-м году я до слез томилась одна в чужом и нелюбимом Саратове, горячо тоскуя и по дому и по Андрею⁵², в 19^м душная Самара, «гореуезд»⁵³ и внешкольный съезд, 20ый год — эта безумная скачка. Только в 17-м году, невестой Андрея, в Киеве я жила спокойно и хорошо, но тогда я была больше занята своими чувствами и юнкером Земским, чем природой...

10.V.20. Белополье (между Сумами и Конотопом).

То что я, при движении туда, не повернула обратно, как мне советовали благоразумные попутчики, а попыталась дальше продолжать свое стремление, будет стоить мне не одну неделю лишнюю в пути. Стоим, опять стоим на маленькой станции, прямо некуда деваться от тоски.

В Грузском мы сели в эшелон, упросив пустить нас галичан из автомастерской «Чуга» (Чорвоной Украинской галицийской армии).

11.V.20. Ст. Басы (за Сумами)

Пребывание в вагоне у галичан меня многому научило. Помогло разобраться в здешней ситуации. Теперь я знаю что «вільна, самостийна Україна» — главный лозунг, вокруг которого можно объединить здешнее непокорное и неутомонное население. Много интересного пришлось мне услышать из уст этих

⁵⁰ Подразумевается сестра Елена. — Е. З.

⁵¹ В Москве на обратном пути я остановилась у Земских, пока выхлопотала пропуск и билет обратно в Самару.

⁵² Томилась по Андрею: в это время весной 18го года мы были на Волге; решили обосноваться в Саратове; я уехала туда пока одна и поступила на работу (библиотекарем); а Андрюша еще не полностью ликвидировал свою военную службу (он был уже демобилизован по здоровью, но еще не ушел из своего Тяжелого арт. Дивизиона, который тогда стоял на Волге в одном из маленьких городков Саратов. Губернии).

⁵³ «гореуезд»: в это время слили вместе городской и уездный отделы народного образования, назвали этот гибрид гореуездный отдел, но ничего хорошего из этого слияния не получилось: два отдела не ужились, работа шла вразброд. Мы, «уездные», звали слитый отдел «гореуезд», а «городских» не любили.

подтянутых заграничных представителей «рідней нации». И украинского языка, той «мови», на которой друкованы «Львівські віддання», наслушалась по горло. Знаю, что галичан и российских украинцев лозунг: *trzeba bić polaków* — заставит лучше всего идти нога в ногу. Но дружно «*bić polaków*» часть из здешних украинцев пойдет «після тэго, як вони проженуть з України большевиків». Конечно, последнее чувство питают не коммунисты здешние, а «інший» партии.

А «кацапню» не любят и еще не скоро наступит то время, когда они будут относиться к ней («кацапне») хотя бы равнодушно.

А тут еще «жиди», которые, как это принято, оказываются во всех происходящих бедах виноваты... Да тут сам чорт ногу сломит.

Анекдоты про Петлюру, раздарившего иностранным буржуям не принадлежащую ему территорию, Петлюру, имевшего территорию, границу которой можно было видеть «оком», выйдя из Каменца («у гетьмана Скоропадского было більш земли самовластной (собственной), чем у Петлюри державной (государственной)») ⁵⁴.

Услышала оригинальную переделку польского гимна: «*Jeszcze Polska nie zginieła...*»

«*Jeszcze Polska nie zginieła,
Ale zginąć' musie,
Bo Austria nie wybila
Bolszewism wy dusie,
Jeszcze polak bolszewikowi
Buty cziscic' musie...*»

И многое другое услышала я за 1^{1/2} суток пребывания в вагоне галичан.

Хорошо было бы еще запомнить и записать сценку — разговор украинских хлеборобов, которую с громадным интересом я наблюдала на станции в Грузском. Украинское «селянство» выявляет свою мелкобуржуазную психологию еще ярче, чем русское, п. ч. оно богаче, сильнее, избалованнее.

И «соглашательский» элемент на Украине, оказывается еще здорово силен.

Вернувшись в Россию, я, конечно, пожалую богатую зелень, приволье, солнце, «кари очи», «ніжни пісни», «ласкову мову» (которую, оказывается, не забыла за три года разлуки), обилие, в котором здесь можно было бы жить при уменье устроиться ⁵⁵.

Но — все-таки Россия, где революция просочилась через всю жизнь и где начинает налаживаться известный порядок, гораздо симпатичнее сейчас.

Только, мне кажется, нам ⁵⁶ пора бросать деревню.

⁵⁴ Когда Петлюра в 1918 г. (в поезде от Белой Церкви) наступал на Киев, он называл свою власть Директория; тогда в Киеве остряли: «В вагоне Директория, а под вагоном территория».

⁵⁵ А это уменье как раз и отсутствовало у Андриуши и у меня...

⁵⁶ Нам — это мне и Андриуше.

19/V.20.

Москва

Сажу в отделе пропусков и жду, пока мне сделают «прививку сыпного тифа на мандате». Оказывается, это самая долгая процедура и соберись я сегодня уезжать, я бы не уехала, несмотря на пропуск, регистрацию и пр. и пр. Ирония — единственное утешение, и публика сидит и острит.

Я смертельно устала. Обратная скачка с эшелона на эшелон до того утомила меня, что я даже не протестую, не волнуюсь и не позволяю себе думать о Лельке, инстинктивно охраняя последние остатки своих нервов.

Харьков — с невозможностью попасть в почтовый поезд; поездка с «Максимом Горьким» до Курска; от Курска — сахарный маршрутный поезд (на тормозе); кража сахара в Туле⁵⁷, в связи с нею очистка тормозов от публики; дальше вагон «Центропечати»⁵⁸, пересадка в Серпухове в рабочий поезд, в вагон «Цутопа» с курами и гусем; и наконец, от Подольска — чудо; дачный поезд, чистый, с классными вагонами и свежей окраской.

Наконец, я в Москве. Еще одно усилие по посадке, и у меня надежда через неделю оказаться дома. И ведь все это связано с беготней, толкотней, тасканьем вещей, разговорами, просьбами: «Товарищи, пустите к вам в вагон!»...

А какая смена впечатлений, одежд и лиц, разговоров, психологий! Фоном же ко всему служит армия мешочников и спекулянтов, где смешались дети и заплаканные старухи со шкурниками с мародерскими лицами сухаревских за-всегдаев и злых, бойких торговков.

Да, это испытание и не для таких нервов, как мои. Я чувствую, что эта поездка состарит меня не на один год.

Но пока чувство смертельной усталости — главное, что я испытываю и жажду я одного: покоя, чистоты и тишины. И скорее к дочке, к дочке, к дочке!

* * *

Матросы — пассажиры на пути от Самары к Москве пели в вагоне, отбивая такт:

Спекулянты везут,

Спекулируют,

А матросы у них

Реквизируют!

В Москве я дала маленькому Вовке⁵⁹ купленную на Украине белую французскую булку; он принял ее за игрушку — в жизни такого не видел и белого хлеба никогда еще не ел.

⁵⁷ По-видимому, обнаруженная в Туле, а произведенная еще раньше, в пути.

⁵⁸ В нем, как помнится, нас четверо: двое сопровождающих этот вагон мужчин и две женщины — я и попутчица, упросившая пустить нас в вагон — хоть до Серпухова.

⁵⁹ Сыну Бориса Земского, у которого Н. А. останавливалась. — Е. З.

Приложение

Приложение содержит копии трех документов.

№ 1. К помещенному выше письму № 1 прилагаются три доверенности на получение жалованья [даю одну из них]:

В Самарский Уездный отдел
Народного Образования

Жалованье мое за апрель месяц 1920 г. доверяю получить Андрею Михайловичу Земскому.

Преп. Нар. Техн.

20/IV.20

Н. Булгакова

№ 2. [Заявление А. М. Земского; даты нет]

В Самарский Уездный Отдел

Народного Образования

Т. к. на моих руках осталась трехмесячная и притом слабенькая дочь и не находится никого, кто бы мог ее вскормить и вспоить, то я прошу уволить меня с 1 мая текущего года от должности районного инструктора и дать мне освободившиеся за отъездом учит. Н. А. Булгаковой ее уроки в Ст. Буянском Народном Техникуме. Их я уже даю.

А. Земский

Резолюция: К делу личн.

№ 3. [Записка карандашом на небольшом листке бумаги в клеточку; даты нет]

На обороте: Андрею Михайловичу

Многоуважаемый Андрей Михайлович!

Я знаю, что Вы будете не довольны, что я прислал это. Но дело вот в чем, когда я рассказал матери своей как Вы живете с чижкой, то она сразу говорит что завтра же отнесите молока и яиц.

Андрей Михайлович

ведь так конечно жить трудно, а питаться нужно. Мне самому сейчас нет время, а сестренки пошли в школу и взялись доставить вам.

Поправляется ли ваше здоровье?

С почтением к вам

В. Бубнов

* * *

Ниже привожу письмо А. Земского к Н. А., посланное из Москвы в Киев 17 апреля 1921 года. Идет выбор: где жить? Сытая Украина плюс украиниза-

ция — или голодная русская Москва? Андрей пытался наладить жизнь в Москве, а Надежда поехала в Киев к своей матери. Естественно, я упрощаю ситуацию, не затрагивая других сторон жизни. В Москве добрый могущественный брат Борис Земский, «дядьки» (братья Варвары Михайловны), комната на Садовой... В Киеве мать и сестры, родной Андреевский спуск, кое-какая работа...

А. М. Земский — Н. А. Земской
(17 апреля 1921 г. Из Москвы в Киев).

<...>

Посылаю тебе письмо Михаила Афанасьевича. Пришло оно на адрес Николая Михайловича [дяди, доктора Порскровского], я его вскрыл, дал прочитывать Косте, но ничего делать не буду.

Думаю, что ты доехала благополучно. Только все-таки следовало бы об этом известить. И пора бы — уже 10 дней, как ты уехала.

В Масткомдрам, которую расхвалил Луначарский в «Известиях», — перемена. Образованные рецензентские тройки обязаны давать коллективную рецензию. Т. о. я перестал быть рецензентом.

Дело с квартирой осложняется. Мутя [жена Бориса Земского] никак не может переехать в особняк. Я не могу найти подходящего помещения. Рабочие же настоятельно требуют освобождения маленькой комнаты под кухню. Что же будет? Неизвестно. Денег у меня нет как нет. А деньги нужны и для покупки картошки под посев, и на переезд. Собираюсь даже написать пьесу для Масткомдрам.

Как ты доехала и живешь? Напиши для успокоения своей совести и моей тревожащейся души.

Был Лева Дунаевский. Он — левый с-р. Чуть ли не получает паек за это. От ума полысел и нажил две шишки на голове <нрзб>.

Был в Главполитпросвете. Особняк мне нравится. Читал объявления, из которых понял, что муки не дают, а дают свинину и мясо.

Константин по-прежнему через день бывает у нас. Бедный, при хорошем аппетите и избытке сил сидеть голодом два дня, чтобы на второй вечером делать у Земских вид, что он не готов съесть кашу с касторьями и тарелками. На его месте я бы повесился.

Кланяюсь Варваре Михайловне, Лиле и Ивану Павловичу.

Недавно, чтобы больше не возникало разговоров у нас, отослал покрышку с пыжикового полушубка сестрам в Баку. Была оказия. Представь, в Баку черный хлеб 30 р. В Москве тоже все дешевеет. Боря видел даже, есть масло за 8 000 р. фунт, я — яйцо за 5 000 р. десяток. На всех базарах — негде яблоку упасть.

Если письмо придет только к Пасхе, поздравь всех от меня.

Оля. «В Монé поешь!» [передача слов маленькой дочери].
Лена.

Дневниковые записи 1921 года

[Написаны на листах бумаги в клеточку бледными серовато-фиолетовыми чернилами. Позднейшие примечания сделаны ярко-синими чернилами]

Киев. 17/IV.21.

И вот снова Киев, «родной дом», после четырех лет [1917—1920 гг.] раздельной самостоятельной жизни вдали от родины и своих. Постаревшая мать, Лелино горькое дело, торгующий книгами на толкучке В. И. [Василий Ильич Экземплярский]. Эпопея остальных сестер и братьев.

Я знаю: я иду своей дорогой; она определяется внутри меня почти инстинктивно и ведет меня неуклонно. Но я не могу не сплестать свою жизнь с тем, что было здесь, я хочу этой связи и она есть. Вот почему мне сейчас и больно, и радостно: я, как Антей, прикоснувшись к родной земле, жадно впитала все, что она мне дала, и почувствовала новый опыт и новую силу, не смотря на то, что дано много горечи.

Киев — как символ родной семьи, «дома», светлой юности, дружбы и возможностей новых будущих перспектив был моей мечтой за эти четыре года жизни на чужбине. Теперь эта мечта осуществилась. Уже неделю как я «дома». Я уже побывала в Буче на развалинах прежней жизни [дача в Буче сгорела]. Я уже мечтаю о создании там новой трудовой серьезной жизни. В прежней квартире⁶¹ возилась я, разбирая книги и старые вещи.

Мне не хватает здесь одного — Андрея [мужа], чтобы поделиться с ним всем, что бушует в душе и что рождается в ней вновь. Я и радуюсь и болею душой. Радуюсь, впитывая впечатления, которых так жадно ждала последний год.

Болею и за себя и за других, гл. обр. за других, п. ч. знаю про себя, что вынесла многое и вынесу. И не позволяю себе рисовать планов на будущее: все будет так, как будет, как решится не мною одной.

А еще захватило душу с особенной силой: — В. И.⁶², я даже сама не знала, что я так люблю его [дописано позднее:] и что приму так близко к сердцу его тяжелое положение.

См. илл. — титульный лист книги Экземплярского с дарственной надписью Н. А.

⁶¹ На Андреевском спуске в доме № 13.

⁶² Примечание Н. А.: Василий Ильич Экземплярский — религиозный философ.

И пока не определится мое настроение и не уляжется поднявшаяся в душе буря, я не смогу работать там, где работала до сих пор и так, как работала до сих пор. На своем поприще. Я сейчас плохой работник. [дописано позднее] — я это знаю.

[Написано, вероятно, в 40-е гг. в Москве ярко-синими чернилами]

Май. И тем не менее с головой погружаюсь и здесь в Киеве во внешкольную работу. Работаю в Погубе и Губполитпросвете; читаю лекции на библиотечных курсах, выполняю отдельные поручения Губполитпросвета.

Июль-август. Приехал Андриюша. В Буче снова заболел малярией. Иван Павлович [врач, второй муж матери] лечит его. Идет семейная дискуссия: уезжать ли мне вместе с Андриюшей обратно в Москву или остаться в Киеве при матери, м. б., даже на зиму. Вопрос никак не может разрешиться, обоим тяжело, мы оба колеблемся. Я, наконец, остаюсь (см. письмо от 6/VIII.21).

* * *

Привожу письмо А. М. Земского к В. М. Булгаковой, которая в это время живет в Буче у соседей.

Дорогая Варвара Михайловна!

Вопрос о нашем отъезде на собрании: Ив. Павл., Надежда, Леля [младшая сестра] и я, единогласно решен в благоприятном для Вас направлении: в Москву еду один я, Надежда же зимует в Киеве, о чем я уполномочен Вам сообщить. Все поэтому думают, что Вы из Бучи в Киев не приедете, а — напротив — кто-либо из ребят приедет к Вам после моего отъезда. Как же будет в дальнейшем со мной и Надеждой? Решат обстоятельства. Загадывать не хочется, чтобы никого не смущать. Для меня лично побудительным мотивом к расставанию с Надеждой было сообщение Константина [К. П. Булгаков — дв. брат] о том, что мой паек больше чем на половину будет убавлен.

Спасибо большое Вам за ласку и гостеприимство. Целую Вас

Андрей Земский

6 августа 1921 года

[На оставшейся части листка Н. Булгакова пишет:]

Милая мамочка,

главное Андриюша тебе сообщил. Удовлетворяет ли тебя такое решение?

В субботу не приезжай. — Андриюша прощается с тобой заочно.

Подробности потом.

Не еду в Москву, гл[авным] обр.[зом], из боязни нажать себе непоправимое худосочие.

Надя

Очевидно, что в Киеве, несмотря на все трудности, жизнь была более сытной и благополучной, чем в Москве.

* * *

[Дневниковая запись на двух листах желтоватой бумаги карандашом]

Буча. 23/VIII.21

Вышка на даче у Быковых. Сюда мы весной «выслали», как она выражается, маму отдыхать. Здесь прожила она три месяца и здесь были приняты ею вновь начавшие появляться на Киевском горизонте дети: Константин [Костя японский, дв. брат], я с Андреем, а сейчас, наконец, и жена литератора Мима [т. е. Михаила Булгакова], артистка Михайлова — Тася [Михайлова — театральный псевдоним Таси]. По всем признакам появятся скоро и «Карумы» с «Каруменьшем» [сестра Варвара с мужем Л. С. Карумом и дочкой Ириной] и неудачливая Вера. Нет только двух мальчиков... [братьев Николая и Ивана].

И вот разворачивается перед моими глазами сначала в интерпретации Кости, потом Лели и Мамы, а сейчас и Таси эпопея булгаковской огромной семьи.

Трудовой и трудный узор нашего с Андрюшей приволжского существования (Царское Село как-то побледнело и отошло в беспредельную давность) — один из углов этой грандиозной картины. Для меня есть в этой картине то, что, д.[олжно] б.[ыть], меньше всего чувствуют другие: маленький образ беленького ребенка, который не могут стереть из моей души никакие перемены обстановки, и чуть более сильная мысль или фраза о котором заставляют меня плакать такими же, как и год назад, жгучими тяжелыми слезами. И зависть к чужому материнству (не могу равнодушно смотреть на чужого ребенка), и бессознательное (я только недавно сама его поняла) ожидание новой надежды, и страх, что я не выдержу спокойно встречи с вариным детенышем — все это то же чувство, которого, я боюсь, не вылечат ни холодные обтирания, ни бром, ни усиленное питание. В этой самой комнате полночи проплакала я после того вечера, когда мама с Андреем завели разговор о моей неудачной киевской поездке прошлой весной и в связи с этим о нашей дочери Леле. Андрей сам не рад был потом, возясь около меня.

Но это — мое. А для общей картины это — только один из лишних тяжелых эпизодов, входящий в семейную хронику.

Теперь же у нас в Буче новый салон на развалинах прежде такого благоустроенного на бревнах у огорода, насаженного этой весной мной и Лелей с помощью одного из новых (и надо отдать справедливость — одно из самых неудачных) «героев», прошедших на нашем горизонте.

Я слушаю рассказы и вижу, что труды, скорби, моменты подъема и падения, радости и неудачи испытаны всеми нами. За порогом Киева, да и в самом Киеве, все пережили много серьезного, даже страшного — глянули в лицо самой жизни и смерти. Все постарели, все посерьезнели, все научились нести серьезную работу, делать всякое дело, до которого раньше и не касались. И впереди еще много труда и ждут еще неудачи. Хорошо, что теперь снова есть возможность бывать вместе, и — несмотря ни на что — по-булгаковски

поговорить громко и много, м. б., поругаться, поспорить ужасно, немного поплакать и больше всего находотаться и «нагаерничать», рассказывая о самом серьезном и решая самые важные вопросы общей жизни.

И все, съезжаясь и списываясь впервые, начинают вопросом о «матери», о «мамаше» — маме, из гнезда которой разлетелась в эпоху невиданного перелома — грандиозной ломки всего старого уклада — эта стая громкоголосых птенцов интеллигентской семьи, типично интеллигентского воспитания.

Две недели тому назад Андрюша уехал в Москву, оставив меня здесь, после долгих и грустных разговоров приняв это трудно давшееся [позднейшая вставка: и ему, и мне] решение. Теперь я тут между Лелей [младшей сестрой] и матерью в кругу семейных проблем новой семьи — мамы и Ивана Павловича. Принимаю участие в их течении и решении...

Я тоскую по Андрее — моем хорошем товарище, с которым я связана как ни с кем, грушу по Москве.

Здесь у меня пока нет своей жизни и нет своей компании, хотя бы такой даже узкой, как была в Самаре. Жду письма от него. Буду работать, буду учиться. Буду делать что-то.

30 сентября приехала из Симферополя Вера, пробыла недолго и вернулась в Симферополь.

И, наконец, в октябре (около середины октября) приехала из Симферополя в Киев на постоянное местожительства вся Варина семья (Варя, Леонид⁶³, дочка Ирочка); и в тот же день прибыл из Москвы Андрюша и тоже на постоянное жительство (с военными курсами, на которые он был зачислен преподавателем).

Не было только никаких вестей от Коли и Вани, что очень тяжело переживалось и мамой, и всеми нами.

* * *

Первое письмо от Коли кружным путем через, шведский красный крест (? — поставлен Н. А. позднее, карандашом) пришло в декабре 1921 г.

Мама ответила ему.

Его ответное письмо мама уже не получила: она умерла 2 февр. 1922 г., а Колино письмо пришло после ее смерти (написано 16/II/22 г. в Загребе).

* * *

[Запись Н. А., сделанная в 60-е годы в Москве на отдельном листке бумаги]
Сент.-окт. 1921 г.

За лето-осень 1921 г. в Киеве у мамы перебивали все старшие дети, их жены и мужья.

В июне приехал Костя [дв. брат], на время. Затем на конец июля — начало августа приехал в отпуск Андрюша.

⁶³ Леонид Сергеевич Карум — муж Вари.

Потом из Батума в Москву проехала Тася [жена Михаила Булгакова], которую увез в Москву студент-медик Коля Гладыревский⁶⁴ (гостивший в это время в Киеве): он получил пропуск на нее как на свою жену.

С 17^{го} по 23^е (или 24^{ое}) октября прожил в Киеве Миша⁶⁵, приехавший из Батума и тоже отбывший в Москву.

[Дневниковая запись слабым фиолетовым чернильным карандашом, сделанная Н. А. Булгаковой, на двух неполных тетрадных листах в клеточку]

ХII. 1921. Киев

Никто тебе не поможет, если ты сам себе не поможешь. А если у тебя нет сил или воли, или нет здоровья и болят нервы (мой случай — последнее), то не теряя силы, опускайся на дно.

Вот философия нашего времени, и в этом урок, который мне дала жизнь. Но опускаться на дно все-таки не хочется, и я барахтаюсь, хотя и слабо, без вкуса к жизни, без интереса. Иногда становится страшно: всплыву ли?

Андрей давно в Киеве. И самые интересные, серьезные и жестокие уроки дало мне наше совместное пребывание в моей семье. И я учитываю опыт этих уроков, сделала выводы и, приняв решение, иду по обыкновению до конца.

Я пишу сейчас у нас на новой квартире — в «красной комнатке» у Экземплярских, которую мне сдала Меланья Степановна, а помог получить, хотя и невольно, конечно, Василий Ильич. Мы с Андреем переехали сюда вчера⁶⁶. Здесь я хочу дать отдых своим нервам и хоть немного поправить здоровье. Мне становится страшно, когда я серьезно подумаю, до чего оно у меня плохо: что я буду с ним делать в теперешнее время. Пропаду? Может быть и это.

Как болят у меня нервы и как сильна моя физическая и душевная усталость. Я только недавно поняла это, и теперь не ставлю себе никаких серьезных и трудных задач. Я знаю, что не могу их выполнить. Сейчас дай Бог мне только одно: справиться с моей неврастенией и как-нибудь, как-нибудь пережить это трудное время. Переоценила я свои силы и навалила на себя уроки, которых не выдержала, и сейчас подошла к грани: выживу — я живу и все хорошо, не выживу — это конец. И если я говорю о будущем, то потому, что так свойственно человеку, и иначе трудно строить жизнь. Но надежд сейчас я никаких не имею. И равнодушие сейчас у меня глубокое. И если барахтаюсь, живу, говорю, спорю и плачу — это по инерции, п. ч. в возмущенном моем больном сердце еще живут чувства. Но сил у меня почти нет — ни физических, ни нравственных. Пусть будет, что будет. А я почти ничего не могу делать.

⁶⁴ Николай Леонидович Гладыревский, друг Михаила и всей семьи Булгаковых. — Е. З.

⁶⁵ Ср. письмо М. Булгакова матери, которое он ей пишет из Москвы после краткого пребывания в Киеве. — Е. З.

⁶⁶ Позднейшее примечание: Боричев ток, д. кв. [адрес, по которому жили Земские у Экземплярских].

Булгаковская эпопея продолжается на моих глазах. В Киеве побывала Вера. Проехал из Батума в Москву Миша и два месяца мы прожили под одной кровлей с Варей, Леонидом [муж Вари] и их Ирккой. И от Коли пришло из-за границы письмо. Нет только вестей от Вани. Печально.

* * *

[Позднейшее примечание синими чернилами, на остатке страницы]

Ранней весной 1921 г., когда мы с Андрюшей вернулись в Москву из Самары и жили у «старших» Земских (у Бориса и Мути), повидаться с нами пришел Шура Позднеев (дв. брат). Мы тихо сидели, разговаривая. Шура поглядывал на меня. И вдруг он сказал: «А знаете, Надя, что сейчас надо сказать про Вас, глядя на вас? — Укатали сивку крутые горки». Это было верное замечание. Перечитывая дневники, я теперь вижу: укатали.

10.XI.40.

Начало жизни в Москве: 1922 г.

Публикуемая ниже переписка Н. А. и А. М. Земских (осень 1922 г.) характеризует условия жизни в Советской России начала 20-х годов. Все письма написаны на желтоватой бумаге плохого качества, карандашом фиолетового цвета (а не чернилами); последнее письмо — на обрывке бумаги с неровными краями. По содержанию писем видно, что новый быт захлестнул жизнь Н. А. и ее мужа. Они резко контрастируют с дневниковыми записями Нади Булгаковой и перепиской В. М. Покровской и А. И. Булгакова (невесты и жениха), помещенными выше.

Первое письмо целиком посвящено рассказу о бытовых подробностях, об условиях жизни в доме отдыха: как кормят, какие дали одеяла и постельное белье, сколько человек в комнате и т. п. Новая жизнь отражается и в языке: спроси у *т. Иващенко*. Соседи по дому отдыха шутливо подают *коллективную жалобу* мужу на жену. Вместе с тем сохраняются какие-то приметы старой жизни. Железная дорога именуется *Николаевской*, молоко меряют не литрами, а *кружками*, продукты взвешивают *фунтами*, а не килограммами.

Предваряю текст писем вступительной заметкой Н. А. Земской:

«Пребывание Н. А. Булгаковой-Земской в Доме отдыха на Сходне осенью 1922 г.

Над. Аф. в это время уже директор Девятилетней школы Кр.-Пресн. Района (№ 48)⁶⁷, слитой из трех гимназий.

⁶⁷ Адрес школы: Большая Никитская (позднее: ул. Герцена), д. 46. Квартира директора школы располагалась на 3 этаже. В этой квартире находили приют брат и сестры Н. А. — Михаил, Вера и Елена.

Н. А. ждет ребенка, беременность протекает, как всегда, тяжело, поэтому она отправлена в Дом Отдыха.

Обязанности директора исполняет Андрей Михайлович [ее муж]».

№ 1. [Письмо без даты, вероятно, 15 (?) окт. 1922 г.]

Дорогой Андрик,

доехала вполне благополучно. Вещи мне помогал таскать попутчик еврей. На Сходне нас четверо человек с вещами подождали часа два, пока отправившиеся вперед товарищи без вещей не выслали за нами из ближайшей деревни подводу. Ехать до дому верст 8—9, а нанять подводу можно в ближайшей от станции деревне — Черногрязеве, за 2 версты.

Первое впечатление очень хорошее. Кормят, по-видимому, так хорошо, что все решительно взятое мной будет лишним, кроме сахара. На две недели дали 1 ф. сахара, дают по 1^{1/2} ф. хлеба (пополам белого и черного) в день, сегодня дали сверх того пирог, порцию второго за обедом не могла доесть, а ведь первого мы не получили, т. к. опоздали. Т. о. ты видишь, что голодать я не буду. Если будет хорошо, я постараюсь затянуть свое пребывание здесь, что, м. б., удастся, п. ч. места свободные есть.

Дали чистое постельное белье и два одеяла (защитных-теплых), т.[ак] ч.[то], пожалуй и одеяло я напрасно брала. Молоко можно покупать свободно по 250 тыс. кружку.

Что касается оказий, то из Дома ездят в Москву часто, и я постараюсь как-нибудь еще тебе написать; а в Дом послать, конечно, труднее, может подвернуться только случай. Туфли приготовь мне только в том случае, если у тебя будут деньги. Я всем обойдусь. Береги себя. Очень бы хотела, чтобы ты сюда в гости приехал.

В свою очередь спроси перед 30-м окт у т. Иващенко (секретаря) нельзя ли мне продлить пребывание в Доме и что для этого надо сделать. Тебя и Ольгу Петр. целую.

Всем в школе привет. Наля

Приписка в верхнем правом углу 1 стр.:

Сейчас в клубе поют хором соло.

№ 2

29/X.1922

Дорогой Андрик, посылаю тебе это письмо через бывших моих сожительниц по Дому Отдыха, слушательниц Педаг. Института. С ними ты можешь сговориться, каким образом прислать мне ответ, п. ч. кто-то из Института к 1/XI едет в Дом Отдыха. Живут они в общежитии на Поварской, значит близко. Через них ты можешь послать посылку.

Дело в том, что я получила разрешение остаться на второй срок в Доме, т. е. до 15/XI. Теперь меня смущает только вопрос о тебе: здоров ли ты, все

ли благополучно в школе и в твоих делах, не нужно ли мое присутствие в Москве? Почему-то я все время думаю, что ты нездоров. Поэтому я буду ждать твоего ответа относительно моего дальнейшего пребывания в Доме. Если я действительно нужна в Москве (в случае там что-нибудь неблагополучно), напиши через этих барышень, и я постараюсь приехать 1^{го} или 2^{го}.

А если же мне можно остаться, то тоже напиши, потому что мне скучно без вестей из Москвы, и я беспокоюсь. Ведь сюда можно даже по почте написать: Ст.[анция] Сходня, Никол. ж. д. Дом Отдыха Работи[иков] Просвещ.[ения]. Кроме того, посылаю 100 милл. Купи мне, (если я остаюсь) 1 ф[унт] хорошей московской колбасы, 1 ф[унт] сахарного песку и если останутся деньги, какой-нибудь икры, красной или черной, сколько возможно. Здесь стол очень однообразный, и это будет мне спасением и возбуждением аппетита. Переслать, м. б., можно будет через тех же слушательниц Института.

Я ежедневно выпиваю кружку молока, иногда больше. Чувствую, чтоправляюсь, хотя конечно, еще очень нуждаюсь в отдыхе. Экзема остановилась в своем развитии и понемногу начинает проходить. Много сплю. Голова за все две недели не болела почти совсем, рвота была всего один раз, да и то, я думаю, больше по моей глупости. Сейчас хорошо гулять, и мы ежедневно гуляем с одной дошкольницей, живущей со мной в одной комнате. Нас сейчас в комнате четверо, живем дружно, и даже весело. Шьем кукол для Детского сада и служащих Дома, читаем, гуляем, спим, занимаемся самонаблюдением и наблюдением друг за другом.

Как дела Ольги Петровны и Геннадия Ив.? У нас ли она? Поцелуй ее крепко, а всем в школе, Мише, Тасе и Земским [брату А. М. — Борису Мих. и его жене] передай мой привет. А главное, плюнь на все и береги свое здоровье. Это уже третье письмо я пишу тебе. Приезжай к нам сюда в гости, если выберешься. Я буду очень рада, очень.

Целую тебя! Н.

После письма Н. А. — на оставшемся месте последней страницы — помещено письмо других отдыхающих, написанное тем же карандашом.

Андрей Михайлович, решили подать коллективную жалобу на Вашу «супругу». Дело в том, что у нее большой талант, мы его называем «внешкольным». По мере улучшения здоровья этот талант бурно прорывается и изливается на одного из нас, только что перенесшего тиф и умственно ослабевшего. Нервы остальной части не совсем еще ослабевшей уже не выдерживают. Ввиду изложенного просим Вас самого приехать сюда или принять какие либо другие меры по укрощению Вашей супруги.

Ждем.

Отдыхающие.

В ответ на эти письма А. М. Земский пишет:

Дорогая Надичка! 1/XI.22 г. Москва

Я страшно доволен, что тебя оставили на повторный отдых. Сделав разведки в Союз, я потерял надежду с тобой переписываться, тебе что-либо переслать и как-нибудь участвовать в исходатайствовании тебе повторного отдыха. Дело окончательно устроилось без меня. Слава Богу!

Твоих писем я не получал. Не писал, т. к. считал это безнадежным. Ольга Петровна⁶⁸ проживет еще дней 10—15. Геннадию Ивановичу сделали операцию в субботу 28^{го}. Обедаю я сейчас дома. Ты напрасно беспокоишься обо мне. Мне всегда везет, когда я остаюсь без тебя: люди превращаются в ангелов, поят, кормят, убагловывают. Самая большая радость — Миша [М. А. Булгаков] получил место в «Гудке» на 200 мил[лионов] и из Киева Леля ему выслала шубу. Я хотел бросить школу ВЦИК — Розенталь не отпустил и пошел на уступки и дальше склонен идти: сейчас там у меня только 21 урок, расположенный в наилучшем порядке. Рабочие курсы с ноября, кажется получают права рабфака — это пахнет академическим пайком. Больше всего хлопот со школой. Перевожу ее на две смены, чтобы кончить занятия раньше. Посещаю преподавателей, ругаю учеников. По отзыву многих, старшие классы стали держать себя лучше. Гвоздем работ сейчас — праздник и канцелярия. Ложусь спать в 11—12, встаю в 7—8. Ем масло, мясо и яблоки. Ольга Петровна готовит превосходно и кормит меня в каждый мой приход в комнату. Печка топится, отопление тоже. Иван Павлович прислал письмо, в котором приглашает отдыхать тебя в Киев. 8^{го} буду кутить. Я уже предупредил о своих именинах Мутю [Марию Даниловну Земскую, жену его старшего брата Бориса], чтобы она не позабыла купить мне часы. Тебя поздравляю с именинником.

* * *

К этому письму прилагается ответ А. М. «отдыхающим», также написанный карандашом на желтой бумаге.

Товарищи отдыхающие!

«Внешкольник» Над. Аф. родилась такою, что ее никак не уймешь. Еще в детстве, когда ей говорили: «Надичка! Не пей так много квасу, а то лопнешь», она отвечала: «Хоть лопну, а выпью!» Уже с детства она учила: «Ступать надо подметками», а когда кто либо ступал босыми пятками, она кратко, но решительно наставляла: «Ступай подметками, болван!» Позже — «пиши, болван!» (в семье есть даже выражение: — «пишиболванчик»). Теперь дело стало хуже — у нее на все есть свои правила.

⁶⁸ Херсонские [фамилия]. Родственники Земских, приехавшие в Москву из Тифлиса и остановившиеся у А. М. и Н. А. [примечание Н. А. Земской].

Итак, потерпите. Мне вовсе не хочется торопить судьбу. Через 1/2 месяца мы увидимся.

Торжествующий (в смысле Октября) А. Земский.

№3 [Без даты. Поскольку это последнее письмо из дома отдыха, ясно, что оно написано в ноябре 1922 г.]

Дорогой Андрюша,

посылку твою я получила, очень тронута ее содержанием, закуски пожирала с удовольствием и ношу туфли. Тебя и Ольгу Петровну очень благодарю.

Скоро увидимся.

Эту записку передает тебе сокращенная уборщица Дома Отдыха Ирина Сергеевна Карташева. Как у нас в школе обстоит дело с техническими? Если Федор-истопник, то, м. б., нужно еще уборщицу; она, я думаю, годится для этой роли вполне; я наблюдала ее работу в Доме Отдыха. Только вопрос, как она уживется с нашим персоналом. На меня она производит хорошее впечатление. Поговори с ней и решай этот вопрос, как тебе покажется лучше. Сокращена она не за плохую работу, а по произволу заведующего — это протекало у меня на глазах.

Целую тебя.

Херсонским сердечный привет.

Н.

Кроме того она хочет устроиться на Рабфак или курсы и спросит у тебя по этому поводу совета.

Н.

**СТАТЬИ М. БУЛГАКОВА,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТАХ
ГРОЗНОГО И ВЛАДИКАВКАЗА**

Сравнение высказываний М. Булгакова, относящихся к революционному времени, с письмами его сестер и матери, приведенными выше, в разделе «Булгаковы и революция», показывает, что он понял смысл происходящих событий гораздо глубже и предвидел их возможные последствия гораздо точнее. Это видно уже из цитировавшегося нами в этом же разделе письма писателя к сестре Наде от 31 декабря 1917 г., которое содержит его самую раннюю оценку революционных событий¹. Эту оценку развивает и уточняет перепечатаваемая ниже статья «Грядущие перспективы», которая была опубликована в газете «Грозный» 13 ноября 1919 г.²

Статья «Театральный Октябрь» печатается нами впервые после первой публикации (с исправлением очевидных опечаток). Название газеты, в которой она увидела свет, номер и дата выпуска не установлены. Статья хранится в семейном архиве в виде двух газетных вырезок, вложенных в лист обычной бумаги с пометой на нем, сделанной Н. А.: Статья Мих. Афан. Булгакова «Театральный Октябрь». Владикавказ, 1920 г. На обороте одной из вырезок находим лозунг на нижнем поле газетной страницы: *Все на фронт просвещения!* и, в следующей строке, *Тираж «Н. П.» 900 экз.* Можно предположить, что оставшаяся для нас недоступной газета, в которой опубликована статья, носила название «Народное просвещение».

Тон и содержание «Театрального Октября» резко контрастируют с «Грядущими перспективами»: Булгаков явно сообразует с изменившимися условиями и, принимая революцию как свершившийся факт, пытается выразить свои взгляды на послереволюционный театр в тех формах, которые приемлемы для печати, контролируемой большевиками.

¹ Полностью приводится ниже, в разделе «Письма к родным».

² Статья была обнаружена Г. С. Файманом в 1983 г., о чем он сообщил в своем докладе на Булгаковских чтениях в Ленинграде, тогда же ознакомив слушателей с ее текстом. В дальнейшем статья не раз публиковалась и цитировалась булгаковедами. Привожу ее здесь в качестве интересного сопоставительного материала.

Грядущие перспективы

Теперь, когда наша несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала «великая социальная революция», у многих из нас все чаще и чаще начинает являться одна и та же мысль.

Эта мысль настойчивая.

Она — темная, мрачная, встает в сознании и властно требует ответа.

Она проста: а что же будет с нами дальше?

Появление ее естественно.

Мы проанализировали свое недавнее прошлое. О, мы очень хорошо изучили почти каждый момент за последние два года. Многие же не только изучили, но прокляли.

Настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть.

Не видеть!

Остается будущее. Загадочное, неизвестное будущее.

В самом деле: что же будет с нами?

Недавно мне пришлось просмотреть несколько экземпляров английского иллюстрированного журнала.

Я долго, как зачарованный, глядел на чудно исполненные снимки.

И долго, долго думал потом...

Да, картина ясна!

Колоссальные машины на колоссальных заводах лихорадочно день за днем, пожирая каменный уголь, гремят, стучат, льют струи расплавленного металла, куют, чинят, строят...

Они куют могущество мира, сменив те машины, которые еще недавно, сея смерть и разрушая, ковали могущество победы.

На Западе кончилась великая война великих народов. Теперь они зализывают свои раны.

Конечно, они поправятся, очень скоро поправятся!

И всем, у кого, наконец, прояснился ум, всем, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на Запад и поразит его, станет ясен тот мощный подъем титанической работы мира, который вознесет западные страны на невиданную еще высоту мирного могущества.

А мы?

Мы опоздаем...

Мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним ли вообще?

Ибо мы наказаны.

Нам немислимо сейчас созидать. Перед нами тяжкая задача — завоевать, отнять свою собственную землю.

Расплата началась.

Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю.

И все, все — и они, бестрепетно совершающие свой долг, и те, кто жмется сейчас по тыловым городам юга, в горьком заблуждении полагающие, что дело спасения страны обойдется без них, все ждут страстно освобождения страны.

И ее освободят.

Ибо нет страны, которая не имела бы героев, и преступно думать, что родина умерла.

Но придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба.

Нужно драться.

И вот пока там, на Западе, будут стучать машины созидания, у нас от края и до края страны будут стучать пулеметы.

Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь, и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до конца.

Там, на Западе, будут сверкать бесчисленные электрические огни, летчики будут сверлить покоренный воздух, там будут строить, исследовать, печатать, учиться...

А мы... Мы будем драться.

Ибо нет никакой силы, которая могла бы изменить это.

Мы будем завоевывать собственные столицы.

И мы завоюем их.

Англичане, помня, как мы покрывали поля кровавой росой, били Германию, оттаскивая ее от Парижа, дадут нам в долг еще шинелей и ботинок, чтобы мы могли скорее добраться до Москвы.

И мы доберемся.

Негодяи и безумцы будут изгнаны, рассеяны, уничтожены.

И война кончится.

Тогда страна окровавленная, разрушенная начнет вставать... Медленно, тяжело вставать.

Те, кто жалуется на «усталость», увянут, разочаруются. Ибо им придется «устать» еще больше...

Нужно будет платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова.

Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станком для печатания денег... за все!

И мы выплатим.

И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы.

Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк и десятилетия она так же легко «читает», как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

— Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!

Театральный Октябрь

Одной из характерных черт социальной Революции является ее всепроницаемость.

Начавшись три с лишком года назад на площадях и улицах вспышками боевых огней, она в дальнейшем своем развитии, неуклонно проявляя огромную поступательную силу, проникла решительно во все закоулки жизни.

Произошли великие разрушения, непоправимые изменения во внешних сторонах жизни и наконец сдвиги в психологии людей, которые являлись ее участниками или только свидетелями, умывшими свои руки.

Для всякого, кто сразу учел способность Революции проникать не только сквозь каменные стены старых зданий, но и сквозь оболочки душ человеческих, совершенно ясно стало, что ее буйные волны, конечно, не остановятся перед обветшавшими дверями старых театральных «храмов», а неизбежно хлынут в них.

Так и произошло.

Нужно отдать справедливость российской интеллигенции. Она со своей вечной способностью всюду отставать и оказываться в хвосте, со своей привычкой оценивать события гораздо позже того, как они произошли, со своим извечным страхом перед новым, осталась верна себе и тут.

Те представители ее, которые издавна стояли с почетной булавой швейцара у театрального подъезда, увидев подбегающий вал, разделились на две группы.

Одна из них целиком покинула насиженные позиции и бежала. Другая храбро встретила страшные волны и решила организовать сопротивление.

Были пущены в ход гнилые подпорки, которые должны были поддержать театральные двери.

Саботирующие швейцары дружно налегли плечом с одной стороны, а волны накатывались с другой.

Исход борьбы был ясен...

В несколько мгновений подпорки лопнули с треском, и Революция без приглашения появилась в партере театра.

Партер резко изменился. Те «ценители» в изящно скроенных костюмах, которые в доброе старое время наполняли первые ряды Больших и Малых (а также и малюсеньких) театров, куда-то бесследно исчезли.

Некоторые из них пропали без вести, как и полагается во время всякого боя. Другие волей Революции вынуждены были вылететь из партера и переселиться в амфитеатр, некоторые, увы, во второй ярус. Наиболее жизнеспособные из них прикрыли свое саботажное существование серой шинелью и уцелели в задних рядах партера.

Их часто можно видеть там.

Узнать их можно безошибочно по тому выражению меланхолии с оттенком легкого презрения, которое, раз появившись на их лицах, застыло на них навеки.

А волны тем временем все шли и шли вперед. И вот тут нашлась в театре одна черта, возле которой их движение как будто приостановилось.

Эта заколдованная, сияющая разноцветными огоньками черта была рампа, отделяющая зал от сцены.

Получилось интересное явление.

В то время как в партере бурно кипел октябрь, на сцене мирно текли прежние дни. Единственное изменение заключалось в том, что властители ее попали в положение содержателя паноптикума, который с кислой улыбкой показывает новой массе зрителей все ценности своего музея.

Так было в эти три года великого общего потрясения и так есть и в настоящий момент.

А между тем становилось ясным, вопреки мнению всех тех, кто думал, что сцена уцелеет в своем прежнем виде в клокочущем море Революции, что заколдованная огненная черта ramпы представляет собой барьер непрочный и временный. Становилось ясным, что октябрь театра будет неполон, пока он властно не займет и сцену и не произведет на ней огромных пертурбаций.

И если заключался в чем-нибудь вопрос, то только в том, когда именно театральная октябрь на сцене начнется.

Те, кто лихорадочно работает над вопросом о перерождении театра, всеми силами призывают его, и есть среди них такие, которые полагают, что он уже наступил.

Однако это не так.

Нет никаких сомнений в том, что театральная октябрь идет с неизбежным опозданием против октября боевого.

Дело в том, что Революция, перешагнув рампу, должна принять созидательный характер, чтобы дать тот материал, который должен сменить старые ценности и вытеснить их со сцены.

На это нужно время.

Пусть это время передышки питает заблуждение косных стражей театрального искусства, полагающих, что их фетиши неприкосновенны. Очень

скоро настанет момент, когда им придется расставаться со своими кумирами и увидеть на сцене новые образцы.

Может быть, это не будет так?

Всякому, кто задаст этот вопрос, нужно ответить вопросом же: может ли пройти бесследно великий трехлетний шквал, который произвел коренную ломку в умах человеческих, да к тому же еще не только не закончил своего поступательного движения, но явно победоносно его продолжает?

Ответ может быть только один: следы его неизгладимы.

А раз это так, то можно с уверенностью сказать, что очень многие образцы прежнего театрального искусства, и подчас великолепные образцы, обречены уже на сдачу в музей. Ибо и сейчас, кто не сознается в этом, некоторые творения прежних корифеев уже вызывают невольную зевоту, которую приходится из приличия прикрывать рукой, а другие если и возбуждают интерес, то очень похожий на почтительный музейный интерес.

Но сцена не музей.

И поэтому надвигается на нее октябрь театра, несущий с собой погром прежних традиций, разрушение старых рамок, новую идеологию, новые неожиданные образцы.

Это неизбежно.

В деталях мы еще не знаем его.

Мы можем только предполагать, что он принесет с собой уничтожение рампы, образцы истинно-массового действия, невиданные грандиозные зрелища, в которых зал сольется в кипучем порыве со сценой (возможно, что зал в это время окажется на площади).

Нам придется увидеть, как для общего действия, зрительная толпа хлынет через рампу на сцену, а навстречу ей пойдет актер, но не так, конечно, как раньше он ходил по мосткам перекинутым через оркестр под звуки зажигающей «Прекрасной Елены».

Мы не знаем точно, какие именно формы примут творения новых художников сцены. Но зная, что сцена чутко следит за масштабом событий, уверенно можем сказать, что и масштаб этих творений будет грандиозен.

Задача подвижников сцены теперь одна.

Сознать, что приход октября неизбежен и готовиться к его принятию. Почувствовать, что сцена, которую они охраняют, не может уцелеть со своими архивными ценностями как диссонанс в общем море событий, и что попытки оградить ее от вторжения нового, кончатся весьма печально для стражи.

Революция обрушится на нее и уберет ее самое, сказав ей в назидание:

— Диссонансам вообще не место в моем движении, а значит не место и театральным диссонансам в великом театре будущего, созданным мной и в унисон звучащим со мной.

Михаил Булгаков.

М. А. БУЛГАКОВ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ

Наряду с дневниковыми записями, сделанными Надеждой Афанасьевной во время болезни писателя в 1939—1940 годах, в этом разделе печатаются пять писем Михаила Афанасьевича, относящиеся к тому же периоду. Два из них адресованы его младшей сестре Елене Афанасьевне¹ и три — другу его детства и юности Александру Петровичу Гдешинскому (1890—1951). Эти несколько страничек из домашнего архива уточняют наши представления о том, в каком душевном состоянии находился М. Булгаков в последние месяцы жизни после неудачи с пьесой «Батум»².

В Москве тогда жили три сестры Булгаковых: Вера, Надежда и Елена. С середины 30-х годов по ряду причин связь между братом и сестрами ослабевает. Ездят в гости, встречаются, переписываются реже. Болезнь писателя, начавшаяся в сентябре 1939 года, была для его родных неожиданным и тяжелым ударом.

Из дневниковых записей Н. А. Земской

Последние мои встречи с Мишей в Москве в 1939—1940 гг.

Всю осень 1939 г. (да и весь год) беспокойные мысли о том, что делается с Михаилом и что делается у него. Не видела его долго (с весны 1937 г., должно быть) и ничего о нем не знаю. Хочется его увидеть. <...>

8 ноября 1939 г. <...> Оля³ за утренним чаем говорит <...>: «А ты знаешь, что дядя Миша сильно болен. Меня Андрюша Понсов⁴ спрашивает: А что — выздоровел твой дядя? — А я ему сказала: А я даже и не знаю, что он был болен. Андрюша мне сказал, что он был очень серьезно болен уже давно»⁵. Я

¹ Благодарю ее дочь В. М. Светлаеву, предоставившую мне тексты этих писем.

² См. подробнее: Чудакова, 1988б; Смелянский, 1988; Петровский, 1990.

³ Ольга Андреевна Земская (1923—1953) — старшая дочь Надежды Афанасьевны, тогда школьница.

⁴ Одноклассник Оли, племянник Евгении Дмитриевны Понсовой, актрисы Вахтанговского театра, с которой были дружны Булгаковы.

⁵ По записям Елены Сергеевны Булгаковой, болезнь обнаружилась 11 сентября в Ленинграде, т. е. прошло около двух месяцев.

испугалась и тотчас пошла звонить по телефону Елене Сергеевне, услышала о серьезности его болезни, услышала о том, что к нему не пускают много народа, можно только в определенный срок, на полчаса; тут же Е. С. делает попытку объяснить, почему она нас никак не известила (хотя этот факт, говорящий сам за себя, в объяснениях не нуждается), от телефона, как была, в моем неприглядном самодельном старом пальтишке отправилась к нему, сговорившись об этом с Еленой Сергеевной.

Нашла его страшно похудевшим и бледным, в полутемной комнате в темных очках на глазах, в черной шапочке Мастера на голове, сидящим в постели. <...>

Когда мы остались одни, он рассказал мне историю «Батума» и начало своей болезни⁶.

1. «Солнечная жизнь»⁷.

2. Образ вождя⁸.

3. Как была принята пьеса⁹.

4. Поездка в Батуми (сели в купе веселые, с мыслями, что скоро будет юг, море, интересная работа; в купе с нами много вкусных вещей, веселые спутники).

5. После Серпухова в вагоне появляется женщина с возгласом: Телеграмма бухгалтеру! «Ну, я, конечно, сообразил, что это мне...» Содержание телеграммы: Надобность поездке отпала (отпадает?). Возвращайтесь(?).

6. Сгоряча решение ехать дальше на свой счет, потом решение вернуться — узнать, в чем дело.

Сразу сойти с поезда не могу, т. к. уже вещи разложили, приготовились к трехсуточной поездке.

Один из спутников сходит в Серпухове.

7. Встают в Туле. Поездов до вечера не будет. Билетов нет. Ничего нет. Ждать негде — на вещах. На станции один чай. «Чертовщина в общем какая-то»...

8. Автомобиль, идущий обратно в Москву. ЗИС. За 300 рублей. Вещи. Едут только вдвоем, для этого оплачивают весь автомобиль.

⁶ Далее в 10 пунктах кратко излагается рассказ Михаила Афанасьевича.

⁷ Этот пункт становится более понятным при его сопоставлении с записью Н. А. в другой тетради: «А знаешь, как я хотел себе устроить солнечную жизнь?»

⁸ Сбоку приписано более мелким почерком: «Романтический и живой... Юноша...» Таким образом, автор хотел изобразить в «Батуме» романтического и живого юношу, а не канонизированного вождя. Именно это не понравилось «наверху», что зафиксировано также в дневнике жены писателя Е. С. Булгаковой: «Пьеса получила наверху резко отрицательный отзыв. Нельзя такое лицо, как И. В. Сталин, делать литературным образом [поверх строки позднейшая вставка Е. С. Булгаковой — «романтическим героем»], нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова. Пьесу нельзя ни ставить, ни публиковать» (цитирую по: Смелянский, 1988, с. 108).

⁹ Сбоку приписано более мелким почерком: Оценка ее им самим.

9. Возвращение в московскую квартиру. В лицах представляет удивление Маришки (домработницы).

10. Причина того, что пьеса не пойдет. Рассказывает, волнуясь, «перезживая».

* * *

ЗАБОЛЕВАНИЕ¹⁰

1. Поиски, куда поехать в отпуск.

2. Первая замеченная потеря зрения — на мгновенье (сидел, разговаривал с одной дамой, и вдруг она точно облаком заволоклась — перестал ее видеть). Решил, что это случайно, нервы шалят, нервное переутомление¹¹.

3. Поездка для отдыха, вместо юга, в Ленинград.

4. В гостинице.

5. Утром вышел на Невский и вдруг замечаю, что не вижу вывесок. Тут же к врачу. Он советует немедленно вернуться в Москву и сделать анализ мочи.

6. Жене: «Ты знаешь, что он мне произнес мой смертный приговор».

7. В Москве. Болезнь та же, что у отца. Вспоминания о том, как болел отец. Теперь Мише стало лучше.

8. Я: «У отца это было хроническое, а у тебя острое воспаление, которое сейчас поддалось лечению». Он: «Может быть». За это свидание он несколько раз говорит о желании повидать Андрюшу¹². Вернувшись домой, я плачу, не веря надежде.

Когда я ухожу, плачем с Люсей, обнявшись, и она горячо говорит: «Несчастный, несчастный, несчастный!»

Я письмами сообщаю о Мишиной болезни Леле и Вере в тот же день. Сообщаю Елене Сергеевне Лелин адрес и телефон.

Через несколько дней (когда?) Леля, которая начинает у Миши часто бывать, сообщает, что он уезжает в санаторий в Барвиху (правительственный). Я еду к нему попрощаться перед отъездом (с Лелей). <...>

На столе в его комнате лежит приготовленный экземпляр «Батума». «Ты хотела прочесть? Вот я тебе приготовил». Разговор о биографии. Биографы и их интерес. Мать. Ее замужество с Иваном Павловичем. Булгакова-Воскресенская. (Узнал об этом только, посетив могилу, прочтя это на памятнике). «Я достаточно отдал долг уважения и любви к матери, ее памятник — строки в “Белой гвардии”».

¹⁰ Записанный Н. А. со слов М. Булгакова рассказ о том, как началась его болезнь.

¹¹ Таким образом, симптомы начинающейся болезни обнаружили еще в Москве, до поездки в Ленинград.

¹² А. М. Земский.

* * *

«О биографах... Тетка — акушерка...» Мое замечание о том, что я хочу писать воспоминания о семье. Он недоволен. «Неинтересно читать, что вот приехал в гости дядя и игрушек привез... Надо уметь написать. Надо писать человеку, знающему журнальный стиль и законы журналистики, законы создания произведения» <...>

* * *

Леля читает роман «Мастер и Маргарита». Я читаю «Батум». Успеваю прочесть только начало и конец и перелистать середину, т. к. тороплюсь на работу.

В коридоре Леля быстро и с интересом: «Ну, как? Понравился “Батум”?» Я не могу ответить, т. к. у меня нет цельного впечатления.

* * *

Письма М. А. Булгакова к Александру Петровичу Гдешинскому¹³

26/IX 39 Москва¹⁴

Дорогой Саша!

Твое письмо из Пятигорска я своевременно получил. Решил отвечать тебе на досуге, сбросив с плеч летние заботы и работу, но судьба решила иначе. Вот настал и мой черед. В середине этого месяца я тяжело заболел, у меня болезнь почек, осложнившаяся расстройством зрения.

Я лежу, лишенный возможности читать и писать, и глядеть на свет.

Прошу тебя напиши мне о себе. Надеюсь, что твое состояние улучшилось после этого лета. Каждая весть о тебе будет приятна, в особенности теперь, когда связывает меня с внешним миром только освещенное окошечко радио-аппарата, через которое ко мне приходит музыка. Для того, чтобы письмо к тебе было повеселей, посылаю тебе мою карточку.

Твой М. Б.

2/XII 39

Санаторий «Барвиха»

Спасибо тебе, дорогой друг, за поздравление, которое пришло ко мне вчера. Вот в уголке письма тебе ответ на один из твоих вопросов. В этой самой санатории, лучшей в Союзе, я и лечусь. Ну про что тебе сказать? Появилась у меня некоторая надежда, что вернется ко мне возможность читать и писать,

¹³ Друг юности писателя (см. выше раздел «Жизнь в Киеве»).

¹⁴ Написано после возвращения из Ленинграда рукой Елены Сергеевны. Как и в следующем письме, самим писателем написаны только выделенные слова.

т. е. то счастье, которого я лишен вот уже третий месяц. Левый глаз дал значительные признаки улучшения. Сейчас, правда, на моей дороге появился грипп, но авось он уйдет, ничего не испортив. До него я ходил уже в черных очках, — и с наслаждением дышал воздухом, надеюсь к этому вернуться. Вообще отличились мы с тобой! Очень, очень, от всей души желаю, чтобы тебя наконец починили и поставили на ноги! Послушай, друг мой: но тебе все-таки дают хоть какой-нибудь отдых или срок от твоего лечения? Ведь нельзя же до бесчувствия! Ты пожаловался, что очень утомлен, я потому и спрашиваю. Я правда, ничего в этом не понимаю.

Во всяком случае будем, как написано в «Монте Кристо»: ждать и надеяться.

Да, я тоже все время приковываюсь к воспоминаниям и был бы очень благодарен тебе, если бы ты помог мне в них кое в чем разобраться. Дело касается главным образом музыки и книг.

Если тебе не утомительно будет, напиши ты мне ответы на нижеследующие вопросы:

1 Играли ли у Вас в семье когда-либо квартеты? Чьи? Какие? Кто играл на каком инструменте?

2 То же самое трио, дуэты.

3 Что такое Musette Оффенбаха или мне это приснилось? (Будь я в Москве, многими вопросами бы не тревожил, но здесь, среди этих сосен, какую же справку найдешь?)

4 На скрещении каких улиц стоял дом, в котором вы жили?

5 Верен ли план вашей квартиры?

Приблизительно, конечно. <План рукой Миши карандашом.>

6 Нет ли у тебя, не сохранилось ли в хламе, каких-либо программок музыки в саду купеческого собрания за годы 1905 — ну, скажем, 1913. Может быть, одну спишешь и пришлешь мне, или две? Помнится, всегда было 12 номеров. Какие вещи исполнял оркестр?

7 Ну, это не вопрос уже, а просьба. Нет ли у тебя, не можешь ли достать и прислать мне что-либо касающееся Академии и ее библиотеки. Может быть, хоть отрывок какого-нибудь каталога? Несколько слов о библиотеке: сколько было в ней зал?

За бестолковую просьбу извини. Если не трудно, напиши незамедля.

Еще раз желаю тебе полного исцеления. Ответ посылай на мою московскую квартиру непременно заказным.

Позволяю себе роскошь написать много слов.

Твой Михаил.

Ларисе Николаевне¹⁵ от Елены Сергеевны и от меня привет.

¹⁵ Жена А. П. Гдешинского.

19—28/ХП 39¹⁶

Москва

До сих пор не мог ответить тебе, милый друг, и поблагодарить за милые сведения. Ну вот я и вернулся из санатория. Что же со мной? Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я умирать.

Это меня не устраивает по одной причине: мучительно, канительно и пошло.

Как известно, есть один приличный вид смерти — от огнестрельного оружия, но такового у меня, к сожалению, не имеется. Поточнее говорю о болезни: во мне происходит ясно мною ощущаемая борьба признаков жизни и смерти. В частности на стороне жизни — улучшение зрения. Но довольно о болезни. Могу лишь добавить одно: к концу жизни пришлось пережить еще одно разочарование — во врачах терапевтах. Не назову их убийцами, это было бы слишком жестоко, но гастролерами, халтурщиками и бездарностями охотно назову. Есть исключения, конечно, но как они редки!

Да и что могут помочь эти исключения, если, скажем от таких недугов, как мой, у аллопатов не только нет никаких средств, но и самого недуга они верно не могут распознать.

Пройдет время и над нашими терапевтами будут смеяться, как над Мольтеровскими врачами. Сказанное к хирургам, окулистам, дантистам не относится. К лучшему из врачей, Елене Сергеевне, также. Но она одна справиться не может. Потому принял новую веру и перешел к гомеопату. А больше всего да поможет нам всем больным Бог!

Пиши мне, очень прошу!

Л. Н. поклон!

От всего сердца желаю тебе здоровья — видеть солнце, слышать море, слушать музыку.

Твой М.

* * *

Во время болезни особенно укрепились связи Михаила Афанасьевича с младшей сестрой. Отчасти это объяснялось причинами внешнего порядка. Елена Афанасьевна жила в центре, неподалеку от квартиры Булгаковых в Нащокинском переулке. В важных случаях можно было вызвать ее по телефону, который находился у ее соседей по квартире. Это была единственная телефонная связь между братом и сестрами. Елена стала своеобразным семейным связным.

Сохранилось ее письмо сестре Надежде от 17 ноября 1939 года:

Дорогая Надя! Сегодня я была у брата Миши, куда меня вызвали по телефону. Последние дни он чувствовал себя лучше, но сегодня перед моим уходом стал жаловаться на боли в пояснице (в области почек). Елена Сергеевна

¹⁶ Целиком написано рукой М. Булгакова.

тоже больна, лежит. Я буду пока к ним ездить и сидеть с Мишей. Я пока свободна и могу бывать там ежедневно. 19-ого <день именин Михаила Афанасьевича> могла бы туда приехать ты или Андриюша. Это не обязательно, но если этого Вам хочется. К нему допускают только по одному человеку и только с утра, т. к. вечерами у него врачи, процедуры, он чувствует себя плохо и очень раздражителен. <...> Я взяла на себя роль распорядителя семейных визитов и буду тщательно и добросовестно ее исполнять (живу ближе всех и у меня есть телефон). Представляешь, сколько к ним рвется народу и как Елене Сергеевне трудно все планировать одной!

Если кто-либо из вас поедет к нему 19-ого утром, непременно известите меня об этом 18-ого вечером или 19-ого с самого утра. Миша сам говорил, чтобы 19-ого приехал кто-либо из вас (Земских). По-видимому, хочет видеть. <...> Я думаю, нам всем <т. е. сестрам Вере, Надежде и Елене> следовало бы повидать его до санатория. Он тяжело болен, плохо выглядит, грустно настроен. <...> Есть такие темы, на которые ему нужно отвечать дружно и единообразно. Ел. Серг. об этом просила. Миша не курит уже 31 день. Ему трудно без папирос. Пусть Андрей (если это будет он) при нем ни в коем случае не курит. <...> <Приписка на верхнем поле письма:> Если попадешь к Мише без меня, говори, что отцу долго не могли поставить диагноз, что поэтому в начале болезни он не соблюдал диеты, и т. п. Мишу мучает мысль, что у него все как у отца.

Сохранились два письма и две открытки Михаила Булгакова к сестре Елене, написанные той страшной для семьи Булгаковых зимой 1939—40-х годов.

Барвиха, 3.ХП 39

Дорогая Леля!

Вот тебе новости обо мне. В левом глазу обнаружено значительное улучшение. Правый глаз от него отстает, но тоже как будто пытается сделать что-то хорошее. По словам докторов выходит, что раз в глазах улучшение, значит есть улучшение в процессе почек. А раз так, то у меня надежда зарождается, что на сей раз я уйду от старушки с косой и кончу кое-что, что хотел бы закончить.

Сейчас меня немножко подзадержал в постели грипп, а ведь я уже начал выходить и был в лесу на прогулках. И значительно окреп.

Ну, что такое Барвиха?

Это великолепно оборудованный клинический санаторий, комфортабельный. Больше всего меня тянет домой, конечно! В гостях хорошо, в санаториях хорошо, но дома, как известно, лучше.

Лечат меня тщательно и преимущественно специально подобранной и комбинированной диетой. Преимущественно овощи во всех видах и фрукты. Собачья скука от того и другого, но говорят, что иначе нельзя, что не восстановят меня, как следует. Ну, а мне настолько важно читать и писать, что я готов жевать такую дрянь, как морковь.

Сколько времени нам придется пробыть здесь — неизвестно. Если захочешь написать мне, чему я буду очень рад, то пиши на нашу городскую квартиру. Привет Вере и Наде. Люся целует тебя и шлет привет тебе и им.

Твой Михаил

Дорогая Леля,

я в Москве с 18-ого. Навести меня. Созвонись с Люсей, когда это тебе удобно. Немного словен, берегу глаза. Твой М. Целую Вас, Елена Б.

31/XII 39

Милая Леля,

получил твое письмо. Желая и тебе и твоей семье скорее поправиться. А так как наступает Новый Год, шлю тебе другие радостные и лучшие пожелания.

Себе ничего не желаю, потому что заметил, что никогда ничего не вышло так, как я желал.

Окончательно убедившись в том, что аллопаты-терапевты бессильны в моем случае, перешел к гомеопату. Подозреваю, что загородный (?) грипп будет стоить мне хлопот. Впрочем, не только лечившие меня, но даже я сам ничего не могу сказать наверняка. Будь, что будет.

Испытываю радость от того, что вернулся домой.

Вере и Наде с семьями передай новогодний привет.

Жду твоего звонка и прихода. И Люся и я тебя целуем.

Михаил

Сразу после новогоднего праздника (2.1.1940) послана еще одна открытка, написанная уже целиком рукой жены писателя:

Дорогая Леля, навести меня, позвони поскорей. Миша.

Леля, голубчик, пишу Вам по просьбе Миши, и от себя: позвоните, потому что Миша говорит, что нам звонить Вам неудобно, и условимесь, когда вы придете. Миша чувствует себя хуже, опять начались его головные боли, прибавились (sic!) еще боли в желудке. Целую Вас. Ваша Елена.

2.1.1940

* * *

Из дневниковых записей Н. А. Земской

Остальные встречи (после Барвихи)

7 (?) января 1940 г. Отчаянно морозный день (25°). Он хочет идти в Большой театр. На столе у Миши лежит приготовленная бумажка в 100 р. — подарок Оле,

как он настаивает, обязательно Оле: «Ей сколько? Семнадцать? Ну вот ей: пусть положит на книжку». Говорит о том, что он ограблен, что он был бы «сказочно богат». Я отказываюсь, он настаивает. Я говорю, что разделю эти деньги между Леной¹⁷ и Олей, он не позволяет, дает Лене отдельно 25 р. и, несмотря на мои отказы, настаивает, чтобы я взяла¹⁸. Дома он показывает мне статью «Сталин и драматургия» (где сказано, что Сталин любит «Дни Турбиных»).

В поезде метро говорим о статье Леонидова в «Советском искусстве». Его мнение о мотивах появления статьи.

После этого я хотела, чтобы Оля принесла к нему на квартиру цветы и письмом поблагодарила его; но она это не осуществила (Олин характер и моя болезнь).

Морозы до 40°. Отчаянный холод у нас в квартире. Я заболела гриппом, потом осложнение (суставы) и болею две недели.

7 февраля Андрюша сообщает, что Мише снова стало плохо и что не обходимо его поскорее повидать¹⁹.

8/II еду к нему с утра <...> Отдаю ему письмо от Оли. Он надписывает девочкам карточку²⁰.

Встречает меня вопросом, могу ли я дежурить около него, если получу телеграмму. Я: Да, могу. Он: Ну, так жди телеграммы. Сажусь у постели в кресло. Миша: «Ну, давайте веселиться!» Разговор об Андрюшиной бороде: «Вы еще тогда — в 60-е годы — народ»²¹.

¹⁷ Автор этой книги Е. А. Земская, младшая дочь Н. А. Земской. Несомненно, Булгаков хотел сделать денежный подарок старшей племяннице Оле, уже взрослой девушке. Лене тогда было всего 13 лет.

¹⁸ Более мелким почерком (по-видимому, позднейшее добавление): Разговор о любви к Москве: даже женские голоса не нравятся (московский контраalto). Я провожаю его до одного из боковых подъездов филиала.

¹⁹ В этот же день, 7 февраля 1940 г., Елена Афанасьевна посылает телеграмму Вере: «Миша брат просит навестить. Леля». И открытку Надежде: «Надя! Миша (брат) чувствует себя хуже. Хорошо бы ты его навестила. Я у него опять бываю часто. Всех целую. Леля». Пояснение «брат» объясняется тем, что мужа Елены Афанасьевны тоже звали Михаил.

²⁰ Это одна из последних фотографий М. А. Булгакова с собственноручной надписью: написано прямо по лицу, как это он часто делал и ранее, синими чернилами, неверным почерком, показывающим, что пишущий не видит. Строчки наезжают одна на другую:

Спасибо Вам, дорогие Оля и Лена, за письмо. Желаю Вам счастья в жизни.
М. Булгаков.
8/II 1940

Это последний автограф писателя, хранящийся в семейном архиве. См. илл.

²¹ В этой не совсем ясной записи, по-видимому, отразился тот факт, что М. Булгаков подшучивал над Надей и ее мужем, обвиняя их в излишней приверженности к народничеству, к идеалам 1860-х годов.

Рассказывает мне историю в ресторане писателей с Олешей и Петровым: «Вдовый орден» и скандал. Снова разговор о нелюбви к Москве: жэра, шэры, шэлит²², московский климат.

Мишу тошнит и рвет. Принимает порошки от головной боли.

Когда на минуту мы остаемся одни (все выходят), разговор о револьвере...

<...>

Последний раз я вижу его умирающим в ночь с 9.III на 10.III. Вера приезжает ночью за мной на автомобиле...

Эта запись свидетельствует о том, что положение Михаила Афанасьевича оценивалось как безнадежное, смерти ждали с минуты на минуту, иначе сестер не вызвали бы ночью для прощания.

Н. А. вспоминала, что перед смертью брат хотел видеть Тасю²³, свою первую жену, звал ее, хотел проститься с ней, просить у нее прощания.

В булгаковедении обсуждается вопрос, почему М. Булгакова кремировали, а не предали тело земле, что было бы естественно для верующего человека. Я помню, что было заочное отпевание в церкви на Остоженке. Его устроили сестры. И так, была кремация и заочное отпевание. Почему?

М. О. Чудакова приводит слова Е. С. Булгаковой: «Многие меня упрекали — как я могла так хоронить верующего человека»²⁴.

Я согласна с мнением тех, кто считает, что Михаил Афанасьевич избрал кремацию, чтобы не повредить близким.

Как же все-таки решается вопрос о вере Михаила Афанасьевича? Зимой 1912 года Надежда Афанасьевна записывает в дневнике, что брат отказался от веры, отказался поститься. Он в это время читал «Жизнь Иисуса Христа» Ренана, изучал Дарвина, много разговаривал с доктором И. В. Воскресенским (своим будущим отчимом), был под его влиянием.

Время, по-видимому, разрушило юношеский нигилизм М. Булгакова.

Еще один факт биографического характера убеждает нас в том, что Михаил Булгаков был человеком верующим. Он был крестным отцом своей племянницы Елены.

²² Имеется в виду нормативное старомосковское произношение, которое рекомендует произносить не жара, шары, но жыра, шыры, т. е. *ы* после шипящих *ж* и *ш*. Видно, это произношение (ошибочно записанное через *э*) режет слух киевлянина. См. об этом подробнее во второй части книги.

²³ Татьяна Николаевна, урожденная Лаппа.

²⁴ Цитирую по книге: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., «Книга», 1988, с. 670.



Группа в роще в Буче. В центре Варвара Михайловна, у ее ног — Ваня; рядом Ирина Лукинична (вдова брата) по прозвищу Муик, у нее на коленях Леля; правее стоит Надя, рядом с ней сидит Михаил. За спиной матери стоит Вера, рядом Тася. Слева у дерева Варя и Коля; рядом с Надей стоит кузина Лиля (Илария Михайловна Булгакова)



В Буче: (слева — направо) брат матери М. М. Покровский, Варвара Михайловна, бабушка Анфиса Ивановна Покровская, приехавшая в гости из Карачева, друзья и знакомые



Группа молодежи в Буче. В центре сидят Вера и Коля; справа — Надя.
Друзья и подруги



На ступеньках дачи (справа налево). Верхний ряд: Михаил, Борис Богданов (друг Миши), Муик. Второй ряд: М. М. Покровский, Вера, В. М. Булгакова, Н. М. Покровский, Варя (прислонившись к нему), подруга Койка (болгарка), Иван Павлович Воскресенский. Нижний ряд: Надя, Тася, Леля. Примерно 1913 г.



Молодежь на террасе в Буче: (слева направо) сидит Варя, стоят Леля, Койка, Миша, Вера, Надя. Друзья и подруги



В Буче (слева — направо). Верхний ряд: Миша, мама, Тася, Борис Богданов; средний ряд: Надя, Муик, Койка, Варя (крайняя); нижний ряд: Коля, Ваня и Леля. Друзья и подруги



Надя и Андрей Земский,
жених и невеста. 1916 г.



В Буче: Надя и Миша



Зал с колоннадой в здании Московских Высших Женских курсов на Большой
Пироговке, на которых училась Надя Булгакова с 1912—1916 гг.



Школа № 48, в которой
Н. А. Булгакова-Земская была
директором в 1920-е годы.

Это бывшая гимназия

К. К. Алелековой:

Б. Никитская, д. 46.

Семья Земских жила
в отдельной квартире
на третьем этаже этой школы.

У них одно время жил

М. Булгаков



К. К. Алелекова во дворе школы
с Ольгой, старшей дочерью
Земских



Н. А. Булгакова-Земская,
конец 1920-х годов



А. М. Земский,
преподаватель рабфака
МИИТа, 1926 г.,
муж Н. А. Булгаковой



Дети Земских: Ольга
(справа) и Елена (слева)



Михаил — гимназист



Михаил Булгаков, 1916 г.
Фото из экзаменационного дела



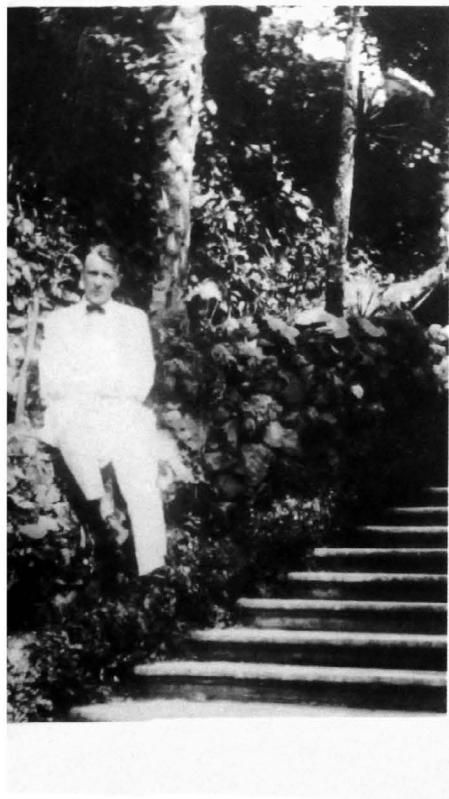
Винт:
любимая игра
молодежи.
Играют:
Тася (стоит),
Надя и Миша.
1915 г.



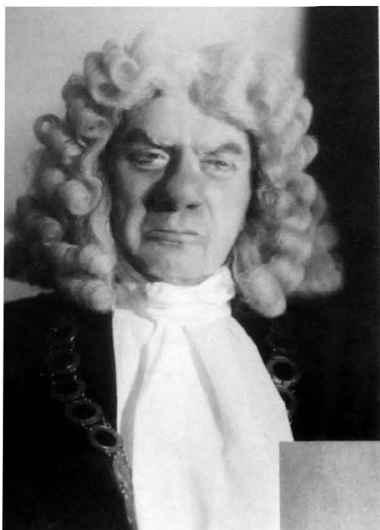
Михаил Булгаков на отдыхе.
Батум, 30/IV-1927 г.



Михаил Булгаков с женой
Еленой Сергеевной в Киеве,
1935 г. (?)



Михаил Булгаков на Кавказе,
1926—1927 г. (?)



М. Булгаков в роли судьи в пьесе
«Пиквикский клуб», МХАТ



М. Булгаков с женой
Еленой Сергеевной, 1936 г.

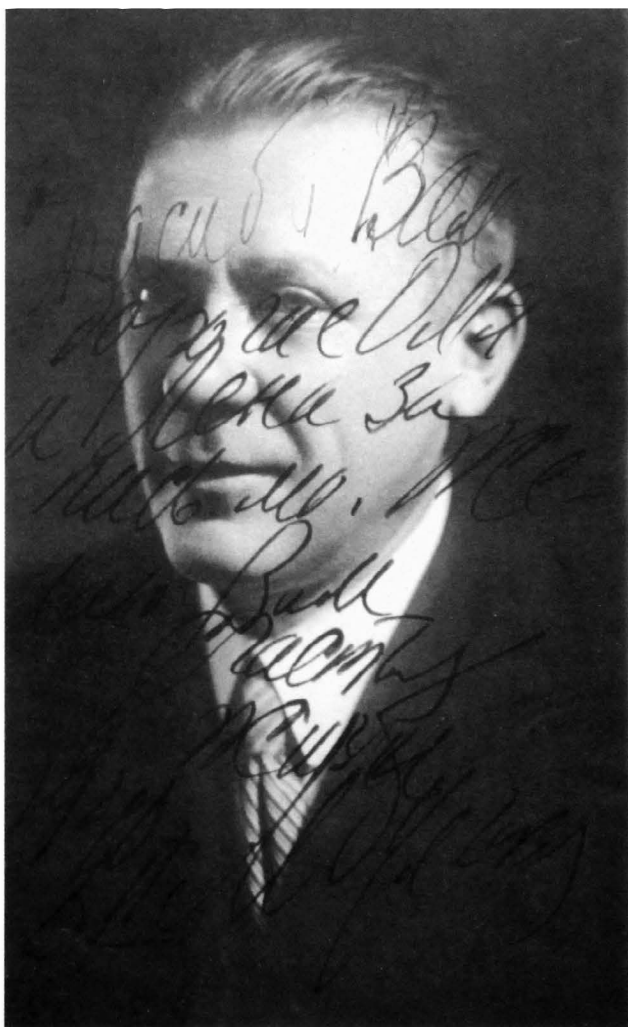


М. Булгаков
на бутафорском
самолетике

Михаил Булгаков
в последние годы жизни



Александр Петрович (Саша)
Гдешинский.
Один из самых близких
друзей М. Булгакова.
Киевский скрипач



Последний снимок М. Булгакова, хранящийся в семейном архиве, подарен племянницам (дочерям сестры Надежды) Ольге и Елене Земским, с надписью: «Дорогие Оля и Лена! Спасибо Вам за письмо. Желаю Вам счастья в жизни». М. Булгаков. 8/II-1940. Написано неровными строчками, прямо по лицу. Пишущий уже не видит



Коля и Ваня Булгаковы в детстве



Коля — гимназист

.. "Учусь"

Загреб

Саша

1928г.

Открытка, посланная родным:
«Учусь». Загреб. Коля. 1928 г.



Коля с микроскопом.
Студент в Загребе, 1927 г.



Фотопортрет Н. А. Булгакова.
На обороте надпись:
«Моя последняя фотография.
Снят в ноябре 1922 г.
профессором гистологии
и биологии как яркий
тип северного славянина.
Показывалась на лекциях
в народном университете.
Югославия. Загреб»



Н. А. Булгаков,
профессор-микробиолог.
Работает в Пастеровском институте
в Париже. Один из последних снимков.
Умер в 1966 г.

Иван Афанасьевич
Булгаков (младший
из братьев) с женой
Натальей и дочерью
Ириной. На обороте
надпись: «Не забывайте
нас, а мы вас всех
хорошо помним,
знаем и хотим видеть.
Родным,
милым сестрам.
Варна, 1/XII 1921 г.»



Могила Н. А. Булгакова
на кладбище Sainte
Geneviève de bois
под Парижем.
Стоит племянница
(дочь сестры Надежды)
Елена. Фото 1996 г.



Прогулка на берегу пруда в Буче. Михаил полулежит на коленях Б. Богданова. Варвара Михайловна и Муик стоят справа. Наверху — Вера и Надя. Посредине Варя и Коля, слева внизу Ваня с другом



Николай Николаевич Давыдов — муж Веры Афанасьевны
с племянницей Еленой

БРАТЯ БУЛГАКОВЫ

Этот раздел посвящен судьбе младших братьев Михаила Булгакова — Николая (1898—1966) и Ивана (1900—1968?). С братьями Мишу связывала нежная дружба и любовь. Чувство старшего было в нем очень сильно развито. Когда умер отец, Михаилу не было и шестнадцати, но он сознавал себя ответственным за благополучие семьи — матери, младших братьев и сестер. Братья обожали Михаила, помогали ему в его занятиях естественными науками. Сохранилось несколько детских писем Коли и Вани, относящихся к 1912—1913 годам, которые рисуют жизнь семьи Булгаковых — на даче в Буче, в Киеве и в Ессентуках.

Летом 1912 года, живя в Буче, Ваня пишет брату Михаилу «деловое письмо», посвященное собиранию насекомых:

19 ¹¹/_{VI} 12 год

Миша!

Я не могу собирать, так как у нас идут дожди. Пока я собрал бабочек, жуков и проч. насекомых 40 шт. Ты обещал дать Косте¹ денег на булавки и эфира и не дал, поэтому я купил простых булавок и на них накальваю; эфира у меня осталось только 1-а бутыл., потому что их у меня было только две. Я пишу месяц, во время которого пойманы были насекомые. Пиши ответ.

Твой брат Ваня Б.

Р. S. Тетя Ириша заболела плевритом².

Летом 1912 года брат В. М. Булгаковой доктор Николай Михайлович Попровский пригласил для отдыха в Ессентуки на дачу «Цветник» своих племянниц Надю и Варю и племянника Колю (старшая сестра Вера имела там же, в Ессентуках, урок: занятия с девочкой Леной из семьи Вагнер). Через несколько дней после приведенного выше письма Ваня пишет письмо в Ессентуки, в котором рассказывает о жизни в Буче, в том числе о ловле бабочек:

¹ Костя японский.

² В этом слове «р» исправлено на «л».

19²³/VI 12

Наимилейшая сестра Надя и прочие «Покровские»! Спасибо за присланное тобою мне письмо. [...] Ты просила в твоём письме написать про нашу бучанскую жизнь. Без Вас скучно; недавно Игнатовские сказали, что Буча как-то вымерла. Футбола пока нет, но Алик Кр. [асовский] сказал, что даст мяч, но сам играть не будет. Тете Ирише сделали операцию, и была надежда на выздоровление, но теперь опять ей хуже, нарыв начинается в другом месте и может эта история продолжиться до зимы. Мама расстроена. Поблагодари Лену³ за поздравление. Мы с Лелей⁴ начали учиться музыке. Мне она очень легко дается, Леле не так. Костя поехал в Курск. Ему дядя написал письмо, где просил его приехать. Он его будет подготавливать в Политехнический институт, а Костя будет помогать ему в его работах. Мама благодарит Богушевских за поклон. Пока нет футбола⁵, мы с Юрой играем его футболом. Андриюшин планер скоро будет готов, и мы будем летать. Я собираю коллекцию, но у нас идут дожди и только сейчас перестали; а Коля собирает коллекцию? Не наводите понта.

Твой брат Ваня

Р. С. Тетя Шура приехала и мы с Лелей (Тетиным сыном) и Шурочкой ловим бабочек; дядя Андриюша сделал им сачки⁶.

Дорогой дядя Коля! Спасибо за присланные поздравления. Вы спрашиваете, рисую ли я? Я нарисовал Шурочке картинку вроде Вашей, и она очень довольна. Мама купила мне масляных красок, и я собираюсь нарисовать тете Шууре большую картину. Тетя Шура и Шура еще никогда не видели, как рисуют масляными красками, и были очень довольны, когда я при них нарисовал картину, о которой писал. Как вы поживаете? Пишите, пожалуйста. Я еще выпиливаю и выпилил маме доску для хлеба.

Любящий племянник Ваня

Р. С. Извините, что грязно написано: я очень спешил.

И еще в одной открытке Ваня рассказывает о собирании коллекции:

1912 г. 21 июля

Дорогие Надя, Варя, Коля и дядя Коля! Я извиняюсь, что давно не писал. У нас погода несколько дней пока ничего, даже хорошая. Как вы живете? Леля уехала в Карачев, а мама в Крым, так что мы с Костей живем одни с сест-

³ Лена Вагнер.

⁴ Леля — младшая сестра.

⁵ Футбол — мяч.

⁶ Младшая сестра матери — Александра Михайловна, в замужестве Бархатова; дядя Андриюша — ее муж; Шурочка — ее дочь, Леля — ее сын.

рой Доры Павловны, которая, помните, жила у Поппер с сыном (Бобкой-плюбкой). Мама отдала ее сестре свою комнату. Я коллекцию собираю и поймал уже 2-х махаонов. У нас махаонов такая масса, как еще никогда не было. Всего у меня в коллекции 118 шт. насекомых. Я редко ловил, так как была плохая погода и шли дожди. Коля, а у тебя сколько насекомых? Пишите, пожалуйста. Целую всех. Кланяйтесь Лене и другим Вагнер и Веру поцелуй.

Ваня

Дошедшие до нас письма Коли рисуют жизнь молодых Булгаковых в Ессентуках:

16 июля 1912 г.

Дорогая Мамочка! Кроме открытки с дороги я тебе ничего не писал. Не думай, что я забыл тут о тебе! Нет! Совсем нет! Я так часто вспоминаю о тебе, милая, что и описать нельзя. Я так бы желал увидеть тебя, Ваню, Лелю, тетю и дядю и вообще всех бучан. Как там у вас? Хорошо? У нас не особенно! Дожди, холод, грязь. Только в общей сложности недели полторы была чудная погода. Я очень доволен, что взял сапоги и калоши. Я рисую здесь. Скажи Ване, что я хотел собирать бабочек, да тут все такие же, как и в Буче. Но редких я привезу. Теперь довольны о постороннем, надо и о деле. Я тебе не писал, как лечусь. Вот мой день: встаю в 7 часов утра, бужу дядю и иду в парк за съестным к чаю: ветчиной, молоком и булками. Прихожу домой, заказываю самовар и приготавливаю стол. Встают девочки, и приходит дядя. Выпили чай, и я иду в парк поиграть с детьми. Потом иду пить кефир, а оттуда, если есть солнце, иду на солнечные ванны. Прихожу домой, дядя делает впрыскивание мышьяку и идем обедать. После обеда занимаюсь уроками (уже скоро конец). Потом ужин и спать в 9 часов вечера. Я поправился, загорел, вырос и чувствую себя хорошо. Передай поклон прислугам. Целую всех. Дядя, Надя и Варя тоже. Живы и здоровы. Твой сын Коля.

К этому письму можно добавить «официальное» повествование того же Коли о поездке в Ессентуки, озаглавленное «Письмо к товарищу с Кавказа» (с подписью «твой брат Коля Б.»). К сожалению, сохранилась лишь вырезка, на которой детским почерком написано «№ ученика август 912», но нет названия газеты или журнала. Можно думать, что это была или малоформатная газета (размер вырезки 21,5 × 14,5 см), или журнальчик, так как текст рассказа напечатан на двух сторонах одного листа:

Письмо к товарищу с Кавказа

Дорогой Ваня! Прежде всего поздравляю тебя с днем Ангела и рожденья, желаю всего лучшего. Теперь выслушай, как мы ехали и как тут живем.

Еще не доезжая Ростова, мы увидели вдали какую-то голубую полосу, по которой двигались белые точки. Сразу догадались мы, что это море, настоя-

щее море! Действительно, минут пятнадцать спустя, мы совершенно ясно увидели недалеко от дороги поезда морской берег, на который набегали небольшие волны. Взглянув дальше, мы увидели бесконечный простор моря. Оно было чуть-чуть в волнах и странно переливалось в лучах заходящего солнца. Еще долго мы видели море, еще долго ощущали свежесть морского воздуха. Но вот море осталось в стороне и мы поехали вдоль одного из рукавов Дона, очень тихого и неширокого. Кое-где в нем купались. Вскоре показался и сам Дон. Он слился с рукавом и сильно расширился. Проехав некоторое расстояние вдоль Дона, мы около 7-ми часов вечера выехали в Ростов, довольно большой, но грязный и шумный город. Простояв в нем 1 час и 37 мин., мы выехали с Ростовского вокзала и, переехав через Дон по мосту, очутились в Кубани, области, относящейся к Кавказу. «Слава Богу уже близко», — вздохнули мы, ложась спать, и правда, завтра, а это было 9-го вечером, утром в 8 час. мы будем уже на Минеральных Водах, а в 10 час. утра и в Ессентуках.

Спали ночь хорошо. Проснувшись рано, мы скорей умылись, сложили вещи и, словом, приготовились, чтобы попасть в ессентукский поезд. Но что это! — Все с восклицанием: Эльбрус, Эльбрус! — смотрят в окна и показывают другим. Посмотрели и мы. Правда, на горизонте совершенно ясно мы увидели Эльбрус, снеговой покров которого было чудно видеть. Дальше налево мы увидели всю цепь Кавказских гор с Казбеком на конце.

Также мы увидели другие горы, разбросанные отдельно. Вот названия их: Беш-тау, Змеиная гора, Железная гора, Машук, Юза, Джуца, Золотой курган, Развалка, Седло-гора. Все они разбросаны между Минеральными Водами и Кавказскими горами.

Мы приехали в Минеральные Воды, где нас встретил дядя Коля и посадил в поезд, идущий в Ессентуки.

Поехали. Проезжали по подножию горы Беш-тау, и дядя рассказал, что на горе много орлов и что в прошлом году орлы заклевали охотника, дядя его видел. Потом мы проехали мимо горы Машук и видели памятник Лермонтову, на том месте, где он был убит на дуэли.

Вот и Ессентуки. Мы вылезли из поезда и сели на извозчика. Вот удивительно: в Ессентуках все извозчики парные и все на резиновых шинах.

Приехали на нашу дачу «Цветник». Действительно, это цветник, цветов бездна.

Ессентуки хоть и малый, но хороший город. Масса зелени и все улицы не что иное, как наш Бибиковский бульвар. Есть чудный парк, в котором детская площадка для игр, где я играю теперь в футбол. Но для входа везде нужны билеты, которые я храню у себя. Незаметно прошла неделя нашего пребывания в Ессентуках. Мы отпраздновали его тем, что поехали в Кисловодск.

Мы приехали в него в 5 час. вечера и сейчас отправились в парк. Этот парк идет и вниз и по горам до таких высот, которые покрыты часто тучами. Шли все время по аллее и незаметно взобрались на такую высоту, что, огля-

нувшись назад, увидели город далеко под ногами. Мы поднялись сначала до красных камней. Это большие скалы красного цвета, покрытые массой надписей. Дальше мы поднялись до серых и, отдохнув на них, спустились вниз. Есть еще синие камни, они покрыты облаками. Мы сами были среди облаков, но не замечали этого, только небольшой туман. Воздух в горах чудный, чистый, свежий. Мы спустились с гор в 8 час. вечера.

По парку протекает небольшая, но бурная речонка Ольховка, но вследствие сильного ливня она разлилась и шумела так, что на горах слышно было. Потом мы видели стеклянное озеро, в котором такая чистая вода, что на дне каждая песчинка видна. Из этого озера вытекает водопад, так искусно сделанный, что падающая вода похожа на кусок чистого стекла. Этот водопад называется Стеклянная струя. Потом мы видели источник Нарзан, который так чист, что это что-то удивительное. Он за сутки выкидывает около 2-х миллионов ведер. Мы пили его, вкус прямо как у сельтерской воды. Его так много, что в нем купаются, берут из него ванны, пьют на месте и рассылают массу во все концы Европы. Он представляет из себя озеро, около полутора сажени ширины, которое бурлит и бьет ключом. Оно покрыто огромным стеклянным колпаком. Все время нарзан выливает в бассейны.

Потом мы слушали в Курзале оркестр, который больше и лучше Киевского. Он играл как раз «Вниз по матушке, по Волге», — так сыграл, что слушатели плакали от умиления.

Мы в Курзальском ресторане ужинали и в десять часов выехали из Кисловодска.

Приехав, мы тотчас же заснули. На следующий день было так ясно, что видно было Эльбрус, Казбек, Беш-тау, Машук и другие.

Есть поверье (очень точное), если на Беш-тау найдут тучи или облака, то непременно будет дождь.

Мы завтра собираемся пешком подняться на Беш-тау (высота этой горы 2 версты).

Скажи маме, что я здоров и жив.

Дядя тебя целует и поздравляет. Покажи это письмо маме, Юре и Андрею.

Твой брат Коля Б.

г. Карачев, Орлов. г. [убернии]

От редакции. Просим Колю Б. прислать продолжение.

Интересные сведения о киевской жизни семьи Булгаковых и гимназических делах младших братьев содержатся в письмах 1913 года Коли к сестре Наде в Москву, где она училась на Высших женских курсах, живя у дяди Коли — Николая Михайловича Покровского, брата матери:

Киев, 12 окт. 1913 г.

Благодарю тебя за письмо, Надя, и в свою очередь посылаю тебе ответ. Как ты там устроилась? Я слышал, что там, в Москве, большие беспорядки. У нас в

Киеве все вошло в свою колею. Споры между мной и Ваней возникают очень часто. Мама было расхворалась, но, слава Богу, удалось поправиться. Иван Павлович нашел у мамы, что сердце не в порядке и прописал сильные лекарства. Теперь мама совсем здорова и даже съездила в Курск погостить и немного отдохнуть. Вернулась она около трех дней тому назад и выглядит хорошо.

Я схватил сухой бронхит, но поправился, просидев неделю дома. Теперь уже около двух недель хожу в гимназию. Дела мои там недурны. Когда я лежал в постели, у меня было одно занятие: читать стенографический отчет дела Бейлиса. Таким образом, я очень хорошо знаком с этим запутанным, но интересным делом.

У нас все жаждут (конечно, в шутку) познакомиться с Верой Чеберяк, портреты которой не сходят со страниц журналов. Вечером мама работает, Леля или Ваня вслух читают «дело» Бейлиса⁷.

Знаешь, мы все трое, Коля⁸, Ваня и я, взяли себе в гимназии балалайки. Коля — бас, я — альт, а Иван — секунду. Но Ваня скоро переменял балалайку на виолончель, на которой думает учиться. Сын Воячека⁹ дает ему даром частные уроки, и Ваня ходит к нему.

Мы, дразня друг друга, рисуем такие картины: Ваня (обращаясь к нам): «Коля и другой Коля в широких шароварах, цветных рубашках и кушаках стоят у ворот и “бринькают” на балалайках. Кругом горничные “лузгают” семечки и смеются». — «Я же сижу в симфоническом оркестре в купеческом¹⁰ и играю “соло” на виолончели».

Я же представляю картину так: «Ваня, в потертых брючках, куцем фраке, сгибаясь под тяжестью старой виолончели, юркнул в подъезд, и оттуда минутой спустя несутся плачущие звуки старого вальса».

Мы уже довольно сносно играли с оркестром других балалаек свою партию «Как во городе царевна гуляла».

Мама привезла из Курска мне от тети и дяди два рубля, да еще постараюсь к твоему приезду скопить, сколько смогу. Если нам с тобой не удастся купить мне часы, то я думаю вместо них купить новые хорошие коньки. Я катаюсь уже довольно сносно.

За поклоны тебе все благодарны. Поцелуй от меня, пожалуйста, дядю Колю и скажи, что я жив, здоров, вырос. Снова после лета я принялся за яйца, чтобы еще и за зиму хоть каплю подтянуться.

Пиши, пожалуйста, почаще, а я буду отвечать.

Кажись все, что хотел сказать. Что ошибки, конечно, ничего.

⁷ Отметим большой интерес к делу Бейлиса, который обнаруживают даже младшие члены семьи Булгаковых. См. подробнее раздел «Сестры Булгаковы» (очерк о Надежде).

⁸ Коля японский.

⁹ Известный скрипач.

¹⁰ В купеческом собрании.

Рисование карикатур, видимо, было семейным обычаем. Может быть, влияние оказывал старший брат: известна его юношеская пьеса в карикатурах «Тепрога mutantur, или Что вышло из того, который женился, и из другого, который учился»; героями этих рисунков были сам Михаил (который женился) и двоюродный брат Костя (который учился).

Еще одно письмо Коли Булгакова:

Милая Надя! Очень рад я был твоему письму и благодарю за поздравление и пожелания. Я здоров. Хотя не так давно я перенес инфлюэнцу. Теперь часто бывают сильные мигрени, от которых никак нельзя отделаться.

Дела в гимназии идут хорошо. Как ты знаешь от дяди, я получил у Батуева и Назаренко по пяти. Ведь это шикарно.

Мы все здоровы и занимаемся. Я от Коли благодарю тебя. Пиши, как ты поживаешь? Ты, кажется, собираешься приехать к нам 15 декабря. Приезжай поскорей, а то страшно соскучился. Хотя у нас снегу немного, но все-таки уже открылся каток и лед хорош. Я хочу купить себе новые коньки. Мама советует мне подождать тебя, так как ты можешь хоть немного помочь нам в этом деле. Мама решила купить мне хорошие коньки, так как я катаюсь уже хорошо.

Я уже давно играю в балалаечном оркестре и делаю успехи. Ваня ходит к Воячеку на уроки и его дела идут недурно. Мы сегодня все были на благотворительном рождественском базаре, где помогали продавать вещи на елку. Это очень веселое занятие. Приезжай поскорей, и я тогда расскажу обо всем подробней.

Целуй всех родных. Поклонись Богушевским. Тебя и дядю крепко целую.

Коля Булгаков

Все дети в семье Булгаковых отличались музыкальностью. Михаил играл на рояле, учился играть на скрипке, пел, даже мечтал стать оперным певцом. Сестра Варя училась в Киевской консерватории (рояль), сестра Вера тоже мечтала о профессии певицы, до старости пела в хоре. Любили музыку, увлекались игрой на разных инструментах и младшие братья. Ваня хорошо пел, у него был нежный тенор. Мы помним, что постоянно поет и Николка Турбин. Как мы увидим дальше, эти музыкальные занятия помогли на чужбине Ивану Булгакову добывать хлеб насущный.

Н. А. вспоминала, что брат Николай был всесторонне одарен: увлекался фотографией, отличался большой наблюдательностью и любознательностью. Бывали случаи, когда Коля вовремя не возвращался из гимназии, откуда он ходил пешком, задерживаясь на несколько часов. Мать, естественно, очень волновалась и расспрашивала его: «Что случилось?» А он спокойно объяснял: «Я смотрел, как фонари зажигают».

Годы революции и гражданской войны нарушили мирное течение жизни семьи Булгаковых. Николай, окончив гимназию, поступает в Инженерное училище, об этом мать сообщает А. М. Земскому в открытке от 3 октября 1917 года, посланной из Киева в Царское Село, где тогда жили молодые супруги: «Коля сегодня поступил в Инженерное училище». В письме от 27 октября 1917 года Наде мать пишет: «Коля поступил в Инженерное... и стал там юнкером». В ноябре 1917 года произошло памятное событие в жизни сына и матери: они попали под жестокий уличный обстрел и чудом остались живы¹¹.

Гражданская война вытолкнула младших братьев Булгаковых в эмиграцию. Сведения об их судьбе в эти годы весьма скудны. Из письма матери к Надежде (16 марта 1919 года) мы узнаем, что Ваня заболел тифом, сыпным и брюшным вместе. Иван не успел даже кончить гимназию, Николай был студентом младшего курса медицинского факультета¹². Как именно пролегал путь братьев за границу, остается неясным. Вероятно, через Крым и Константинополь. Николай оказался в Загребе, а Иван — в Софии. Долгое время участь братьев была неизвестна родным.

Первое письмо, пришедшее от Коли, датировано 16 января 1922 года. Оно написано в Загребе и адресовано матери в Киев.

Милая моя, дорогая мамочка, и все близкие моему сердцу братья и сестры!

Вчера я пережил незабываемые драгоценные минуты: нежданно-негаданно пришло твое письмо, когда я только вернулся из Университета. Слезы клубком подошли к горлу и руки тряслись, когда я вскрывал это драгоценное письмо. Я рыдал в полном смысле этого слова, до того я истосковался и наводновался. Столько времени ни о ком ни полслова! Боже милосердный, неужели это правда!

Милая мамочка, почему ты ни слова не пишешь о Верочке, где она, что делает, здорова ли, пишет ли вам что-нибудь. Как я волновался за Мишу с Тасей и золотую мою Варюшечку, ведь только стороной, от чужих людей, я узнал, что у нее будет ребеночек. Поздравь ее с Леней, пожелай выходить хорошую дочку — ведь я так горячо люблю хорошую, добрую Варюшу. Как Надюша с Андреем выглядят, вспоминают ли меня когда-нибудь? Поцелуй их крепко-крепко.

Строки твоего письма о Лелечке глубоко меня потрясли и взволновали, добрая, золотая девочка. Пусть вспомнит она, как подружились мы с ней в последние дни, как трогательно горячо расстались. Дай Бог ей здоровья, счастья и благополучия — я столько раз вспоминал ее, молился о ней и рассказывал своим знакомым. Ее крепко целует и кланяется Оля Орлова, которая со мной иногда и рада поговорить о Киеве. Она танцует в балете.

¹¹ См. подробнее об этом эпизоде выше, в разделе «Семейная переписка, отразившаяся в рассказах “Дань восхищения” и “Красная корона”».

¹² См. также выше раздел «Булгаковы и революция».

Милый, добрый Иван Павлович, как я счастлив сознанием, что Вы стали близким родным человеком нашей семье. Сколько раз я утешал себя мыслью, что Вы с Лелей поддержите мою добрую мамочку, и все волновался за Ваше здоровье. С Вашим образом у меня связаны самые лучшие, самые светлые воспоминания, как о человеке, приносившем нашему семейству утешение и хорошие идеи доброго русского сердца и примеры безукоризненного воспитания. На словах мне трудно выразить все то, что Вы сделали маме в нашей трудной жизни, нашей семье и мне на заре моей учебной жизни. Бог поможет Вам, славный, дорогой Иван Павлович. Как я рад знать, что с Вами вместе Костя¹³, проявивший столько любви и чистой привязанности к Варе. Надеюсь, меня он очень помнит и может многое рассказать о совместной нашей жизни в период учения, службы и встреч у Варюши с Леной. Передайте ему, что о нем неоднократно справляются его родители, печалятся, что он не пишет. Я дал знать им, что он жив и здоров и по-прежнему живет у вас в Киеве. Надеюсь, они обрадуются. Ванюша¹⁴ не отвечает ни на одно мое письмо, и я уже начинаю беспокоиться. Сколько раз я убеждал его приехать ко мне, я давно бы устроил его в Университете! Даже адреса своего до сих пор не сообщал, а я знаю, что ему хотелось бы со мной поделиться рассказами о его жизни¹⁵.

Сколько бодрости и радости принесло мне известие, что вы все живы и здоровы! Теперь расскажу кое-что о себе: я, слава Богу, здоров и, вероятно, страшно переменялся за эти годы: ведь мне уже 24-й год.

Посылаю Вам одну из последних карточек. После довольно бедственного года, проведенного мною в борьбе за существование, я окончательно поправил свои легкие и решил снова начать учебную жизнь. Но не так легко это было сделать: понадобился целый год службы в одном из госпиталей, чтобы окончательно стать на ноги, одеться с ног до головы и достать хоть немного денег для начала тяжкого в нынешние времена учебного пути. Это была очень тяжелая и упорная работа: так, например, я просидел взаперти 22 суток один-одинешенек с оспенными больными крестьянами, доставленными из пораженного эпидемией уезда. Работал в тифозном отделении с 650 больными и Бог меня вынес целым и невредимым.

Все это смягчалось сознанием, что близка намеченная цель. И, действительно, я скопил денег, оделся, купил все необходимое для одинокой жизни и уехал в Университет¹⁶, куда меня устроил проф. Лапинский по моим бумагам. Сначала работал, сколько сил хватало, чтобы показать себя.

Теперь я освобожден от платы за правоучение и получаю от Университета стипендию, равную 20—25 рублей мирного времени. Половину этого (или

¹³ Уже не раз упоминавшийся Костя японский.

¹⁴ Брат Иван в это время жил в Софии.

¹⁵ В этом месте письма приписка на полях: Косте кланяется Георгий Сергеевич, который целое лето занимался со мной немецким языком. Семья его с ним.

¹⁶ Имеется в виду Загребский университет.

немного менее) отнимает квартира, отопление, освещение, а остальное на прочие потребности жизни: еду и остальные. Жить приходится более чем скромно, но меня спасает то, что за время службы в госпитале я купил себе теплое пальто, 2 пары ботинок, кой-какой костюмчик (подешевле!), сделал несколько пар белья постельного и носильного и приобрел всякую дребедень: бритву, зуб. щетку и проч. и проч. Есть даже кой-какая посуда. Живу я на окраине города в комнате с самой необходимой студенту обстановкой: печечка тоже железная, но обогревает хорошо (слава Богу, недавно дешево купил на жел. дороге 1/2 сажени дров, а то зима дает себя чувствовать основательно). Воду дают хозяева, которые очень хорошо ко мне относятся; ведь я не пью, не курю, не скандалю — тихий квартирант и платит аккуратно! Готовлю обычно сам, но иногда обедаю в столовках, что подешевле. На судьбу не жалуясь, хотя страшно скучаю без вас всех. Конечно, не приходится думать о покупке нужных и дорогих пособий, цены на которые превышают все границы, но изредка урежу себя да и куплю какую-нибудь книжку. А больше всего работаю в Университетской библиотеке, в которой очень много хороших книг на немецком языке, который я изучал еще до поступления в Университет, живя в госпитале, и понемногу овладеваю им (немецким языком). Студенты и профессора относятся ко мне очень хорошо. С приездом из Швейцарии одного местного профессора связана и моя жизнь, т. к. я, может быть, получу тогда дешевую комнату при Университете, т. к. буду работать у этого профессора. А мне *необходимо* материально подкрепиться!

Замечательно, что с момента, как видел тебя в последний раз перед моим отъездом за границу, я абсолютно ничем не болел, даже простудой, и вообще окреп.

Теперь буду писать очень часто и побольше, а вы все со своей стороны обязаны писать мне (можно коллективные письма, а то это удовольствие не по карманам). Напиши, не нужно ли тебе денег на марки, если да, то какими деньгами послать и как это сделать. Может быть, прислать бумаги и конвертов: у меня есть. Может быть, Михаилу это понадобится. Если будешь писать ему, напиши обо мне, пожелай от меня здоровья и благополучия, передай поцелуй ему с Тасей и обязательно сообщи его адрес. Посылаю Леле 10 рублей, что завалились у меня, авось, пригодятся.

Боюсь просить, но нужно! Если найдете где-нибудь в остатках моих вещей мой *матрикул* (зеленая книжка, оклеенная тонкой зеленой материей) называется: «Книжка записи на лекции». Ради Бога, пришлите ее мне. Она мне необходима! Боюсь, что будет дорого стоить, тогда я, может быть, пришлю вам денег, но нужно сообщить, сколько и как это сделать. Если, даст Бог, найдете матрикул, пошлете, то вложите туда удостоверение от Киевского университета о моих отметках (его, может быть, дадут в деканате медиц. факультета) и обязательно карточки всех моих родных, если это возможно.

Ну, пора кончать (только что кончил варить обед на завтра и послезавтра; пока писал — он кипел, а теперь готов).

Целую всех крепко, крепко. Боже, благослови вас милых. Да, скажи о Алексее, что я его помню и очень люблю, пусть помолится за меня. Пишите, если возможно, почаще. Даст Бог — увидимся!

Коля

Адрес тот же.

Не забывайте, что я *совершенно один* и не могу переносить одиночества, а бывать не у кого; кругом все чужие.

Радостная весть о спасении братьев, о том, что Коля и Ваня не погибли, распространилась среди всех членов большой булгаковской семьи. Михаил Афанасьевич в письме сестре Вере из Москвы в Симферополь 24 марта 1922 года пишет: «Коля и Ваня здоровы, о них мне писали».

Учение Николая Афанасьевича в Загребе проходило успешно. Переписка с родными была, по-видимому, систематической, однако сохранилось (из раннего периода) лишь очень немногое: восемь поздравительных открыток к праздникам — Пасхе, Рождеству, Новому году, — адресованных сестре Вере. Они написаны по старой орфографии и посланы из Загреба в Москву в 1924—29 годах. Почти все открытки не имеют адреса — по всей вероятности, они были вложены в конверты писем, посланных другой сестре, скорее всего Наде. Во всяком случае, одна открытка с адресом содержит адрес именно Н. А. Булгаковой-Земской.

Вот некоторые из этих посланий:

Со светлым праздником Рождества Христова поздравляю тебя, моя милая Верочка. Дай, Боже, тебе встретить его и провести весело, среди своих в любви и ласке. Горячо тебя любящий и всегда помнящий брат Николай.

25.XII—1924

Христос Воскресе!

Моя милая и добрая Верочка. Крепко обняв, долго целую и от чистого сердца поздравляю со светлым праздником. Мои пожелания: будь всегда здорова, бодра и энергична. Здоровая душа и тело вместе с добрым сердцем добьются всего остального.

Прошу и поручаю обойти всех близких и дальних родных, друзей и знакомых и вместе с искренними пожеланиями добра и счастья, поцеловать и поздравить с Великим днем.

Будь счастлива.

Коля (и семья Ивана¹⁷)

2.V—1926

¹⁷ Т. е. Иван, его жена Наталья и дочь Ирина.

Христос Воскресе!

Моя родная и добрая Веруша. Крепко, крепко целую.

Коля¹⁸.

24.IV—1927

Открытка от 10.IV—1928 [штамп Москвы: 17.4.28] содержит адрес: «В. А. Давыдова улица Герцена, 46, кв. 1/2. Москва 69». Это адрес того дома по улице Герцена, который сохранился до сих пор и в котором в течение примерно десяти лет жила семья Земских. Как уже сказано, в этом здании помещалась школа, директором которой была Надежда Афанасьевна. Земские жили на третьем этаже в квартире, расположенной внутри школьного здания. У Надежды находили приют сестры Вера и Леля и брат Михаил со своей второй женой Любовью Евгеньевной Белозерской.

Эта открытка отличается по своему содержанию от прочих кратких, хотя и теплых поздравлений — из нее становится ясно, что сестры помогали брату:

Милая Веруша — «кроль маленький»¹⁹. Хотя я и послал тебе поздравление через Надю, но пишу еще раз, т. к. спешу известить тебя, что посланные тобой книги (две заказные бандероли: кожн. болезни, венерич., гигиена в 2-х частях) я благополучно получил и, конечно, очень обрадовался им, а тебя должен горячо поблагодарить и крепко расцеловать. Спасибо, родная. Будь здорова и благополучна.

Коля.

В открытке от 25.XII—1928 еще раз упоминается Ванина семья:

С Рождеством

Христовым!

Всех крепко целую и от себя и от Ванюшиной семьи сердечно поздравляю. Да пошлет Вам Бог радостных хороших праздников.

У меня все благополучно; скоро напишу подробней.

Коля

25.XII—1928

Научная судьба Николая Булгакова складывалась удачно. По окончании Загребского университета он был оставлен при кафедре бактериологии. Совместно с доктором Сертичем он сделал несколько научных работ, которые заинтересовали открывателя бактериофага профессора д'Эрреля (F. d'Her-

¹⁸ Внизу приписка, объясняющая рисунок на открытке: Хорватка — молодая поселанка в наряде невесты. Загорье — часть Хорватии, почти подходит к Загребу.

¹⁹ Веру Афанасьевну и ее мужа Николая Николаевича Давыдова родные звали «кроликами»: Кроль большой — Николай, Кроль маленький — Вера. На открытке с надписью «Христос Воскресе» изображены два кролика — белый и коричневый.

relle), работавшего в Пастеровском институте в Париже. Этот факт круто изменил жизнь Николая Афанасьевича. Профессор д'Эррель пригласил его в Париж для работы.

Летом 1929 года Н. А. Булгаков переезжает в Париж и сразу же начинает работать у профессора д'Эрреля на весьма хороших условиях, о чем ликующе сообщает брату Михаилу: «Условия дают мне возможность скромно жить, ни от кого не завися, а этого давно не имел!» (17.VIII—1929).

Как я уже писала, М. Булгаков был старшим братом и, оставшись после ранней смерти отца старшим мужчиной в семье, через всю жизнь пронес чувство ответственности. Это чувство побуждало его постоянно помогать Коле, когда тот был студентом в Загребе, помогать ему в первое время в Париже, помогать Ване, матери, сестрам и племянницам.

Научные успехи Николая чрезвычайно радовали Михаила²⁰. В письме от 21 февраля 1930 года он пишет в Париж: «Я рад и горжусь тем, что в самых трудных условиях жизни ты выбился на дорогу. Я помню тебя юношей, всегда любил, а теперь твердо убежден, что ты станешь ученым [...]. Многие из моих знакомых расспрашивали меня о нашей семье, и меня всегда утешало то, что я мог говорить о твоих больших способностях.

Одна мысль тяготит меня, что, по-видимому, нам никогда не придется увидеться»²¹.

Летом того же года (7 августа) Михаил Афанасьевич снова пишет: «Счастлив, что ты погружен в науку. Будь блестящ в своих исследованиях, смел, бодр и всегда надейся»²².

Чтобы сделать наши сведения о парижской жизни Н. Булгакова более рельефными, приведу два его письма Михаилу Афанасьевичу. Эти письма рисуют разные моменты жизни Николая. Одно из них написано 12 декабря 1935 года на борту парохода «Шамплен».

Профессор д'Эррель направляет своего помощника Н. А. Булгакова в Мексику для того, чтобы он помог там организовать преподавание бактериологии. Н. А. Булгаков за полгода проделал всю работу. Лекции он читал сначала по-французски, а потом, выучив испанский, уже и по-испански.

Вот это письмо:

S. S. Champlain

A bord, le 12/XII/35

Дорогой Михаил,

совершенно неожиданно я получил служебную миссию в Мексике, куда мне и пришлось отбыть 11 декабря 1935 г. Я буду в Соедин. Штат. Сев. Аме-

²⁰ См. интересную публикацию (Гудкова, 1989), содержащую письма М. Булгакова к брату и фрагменты из писем Николая Афанасьевича.

²¹ Булгаков, 1989, с. 166.

²² Там же, с. 188.

рики (New-York), по железной дороге доеду до Mexico-City, где мне нужно выполнить задание моего шефа проф. F. d'Nettell'я.

В Париж я вернусь в начале февраля 1936 г.

Перед отъездом я побывал в театре Vieux Colombier и говорил с Марией Петровной Рейнгардт. Уже второй месяц театр дает с огромным успехом пьесу молодого французского автора (30 л.) Josset «Elisabeth, femme sans hommes» («Элизабета, женщина без мужчин»). Пресса и публика встретили постановку и игру с энтузиазмом и директор — режиссер René Rocher окружен славой. Это хороший признак для будущей постановки твоей пьесы, так как будет имя у театра и режиссера, будут и средства для приличной постановки. Я выяснил, что «Elisabeth» еще будет идти все время моего отсутствия из Парижа, а посему и пустился в далекий путь со спокойной душой. От тебя давно никаких сведений. Что у тебя нового? Здоровы ли оба (трое)²³? Как работаешь? Мой адрес в Париже остается прежним. Вернусь я в начале февраля. Жене и Сереже привет от нас с женой.

Целую, твой Никол.

Пишу среди океана. Погода зимняя, серенькая, туман, ветер, легонько покачивает.

Пароход франц. линии «Champlain» превосходен; еду в первом классе со всевозможными удобствами. Еду один, т. к. двоим путешествие оплатить невозможно.

Н.

Летом 1939 года Н. Булгаков посылает старшему брату письмо, в котором сообщает сведения, связанные с постановкой пьес Михаила Афанасьевича, и пишет о том, что он собирается в отпуск на Адриатическое море, по-видимому, к своему другу и коллеге Сертичу. Письмо написано на бланке лаборатории д'Эрреля:

Paris (XV), 1e 21 Juin 1939

Дорогой Михаил,

твое письмо от 29 мая с. г. я благополучно получил и, конечно, очень рад, что нарушилось молчание и ты можешь составить представление о том, как были мною защищены твои авторские права в Лондоне.

К сожалению, я до сих пор не получил обещанного тобою письма. Я 28 июня уезжаю в отпуск на весь июль и боюсь, что твое письмо может прийти сюда в мое отсутствие и должно будет лежать до моего возвращения. Если тебе нужно будет в июле мне что-либо написать, мой адрес будет

D' med. N. Boulgakov Villa «Zora» Novi Vindol

Yugoslavia

Привет Люсе, целую крепко *Никол.*

²³ Имеется в виду Михаил, его жена Елена Сергеевна и ее младший сын Сергей Шиловский.

Это последнее письмо доктора Николая Булгакова, отправленное старшему брату.

Николай Афанасьевич прожил после смерти брата еще четверть века. Он жил вдвоем с женой Ксенией, тоже русской эмигранткой, урожденной Яхонтовой. Детей у них не было, но Николай постоянно помогал младшему брату Ване, судьба которого сложилась не столь удачно, и его семье. Во время войны доктор Булгаков участвовал в движении Сопротивления.

В 60-е годы переписка между Николаем и двумя сестрами — Верой и Надеждой, жившими в Москве, возобновилась и стала более частой. Других сестер уже не было в живых.

Вот два письма этого периода:

Кламар. 4 февр. 1962

Дорогой и родной друг Веруша,

только что полученное и столь сердечно-теплое твое письмо явилось для нас радостью, столь терпеливо ожидаемой.

Чувствую, что оно потребовало от тебя не только много времени и внимания с желанием дополнить то, что нам было уже сообщено Надей и Еленой Сергеевной. В этом отношении ты прекрасно справилась с трудной задачей, сообщив нам много интересных и важных подробностей, касающихся многих родных.

Но особенно ценно подробное описание того, в каком блестящем окружении покоится теперь наш дорогой Миша. В минуты отдыха я часто внимательно всматриваюсь в лицо Михаила на его фотографиях — особенно той, где он лежит уже скончавшийся, и прекрасно понял твои мысли из последнего письма. Поистине головокружителен путь, пройденный им волею судьбы, начиная с домашних и любительских спектаклей в Буче, многих семейных хроник в стихах и шарад, многих гимназических инсценировок, в которых и он сам, ты и Варя, да и мы принимали участие, и кончая достижением известной всему миру сцены МХАТа, и плодотворной работы среди столпов театрального искусства, где он не был бедным родственником, но ценным и талантливым сотрудником.

Мне посчастливилось лично познакомиться с великанами этого могучего коллектива за время их зарубежных гастролей — и сколько незабываемых бесед, сердечных слов, орошенных не раз их искренними слезами, мне пришлось от них услышать!

Эти встречи и беседы незабываемы и, конечно, уже не повторимы! — но я глубоко счастлив, что я их пережил.

Как странно, что на главных этапах развития МХАТа его жизнь оказалась так тесно связана с врачами, писателями, драматургами: доктором Антоном П. Чеховым на первых шагах этого удивительного театра и врачом-писателем и ре-

жиссером Михаилом А. Булгаковым в период великих исканий новых путей революционного творчества!

* * *

Ты спрашиваешь нас о состоянии нашего здоровья — это так мило и трогательно с твоей стороны: спасибо! Сейчас мы оправились от хвораний около полутора года тому назад. Ведь не надо забывать, что все мы «милые девочки и мальчики» уже далеко не так молоды и свежи: все уже перевалили за 60 лет!

Моя жена, Киса, Ксеничка, Кисочка, Ксения и Ксения Александровна, благополучно перенесла свою операцию <...>.

Но ее очень утомила моя болезнь — семейная тень почечной гипертонии пронеслась и над нашим домиком, и она приняла на себя все заботы и уход за этот грустный период. Но она меня поставила на ноги.

Я перешел в новое учреждение, в котором нужно запланировать и оборудовать лаборатории для биологических исследований. Работа нелегкая, довольно нервная, на которую уходит немало энергии — но это надо перетерпеть, а там будет видно.

У нас сейчас стоит капризная и сырая погода — настоящей зимы мы еще не видели: раз выпал снег, но он долго не держался; температура снова выше нуля. Живем мы за городом, в близком предместье Парижа — 8 км. на юго-запад в сторону Версаля, — вдали видна Эйфелева башня, которая в одном километре от центра города — собора Notre Dame de Paris.

Период осени-зимы (от 15 окт. до 15 марта) менее интересен из-за ежедневных забот об отоплении павильона и ежедневных поездок на работу, часто 2 раза в день: туда и обратно.

Киса этого периода не любит также, т. к. рынок довольно удален от нас — хотя мы, конечно, хорошо организовали наше снабжение: и здесь память и примеры нашей дорогой и никогда «не забываемой мамы» — много помогают!

* * *

Совсем недавно мы получили извещение, что в госпитале на юге Франции скончался от сердечной слабости Алек Красовский. Еще совсем недавно, когда он узнал от нас о смерти сестры — Вари, он горько рыдал, как юноша, т. к. он очень любил Варюшу.

* * *

О твоём дорогом Ни́колушке-муже все очень сердечно отзываются — и не мудрено: уж очень хорошее имя он носит!²⁴ Сердечно его расцелуй от нас всех и поскорее пришли ваши фото, т. к. у нас всего одна (вы оба вместе), но она все темнеет от времени. А мне так хотелось иметь хорошую фото — того

²⁴ Муж Веры — Николай Николаевич Давыдов, потомок поэта Дениса Давыдова.

периода 15—16 годов, когда все семеро и наша «чудная мамочка» были живы. Но, естественно, и другие нам придется по душе.

К твоему последнему письму очень кстати подходит несколько строк из твоего, Веруша, давнего письма, еще до войны 41-го года, которые и привожу: «Между прочим многие, в том числе и мой муж, мне говорят, что ты страшно похож на меня — судя по фото! Я сама это же заметила, когда после болезни меня остригли, а я посмотрелась в зеркало — и на меня вдруг глянули твое лицо и твои глаза в зеркале!» Поэтому в нашем семейном альбоме около твоей с мужем фото — я тогда же приклеил рядом свою карточку... бучанскую!

* * *

Дорогая Веринька, мы очень довольны, что ты прислала нам твои габариты. Они помогут нам в выборе для тебя нужных тебе вещей.

Об этом *без всякого стеснения* напиши нам, а мы уже разберемся, как и что тебе достать и переслать. Киса большая специалистка и очень умеет выбрать, что и красиво, что хорошо сшито и сделано и что будет практично в смысле носки. Наше уже дело найти, что нужно и как быстро это вам доставить.

О своих личных делах, здоровье, заботах, о работе (твоем лении и хоровом коллективе) пиши мне подробно и откровенно: все это останется между тобой и мной — в этом ты можешь быть совершенно спокойна. На моем жизненном пути я много перевидел, переслышал и перетерпел и думаю, что все пойму как следует.

Всем родным и друзьям прошу передать самые сердечные приветы. Тебя с Николашей многократно и нежно целуем.

Глубоко любящие и чтущие вас Коля и Киса

Твое письмо будет прочитано Ване, когда он будет у нас. Нас также разделяет большое расстояние и распределение времени и работы.

К.

Н. А. Булгаков умер в 1966 году в Клараме в предместье Парижа, 68 лет от роду, и похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Расширить представления о том месте, которое Н. А. Булгаков занимал среди русских эмигрантов, может беседа архиепископа Иоанна Сан-Францисского (август 1967 года). Привожу ее текст целиком.

Реальная жизнь Николки Турбина — Н. А. Булгакова

В живом и привлекательном образе юнкера Николки в романе «Белая гвардия» и в пьесе «Дни Турбиных» Михаил Булгаков вывел своего брата Николая... Это литература. Но моим слушателям, может быть, будет интересно узнать, как в реальности сложилась жизнь этого одного из братьев Турбиных, на самом деле — Булгаковых.

Год тому назад, от сердечного припадка, в Париже скончался и похоронен был 13 июля 1966 года на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа доктор медицины Николай Афанасьевич Булгаков, средний брат писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Он и есть тот Николка из «Белой гвардии» и «Дней Турбиных».

Этот «юнкер Николка», горящий любовью к родине, молодой русский человек, младший брат «доктора Турбина», похоронен на земле Франции. Как же он, покинув свою родину, прожил жизнь? Я расскажу о его жизни со слов его коллеги и друга, уехавшего тоже в юности из России, а ныне доктора медицины и моего прихожанина в Сан-Франциско доктора Собесского. Доктор Эммануил Иванович Собесский, до своего приезда в Америку, жил во Франции и близко знал покойного доктора Николая Афанасьевича Булгакова, брата Михаила Афанасьевича. И вот, что он рассказывает о герое булгаковского произведения — «Николке».

Николай Афанасьевич Булгаков родился в Киеве, где его отец (и отец Михаила Булгакова) был профессором богословия в университете Св. Владимира и в Киевской Духовной Академии. Из гимназии Н. А. попал в юнкера Инженерного училища и, как другие юнкера, принял участие в Белой Армии. После Крымской эвакуации он попал в Югославию... Денег не было. Нужно было учиться, попасть в университет и кончить его... Николай Афанасьевич нанялся санитаром в барак черной оспы и провел там все время карантина. Работал и в бараке сыпно-тифозных. Затем он организовал студенческий оркестр балалаечников, стал его дирижером, запевалой и вдохновителем. Это — по вечерам. А утром — была анатомия и все те лаборатории, в которых приходится работать студенту-медику.

Он блестяще закончил свое учение в Загребском университете и был оставлен при кафедре бактериологии. Там он познакомился и подружился с хорватом, доктором Владимиром Сертичем, а Сертич ознакомил его с жизнью незадолго до этого открытого благодетельного вируса, называемого бактериофагом.

Совместно они сделали несколько работ с этим ультрамикроскопическим существом, и эти работы оказались настолько серьезными, что на них обратил внимание открывший в 1917 году бактериофаг «сам» профессор Феликс д'Эрель.

В это время д'Эрель ушел из Пастеровского института и организовал свой собственный институт по изучению бактериофага и производства его для лечебных целей. Он пригласил себе в помощь двух молодых загребцев.

Сертич был только ученым бактериологом, Булгаков же не только занимался выделением из природы новых рас бактериофага, но и всеми новыми научными аппаратами, схемы которых он сам придумывал и рисовал. Служили они для автоматического заполнения сразу нескольких сотен ампул без соприкосновения с воздухом, во избежание случайного заражения.

В одной из своих книг проф. д'Эррель описывает, как он прислал из Лондона в Париж культуры стрептококков с поручением найти разрушающий их бактериофаг. Через две недели этот бактериофаг был ему прислан («Но, — добавляет проф. д'Эррель, — для того, чтобы сделать подобную работу, нужно было быть Булгаковым, с его способностями и точностью его «методики»).

В 1932 году Н. А. женился на дочери киевского профессора Яхонтова, Ксении Александровне. Она окружила его заботой, создала домашний уют.

В 1936 году мексиканское правительство обратилось к проф. д'Эррелю с просьбой помочь организовать преподавание бактериологии в Мексике. Вместо себя д'Эррель и послал Н. А. Булгакова. В шесть месяцев все было организовано. О лекциях своих в Мексике Николай Афанасьевич сказал: «Сначала я их читал по-французски, а потом уже по-испански».

Организовавши там бактериологическую лабораторию и наладив систему преподавания, Николай Афанасьевич Булгаков — Николка Турбин — вернулся в Париж. Началась война...

Пришла оккупация. Работа в лаборатории становилась все труднее. Николай Афанасьевич уже не имел автомобиля. Из предместья Парижа, Кламара (где жил, между прочим, и Н. А. Бердяев и где была маленькая русская церковь) пришлось русскому ученому ездить в лабораторию в автобусе или на велосипеде. Бывший Николай Турбин делал это со спокойным оптимизмом.

В 1941 году германские войска заняли Югославию. Николай Афанасьевич был югославским подданным, его тогда во Франции арестовали и как заложника отправили в лагерь около Компьеня. Он там так себя проявил: стал врачом лагеря, утешая одних, лечя других, помогая бегству третьих. Когда окончилась война и поднялся вопрос о ввозе бактериофага в США, специальная комиссия, приехавшая из Америки для осмотра лаборатории, только потому дала нужное разрешение, что Николай Афанасьевич показал им свою коллекцию живых микробов, — одну из богатейших в мире, занимавшую несколько шкафов.

Увидев не только эту коллекцию, но работу машин, стерильно наполняющих и запаивающих ампулы, американская комиссия, сейчас же дала разрешение на ввоз продукта лаборатории бактериофага в США.

Во время опасного заболевания здесь одного из моих помощников по церковной работе, когда никакие местные антибиотики не помогли, доктор Николай Афанасьевич Булгаков, найдя в Париже разрушающий данный микроб бактериофаг, прислал его в Сан-Франциско, и больной пастырь церкви был исцелен.

Доктор Собесский так заключил свой рассказ о младшем брате русского драматурга и писателя Михаила Афанасьевича Булгакова, докторе Николае Афанасьевиче: «Вот — теперь мы похоронили и самого «юнкера Николку Турбина» — блестяще-талантливый, во всех отношениях выдающегося человека, не знавшего компромиссов с совестью, отрицавшего всякого рода «раз-

рушительную работу”, как он сам говорил, посвятившего себя всего “созиданию”, будь это машина для заполнения ампул или спектакль Общества врачей. Всюду и везде он работал больше всех.

Теперь он успокоился. Этот глубоко верующий христианин-врач, большой ученый и исследователь, всесторонне талантливый и всюю душой и мыслями чисто русский человек).

И около могилы этого «Николки Турбина» несомненно можно сказать одно: братья Турбины, братья Булгаковы, принадлежали к одной семье и духовной, национальной и всечеловеческой, границ которой нет, как нет ни физических, ни народных, ни политических границ для сердец подлинно человеческих. Братья Булгаковы — «Турбины», как назвал их Михаил Афанасьевич, не угасили своего духа, ни на родной земле, ни в дальних краях. В их жизни торжествует человечность, разделенная географически, но единая в своем духе и в своей любви.

* * *

Итак, доктор Николай Афанасьевич Булгаков был известным ученым-бактериологом, почитаемым в своем кругу. За участие в движении Сопротивления правительство Югославии наградило его орденом.

Судьба младшего брата Ивана сложилась по-другому. По рассказам сестры Надежды, он одно время работал таксистом, потом участвовал в оркестре балалаечников. Не найдя для себя интересного дела, Иван Афанасьевич очень страдал на чужбине, писал стихи, проникнутые тоской по родине. Родным он писал, по-видимому, реже, чем Николай. Н. А. Земская оставила опись, датированную 10 июля 1956 года, в которой сообщает, что от Вани с 1923 по 1933 год пришло всего шесть писем. Приведу отрывки из этих писем (два первые написаны по старой орфографии, остальные — по новой).

Письмо от 5 июня 1923 года содержит стихотворение Ивана, переписанное рукой Николая, и приписку от него же: «Не забывайте Ваню — он всех вас горячо любит. Каждое письмо от вас я посылаю ему. Если можно, вкладывайте мне в письма для Вани отдельные листки — я ему буду пересылать. Он будет очень счастлив. Интересно, как вы найдете его стихи. Их у него набралось уже очень много...»

Письмо на одном листе такого же формата, на обороте этого листа и на другом листе такого же формата — стихи 20-х годов. Ваня просит Михаила дать отзыв о стихах. О своей жизни пишет так: «Сам я теперь пишу очень редко. Очень трудно в настоящих условиях мне работать на этом поприще. Иногда бываешь так занят, что не успеваешь прочесть газету, не только заняться чем-нибудь серьезным. К сожалению, кусочек хлеба (да еще и с маслом!) для семьи приходится сейчас вырывать зубами».

Дальше он сообщает, что дочь с наградой перешла в первый класс и «мы ее отправили на отдых на ферму. В Париже сейчас ад²⁵. Интересно, как ты себе его представляешь! Город для изучения богатый, но очень и очень злой для обиженных судьбою».

Письмо от 4 мая 1934 года написано на двух страницах большого формата. Снова просит брата дать отзыв о стихах. Тоскует: «...Сознание бессилия, невозможности вырваться из тисков, в которые зажата наша монотонная жизнь...» Кончает письмо словами: «Но все же — жду, надеюсь, верю».

В 60-е годы он, как и Николай Афанасьевич, писал сестрам в Москву.

24/II 1960 г.

Мои дорогие сестрицы,

как раз вчера был у Коли (брата), когда пришло Надино письмо. Мы прочли его с большим интересом, но и грустью. Я решил сразу ответить Наде, а Коля перешлет Вам обоим две моих фотографии, где я еще выгляжу моложе, чем сейчас. Вести твои, моя родная Надя, было грустно читать, узнав о смерти Вари и Лели, но что же делать? Всем нам назначен срок и его не изменить.

Мы многое вспомнили с Колей, говорили о семье и пр. Ты можешь всегда писать на Колин адрес, т. к. у меня может быть перемена адреса на днях, но все же даю адрес (на обороте конверта) кафе, в котором имею всякие дела по работе и бываю каждый день.

На этом пока кончаю. Спешу по делам.

Очень хочу получить от вас вести.

Крепко обнимаю и целую обоих, желая, чтобы все было благополучно у вас.

Любящий брат Ваня.

Прости за мазню и бумагу, но спешил ответить.

В.

19/III 1961 г.

Милая моя Наденька, так рад всегда читать твои теплые строчки, в которых много и ласки и тепла.

Я давно уже собираюсь тебе написать, но моя жизнь в последнее время очень мало дает утешения и радости. Я уже оправился, но очень устаю от жизненных передряг. Работы мало и трудно ее иметь сейчас. Как ты знаешь, я — музыкант, но в моей профессии сейчас кризис, да и годы уже не те, чтобы работать, как прежде. Берусь за многое (всего не перечислить), не ленюсь, не боюсь ничего, — все же толку мало. Сам виноват, что легко мне удавалось находить все, что было нужно, и не думал, что нет ничего «долговечного». Теперь приходится за легкомыслие платить. Берусь за многое, не боюсь трудной и тяжелой работы, лишь бы была возможность жить.

²⁵ Вероятно, имеет в виду жару.

Сейчас я живу «по-походному». Нет постоянного пристанища, не нашел, и трудно у нас найти жилплощадь.

Много думаю о тебе, о всех вас и ваших семьях. С Колей очень часто вас вспоминаем всех.

Насчет карточек — трудно. Мои все вещи, кроме самых необходимых, сложены и хранятся упакованными у моего старого хозяина, а я еще не нашел себе постоянного пристанища. В общем, письмо мое мало несет тебе радости, но знай и будь уверена, что я не падаю духом и хочу добиться всего, что мне нужно.

Пиши мне, как всегда, на адрес Коли, пока не сообщу нового адреса.

Очень прошу тебя поцеловать всех наших. Я даже точно не знаю, кто и как живет, кто появился новый на свет и пр., но часто думаю и надеюсь, что и им известно обо мне.

Письмо вышло немного сумбурное, но я тороплюсь идти на деловое свидание.

Наденька-Надюша! В твоих письмах всегда много ласки и от них уют моей душе.

Передай всем мой привет и лучшие пожелания.

Твой Ваня

Судьбы двух братьев-эмигрантов далеко не схожи. Что здесь сыграло основную роль — разница характеров или внешние обстоятельства — остается тайной. Очевидно, что Ивану пришлось в эмиграции гораздо труднее. Он был младше Николая на два года, до отъезда не успел окончить гимназию, так что не мог и думать о поступлении в университет, о приобретении какой-либо интересной для него профессии.

Рассказ об Иване Афанасьевиче завершу двумя строфами из его стихотворения, посвященного дочери.

Ирке

*Почему грустишь и не до смеха?
Иль Парижская пародия зимы
Разбудила, как в ущелье эхо,
Память о зиме, которой жили мы?
<...>
Знай и верь, что мы везде родные,
Нас спяет нашей родины весна.
От недуга так встают больные
После жуткого и бредового сна.*

СЕСТРЫ БУЛГАКОВЫ

Дети Булгаковых делились на «старших» (Миша и три старшие сестры: Вера, Надя, Варя) и «младших» (Коля, Ваня и Леля). Между Михаилом и Лелей было 11 лет разницы. В конце жизни Михаил Афанасьевич был близок с младшей сестрой, а в детстве и даже в юности разница в возрасте ощущалась очень остро (старшие уже кончали гимназию, поступали в университет, а младшие только начинали учиться).

В этом разделе публикуются воспоминания о Надежде, Варваре и Елене, написанные их дочерьми. Воспоминания о Вере написаны мною. Рассказы о сестрах содержат и сведения об их мужьях.

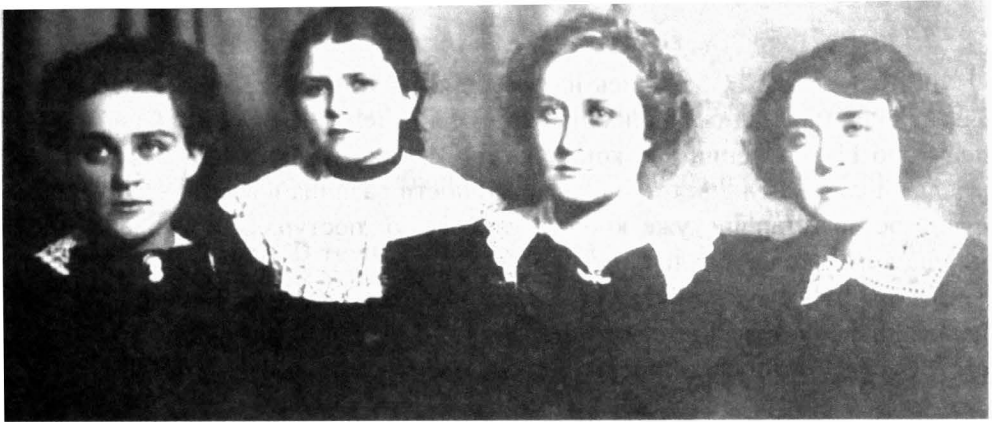
Вера

У Веры Афанасьевны Булгаковой (1892—1973) не было детей, но она по-матерински относилась к своим племянницам, очень любила их и заботилась о них. Мы также очень любили тетю Веру.

Вера была старшей сестрой, всего на один год младше Михаила. Кончила, как и две другие сестры, немецкую гимназию на Лютеранской улице. Кокетливая, веселая, красивая, с прекрасной фигурой, сильная, она хорошо плавала. Уже в Москве, в предвоенные годы, она переплыла широкую реку, так как лодочник-перевозчик покинул свой пост, а ей с мужем надо было попасть в деревню, находящуюся за рекой.

Вера прекрасно танцевала, но больше всего любила пение. У нее был хороший голос. Она мечтала о карьере актрисы, в юности участвовала в любительских спектаклях в Буче, выступала под фамилией Неверова.

Вера любила писать письма. Писала их обстоятельно, с большим чувством юмора. Несколько ее писем приведено выше, в разделе «Переписка четырех сестер: 1917—1918 гг.». Помещаю здесь еще одно письмо Веры сестре Наде от 20 апреля 1913 г., которое рисует жизнь семьи Булгаковых на Андреевском спуске в годы, предшествующие первой мировой войне. Надя в это время учится на Высших женских курсах и живет в Москве у дяди.



Четыре сестры Булгаковы

Киев

19 $\frac{20}{IV}$ 13

Вчера отправила письмо Зайке¹ и забыла сделать тебе приписку, а потому, получив сегодня твое письмо, спешу тебе ответить, а то начиная с понедельника, у меня не будет и минуты свободной...

Слава Богу, что относительно Яфета сама догадалась. У нас еще был один эпизод с Колей Зориным (анекдот из жизни мамы), придешь, расскажем. Что касается сусолейника², то какой же ты филолог? Не филолог, а третий сын Ноя: дело очень простое, нужно только обратиться к французскому языку и все будет ясно как Божий день (кстати, он у нас теперь процветает, не Божий день, а французский язык). Во время разговенья был уже объявлен конкурс: кто будет говорить по-французски с наибольшим русским акцентом? Что тут поднялось, конечно, воображашь и как страдали мамины уши. Кончилось тем, что понадобилось перевести выражение «пустить жука»; это по поводу того, что Ваня пришел от заутрени с двумя коробками конфет и мама предложила их спрятать до завтра, а завтра отдать; конечно, Борис³ и Миша стали уверять, что мама «пускает жука». Однако мы ушли от *сусолейника*. Так вот в один прекрасный вечер мы ели семечки, тут же был Борис, который усиленно разговаривал наперегонки с Варей по-французски. Вдруг кто-то спросил: а как подсолнечник по-французски? И Костя со свойственным спокойствием и остроумием перевел:

под — солнеч — ник

sous — soleil — ник

С тех пор семечки иначе как сусолейниками не называются. А что?

Теперь относительно «Ги-и! [нрзб] А я знаю» только прошу не говорить Поповым, это касается меня⁴. Это выражение было поставлено после того, как Варя передала от моего имени поклон Марку, а последнее время она мне все твердит: «Это сама судьба — Марк и Вера, пользуйся случаем». Вот и все. Вообще они теперь проявляют особенную заботливость обо мне: Костя, если ему вздумается поиграть на пианино, после обеда, усаживает меня пить чай, а сам наигрывает: «Violetta, Violetta». Варя и Мурка задалась целью выдать меня замуж, ищут мне подходящего жениха и спрашивают, каким условиям он должен отвечать. Да, между прочим, Вера Игнатовская выходит замуж за кандидата математических наук Константина Сергеевича Богушевского; мы получили приглашение на свадьбу, которая будет завтра (21^{ого} как раз

¹ Прозвище Николая Михайловича Покровского, брата матери, у которого жила Надя.

² Это слово встречалось в одном из предыдущих писем.

³ Богданов.

⁴ Поверх строки написано: «потому что дойдет до Марка, а я не хочу».

на Красную горку). Вот такие-то дела. Ноля⁵ у нас был, будет летом в Буче, только «на минутку» поедет в Тифлис на съезд. А Сергея выгнали из гимназии, т. е. его добровольно взяли, но по принуждению и главное за две недели до отпуска, вот обида-то для Петра Макс[имовича?], а сам он не унывает и шьет себе штатское платье. Это все рассказы, его самого мы не видели... Была Койка⁶, тебе кланяется. У «Стаффи» скоро будет прибавление семейства, а сам он располнел, как луна. Коля Сакс похудел и похорошел, Коля Сынгаевский тоже, но подурнел и вырос, усиленно готовится к экзаменам и собирается на юридический факультет. Конечно, ты поняла, что последние фразы результат пасхальных визитов... Пасху мы встретили и разговлялись шумно и весело, что ты могла уже видеть из предыдущего, были Борис, Тася, Jean Paul⁷ и все свои. Тася и Борис у нас жили три дня. На первый день все были разбужены Ваней, который по всем правилам дьяконского искусства и со всеми мельчайшими оттенками, провозглашал многолетие всему царствующему дому. На другой день было то же с тою только разницей, что в конце хор из Кости, Миши, Бориса и Коли подхватывали: «Многая лета!» Кончилось тем, что за чаем появилась мама и объявила, что не позволит в своем доме такого безобразия. Вслед за маминими словами Ваня встал и провозгласил «Государыне и покровительнице дома сего, Варваре Михайловне Булгаковой, многая лета! а!!» И все подхватили «многая лета, многая лета!» Сейчас же Мишу потребовали в мамину комнату, а мы должны были спеть: «Вечная память...» В том же духе были все три дня праздника, на четвертый мама разогнала всю молодежь по домам и всех усадила заниматься. Хотели предпринять пикник в Голосеевский лес, да у Ивана Павловича умер его пациент и хороший знакомый Турчанинов, так не до пикников <...>⁸.

Тася была сегодня утром у нас (она у нас ночевала, а вчера пришла навестить Мишу, который простудился), я ей передала пожелания счастья из Москвы. Она всех благодарит и тебя в особенности. «Муик» [прозвище тети Ирины] благодарит за привет и в свою очередь просит тебя поцеловать и поздравить Зайку с праздником от нее.

Леля гоняет по двору.

У Вари открылась колоратура, после того как мы были на «Ромео и Джульете», можешь себе представить какой это ужас.

Передай спасибо за поздравление Шуре Позднееву и Васе.

«Птичке Божией» и всем прочим родным привет.

⁵ Семенцов.

⁶ Подруга-болгарка.

⁷ В скобках позднейшее пояснение Н. А.: Иван Павлович.

⁸ Далее следует рассказ о приготовлениях к свадьбе Миши и Таси, который помещен выше в разделе «Знакомство с Т. Н. Лаппа и женитьба».

Поцелуй Зайку.

В. Б.

Богушевским поклон. Пиши подробно, буду ждать. Как тебе понравилась моя карточка?

В.

* * *

В архиве Н. А. сохранилась открытка без даты и адреса из Токио, посланная Вере, по-видимому, к дню ее Ангела. В Токио настоятелем православного собора служил Петр Иванович Булгаков, брат Афанасия Ивановича, женатый на Софье Матвеевне, ур. Позднеевой⁹, которая и пишет Вере. Вероятно, эта открытка была послана в конверте вместе с другим письмом, адресованном, скорее всего, матери Варваре Михайловне. На открытке изображены куклы в русских костюмах, расположенные в три ряда (21 кукла). Привожу текст полностью:

Дорогой Вере Аф. Булгаковой

Куклы одетые для базара Союзных держав от тети Сони. На память о работе в далекой Японии. Боярыня в верхн. ряду продана за 15 йен.

* * *

Вера кончила Фребелевские курсы в Киеве, получив образование педагога-«дошкольника». В 1917 г. (до революции) она сообщает сестре Наде, что собирается открыть детский сад. К сожалению, этот замысел не осуществился. Годы революции и гражданской войны были для Веры временем скитаний. Одно время она жила в Феодосии, работала медсестрой.

В начале 20-х годов Вера обосновалась в Москве у сестры Нади и вышла замуж за Николая Николаевича Давыдова. Долгое время Вера с мужем жили у Земских в школьной квартире на ул. Герцена, д. 46. Лишь много позже (в 1933 г.), когда Надежду Афанасьевну выселили из этого дома (см. об этом ниже, в очерке о Надежде), им удалось получить свое жилье — комнатку в коммунальной квартире на далекой окраине Москвы (в Лихоборах).

Муж Веры получил хорошее домашнее и гимназическое образование. Прекрасно знал французский язык, рисовал, писал стихи. Ездил верхом. Однако из-за дворянского происхождения его не приняли ни в один вуз. Он стал бухгалтером, причем так великолепно знал свое дело, что его назначили главным бухгалтером несмотря на то, что у него не было высшего образования. Он даже написал объемное пособие по бухгалтерскому делу.

В начале 20-х годов, когда началась переписка с братом Колей, оказавшимся в Загребе, письма от него часто шли на имя Веры Афанасьевны Давыдо-

⁹ Их дети Николай и Константин были посланы в семью киевских Булгаковых, где получили прозвище «японцы» (см. об этом выше, в разделе «Жизнь в Киеве»).

вой. Это и понятно: сестры Надя и Леля работали, им нельзя было иметь связи с заграницей, а Вера была сравнительно независима. Вера посылала брату Коле медицинские книги¹⁰.

* * *

Тетя Вера и дядя Коля очень любили племянниц и помогали сестрам за ними ухаживать. Тетя Вера часто жила с детьми на даче. Дядя Коля, у которого были золотые руки, изготовил для меня из фанерного ящика комнату для кукол: там была маленькая мебель, красивая и хорошо сделанная — шкаф, стол, кровати, стулья. Я очень любила играть в этот кукольный домик.

Нередко Давыдовы забирали меня к себе. Перед войной Николай Николаевич сам сделал лодку с парусом, на которой мы плавали по одному из подмосковных водохранилищ.

У Веры Афанасьевны была своя портниха, она учила меня одеваться. Во время войны Давыдовы оставались в Москве. Вера работала медсестрой в госпитале. В конце войны Давыдовым каким-то чудом удалось переселиться в центр города — в Палашевский переулок, недалеко от Пушкинской площади в старый, маленький домик при церкви. Жизнь в центре значительно облегчила их существование.

Н. Давыдов отличался добротой, благородством и ярким чувством юмора. Ему приходилось много работать, чтобы содержать семью, и главной его радостью было рисовать пейзажи (он писал акварелью) и плавать. А главной радостью Веры Афанасьевны было пение. До старости лет она пела в хоре, относясь к этому занятию с профессиональной серьезностью.

Старенький домик в центре, в котором жили Давыдовы, в 60-е годы снесли, и они были выселены на окраину, в те же Лихоборы, но на этот раз в однокомнатную квартиру в новом доме.

Вскоре тетя Вера тяжело заболела, ее разбил паралич. Муж самоотверженно ухаживал за ней. Ему пришлось оставить работу. Пенсия у него была крохотная, а у тети Веры ее совсем не было, так как она работала нерегулярно и никаких документов не хранила. Дядя Коля вел хозяйство очень экономно, но все равно они еле сводили концы с концами.

В 1970 г. Николай Николаевич Давыдов скончался. Вера Афанасьевна пережила его на два года. Она умерла 22 января 1972 г. от атеросклероза.

¹⁰ См. выше раздел «Братья Булгаковы».

Надежда и Андрей

В этом очерке я рассказываю не только о моей матери Надежде Афанасьевне Булгаковой-Земской, но и о моем отце Андрее Михайловиче Земском.

Михаил Булгаков и Андрей Земский познакомились еще до революции в Киеве. В 1916 г., как уже говорилось выше, А. Земский окончил историко-филологический факультет Московского университета и тут же был призван в армию. После долгих хлопот вольноопределяющийся А. Земский был переведен из Тифлиса в Артиллерийское училище в Киев. Андрей мечтал о Киеве, так как это был родной город его невесты Нади Булгаковой. 26 декабря 1916 г. он прибыл в Киев. Там он познакомился с Надиным братом Михаилом. А. Земский и М. Булгаков были близки по возрасту (Андрей был всего на год моложе Михаила). И позднее жизнь не раз соединяла их. Уже после революции в начале 20-х годов Андрей приютил Михаила в своей комнате на Садовой, 10 в коммунальной квартире, которая описана в ранних рассказах М. Булгакова («Самогонное озеро» и др.). Некоторое время молодые Земские и М. Булгаков жили вместе, а потом Земские переехали, оставив комнату Михаилу.

Между М. Булгаковым и А. Земским возникли прочные дружеские связи. М. А. Булгаков подружился и со старшим братом Андрея Борисом Михайловичем Земским, часто бывал у него, играл с его сынишкой Вовкой. Борис Земский в голодные 20-е годы устраивал М. Булгакова на работу. Андрея Михайловича Михаил Афанасьевич ласково называл Андрюша. Шутливую дарственную надпись на фотографии 1929 г. М. А. начинает словами:

«Дорогим Наде и Андрюше на память». А затем продолжает, уже обращаясь только к Андрею: «Андрюша! Скажи Наде, чтобы она не прятала эту карточку в корзину, а, застеклив, повесила бы над твоей постелью. И у тебя будет тихая и дешевая радость». (см. илл.)

Твой М. Булгаков

23/IX—1929 г.

В 20-е годы Надя и Андрей постоянно помогали Булгаковым — делились продуктами с Мишей и Тасей. Позднее, когда Земские уже жили на Б. Никитской, д. 46, Михаил Афанасьевич со своей второй женой Любовью Евгеньевной Белозерской нашел у них временное пристанище.

* * *

Крестным отцом Надежды (24 декабря 1893 г. — 17 июня 1971 г.) был брат матери Николай Михайлович Покровский, а крестной матерью Вера Николаевна Петрова, дочь известного профессора Киевской Духовной Академии Н. Петрова.

Надя — третий ребенок в семье, она была всего на два года младше Михаила. Брат и сестра были очень близки в детстве, юности и молодости. В тридцатые

годы их связи ослабели. Можно сказать, что жизнь развела их, причем немало-важную роль тут сыграл арест и ссылка Андрея Земского (1931—1934 гг.). Н. А. и дети были выселены на далекую окраину города, в дом барачного типа без телефона, что очень затрудняло связь с родственниками. В последний год жизни Михаила Афанасьевича связи между братом и сестрами возобновились¹¹.

Сестры Булгаковы были очень разными.

Надю с детства отличали мечтательность и романтичность. В четвертом классе гимназии она начала вести дневник, который потом сожгла¹². Мотив традиционный: дневники полагается жечь. Через год она вновь начала писать дневник, который продолжала вести регулярно до 1917 г.

Склонность к филологии проявилась у Нади очень рано. Она была единственной из детей, кто ради любви к знаниям решил покинуть родной дом. По ее словам, она поняла, что в Москве получит лучшее образование, и в 1912 году она уехала туда учиться на Высшие женские курсы, хотя очень любила Киев и тосковала по родным и близким. Интерес к филологии объяснялся, вероятно, не только особенностями ее натуры, но и тем, что в гимназии, где она все время шла первой по литературе и языку, у нее были прекрасные учителя — Ольга Николаевна Штейнберг, которой она писала письма из Москвы и которую постоянно вспоминала, и Николай Каллиникович Гудзий, впоследствии известный филолог. Гудзий был киевлянин. Некоторое время он преподавал в старших классах женской гимназии. Дружба с ним продолжалась и в Москве, когда Николай Каллиникович стал маститым филологом, профессором МГУ. Он был автором известного учебника и хрестоматии по древнерусской литературе. Сохранилась фотография — молодой Гудзий с ученицами-гимназистками.

* * *

Привожу (с некоторыми купюрами) относящееся к этому времени письмо двоюродного брата Кости японского, посланное Наде в Москву. Оно дает представление об интересе семьи Булгаковых к делу Бейлиса и описывает жизнь семьи в годы перед первой мировой войной¹³.

[надпись на конверте]

Е. В. Р. [Его Высокородию]
Николаю Михайловичу Покровскому
№ 24—12, Пречистенка
Москва
для Н. А. Булгаковой

¹¹ См. выше раздел «Михаил Булгаков в последний год жизни».

¹² См. часть II.

¹³ М. Чудакова полагает, что Булгаковы были равнодушны к делу Бейлиса (Чудакова, 1988). Цитируемый документ показывает, что эта оценка нуждается в уточнении.

О деле Бейлиса см., например: Тагер, 1934; Шульгин, 1979.



Надя Булгакова — гимназистка

Киев 22 окт. 1913 г.

Милая Надя, как ты поживаешь? Как ты провела эти три дня праздников? <...>

Живут Миша с Тасей все там же. Я изредка к ним захожу. Мишка жалуется на полнейшее отсутствие финансов. Возлагает большие надежды на предстоящие именины, и сказал, что вывесит объявление с перечислением подарков и порядка их подношения. Он теперь очень усиленно занимается, это заметно. По крайней мере, когда я жил с ним, он никогда так не занимался.

<...>

Что ты думаешь про дело Бейлиса?

Мне кажется, что его обвинят, почему-то такая у меня уверенность. Дело это выбило Киев из колеи.

Страшно мне хотелось попасть хоть на одно заседание, но, кажется, это не удастся.

Сильно ли им у вас интересуются? Здесь все следят за газетами. Если бы ты вошла теперь в столовую часов в 8 вечера, то ты бы ее не узнала. Нет воплей Лельки, избиваемой Ванькой, исчезли блошки¹⁴, притихли балалайки.

Все тихо. За столом, заваленным газетами, сидят, склонившись, все от мала до велика над Киевской мыслью, Новым временем, Южной копеейкой, Последними новостями, изредка проскальзывают номера Киевлянина, еще реже Двуглавого орла. В доме тихо и спокойно. Дебаты происходят уже за ужином и в то время, когда приходит Миша. Какого ты мнения об экспертизе Павлова? В Новом времени приблизительно числа 18-го, а может и позже, была одна статья, очень остроумная об экспертизе Павлова. Я дал ее прочесть одному лицу, которое было высокого мнения об экспертизе, чтобы посмотреть, какое она произведет на него впечатление.

Когда он ее прочел, у него был вид, словно его вдарили по морде. Процесс замечателен тем, что в нем масса битого народу. Я сперва начал подсчитывать, насчитал семь человек. Потом сбился и бросил. Сперва поколотили Шаковского, затем он кого-то колотил. Затем Вера Чеберяк била Мифле, а затем в свою очередь он бил ее, причем ее кто-то держал, чтобы она не спряталась, так как Мифле слепой. Потом кого-то били у какой-то канавы.

Какое, по-твоему, самое глупое показание? По-моему, Дьяконовой. Больше, по-моему, завратиться нельзя. Мне рассказывал один мой товарищ, который был на заседании, как раз когда она говорила, что весь зал сплошь хохотал. Между прочим, он говорил, что в зале суда настроение совершенно иное, чем описывается в «Киевской мысли» и что ее освещение дела совершенно не соответствует действительности. То же говорит и Миша, у которого некоторые знакомые были там.

¹⁴ Игра, в которую любили играть в семье Булгаковых. Упоминается выше в «Записках Шурочки Бархатовой». См. о ней подробнее в части II.

А слыхала ли ты, почему показания Пранайтиса (?) так неудачны или до вас до Москвы это еще не дошло? А в Киеве ходят уже слухи, что он тоже подкуплен! В общем, тут сейчас весело. Выставка закрыта 15-го октября, но, кажется, будет продолжена в следующем году. Но незаметно, чтобы Киев притих с концом выставки. По-моему, он остался тот же.

Или может выставочное возбуждение ослабевало постепенно. <...>

Будь здорова.

К. Булгаков

Только что был здесь Саша Гдешинский, спешит на концерт скрипача Исайи.

* * *

Надя училась на курсах с увлечением. Занималась у известных ученых, работала в семинаре Д. Н. Ушакова. В 1914—15 гг. писала дипломную работу у известного слависта В. Н. Щепкина. Тема — «Рукописный орнамент XVII в. по рукописям Московской Синодальной библиотеки».

Еще в Киеве Надя хорошо выучила немецкий и французский; английский она знала хуже. Могла говорить по-украински, как и все дети Булгаковых. На Московских курсах изучала польский, церковнославянский и латынь. Мечтала о научной работе, но жизнь распорядилась иначе.

* * *

Далее я расскажу лишь об отдельных событиях жизни Н. А. и А. М. Земских.

20-ые годы. Надежда и Андрей Земские живут на Большой Никитской, д. 46, в здании бывшей гимназии Алелековой, преобразованной в школу-девятилетку № 48. У них две дочери — Ольга (1923 г. р.) и Елена (1926 г. р.). Н. А. заведует школой (в 1922—27 гг.), А. М. Земский — преподаватель факультета МИИТа, автор учебников по русскому языку. Их квартира на третьем этаже школы служит временным приютом для всех родственников, которые из разных мест стекаются в Москву. Там есть маленькая комнатка с отдельным входом; в ней балкончик, из которого виден актовый зал, расположенный на втором этаже. В этой комнатке в разное время жили Михаил Афанасьевич со второй женой Любой, старшая сестра Вера с мужем Н. Н. Давыдовым, младшая сестра Леля, приехавшая из Киева после окончания института, и младшая сестра Андрея Земского Катя (Катюшка, как ее звали дома). В дневнике Михаила Афанасьевича запись от 4 января 1925 г.: «Хотим у Нади потанцевать».

* * *

1926 год. Москва полна слухами об убийстве Фрунзе. Б. Пильняк публикует в «Новом мире» (1926, № 5) «Повесть непогашенной луны». Журнал изъят из всех библиотек. Н. А. забирает этот подлежащий уничтожению номер журна-

ла из школьной библиотеки и прячет среди своих книг. Я обнаружила его случайно у нас дома уже в 60-е годы.

* * *

1931 год, 31 января. Андрей Земский арестован. Помню, как вечером на большом обеденном столе что-то складывают в фанерный ящик. Спрашиваю: «Что это?» Ответ: «Папе передача». Но я мала (мне 4 г. 3 мес.), ничего не понимаю. — А где папа? — В тюрьме, в Бутырках.

За что арестовали отца, я узнала много позже. Окончательно поняла, в чем дело, только после смерти матери из материалов семейного архива Земских, который Н. А. хранила отдельно от булгаковского. В семье арест объясняют так: у нас остановился временно муж сестры Вари Л. С. Карум, в прошлом белый офицер, а соседи донесли.

* * *

Отец пробыл в Бутырках четыре с половиной месяца. 18 мая 1931 г. он был выслан в Красноярск. Мама ездила к нему. Сохранилась маленькая записная книжечка с записями этого времени, сделанными карандашом. Это и путевые впечатления, и размышления, и зарисовки. Мои пояснения даны в квадратных скобках.

[На первой странице:] Дорога. Урал и его впечатления. Пал. Сны (лютики). [На обороте первой страницы:] «Образцовые колхозники» и их дети. Несчастливые дети... 25 смертей в сутки.

Все на свете относительно:

Иркутск

Красноярск

Киренск

Енисейск

Туруханск

Маровка — вода с лягушками.

Игарка.

[Далее следуют дорожные записи о пассажирах поезда: «русские американцы», летуны, командировочные.]

Первая дата в блокноте дана по приезде в Иркутск: 31/V—1/VI. Очевидно, что это 1931 г. И так же очевидно, что Н. А. выехала сразу же после высылки мужа. Он был выслан 15 мая 1931 г., а она уже 31 мая была в Иркутске. [Привожу записи с некоторыми купюрами.]

На улице Карла Маркса (б. Большой) что-то нежное и печальное выпевает радио. Я иду, а на душе огромная тяжесть. Все впечатления — их много, новых и интересных — скользят мимо, не задевая и не радуя.

Сознание бесправия и бессилия... Впервые в жизни мне приходится испытывать это сознание с такой силой. Чудовищная несправедливость, обрушившаяся на нашу жизнь так неожиданно и беспричинно, как-то не дает еще опомниться до сих пор. Я привыкла работать много, жадно и с радостным сознанием, что я делаю, строю, что — вот он результат. Я привыкла сознать себя членом советского коллектива. Привыкла к уважению. А за три последние года я, целиком включенная в прекрасно работающий коллектив, привыкла к взаимной заинтересованности, сочувствию, хорошей оценке (Пиотровский избаловал), вниманию. Я нужна, меня ценят. У Андрея тоже во всю силу способностей сделанная работа, уважающая, даже любящая его аудитория, книги, имя¹⁵.

И вдруг все рушится. Андрей выбит, смят, вырван из жизни. Он бодрится, пытается барахтаться. Но все это за что? «Без вины виноватые». Самое дикое то, что Андрей, «словесник несчастный», «спина в жилете», согнувшаяся над письменным столом над грамматиками и потому объясняющаяся со всеми молчанием, Андрей, про которого дома говорят, что он может разговаривать только о «суффиксах», этот Андрей, оказывается «офицер». То, о чем мы и думать забыли, то, что было всегда мелким, досадным, ненужным эпизодом его жизни — 4 месяца прапорщичества — оказывается, ложится проклятием на всю его жизнь и коверкает жизнь всей его семьи. Глупо? Смешно? Да, это было бы так, если бы не стоило так дорого. «Попал под колесо истории». Слабое утешение.

«Таких случаев сейчас тысячи». И от этого не легче...

«Я не понимаю, мама, — говорит Олечка — ну, хорошо, берут, сажают в тюрьму. Но ведь вы же с папой красные <...> Ведь твои китайчики [ученики] коммунисты». «И папочка красный, — говорю я ей: Он по недоразумению попал». Но она продолжает не понимать. Она недавно (ей 8 лет) услышала и поняла что-то про красных и белых, разобралась для своего возраста очень

¹⁵ А. М. Земский начал печататься в 1926 г. До ареста он выпустил в Учпедгизе (большой частью в соавторстве с С. Е. Крючковым) четыре методических и учебных пособия, получивших в печати положительные отзывы. Некоторые из этих работ не раз переиздавались.

1) Методическое письмо по русскому языку и литературе для ВУЗов. М., 1928.

2) Пособие для поступающих в военные школы и для самообразования (отдел — «Русский язык») — два издания. М., 1926.

3) Русский язык. Пособие по грамматике и правописанию / Под ред. Д. Н. Ушакова. Государственное изд-во. 1-е изд. — М., 1926; 2-е изд. — совместно с С. Е. Крючковым. Эта книга выдержала восемь изданий. Она была одобрена Культпропом ЦК ВКП(б) в качестве пособия для поступления во Всесоюзный коммунистический университет им. Я. М. Свердлова; получила положительную оценку в газете «Правда».

4) Задачник по стилистике. 1-е изд. — М., 1931; 2-е изд. — М., 1933, совместно с В. Т. Кротковым и С. Е. Крючковым.

недурно и без минуты колебаний зачислила меня с отцом в «красные». И, конечно, была права.

«Тов. Земская ударник и хороший ударник», говорит курсант К. на собрании. Я сижу и мне тяжело. Энтузиазм... Я не люблю громких слов и пышных деклараций, но я знаю, что так, как я работала с этой осени в пехотной школе, не работал ни один преподаватель. Я увлеклась <...> и вот у меня снова бронхит, трахеит (голос пропадает), отчаянная мучительная экзема на руках. А по моему энтузиазму хлопнули так, что я чуть не сорвалась и не слетела со всех четырех ног. Спасла та же работа: класс, мои ничего не подозревающие ученики — курсанты. «Товарищ Земская ударник и хороший ударник». Видели бы они, мои безграмотные «мальчики», с которыми я так долго и авторитетно билась, как я ночью на собственном портпледe на иркутском вокзале...

Спасала еще и забота об Андрее и девочках, мысль о семье.

* * *

Устарела ли я для подобных экспериментов [Н. А. в это время 37 лет], или просто безумная усталость этой зимы сказалась, только я, кажется, ни одно путешествие не переносила так плохо, как это. «Живут же люди в том краю». К сожалению, этой фразой Андрея не утетишь. И я все переношу и сижу здесь, чтобы облегчить ему эти первые тяжелые дни <...>

Иркутск красив. Поэтому, верно, здесь часто вспоминаю Касимов и Каширу. Тоже «провинция» и тоже красиво.

Но какая огромная разница. И еще одно. Здесь, как нигде, я тоскую по своим девочкам. Ведь уезжала же от них и в лагеря (по работе в пехотной школе), и в Крым, и никогда так не хотелось их видеть и быть с ними, как сейчас.

Как-то недавно поймала себя на острой, резкой тоске по Москве: выспаться бы на чистой постели у себя в комнате под низкими потолками, а потом сесть в пригородный московский поезд и дунуть в Красково. И там выкупаться на солнышке в небольшой речушке и полежать на траве... И погулять, и повозиться со своими девочками, которых всю зиму почти не видала за сумасшедшей работой и с которыми не удалось пожить и сейчас, в дни отпуска, как я мечтала. <...>

У окошка ПП.

Вежливо и тихо, с некоторой грустью в голосе. Вам придется ехать в Красноярск. Вас там будут ждать 7-ого числа.

Красноярск

Дорога. Едем вместе с владивостокскими командирами, только что испеченными.

Я все время у окна. Солнце, весна. Черемуха в цвету. Сопки, зелень, Енисей. Гостиница — «мест нет». Дом крестьянина. Номера. «Уют» для приезжающих; общежитие № 1, 2, 3 и ямщицкие. Ужасный двор.

Кафе, где все «закрыто».

Кафе — кофе с «печеньем». «Скотское» мясо.

<...>

Ужасный двор Дома Кр[естьянина]. И Андрей в московской шляпе, с вежливым профессорским поклоном. Ночевка в красном уголке. <...>

Драка во дворе Д. К. ночью. 30 человек арестованных милицией. Конфискованная водка. И неожиданно — Красноярский городской сад: густая зелень, черемуха в цвету, сосны, темная зелень елок среди весенних молодых листьев берез и тополей, даже яблони в цвету; чистые дорожки, усыпанные крупным песком, чистые зеленые скамейки.

Откуда сие явление? Истории сада не знаю, но красноярцы гордятся им и совершенно справедливо.

Правда, по вечерам вход в сад 30 к., развлечений никаких, играет один духовой оркестр и ярко освещена одна аллея; в других аллеях местами есть свет, но есть и темные места. Там хулиганят мальчишки, подставляют ножки, раздаются визг по кустам, разделы комсомолку.

* * *

«Надо устраиваться»...

Квартирный вопрос. Заплеванные, заложенные телами, пахнущие невыносимо черемшой вокзалы. Гостиницы и командировочные — не подступись... [Найти жилье для А. М. сразу не могли].

Ночевка на улице: [Андрей] бодро «ну, я могу одну ночь и по улицам походить»... (а в глазах смущение и на губах жалкая улыбка).

Человек, как зверь: ему нужно логово, пища и сон. И тогда он будет спокоен.

(Из афоризмов Н. Земской)

[О человеке, которого Н. А. видит в саду]. На голове шляпа, как у Андрея, довольно приличный костюм, сидит на скамейке, устало согнувшись, и спит под фонарем, среди шума движущейся толпы, в Красноярском саду. Кто он? <...>

Предс. горсовета: «Нам контрреволюционеров на службе не нужно».

«Ищите себе хотя бы временную работу».

[Записи отдельных реплик и объявлений]

«На сколь ночей берете койку?»

«У вас в Москве свой дом?»

«Столующие! Подавайте материал о работе сотрудников столовой и улутышении питания комиссии проверке штатов Ц. Р. К.» (Красноярск).

«Ужны выдаются с пол 8го» (Иркутск).

[В Иркутске] «Ванну в гостинице открыли, когда приехали японцы, какие-то делегаты или командировочные».

Гигиена [sic!]: «в уборную надо итти в правое крыло».

* * *

Последние записи сделаны в Москве, чернилами:

Декабрь—январь 1931—32 г. Ich bin krank. Ich bin müde. Ich bin unglücklich¹⁶. Это по-немецки.

А по-русски: удар за ударом, удар за ударом — по шее, по морде, по энтузиазму, по работе с увлечением, по всем чувствам. Ох, и бьет же меня сейчас жизнь!

Но вот — живу и работаю по-прежнему. Спасают курсанты и слушатели. Если бы не они, не их отношение, не необходимость, забыв свои «клизбитые» чувства, учить их и расти для них — нервы, вероятно, не выдержали бы. Но я жива, покуда есть мои девочки, «курсантики» и пока не умерло еще мое булгаковское чувство юмора. Почему-то четыре строки Тихонова вертятся часто, часто у меня теперь в голове:

Жизнь учила штыком и винтовкой.
Крепким ветром по плечам моим
Узловатой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди простым.

Почему бы это — именно эти строки? Да! Просто все в жизни».

* * *

Местные жители боялись сдавать жилье ссыльным. Однако через какое-то время отцу удалось найти в Красноярске временное жилье и с 20.09.31 г. работу в редиздате Сибирского лесотехнического института и Сибирского научно-исследовательского института. Но в Сибири отец, уроженец Кавказа, страдал от холода и постоянно болел. По его просьбе ему сменили место ссылки на Казахстан. Сначала он больше года жил в Алма-Ате, а затем в марте 1934 г. — уже вопреки его желанию — был переселен в маленький городок Кзыл-Орда, на берегу реки Аму-Дарья.

* * *

Арест и высылка мужа не могли не сказаться на судьбе Н. А.

В Москве была объявлена паспортизация. Всем жителям квартиры Н. А. было предписано явиться за получением паспорта. Прилагаю этот документ (четвертушка пожелтевшей бумаги в клеточку).

Штамп: Заведующ. Домом по ул. Герцена № 46.
30/III-33 г.

гр-ам Земской Н. А., Земской К. М.¹⁷, Давыдову Н. Н., Давыдовой В. А. и Крючковой А. И.

¹⁶ Я больна. Я устала. Я несчастна.

¹⁷ Имеется в виду младшая сестра А. М. — Екатерина Михайловна Земская.

Явиться на паспортный пункт № 77 [угол М. Бронной и Тверского бульвара] 1го Апреля 1933 г. в 3 часа дня за получением паспорта
Заведующ. домом по ул. Герцена № 46
(подпись неразборчива)

Из этого списка видно, что у Н. А. в то время жили сестра Вера с мужем, младшая сестра А. М. Земского Екатерина Михайловна Земская и жена его соавтора А. И. Крючкова.

Мне было тогда немногим больше шести лет. Помню очень яркий солнечный день ранней весны. Мы (мама, тетя Вера, папина сестра Катюшка и я) стоим на улице в длинной-длинной очереди. Я спрашиваю: За чем? И ответ: За паспортом. Когда вернулись домой, я почувствовала, что случилось что-то плохое, но толком ничего не поняла. А произошло вот что: маме было отказано в выдаче паспорта и вручена следующая бумага.

Форма № 7

Извещение

Гр. Земская Надежда Афанасьевна прожив. ул. Герцена, 46

Проживание на территории гор. Москвы и в 100 клм. вокруг него — вам не разрешено.

Объявляя об этом, Управление РК милиции предлагает Вам в десятидневный срок выехать за пределы указанной территории.

Невыезд в срок повлечет за собой выселение в административном порядке.

Настоящее предписание может быть обжаловано в 5-ти дневный срок в Комиссию Районного Совета по адресу: 9^{ое} Отд. Милиции.

Начальник отделения РК милиции

(подпись)

«1» Апреля 1933 года.

Мама уже на следующий день подала заявление в Комиссию районного совета (9 отделение милиции). Привожу этот документ с небольшими сокращениями:

Прошу об отмене решения о невыдаче мне паспорта начальником 77^{го} паспортного пункта т. Лисовенко. Мне было отказано в паспорте на том основании, что мой муж выслан, а моя стандартная справка с места службы в части моего служебного стажа заполнена неясно. Я считаю, что решение это неправильно по следующим соображениям.

Дело мужа находится на пересмотре в Верховной Прокуратуре. Сам он живет свободно, все время работает и имеет хорошие отзывы об этой работе (был в Красноярске, в данный момент служит в Огизе в Алма-Ата).

Я же никогда не находилась на иждивении мужа, а работаю непрерывно с 1917 г. и имею самостоятельный стаж и заработок. Я жила в Москве с 1912 г. по 1917 г.: время моего учения на Московских Высших женских курсах (теперь 2^{ой} университет). Затем работала некоторое время в провинции (гг. Детское Село, Самара и Киев), а затем снова приехала в Москву, где живу безвыездно и работаю с 1922 г.

Мой служебный стаж таков:

1) Участь в Москве, работала в Издательском Обществе Московских высших женских курсов.

2) После Октябрьского переворота начала работать в г. Детское Село в должности заведующей внешкольным образованием УОНО.

3) Затем с 1918 г. по 1921 г. работала в г. Самаре в должности заведующей внешкольным подотделом УОНО, преподавателем школ взрослых и народного университета.

4) В Киеве, куда я уезжала в 1921 г. к больной матери, <...> работала инструктором по библиотечному делу и преподавала в Высшей военно-педагогической школе.

5) В 1922 г. вернулась в Москву и с 1922 г. по 1927 г. работала заведующей Девятилетней школой Кр. Пресненского района № 48.

6) В 1928 г. поступила преподавателем в Московскую Краснознаменную пехотную школу, где проработала до 1 сент. 1932 г.

Одновременно работала с 1930 г. на курсах подготовки в Военные Академии РККА при секторе кадров Центрального Дома Красной Армии. Там работаю и сейчас. <...>

Таким образом, с первых дней Октябрьского переворота по настоящий день я работаю на ответственной педагогической работе, последнее время исключительно в Кр. Армии, и имею на всем протяжении моей службы хорошие отзывы об этой работе, которые и могу представить.

На основании этого прошу об оставлении меня в Москве. У меня двое детей — 10ти и 6ти лет, находящихся целиком на моем иждивении. У меня нет никаких средств к существованию, кроме работы. Обе мои дочери этой зимой тяжело переболели. Младшая дочь вообще слабый ребенок.

Выехать мне совершенно некуда, т. к. у меня нет никаких связей с провинцией. Жить у мужа негде. Он не имеет жилплощади.

Сама я чувствую крайнее нервное переутомление и не имею просто сил выбраться с детьми в указанный мне срок.

Паспортная система направлена своим острием против антисоветских и антиобщественных элементов. Я и мои дети не являемся ни тем, ни другим. Поэтому я и прошу о выдаче мне московского паспорта.

Преподавательница Н. Земская

2/IV.33.

При этом прилагаю 11 документов с мест моей прежней и теперешней работы.

Н. Земская

14 апреля мама подает еще одно прошение:

В 9ое отделение милиции
Н. А. Земская, ул. Герцена
д. 46, кв. 1, комн. 35.

В добавление к поданному мною заявлению сообщаю, что дело моего мужа Андрея Михайловича Земского находится на пересмотре в Прокуратуре Верховного суда у прокурора по военным делам т. Фадеева (Спиридоновка, д. 30, комн. 7, тел. 3-75-54), который разрешил обратиться к нему за справкой по моему делу.

* * *

Маме удалось добиться отмены решения о высылке из Москвы, но в школе ее жить не оставили. Сначала шли разговоры о том, что выселят из школы во флигель во дворе того же дома. Но выселили на самую окраину Москвы в двухэтажный дом барачного типа без водопровода и канализации. Называлось это место Ростокинский городок Моссовета. Хорошо помню: мы втроем (мама, сестра Оля и я) едем на электричке с Ярославского вокзала на станцию Яуза — смотреть новое жилье. Тогда это была не Москва, а пригород. Дом еще не был заселен, и можно было выбирать комнаты. Мама по непрактичности и романтичности характера выбрала комнаты крайние, угловые, так как во второй комнате было окно, выходящее не на другие дома, а на чистое поле, за которым виднелась окружная железная дорога. Это радовало глаз, но квартира оказалась невероятно холодной, и зимой мы всегда мерзли, а мама досадовала, что поступила непрактично. Тоненькие стены барака продували все ветра, а печка была одна (топили ее из первой комнаты, а задняя стенка печки выходила во вторую). Нам выделили две смежные комнаты (31 кв. м). Рядом были соседи, у них тоже было две комнаты, но поменьше. Кухня — общая. Так началась новая жизнь семьи Земских. За водой ходили к колонке. Был сарай, покупали дрова, пилили их и кололи.

Маму не только выселили из центра Москвы, но и уволили с прежней работы в ЦДКА. Из Пехотной школы ее уволили летом 1933 г. (расчетный лист от 1 июля 1933 г.), но еще некоторое время она продолжала работать в ЦДКА в Бюро заочной подготовки и на вечерних курсах. Однако была уволена и оттуда. Когда именно, я не знаю. Следующее место ее работы — преподаватель русского языка и литературы в старших классах школы № 269 в Ростокине, недалеко от нашего дома. Там она и проработала до начала войны 1941 г. Ме-

ня отдали в I класс в Ростокинскую школу, а сестра не захотела менять школу и ездила в свою прежнюю.

* * *

Летом 1933 г. Н. А. поехала навестить мужа в Кызыл-Орду, взяв нас с собой. Мне было тогда шесть лет, в школу я еще не ходила. Помню верблюдов на улице, маленький домик, в котором отец снимал комнату. Окна всегда были занавешены чем-то темным, в комнате стоял полумрак. Так мы спасались от казахстанской жары. А на полу лежали яблоки, их было много. Мы пробыли у отца, вероятно, месяц, а к началу учебного года вернулись в Москву.

* * *

В декабре того же 1933 г. в дневнике Е. С. Булгаковой читаем запись:

11 декабря

Приходила сестра М. А. — Надежда. Оказывается, она в приятельских отношениях с тем самым критиком Нусиновым, который в свое время усердно травил «Турбиных», вообще занимался разбором произведений М. А. и, в частности, написал статью (очень враждебную) о Булгакове для Литературной энциклопедии. Так вот, теперь энциклопедия переиздается, Нусинов хочет пересмотреть свою статью и просит для ознакомления «Мольера» и «Бег».

Ситуация кажется до неправдоподобия странной. Почему Н. А., муж которой зачислен в контрреволюционеры и выслан в Казахстан, просит у брата пьесы для советского критика, который его травил? Запись Елены Сергеевны оставляет за кадром глубокий драматизм ситуации.

Дело было вот в чем. Дважды Надежда Афанасьевна (один раз — с детьми) навещала мужа в ссылке; в Москве же делала все возможное и невозможное, чтобы вызволить его из беды, — хотя для нее самой это было далеко не безопасно. Единственным человеком, согласившимся ей помочь, оказался именно И. М. Нусинов: он был вхож к Вышинскому и обещал передать ему прошение о пересмотре дела. Почему гонитель Булгакова согласился помочь его сестре, мы не знаем. Как бы то ни было, отказать ему в просьбе достать пьесы брата Надежда Афанасьевна, видимо, просто не могла.

* * *

Н. А. продолжала неустанно хлопотать о муже. Пишет заявления о пересмотре дела и Андрей Михайлович. Между тем над Земским в Кызыл-Орде нависла новая угроза. Первоначально он работал корректором в местной газете «Правда южного Казахстана в Кызыл-Орде», но кому-то не угодил. Его сняли с работы. Сохранился номер этой газеты от 4 июня 1934 г. — замечательный документ эпохи, в котором возмущенные трудящиеся изливают свой гнев на

отстраненного от работы — отсюда, надо полагать, и уникальная орфография заметки! — ссыльного корректора Земского.

Текст этой заметки помещен ниже (см. илл.).

Характерно, что отец не смирился с оценкой своей работы корректора и подал следующее заявление:

Прошу уволить меня от должности корректора. Я оскорблен тем, что на открытом собрании партячейки не было опротестовано ни на чем не обоснованное заявление о неправильности моего зачисления в корректоры. Поэтому я настаиваю на одновременном производстве расследования по этому делу.

В любой момент могу предоставить доказательства того, что я являюсь первоклассным корректором, что я как до ссылки, так и после всегда добросовестно нес свои служебные и общественные обязанности (сослан я не в связи со своей работой) и что даже после ссылки рабочая среда, среди которой протекала вся моя работа, обычно не только не гнушалась мной, но и оказывала мне доверие, выбирая меня на общественные должности.

Чтобы не создать прорыва в работе, обязуюсь до подыскания мне заместителя работать до обеденного перерыва (этого времени достаточно, чтобы выполнить всю работу), а остальное время оставляю для подыскания работы.

В последние месяцы своего пребывания в Кзыл-Орде отцу удалось найти место товароведа на Книжной базе.

* * *

Приведу одно из последних прошений о пересмотре дела, написанное А. М. Земским.

Прокурору по надзору
за организациями ГПУ

Адм.-ссыльного Андрея Михайловича Земского

Не получив ответа на два перед этим поданных заявления, я принужден вновь просить о пересмотре моего дела. Я осужден постановлением Московского ППО ГПУ от 10 мая 1931 года на 5 лет концентрационных лагерей с заменой ссылкой в Восточную Сибирь по пунктам 10, 12 и 13 статьи 58 Уг. К. Судя по отношению ко мне Восточно-Сибирского и Казакстанского П. П. ОГПУ ведущим в осуждении является обвинение по п. 13 — обвинение в пребывании в армии Колчака. Непосредственно вслед за осуждением я подал заявление с приложением документов, которые удостоверяют, что с июля 1918 г. по осень 1920 г. я непрерывно работал в Самарском уездном отделе народного образования и в войсках Колчака не служил [следует перечень документов].

Если почему-либо прокуратура не придает веры представленным мной документам, то ведь есть возможность навести справки в учреждениях, их выдавших, и таким образом установить истину.

Обвинение по пунктам 10 и 12 основано на преувеличенном внимании к одному случаю, который к тому же сам по себе нисколько не криминален, и забвению всех обстоятельств моей жизни и работы. В итоге оказалось, что я, десять лет подряд перед осуждением работавший в рабфаковских аудиториях в качестве педагога, обвинен в связи с контрреволюционной организацией бывших офицеров только потому, что принял к себе для временного проживания мужа сестры моей жены Л. С. Карума, который был преподавателем в ВУЗах сначала в Киеве, потом в Москве по военным предметам.

Свои обязанности гражданина я честно нес 17 лет и несу сейчас (см. приложенные справки). Поэтому вправе рассчитывать на добросовестное (не формальное) рассмотрение моего дела. Три с лишним года, которые я нахожусь в ссылке, терпеливо добываясь реабилитации, являются достаточным сроком для проверки истинности моих утверждений. При этом я прошу ускорить рассмотрение моего дела, т. к. нахожусь сейчас в особенно тяжелом положении: после неоднократных перебросок (Красноярск, Алма-Ата, Кызыл-Орда) я потерял силы и здоровье на устройство в новых местах, сейчас же меня выдворили на жительство в районный город Кызыл-Орда, причем редакционно-издательской работы в нем нет, педагогическая работа мне почему-то запрещена местным ПП ОГПУ, а всякая другая работа требует переквалификации и знания казакского языка: поэтому я сейчас не только не в состоянии поддерживать жену и двух детей, но и содержать себя.

Приложения [перечислены 5 справок из Новосибирска и Казакстана].

А. Земский

20/V.34¹⁸.

Как я уже отмечала, прошения о пересмотре дела писала и Н. А. Приведу цитаты из черновика одного такого прошения, поданного Н. А. совместно с заявлением мужа, приведенным выше, и дополняющего наши сведения о деле А. М. Земского:

При высылке мужу не было сообщено, в чем он обвиняется. <...> В июле 1931 г. военный прокурор Московской области дал мне устную справку, что муж обвиняется по пунктам 10-му, 12-му, 13-му 58^{ой} статьи. <...> [В сентябре 1932 г.] Пом. Прокурора г. Фадеев сообщил мне, что в деле мужа имеется обвинение его в службе у Колчака. Это обвинение, неизвестно для меня на чем основанное, не имеет под собой никакой почвы: в 1919 г., когда Колчак наступал на Уфу и Самару, мы оба были в Самаре, и оба работали в Самарских Губернском и Уездном Отделах Народного образования, оба были членами коллегий ОНО»¹⁹.

¹⁸ Дата написана почерком Н. А. Земской и чернилами другого цвета. По всей вероятности, А. М. прислал жене письмо обыкновенной почтой, а она поставила дату и переслала, кому следует.

¹⁹ Колчак наступал на территорию Самарской губернии весной 1919 г.

* * *

Из всех сохранившихся в семейном архиве документов эти два заявления дают наиболее полный ответ на вопрос о том, в чем именно обвиняли А. М. Земского, и почему он был арестован.

Характер моего отца ясно виден из «Проекта заявления», который он прислал жене 18.10.33 г. (дата на конверте). Приведу такие строки: «Я не знал ни о какой контрреволюционной организации, в частности военной. С 1918 г. я вращаюсь не среди военных, а среди просвещенцев, вращаюсь в среде рабочих и коммунистов — учеников и преподавателей. Какому, с позволения сказать, дураку может придти в голову мысль посвящать меня в тайны контрреволюционной организации?»

Еще один документ, проливающий свет на причины и обстоятельства ареста моего отца, стал мне известен лишь в 90-е годы. Это мемуары Л. С. Карума, которые он озаглавил «Моя жизнь, или Роман без вранья». Мемуары не опубликованы, но мне разрешили с ними ознакомиться. Приведу отрывок, в котором Карум рассказывает о том времени, когда он был арестован и находился в Москве:

«Вдруг как-то ночью меня опять вызвали. Опять ведут по той же дороге, приводят в 3122 кабинет Пассова. Встречает, усаживает.

— Скажите, говорит Пассов, вы не знаете ли Андрея Михайловича Земского.

— Как не знать? Он муж сестры моей жены.

— Почему он уезжал из Москвы?

— Он был на курорте.

— Нет, не теперь, а в 1917 году. Куда он уезжал?

— В 1917 г. он был на военной службе. Его артиллерийский дивизион, в котором он служил, отправили в Самару.

— Чтобы он принял участие в восстании так называемого Учредительного Собрания?

— Учредительного Собрания тогда не было. Оно созвано позже.

— Возьмите лист бумаги и напишите все, что Вам известно об А. М. Земском.

Я написал, что он филолог по образованию, и как только можно было освободиться от военной службы, он демобилизовался и с тех пор работает в Москве. Пишет учебник русского языка.

Из разговора с Пассовым я понял, что Земский тоже арестован. Это меня огорчило, так как теперь внимание сестер будет раздваиваться, и на помощь москвичей Вареньке рассчитывать нечего» (Тетрадь XXIII, 3121).

* * *

Как же было на самом деле? Служил ли мой отец в войсках Колчака?

Сестра Варя из Москвы посылает Наде письмо в Ц. Село 15 января 1918 г. (см. выше «Переписка четырех сестер»), из которого явствует, что в январе

1918 г. и муж, и жена Земские были в Ц. Селе и Андрей «оставался в батаре». О дальнейшей жизни Земских имеются два скудных письменных свидетельства от мая и июня 1918 г., которые показывают, что в это время и Надя, и Андрей были уже на Волге.

1) Записка из клиники в Саратове (май 1918 г.) от Андрея после операции гайморита к Надежде. На клочке бумаги карандашом: «Формалисты — не пускают к тебе. Нельзя курить и есть; страшно отоштал. Сегодня вынут тампон. Завтра могут выпустить. Хорошо если бы ты была — вымыла бы мне рот и накормила <...> АЗ».

2) Письмо от Надежды Андрею из Саратова с указанием даты: 25 июня 1918 г. Конверт не сохранился, адрес Андрея не известен; вероятно, он находился в своей военной части недалеко от Саратова.

Прибыла сегодня благополучно в Саратов. Ехать было хорошо, только ночью, до Аткарска, тесно. Была у Прозорова. Дело еще не решено: речь идет о переходе культ.-просв. Отдела в ведение губерн. Совета Кооп. Съездов и поэтому пока приостановлены назначения и организационные распоряжения. И вообще, как решится вопрос, неизвестно. Прозоров говорит: «Я склонен поддерживать Ваше назначение, но зависит оно не от меня».

Приглашал придти в начале недели.

В Нар.(одном) Дворце еще не была. Нину [по-видимому, знакомая по Московским курсам] не застала. Думаю, что если завтра буду хорошо во Дворце принята, продолжать там работу. Как быть тебе с комнатой — не знаю. Мое мнение — оставь ее еще на неделю, а там увидим. <...>

Если будет оказия или ты поедешь, то захвати мне яиц, 1 ф. [фунт] мало-российского сала (это вместо масла, а то оно тает) и хлеба (или того, из чего получается хлеб); не забудь белье.

Напиши мне письмецо <...>

Целую. Береги себя. Н.

<...>

* * *

Почему Надежда и Андрей оказались в Саратове, объясняют дорожные записки Н. А., сделанные ею в 1920 г. (см. выше «Неудачная поездка в Киев: 1920»). Она вспоминает: «В 18-м году я до слез томилась одна в чужом и нелюбимом Саратове, горячо тоскуя и по дому, и по Андрею». А в примечании № 19 дает такое пояснение: «В это время весной 18-го года мы были на Волге; решили обосноваться в Саратове; я уехала туда пока одна и поступила на работу (библиотекарем); а Андрюша еще не полностью ликвидировал свою военную службу (он был уже демобилизован по здоровью, но еще не ушел из своего Тяж. арт. дивизиона, который тогда стоял на Волге в одном из маленьких городков Саратовской губернии)».

* * *

Некоторые сведения, поясняющие причины отъезда Земских из Ц. Села на Волгу, содержатся в письме А. М. Земского Горькому, написанном в первом месте ссылки Красноярске; привожу и прилагаемые к нему документы:

Дорогой Алексей Максимович!

Не легко я решился Вам писать, боясь Вас затруднить. Даже не знаю, сумеете ли Вы мне помочь. Но так бывает, что известное намерение становится настолько напряженным, что не выполнить его невозможно. <...> Меня обвинили в преступлениях, в которых я неповинен: 1) в службе у белых на том основании, что я проживал в Самарской губернии во время мятежа чехов (я же в это время учительствовал в с. Кандабулак, о чем у меня есть удостоверение <...>); 2) в недонесении о контрреволюционных замыслах других лиц на том основании, что осенью 1930 г. у меня на квартире проживал муж сестры моей жены, арестованный несколько раньше меня <...>; 3) в контрреволюционной агитации не знаю даже на каком основании (на следствии даже разговора об этом не возникало) <...>

Выходец из многочисленной семьи преподавателя-священника, я окончил гимназию, а затем в 1916 г. Московский университет. До 1918 г. я был в армии, а затем, будучи демобилизован по болезни, непрерывно работал в качестве инструктора политпросвета, преподавателя русского языка и литературы <...>, автора учебников.<...>.

Уваж. Вас А. Земский

Красноярск. Ул. Ленина, д. 101, кв. 4.

Данных о том, было ли это письмо отослано Горькому, нет. Сохранилась только копия, без даты (вероятно, 1931 г.).

* * *

Более подробно и, точнее сказать, менее формально А. М. рассказывает о себе и своем деле в документе, прилагаемом к письму А. М. Горькому: копия «Ходатайства о пересмотре дела», написанная тоже в Красноярске (десять с половиной тетрадных страниц мелкого убористого почерка). Скорей всего это первое прошение, и отец еще не научился казенно-бюрократически писать подобные бумаги.

Привожу отрывки из этого ходатайства.

1. Я окончил Московский Гос. Университет и готовил себя к работе проповедника. Только вследствие распоряжения царского правительства летом 1916 г. о том, чтобы военнообязанных с высшим и средним образованием никоим образом не посылать на фронт рядовыми, а посылать в школы прапорщиков, мне поневоле пришлось пройти ускоренный курс Киевского арт. учи-

лица. Я — военспец поневоле (и уж, конечно, не кадровый офицер) и просвещенец по призванию — этим определяется вся моя дальнейшая жизнь.

II. Я был произведен в прапорщики в июле в 1917 г., в период перерастания буржуазной революции в социалистическую. Гарнизон Детского села, в том числе и I зап. тяж.-арт. бригады, в которую я был зачислен, был настроен большевистски. Офицерство потеряло свое командное положение в частях и расслоилось так же, как расслоилась в то время и вся интеллигенция. Я в бригаде не был командиром, а занимался культпросветработой (ликвидировал безграмотность, организовал школу, библиотеку и т. п.), за что пользовался симпатиями всей части. Так было до декабря 1917 г. (т. е. и после Октябрьской революции), когда я был демобилизован по болезни. Т. о. это время, время своего формального офицерства, я в сущности был не офицером, а культпросветработником <...>.

III. Что я не принадлежал к той части офицерства, которая боролась с Советской властью, а стремилась к просветработе в рабоче-крестьянской среде, свидетельствует и следующий этап моей жизни. После демобилизации из старой армии по болезни (18/XII—1917) я жил в Детском селе до конца февраля 1918 г. на средства жены, заведующей внешкольным подотделом УОНО. Побудила нас уехать из Детского села моя болезнь. Для жизни была выбрана Самара, так как нельзя было ехать ни к моим родным в Тифлис (белобандиты в Ростове), ни к родным жены в Киев (на Украине хозяйничали немцы). Поэтому мы остановились на одном из городов внутренней России. Жена получила работу по внешкольному образованию в с. Кандабулаке (90—100 верст проселком от Самары), и мы поехали туда. Весной (в мае или июне) разразился чешский мятеж, в августе была объявлена мобилизация командного состава в войска Учредительного собрания, и к годовщине Октябрьской революции чехи и белые уже бежали из Самары. Я же начал работать преподавателем Кандабулакского высшего начального училища с 22 июля (до мобилизации) и продолжал работать и после мобилизации, и после бегства чехов. Из этого явствует, что в белой армии я не служил. Я не отрицал и не отрицаю, что явился на призыв командного состава в белую армию, но явился не потому, что желал нести службу у белых, а потому, что был уверен в своем освобождении по болезни. Я и был освобожден; это явствует из того, что я продолжал служить преподавателем в с. Кандабулаке до ухода чехов и после прихода Красной армии (см. прил. № 2). Т. о. мою явку на призыв командного состава следует рассматривать как легальный путь уклонения от службы у белых. После отхода белых войск из Самары я остался на месте, в то время как с ними бежали многие интеллигенты, и вскоре же по приходе Красной армии был приглашен в Уездный отдел народного образования [УОНО] на должность инструктора политпросвета, требовавшую безусловно советской репутации. Из удостоверения Кандабулакского ревкома и из факта приглашения меня на работу в УОНО следует сделать вывод, что моя жизнь и мое по-

ведение в с. Кандабулаке были таковы, что вызвали к себе доверие представителей Советской власти — коммунистов. В декабре 1918 г. я призывался уже в Красную армию и опять был освобожден по болезни. А с января 1919 г. я окончательно переехал в Самару на работу в УОНО, где и работал в течение 1919—1920 гг. <...>

А. Земский

г. Красноярск. Ул. Красной армии, д. 35.

При этом заявлении прилагаю 17 (семнадцать) документов, подтверждающих правильность моих слов²⁰.

* * *

Приведенные документы показывают, что во время восстания чехов Андрей и Надежда Земские были в Поволжье. В мае Андрей лежал в клинике в Саратове; в письме от 25 июня из Саратова Надя рассказывает Андрею о своих поисках работы в этом городе.

Андрей тогда был где-то недалеко от Саратова. Видимо, они оба хотели устроиться там на работу как филологи, но найти работу в городе не удалось.

²⁰ Написанные А. М. Земским официальные документы представляют собой интересное лингвистическое свидетельство эпохи начала 30-х годов XX в.: не вполне органическое соединение старого и нового. Автор — хорошо образованный филолог. Он усвоил советскую лексику и фразеологию и использует ее. Это, прежде всего лексические советизмы: *просвещенец* (а не работник просвещения, учитель) и *военспец*. Эти слова в Сл. Уш. снабжены пометой *нов.* Много новых сложносокращенных слов и аббревиатур: *культпросветработник*, *политпросветработа*, *внешкольный подотдел УОНО* (Уездный отдел народного образования), *ОНО* (Отдел народного образования). Широко представлены политические формулы советской власти: *перерастание буржуазной революции в социалистическую*, *рабоче-крестьянская среда*, *ликвидировать безграмотность*. А. М. Земский употребляет слова *Октябрьская революция*, тогда как во всех имеющихся в семейном архиве официальных и неофициальных бумагах и он, и Надежда Аф. называли это событие только словом *переворот*.

Вместе с тем Андрей Михайлович не отказывается от старого словоупотребления. Свое заявление он называет книжным словом *Ходатайство*. О себе пишет: *выходец* из семьи... Сл. Уш. характеризует это слово как книжн., устар. Говоря о своей работе, использует глагол *учительствовать* (Сл. Уш. — книжн.). Наиболее противоречит общепринятому словоупотреблению сочетание *советская репутация*, оно прямо вопиет против правил языка. Слово *репутация* обычно толкуется так: «слава человека, добрая или дурная»; «общее мнение о ком-либо» (Сл. Даля); «Создавшееся общее мнение о достоинствах или недостатках кого-либо» (МАС). Я специально привожу мнение двух словарей, относящихся к далеким временным периодам (их разделяет более ста лет). Тем не менее, общий смысл («костяк») значения слова *репутация* не изменился. Слово *репутация* принято относить только к человеку, но не к общим понятиям социально-общественного характера (типа *церковный*, *советский*, *капиталистическая* и т. д.). Можно сказать *у него репутация промышленника; церковника, советского человека, контрреволюционера*, но не *церковная, *советская, *контрреволюционная, *промышленная и т. п. *репутация*.

Почему Земские искали работу именно в Саратове? Это ближайший город к тому месту, где заканчивал свою военную службу Андрей. Кроме того, там жила некая Нина, сокурсница Надежды, которая часто упоминается в переписке студенческих лет, и на помощь которой Земские надеялись. О Нине говорится и в письме Н. А., приведенном выше, но, видимо, ее не удалось разыскать. По всей вероятности, не удалось найти и работу в городе. Во всяком случае, уже с 22 июля 1918 г. Андрей работает учителем в селе Кандабулаке Самарской губернии.

Я думаю, что сохранившиеся бумаги убедительно удостоверяют, что, находясь в Самаре и Самарской губернии, Андрей Земский у Колчака не служил. Очевидно, что А. М. Земский был человек сугубо штатский и всеми силами стремился освободиться от службы в армии — как в белой, так и в красной. Здоровья он был плохого (малокровие, малярия, болезнь сердца) и его несколько раз признавали негодным к военной службе. Правда, 8 октября 1920 г. его признали годным к службе в Красной армии, и он сразу же по ходатайству старшего брата Бориса уехал в Москву, а потом в Киев, где нес службу в авиашколе.

В 1922 г. он был демобилизован в возрасте 30 лет, и с того времени до ареста работал как филолог в Москве: преподавал и писал учебники²¹.

* * *

Борьба за освобождение отца все-таки принесла успех. В декабре 1934 г. в результате вмешательства Нусинова — так считала сама Надежда Афанасьевна — Андрею Михайловичу было разрешено досрочно вернуться в Москву. Больше того, Надежда Афанасьевна была убеждена, что Нусинов спас ее мужу жизнь, — ведь тот освободился как раз накануне резкого ужесточения террора.

Зимнее утро. Большой полупустой вокзал. Истошные крики мальчишек-газетчиков: «Сегодня похороны Сергея Мироновича Кирова!» А мы встречаем папу.

* * *

Сам А. М. Земский так писал в хранящейся среди его документов «Автобиографии» от 25 сентября 1945 г.: «В 1934 г. в результате пересмотра дела по распоряжению т. Вышинского я был возвращен в Москву и работал преподавателем педучилища, лектором на курсах Мосгороно по подготовке преподавателей средней школы и в ЦИПКНО, исп. обязанности доцента в Мос. Гос. Пед. Дефектологическом Институте (1939—1941). С 1943 г. работаю в

²¹ Учебник для педагогических училищ А. М. Земского, С. Е. Крючкова и М. В. Светлаева «Русский язык в 2-х частях. Под ред. академика В. В. Виноградова» до сих пор используется в преподавании. Его переиздавали многократно. В этом году я с удивлением узнала, что сейчас вышло в свет 13-е издание (изд. Дрофа, 2003 г.) Таким образом, эта книга дожила до XXI века.

МГПИ им. Ленина в качестве старшего преподавателя по кафедре русского языка (на правах доцента)».

* * *

Мама, живя в Москве, очень часто вспоминала свое детство и юность, Киев и Бучу. Она любила рассказывать о жизни в Буче. Называлось это так: «как мы жили, когда были маленькие». Некоторые обычаи киевской и бучанской жизни были перенесены ею в Москву. Играли в бланш. В Ростокине около дома сделали крокетную площадку. К нам туда часто приезжали мамы сестры (Вера и Леля) с семьями. Большой компанией ходили гулять в лес за железную дорогу, по вечерам играли в крокет. Все это было до войны.

В 1941 г. отец добровольно записался в народное ополчение, попал на фронт, но вскоре был демобилизован по состоянию здоровья.

* * *

В конце 1941 г. перед отъездом в эвакуацию мама дала мне три переплетенные тома — машинописный текст «Мастера и Маргариты».

Я, не вставая с дивана, залпом прочла роман. Позже поняла: мама решила меня познакомить с этим романом, так как мы уезжали в неизвестность, а булгаковский архив оставался в нашей ростокинской квартире. Брат давал сестре на прочтение и хранение все свои произведения. У нас стоял целый «булгаковский» шкаф. Везти его с собой в теплушке в эвакуацию было невозможно. К счастью, это сокровище уцелело.

* * *

Мы уехали в эвакуацию в Куйбышев (бывшая Самара) втроем: отец, мать и я. Моя сестра Ольга в 1941 г. кончила школу и поступила в институт МАИ, с которым уехала в эвакуацию. Вернулась в Москву раньше всей семьи. Мама вернулась из эвакуации раньше нас. Ее вызвали как опытного преподавателя: Москва нуждалась в учителях средней школы. Отца ценили и любили ученики и коллеги, но вызвать в Москву бывшего ссыльного было трудно.

Приведу письмо В. В. Виноградова, который в начале войны был выслан в Тобольск, А. М. Земскому в Куйбышев. Это первое письмо из их переписки²². Даты нет. Возможно, первая половина 1942 г.

Куйбышев (областной) / Карбюраторный завод / Северные бараки / Барак 196, кв. 5

Андрею Михайловичу Земскому

От В. В. Виноградова. Тобольск, Омск. Обл.

Пролетарская площ., д. 11.

²² См. Виноградов, 1985.

Милый и дорогой Андрей Михайлович!

Как грустно, что Ваши злключения еще не окончились. Судьба и жизнь несправедливы. Казалось бы, Вы уже выстрадали себе некоторый (относительный, конечно) покой и некоторую возможность заниматься любимым и нужным делом. А тут — отъезд из Москвы, болезнь. Мих. Вас. [Светлаев] пишет мне, что и бытовые условия Вашей жизни малопривлекательны. И какая Ваша новая специальность? [А. М. Земский по приезде не мог найти никакой работы по специальности и временно — чтобы иметь продовольственную карточку — вынужден был работать в канцелярии завода АТЭ—I]. Нет, я не променяю лингвистики ни на что. Только опасаясь, что скоро еще хуже жить придется. Но так как хуже петли ничего нет, а этот выход всегда останется, то пока я преподаю в Омско-Тобольском Пединституте (который явно рассыпается — вследствие утечки, бегства студентов) и пишу книгу по истории слов. Если останусь жить и не случится чего-н. экстренного, то к осени ее кончу и завещаю потомству, так как сам, наверное, выхода ее в свет не увижу. Хочется поговорить с кем-нибудь о русском языке и проч. Но не с кем. <...> Конечно, мысли рвутся и в прошлое, и в будущее (вопреки К. Аксакову, который уверял, что для русских существует лишь настоящее время). Не забывайте и Вы своей работы над вопросом об «обособлении»²³. Кто знает: а вдруг выживем? Наверное, для тех, кто выживет, жизнь будет чище и светлее, чем была. Очень хочется завязать с Вами письменные связи и не разрывать их. Вы знаете, что я Вас люблю.

Меня с весны преследуют неудачи: болезнь Над.[ежды] Матв.[еевны] [жены В. В. Виноградова], повторившаяся здесь в Тобольске и проч. Я уже жалел о том, что эта болезнь не дала мне сил остаться в ополчении. Быть может, все приняло бы иное течение. Удача у меня одна — выход в свет «Стиля Пушкина» (у Вас, к сожалению — черновая, неправленая верстка). Говорят, что и сб.[орник] «Пушкин» Инст. Мир.[овой] лит. с моей статьей «Пушкин и русский литературный язык XIX в.» вышел. Видели ли Вы «Ученые записки МГПДИ» [Мос. Гор. Пед. Дефектологического института]? Я не виноват в том, что в начале Вашей статьи 2 раза напечатано кратк. — вместо кратн.

Привет Над. Аф. и детям. Пишите, дорогой.

Ваш Викт. Виноградов²⁴.

* * *

Мы были дружны с отцом. Под его влиянием я поступила на русское отделение филфака МГУ. Я собиралась идти на романо-германское или славян-

²³ А. М. Земский готовил большое исследование об обособлении, собираясь его защитить как диссертацию, но тяжелые условия жизни (арест, ссылка, война, эвакуация, болезнь) не дали ему возможность закончить эту работу.

²⁴ В. В. Виноградов, как и А. М. Земский, пошел в народное ополчение, но вскоре был демобилизован.

ское, но отец мне сказал: «Ни в одном языке ты не почувствуешь и не поймешь таких тонкостей, как в русском». Я послушалась его и не жалею.

На всю жизнь я запомнила один наш разговор с отцом. Это было уже после того, как я закончила школу. Я спросила: «Папа! Что ты любишь больше всего?» Он ответил: «Чувство оконченного дела».

Отец умер от тяжелой болезни (саркома) вскоре после окончания войны, в 1946 г. Ему было всего 54 года. Я тогда училась на втором курсе. А в 1953 г. на нашу семью обрушилось другое горе. Переходя железную дорогу, моя старшая сестра Ольга попала под поезд. Ей было 30 лет.

* * *

Выйдя на пенсию, Н. А. продолжала трудиться. Она ведет занятия с китайцами — аспирантами Академии Наук, пополняет и обрабатывает булгаковский архив, пишет критические замечания на издание «Рассказов юного врача» в «Огоньке», помогает актеру МХАТа Юрию Ларионову составлять и готовить программы его литературных чтений, сама выступает с воспоминаниями о Булгакове (см. выше раздел «Жизнь в Киеве»). Н. А. консультировала режиссера Л. В. Варпаховского, который в 1956 г. готовил к постановке в Киевском драматическом театре пьесу «Дни Турбиных». Она неоднократно ездила в Киев для совместной работы с режиссером, вела переписку с ним. К сожалению, спектакль не был разрешен. Надежда Афанасьевна сохранила в архиве фотографии четырех сцен этого несостоявшегося спектакля с указанием фамилий актеров (эти фото помещены ниже).

В последние годы жизни Н. А. неоднократно ездит в Киев — ее неудержимо тянет в места детства и юности. Она возобновляет переписку с братьями Колей и Ваней, живущими во Франции. Помещаю здесь одно из последних писем Коли, адресованное сестре Надежде.

Clamart. 10 окт. 1961.

Дорогой друг Наденька,

давно от тебя и Веры нет вестей, а нам так было бы приятно не потерять снова связь. Ты встретила с нашими хорошими друзьями Мих. Алексан. и Еленой Влад. Насколько мы поняли — размеры посланной тебе теплой кофты тебе не подошли. Так ли это? Если да, то я снова прошу тебя снять мерку для тебя, а мы подыщем для тебя, чтобы хорошо пришлось и тебе бы понравилось и по форме и по цвету. Получила ли Вера свой подарок, и как он пришелся и по вкусу и по размерам? Нам так бы хотелось, чтобы вы все были довольны. Пусть лучше и она дает свои главные размеры и указания цвета, формы и т. д. Или вам обоим нужно что-либо другое? Тогда обязательно сообщите нам, и мы постараемся найти и прислать, что вам подойдет во всех отношениях.

Твоя посылка фотографий меня очень растрогала: особенно же общая группа нас всех детей за самоваром с матерью, тетей Ириной и пок[ойным] Борей

[Богдановым]. Сколько воспоминаний она всколыхнула! Благодаря тебе, семейный альбом значительно обогатился ценными фотографиями.

Как ты себя чувствуешь? Нам передали друзья, что тебе теперь лучше; но так ли это? Если тебе нужны какие-нибудь медикаменты для лечения, сообщи также поточнее, какого рода и вида нужны тебе лекарства и против каких болезней и недомоганий. Будем тоже рады и в этом помочь.

Я еще раз посмотрю все фотографии и возвращу тебе все то, что у нас уже есть в дубликатах. Очень хотел бы иметь фотографии Веры, тебя и Лели периода перед первой мировой войной 1912—1915 гг. Размеры ваших лиц, если только возможно, 2 × 2 см с характерными для вас чертами лиц. Если я прошу о невозможном, тогда себя не затрудняй. Но если можешь что-либо подыскать, буду тебе очень благодарен и признателен.

Как поживает и выглядит твоя дочь, а наша племянница Люся [Леночка?]. Что она делает, не собирается ли замуж?

Ты, Надюша, очень понравилась нашим приятелям, и они находят тебя симпатичной. Простой и очень умной! Говорят также, что я якобы похож на тебя, чему я очень обрадовался, как комплименту!!

Очень прошу тебя от времени до времени братья за перо и писать о своей жизни и о семейных делах, чтобы мы были в курсе дела и как бы общались более или менее регулярно.

Здесь у нас держится хорошая и не по сезону теплая и солнечная погода: даже до сих пор в садике распускаются последние бутоны роз, георгины, астры и даже табак. Занимаюсь садом. Я всегда стремлюсь иметь вокруг дома те цветы, которые мы сажали в Буче. Вечерний запах петуний, табака, жимолости пробуждает с невероятной четкостью воспоминания детских и отроческих лет.

Ну вот, дошли и до сентиментальности!

Мы все тебя, Веру и близких ваших целуем и сердечно приветствуем.

Любящие вас Коля и Киса [жена Ксения].

P. S. Посылаю тебе новую кофту для тебя; она широкого и большого размера и шерсть (вязка) хорошо растягивается. Ты ее поноси и, при надобности не очень горячим утюгом расправь (растяни) те места, которые могут быть узкими, напр. рукава. Люся (Елена Сергеевна) передает тебе отпечаток (или 2) моего доклада и некоторые фотографии, которые у меня есть. Спасибо за все присланное. Приветы Вере, Ник. Ник. [мужу Веры], Шуручке [двоюродной сестре — А. М. Ткаченко] и др. Мы всех много, многократно и от души целуем.

* * *

История ареста и ссылки отца получила пародийно-бюрократическое завершение в 60-е годы. Весной 1963 г. (вероятно, в марте) в коммунальную квартиру, где я жила с мужем и дочкой, явился вооруженный солдат и принес

повестку: на следующий день я должна была явиться к 10 часам утра в Военную прокуратуру. Соседи были заинтригованы, а мы с мужем напуганы. Причину, однако, не поняли. Дочке, конечно, ничего не сказали.

Утром я явилась. Подробно рассказывать не стану, хотя все помню очень ясно. Мне сообщили, что отец не реабилитирован, дело его не закрыто, а они занимаются закрытием всех дел. Обвиняли отца в том, что он служил в войсках Колчака. Я сказала, что отец не был в войсках Колчака, а работал как филолог в Самарской губернии. Ответ был циничен: «Нам не важно, участвовал или не участвовал. Мы закрываем все колчаковские дела». Было сказано: мы выяснили, что жена Земского стара, и поэтому обратились к дочери. Вы должны подать прошение о реабилитации. Я помчалась к маме, мы написали заявление, и на следующее утро я его отвезла. Через несколько месяцев по почте пришла справка (см. илл.).

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР
12 сентября 1973 г.
№ 4н963/63
Москва, ул. Воровского, д. 15

Справка

Дело по обвинению ЗЕМСКОГО Андрея Михайловича, до ареста — 31 января 1931 года — преподавателя русского языка и литературы в рабфаке МИИТ гор. Москва, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 25 июля 1963 года.

Постановление от 10 мая 1931 года в отношении ЗЕМСКОГО А. М. отменено, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ЗЕМСКИЙ А. М. реабилитирован посмертно.

Зам. начальника секретариата Военной
коллегии Верховного Суда СССР
подполковник адмслужбы
(Варфоломеев)

* * *

Моя мама умерла 17 июня 1971 г. от тяжелой гипертонии.

Надежда и Андрей Земские похоронены на старой территории Новодевичьего кладбища, рядом с другими Земскими: братьями отца Борисом и Олегом, их женами, моей сестрой Ольгой, сестрой отца Екатериной.

Варвара

И. Л. Карум

О моей маме

Моя мама, Варвара Афанасьевна Булгакова, четвертый ребенок в семье Варвары Михайловны и Афанасия Ивановича Булгаковых, была младше своего брата Михаила на три года (родилась в Киеве в 1895 году).

Ее первым учебным заведением была Киевская немецкая гимназия, где от гимназисток требовались исключительно примерное поведение и «строгая внешность». Мама не вписывалась в эти требования. У нее были очень красивые пышные и вьющиеся волосы золотистого цвета, которые, как считали классные дамы, не соответствовали требованиям и канонам гимназии и отвлекали гимназисток во время уроков. Поэтому маму на уроках сажали за последнюю парту, а иногда даже пытались размочить ее волосы водой, чтобы они не вызывали недовольство посещавших иногда класс инспекторов гимназии. Добротное и основательное знание немецкого языка, полученное в этой гимназии, в дальнейшем очень пригодилось Варваре Афанасьевне.

У мамы с детства был очень общительный и веселый характер, она была умна, остроумна, дружелюбна, музыкальна, когда она бывала дома, в нем было всегда тепло и уютно.

После окончания гимназии мама поступила в Киевскую консерваторию на отделение фортепиано, в класс преподавателя Нейгауза, прекрасного пианиста, будущей знаменитости, прославленного педагога и ректора Московской консерватории. Но, к великому сожалению, Киевскую консерваторию мама по семейным обстоятельствам не закончила. В мае 1917 года она вышла замуж за Леонида Сергеевича Карума, моего будущего отца, преподавателя Киевского Великого Князя Константина Константиновича военного училища, в которое он был откомандирован с фронта в 1916 году. Познакомилась мама с папой на молодежной вечеринке у известного Киевского врача-окулиста Брянцева Корнилия Васильевича, который одновременно был младшим врачом в Киевском военном училище и с которым мама была ранее знакома.

После замужества дальнейшая судьба мамы и ее последующий жизненный путь были неразрывно связаны с ее мужем, которого она любила и которому себя целиком посвятила.

Уже 25 июня 1917 года, через месяц после свадьбы, отец получил официальное предписание отправиться в Петроград для продолжения учебы в Александровской военно-юридической академии, которую он в свое время не закончил — с началом войны в 1914 году учеба была прервана и все слушатели академии направлены в свои части на фронт. 28 июня 1917 года уехал в Петроград папа, а через месяц, 20 июля, прервав учебу в консерватории, к нему приехала мама.

Там мама встретила Октябрьскую революцию. Наступили беспощадные времена безденежья при необычайной дороговизне продуктов. В это время впервые проявились такие качества мамы, как умение приспособиться к любым ситуациям, энергичность, крепость духа — она не унывала ни при каких обстоятельствах.

Отныне и всегда ответственность за семейный бюджет была на моей маме, и она всегда ухитрялась сводить концы с концами, а ведь время было тяжелейшее. Она всегда была общительной, приветливой, открытой, и это неизменно вызывало у окружающих симпатию и доверие к ней.

Характерный эпизод: после Октябрьского переворота моя мама была выбрана в домовый комитет. Эти домовые комитеты начали стихийно возникать во многих домах для защиты от ночных грабежей и пьяных солдат. И выбрана в этот комитет она была вице-председателем, а ведь ей было только 22 года!

В декабре мой отец закончил учебу в Академии и устроился на работу в департамент земледелия, но в это время в Петрограде уже наступил полный хаос и голод. 5 января 1918 года мама уезжает из полуживого Петрограда в Москву к своему дяде Николаю Михайловичу Покровскому, врачу, имевшему частную практику (прототип профессора Преображенского в «Собачем сердце»). А через четыре дня, 9 января 1918 года, в Москву вместе с правительственным поездом приехал и папа, продолжая служить все в том же департаменте земледелия. Туда же поступает на работу делопроизводителем и мама.

В Москве они прожили недолго. Не желая стеснять Николая Михайловича, мама и папа в мае 1918 года возвращаются в Киев. В это время Киев был под властью немцев и гетмана Скоропадского.

А на Андреевском спуске, 13 жили тогда:

— братья мамы Михаил с женой Тасей, Коля — студент медицины и Ваня — гимназист;

— сестра Вера;

— двоюродный брат Костя Булгаков (Костя «Японский» — Константин Петрович Булгаков, сын дяди мамы Петра Ивановича, миссионера в Японии).

В октябре 1918 года мама устраивается на работу конторщицей в отдел распределения Киевского городского продовольственного комитета.

Обитатели дома 13 по Андреевскому спуску жили «коммуной». Все хозяйство «коммуны» вела моя мама, отказывая себе во всем, вкладывая все наличные деньги в еду.

После поражения в войне осенью 1918 года немцы были вынуждены оставить Киев, а вместе с ними ушел и гетман, который без поддержки немцев не смог удержаться в Киеве. 16 ноября 1918 года, прогнав Скоропадского, Киев занимают петлюровцы (Директория).

Папе, бывшему офицеру русской армии, оставаться в Киеве было крайне опасно, и он в декабре 1918 года уходит на юг — сначала в Астраханскую Армию, затем переходит в Добровольческую Армию Деникина в Екатерино-

дар. В Екатеринодаре в это время оказалось и бывшее Киевское военное училище, в котором отец преподавал до войны, и он возвращается на службу в это училище преподавателем.

В июле 1919 года Училище переводят в Феодосию, и в июле же папа возвращается в Киев за мамой (город к этому времени был освобожден от большевиков Деникиным). В том же июле (30-го числа) мама вместе с мужем уезжают из Киева в Феодосию. Вместе с ними покидают Киев и уезжают в Феодосию Михаил Афанасьевич с женой Тасей (Михаил Афанасьевич попросил взять его с Тасей в Феодосию).

Около года мама прожила в Крыму довольно спокойной жизнью, насколько это было возможно в то время. Дело в том, что в апреле 1920 года отцу пришлось покинуть военную службу, так как его не утвердили на должности преподавателя, подозревая в симпатиях к большевикам. И опять понадобились способность и умение мамы вести семейный бюджет при любых обстоятельствах — на гражданской службе жалование отца катастрофически уменьшилось.

И вот, в ноябре 1920 года в Крым прорываются большевики.

И тут же первый арест моего отца ЧК, как бывшего офицера, в числе множества других офицеров, оставшихся в Феодосии после ухода Врангеля и явившихся на регистрацию к новым властям. Только чудом отцу удалось вырваться на свободу, остальные офицеры (несколько тысяч) были расстреляны, хотя многие из них, как и мой отец, не служили у Врангеля.

В январе 1921 года отцу удается устроиться на службу заведующим учебной частью 64-х пехотных курсов, откуда он в июле того же года переводится на такую же должность в 63-и пехотные курсы, которые базировались в Симферополе. Мама в июле вместе с мужем и уже со мной (я родилась в Феодосии в апреле 1921 года) отправляются в Симферополь, где мы прожили недолго. Отец в Симферополе заболевает брюшным тифом, болеет август—сентябрь и получает отпуск по болезни. Это позволяет родителям вернуться в Киев, куда они приезжают в октябре 1921 года. Теперь они уже остаются там, как они думают, навсегда.

Но пока Булгаковы были в отъезде, их квартиру на Андреевском спуске 13 передали каким-то жильцам, которые завладели не только жильем, но и мебелью Булгаковых. Мама с мужем и мной поселяются в квартире Ивана Павловича Воскресенского, на Андреевском спуске, 38, куда в свое время (выйдя замуж за Ивана Павловича) переселилась Варвара Михайловна Булгакова с дочкой Лелей (Еленой, маминной сестрой).

В это время по Киеву гуляет брюшной тиф. К несчастью для всей семьи в январе 1922 года заболевает Варвара Михайловна и, не справившись с болезнью, умирает. Объединяющее звено выпало. Не стало оснований оставаться на квартире у Ивана Павловича, нужно было искать свое собственное жилье.

К этому времени папа довольно крепко стал на ноги, он работал преподавателем в нескольких учебных заведениях, в частности, преподавал Государство и Право в КИНХе (Киевском институте народного хозяйства — бывшем университете), а затем стал военруком в этом же учебном заведении. Эта должность восстановила его на военной службе, согласно аттестации по военной линии он был отнесен к командному составу с присвоением 10-й категории (один ромб в петлице).

Родители находят квартиру на улице Львовской (ныне — Артема), дом 55. Вместе с нами поселились также Леля и Костя «Японский». Но к 1924 году в Киеве никого из Булгаковых, кроме моей мамы, не осталось. Уехали в Москву Вера и Леля, окончившая в 1924 г. Киевский институт народного образования. Надя и Михаил к этому времени уже жили в Москве.

Костя, потеряв работу после закрытия в России АРА — Американско-Российской Ассоциации (Американской Организации Помощи), — где он был переводчиком, летней ночью 1924 года тайно бежал в Польшу: он хотел соединиться в США со своими родителями и братом Николаем, которые переехали туда после закрытия русского посольства в Японии. Теперь мы вчетвером (вместе с мамой отца Марией Федоровной) жили в четырехкомнатной квартире.

Жизнь в этот период протекала вполне благополучно для того времени. Родители были молодыми, довольно общительными людьми, часто наш дом вечерами посещали их друзья и знакомые, в круг которых входили некоторые актеры театра оперы и балета, а также, как сейчас помню, и музыканты, игравшие на скрипке и виолончели. Мама им аккомпанировала, и я в такие вечера просыпалась в своей комнате от звуков прекрасных голосов и мелодий.

Мама в это время вела активный образ жизни. В 1927 году предусмотрительно окончила курсы бухгалтеров и других коммерческих наук Н. Семениченко. Сдала также при Центральных курсах украиноведения экзамен за окончание 1-го цикла украиноведения и была взята на учет как счетовод 1-й категории. Занималась общественной работой — в 1928 году она была выбрана в подкомиссию «культурных разваг» и принимала в связи с этим участие в организации и устройстве небольших концертов и вечеров в Доме Ученых. Собиралась поступить в медицинский институт.

Мама и вся наша семья были в то время счастливы. Но счастье это длилось недолго. Осенью 1929 года, в ноябре, папу арестовали и поместили в тюрьму — в ДОПР. Для нашей семьи это был страшный удар, мама ежедневно ездила на Лукьяновку, где находился в те годы дом предварительного заключения. Дважды ездила в Харьков, где даже добилась приема у прокурора ОГПУ Украины.

Но все в ГПУ было решено заранее. Арест длился два месяца. Срок ареста был не случаен. Два месяца в тюрьме автоматически исключали отца из состава армии. В январе 1930 года отца выпускают на свободу с подпиской о

невьезде. Более того, ожидалась ссылка в Казахстан. Но сработало знакомство, письмом из Харькова подписка о невьезде была снята.

Однако покой и счастье в доме уже не могли восстановиться из-за не покидавших нас теперь опасений нового ареста. Надо было уезжать из Киева. Но куда? И вот из Москвы к нам приехала одна из сестер мамы Вера Афанасьевна с советом папе от себя и другой сестры, Надежды Афанасьевны, — перебраться на время в Москву. Там, по их мнению, он мог бы жить и работать в безопасности, — им казалось, никому не придет в голову, что отец может оказаться в столице.

А пока нужно было искать работу. В апреле мама сдала экспертизу на счетовода 1-го разряда и через три месяца ожидания в бюро труда вакансии получила в июле место счетовода-делопроизводителя на Киевском заводе «Большевик».

А папа уехал летом в Москву, где устроился на работу сначала экономистом в Союзкино, а потом, последовательно, преподавателем экономики промышленности в политехникуме, затем преподавателем военного дела в Высшем химико-технологическом институте.

Казалось, что все позади, ситуация стала налаживаться, отец уже стал подыскивать квартиру для семьи в Москве, но в ночь с 13 на 14-е января 1931 года был вновь арестован и отвезен в центральную тюрьму ОГПУ на Лубянку. Затем 25 мая 1931 года его перевели в Бутырки. Мы с мамой и бабушкой приехали в Москву в надежде на свидание с ним.

Каким образом маме удалось добиться этого свидания с мужем, я не знаю, но мы (мама, бабушка и я) виделись с папой. Это была ужасная сцена — мой отец и другие заключенные стояли по одну сторону решетчатого коридора, а мы и другие родственники, по другую.

Между двумя стенами, по коридору непрерывно ходил надзиратель, стоял шум, все присутствующие кричали, надеясь, что их услышат.

10 июня 1931 года отец был осужден на 5 лет в ИТЛ по ст. 58 «Контрреволюция» по пунктам: 7 — экономическая контрреволюция (саботаж, вредительство на заводах и транспорте), 10 — участие в антисоветских организациях и 11 — агитация (антисоветская пропаганда). Папа был сослан в сибирский город Мариинск, в лагерь для заключенных.

Перед отправкой в лагерь отец получил большую посылку от мамы со многими продуктами и полезными вещами, которые оказались нужными, да и просто необходимыми в арестантском вагоне в долгом пути. Как только мама ухитрилась все это быстро приобрести и организовать?

Более того, она как-то смогла проникнуть на Ярославском вокзале к арестантскому вагону и увидеться на прощание с мужем, передав ему записку: «Любимый мой, помни, что вся моя жизнь и любовь для тебя».

Отца увезли в Сибирь, а мы вернулись в Киев.

Мама всегда была энергичным, трудолюбивым и деятельным человеком. В тяжелые времена, которые переживала наша семья из-за ареста папы, как и в годы Отечественной войны, она не падала духом и всегда находила выход из положения.

Во время ареста мужа мама за одну ночь превратилась из жены комбрига Красной армии в жену «врага народа», за одну ночь мы лишились квартиры, оказались втроем — мама, бабушка и я, в маленькой комнате, без кормильца. Но мама сумела спасти семью. А время было очень тяжелое — начало тридцатых годов, голод на Украине, репрессии, коллективизация.

В Киеве в это время была введена карточная система. И чтобы кормить семью, мама никогда не ела на работе обед, который она получала на заводе «Большевику», а привозила его домой для свекрови и меня. Иногда я сама приходила к маме на завод обедать, мне запомнились ложки заводской столовой, в которых во избежание их кражи были просверлены отверстия. Эти ложки выдавали на входе в столовую — в дверях, а на выходе — забирали.

Кроме того, мама, помимо основной работы на заводе «Большевик», давала частные уроки музыки и работала музыкальным работником в детском саду.

Летом 1932 года мама ездила в Новосибирск, куда к тому времени перевели отца. В это же время она подала прошение об его освобождении. По дороге из Новосибирска мама в Москве посетила прокурора на Лубянке и убедилась, что дело в рассмотрении. Но в итоге из рассмотрения ничего не вышло. Маме отказали.

Отца освободили 16 июля 1934 года, через 3,5 года после ареста. С учетом зачетных дней.

Папа сообщил маме, что решил остаться в Сибири, так как в Киеве его вряд ли оставят в покое. Мама полностью согласилась с мужем. Она к тому времени уже была старшим бухгалтером на заводе «Большевик» и работала преподавателем немецкого языка в школе при этом заводе. Кроме того, она в течение трех лет, с октября 1931 по апрель 1933 года, училась на Киевских государственных трехгодичных курсах иностранных языков. Боясь, что не справится с колоссальной нагрузкой, мама не сообщала об учебе мужу. Но у нее была исключительная память и огромная энергия. Мама блестяще окончила эти курсы и получила свидетельство, что знает немецкий язык и имеет квалификацию переводчика, а так как училась очень успешно, получила дополнительно квалификацию преподавателя немецкого языка.

«Теперь, писала она в Сибирь, уже не страшно поехать куда бы то ни было. У меня две квалификации: бухгалтера и преподавателя немецкого языка. Что-нибудь да выручит».

Помимо того, завод «Большевик» дал ей прекрасные рекомендации по этим должностям.

Мама после освобождения отца моментально решила ехать к нему в Новосибирск. Я до сих пор не могу понять, как она справилась с переездом — бы-

ло очень много различных трудностей, но мама вынесла все, она была необыкновенной женщиной, верной и преданной женой и ради папы была готова на любые лишения. Будучи очень энергичным человеком и исключительной труженицей, мама умела выходить из любых труднейших ситуаций. При этом она всегда оставалась красивой, обаятельной, доброй и ласковой, всегда и неизменно располагала к себе людей.

При переезде в Сибирь мама проявила удивительные организаторские способности и невероятную, ошеломляющую энергию. Получила вагон для перевозки вещей. Одна, без посторонней помощи, поменяла комнату в Киеве на комнату в Харькове, проведя за нос домоуправление, препятствовавшее такому обмену. Дело в том, что жилой фонд Киева в это время был на строгом учете, так как именно летом 1934 года Киев был объявлен столицей Украины вместо Харькова и требовалось изыскать много жилья для размещения огромного числа служащих центральных учреждений Украины.

Получив за эту операцию денежную компенсацию, мама переехала для видимости на две недели в Харьков, предварительно отправив вещи в Сибирь. В конце лета мы получили письмо от папы, в котором он писал, что одна знакомая ему семья в Новосибирске предложила устроить нас на некоторое время в собственном доме.

Из Киева мы выехали в один из теплых, солнечных дней, когда город утопал в золоте осенних листьев киевских деревьев. Мы были счастливы от сознания того, что едем к папе, хотя не имели понятия, что ждет нас в далекой, холодной Сибири и что представляет собой неизвестный нам город Новосибирск. Но все сложилось по тем обстоятельствам хорошо.

По приезде в Новосибирск мама устроилась на работу в школу завода горного оборудования преподавателем немецкого языка. Папа на этом же заводе получил место экономиста. Завод дал нам жилье — две комнаты в 3-х комнатной квартире. Однако в 1936 году завод горного оборудования был переориентирован в военный авиационный и отец, как бывший заключенный, с секретного завода был уволен и перешел на службу в Крайплан.

Наступил 1937 год. Аресты, ссылки. Отец, чтобы не быть на виду, ушел из Крайплана в Крайсобес старшим экономистом. Не помогло. Придравшись к тому, что контрольные цифры были составлены с запозданием (не по вине отца), папу объявили «врагом народа» и уволили. Сразу же уволили с работы и маму, так как ей, как «жене врага народа», нельзя было доверять воспитание юношества. Из квартиры мы были выселены в течение трех дней. С трудом мы нашли на Бурлинской улице сырую хибарку в одну комнату, куда втиснулись все. Некуда было поставить кровать, со стен текло.

В конце 1937 года мама была реабилитирована и через месяц нашла себе место бухгалтера. А в начале 1938 года она была восстановлена в правах, как учительница средней школы и получила место сразу в 2-х школах. На штатном месте — в 9-й, одной из «сильных» и авторитетных школ города, которая

сумела предоставить нам небольшую квартиру, рядом со школой, в зеленом районе города и недалеко от центра, и, по совместительству, в 41-й. В это время все держалось на маме. Отец долго (полгода) не мог найти работу. Только в марте 1938 года он получил место экономиста в буфете станции Новосибирск-Южный.

В 1938 году папа очень хорошо закончил трехлетние курсы немецкого языка, что позволило ему помимо квалификации переводчика получить право преподавания немецкого языка. И он получил работу преподавателя немецкого языка в школе 56 и в медицинском институте. (В 1943 году он стал заведующим кафедрой иностранных языков в этом институте).

Мама вскоре поступила учиться заочно в Новосибирский педагогический институт на немецкое отделение факультета иностранных языков и успешно его окончила. Высшее образование позволило ей устроиться на работу в этот же педагогический институт, где она стала преподавать немецкий язык на историческом и географическом факультетах и даже одно время была деканом факультета и председателем месткома. Работу в школе мама из-за служебной квартиры не оставляла.

Все почти уравнилось, и было почти что и хорошо, но тут пришел 1941 год, принесший вместе с войной новые лишения и испытания.

Летом 1941 года в Новосибирск приехала сестра мамы Леля и дочкой Варей. Муж Лели Михаил Васильевич Светлаев приехал в Новосибирск из Москвы в декабре 1941 г. во время наступления фашистов на Москву, когда закрылись все учреждения и служащим приказано было уезжать. Михаил Васильевич уехал из Новосибирска в 1942 году, а Леля с дочкой жили у нас около 2-х лет.

Войну пережили очень тяжело. Хлебный паек был для папы и мамы — по 300 г/день, а для бабушки — Марии Федоровны — 200 г/день. Сажали картофель. На улицах города (где картофель воровали) и в поле. Выезжали летом с учениками на сельхозработы, на месяц, а то и на два. Мама и с этим хорошо справлялась.

Все вынесла на своих плечах моя мама, оставаясь очень добрым, отзывчивым и не озлобившимся человеком. Но жизненные невзгоды и удары, а также постоянный изнурительный труд (и в Киеве на заводе «Большевик», когда она уезжала на работу очень рано, а возвращалась очень поздно, и в Новосибирске, где она часто до четырех ночи сидела над тетрадами) подорвали ее здоровье. В пятидесятых годах мама тяжело и неизлечимо заболела и в сентябре 1956 года умерла.

Елена

В. М. Светлаева

Елена Афанасьевна Светлаева (Леля) — младшая сестра Михаила Афанасьевича Булгакова, беззаветно любившая своего брата и приходившая к нему в последний год его жизни почти ежедневно, не оставила никаких личных записок или воспоминаний и не вела дневника, хотя была незаурядным филологом. Но она тщательно хранила все свои документы, а также справки, необходимые ей для работы.

На основании сохранившихся документов и рассказов Елены Афанасьевны о ее детстве я, ее дочь, Варвара Михайловна Светлаева, и составила этот очерк.

Елена Афанасьевна Булгакова была последним, седьмым ребенком в большой семье, она родилась 2 июня 1902 г. В семье ее звали Лелей. В отличие от старших сестер, похожих на мать Варвару Михайловну Булгакову, белокурых и высоких, Леля была небольшого роста, темноволосой: волосы волнистые, темно-каштановые с «бронзой» и густые, почти черные брови. Глаза были темно-серые. Она была похожа на своего отца Афанасия Ивановича Булгакова, что отчетливо видно на ряде фотографий²⁵. Разница в возрасте Михаила Афанасьевича и Лели составляла 11 лет. При такой разнице лет Леля никак не могла принимать участие в играх и развлечениях старших сестер и брата и воспитывалась обособленно.

Отдельные эпизоды своего детства мама рассказывала мне, когда я была совсем маленькой. Естественно, мама рассказывала то, что было наиболее интересно мне по возрасту. Леля жила в отдельной комнате вместе со своей крестной матерью Ириной Лукиничной Булгаковой. Очень часто она наблюдала за жизнью старших сестер и брата, сидя в большой комнате в углу на продавленном мячике. Это место ей очень нравилось. Ближе к маме были младшие братья Николай и Иван. Из рассказов мамы я узнала об изготовлении крокетной площадки на даче в Буче (около 1905 г.). Дворник Корней привез глину, которую разминали босыми ногами, перед тем как трамбовать площадку; в этом участвовали Иван и Николай. Ваня, разогнавшись по скользкой глине, с размаху сел на кучу глины. В дачных спектаклях в Буче Леля участвовала значительно позже. Мама рассказывала о приготовлении пасхального стола и поведала мне также смешную историю про пирожные со взбитыми сливками, которые были выставлены где-то на выходе из кухни (там было прохладно), — пришел большой пес, все съел и оказался с белой бородой.

Подругой детских игр была для мамы Инна Васильевна Листовничая (дочь хозяина дома Василия Павловича Листовничего), наиболее близкая ей по воз-

²⁵ Кончаковский и Малаков, 1993, с. 78.

Вера
в театральном
костюме



Вера —
фотопортрет



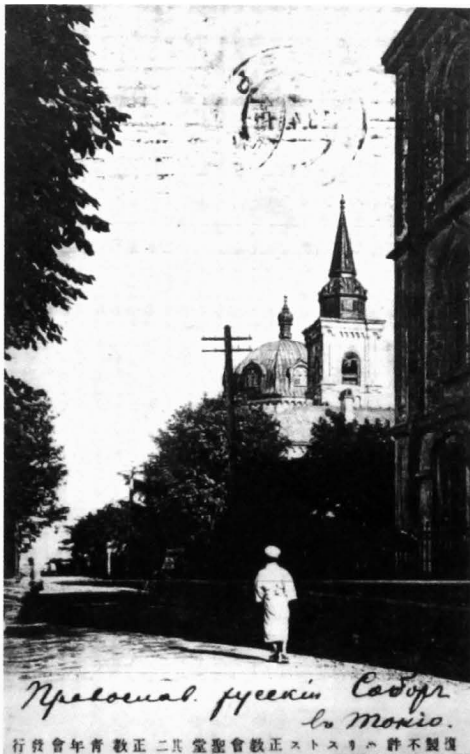
Христос Воскресе

Милая моя Веруша — кроль
маленький! Ты тоже в выходные
поздравилась через Надю, но пишу
еще раз, тебе пишу отдельный
письмо, тебе последние недели
было тяжело, но ты выжила
и выжила! Ты была в 9-м классе,
а теперь ты учишься в 11-м,
и ты очень рада, а тебе очень
нравится учиться, а тебе очень
нравится учиться. Спасибо, родная.
Будь здорова и благополучна.
Коля.



В. А. Давыдова
Улица Герцена 46, кв. 1/2.
Москва. 69.

Открытка, присланная из Загреба от брата Коли, на которой изображены два кролика. Надпись: Христос Воскресе. Адрес на открытке: В. А. Давыдова [фамилия мужа]. Улица Герцена 46, кв. 1/2. Москва, 69. Текст: 10.IV.1928. Милая моя Веруша — «Кроль маленький!»! Хотя я и послал тебе поздравление через Надю, но пишу еще раз, так как спешу известить тебя, что посланные тобою книги (две заказные бандероли: кожн. болезни, венерич., гигиена в 2-х частях) я благополучно получил, и, конечно, очень обрадовался им, а тебя должен горячо поблагодарить и крепко расцеловать. Спасибо, родная. Будь здорова и благополучна. Коля.



Открытка. Изображен православный русский Собор в Токио, в котором служил брат Афанасия Ивановича Петр Иванович Булгаков. Адресована В. М. Булгаковой — Поздравление с Пасхой. 6 апреля 1910 г. Подпись С. Булгакова (жена Петра Ивановича — Софья Матвеевна, уржд. Позднеева).



Открытка из Японии, на которой снято три ряда кукол в русских костюмах. Адресована Вере, вероятно, ко дню именин: «Дорогой Вере Афанасьевне Булгаковой. Куклы одетые для базара Союзных держав от тети Сони. На память о работе в далекой Японии. Боярыня в верхн. ряду продана за 15 иен»



Вера в кресле

Надя кончат гимназию.
1912 г.



Надя — гимназистка



Надя летом, Буча, 1915 г.



А. М. Земский и его друг
Володя Гуцевич — студенты МГУ



Андрей в форме прапорщика и Надежда. 1917 г. Царское Село. Надя очень плохо выглядит, что отмечают в письмах из Киева сестры Леля и Вера (см. раздел Переписка четырех сестер: 1917—1918 гг.)



ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

СЪ ОПЛАЧЕННЫМЪ ОТВѢТОМЪ



Мѣстное
 Стессинской г. № 5
 Андрею Михайловичу и Надежде
 Алексеевне
 Земским



Открытка: поздравление Земским с первым семейным юбилеем:
 2 июля — 2 августа 1917 г.

Рабочие и колхозники! Выше классовую бдительность

В ТИПОГРАФИИ орудают КЛАССОВЫЯ ВРАГИ

Кзыл-Ордынская типография является одной из мощных типографий казахстана, которая выполняет заказы партиздата, но руководство ее предоставлено классово чуждым элементам.

Заведующий хозяйством Григорьян ссыльный, зав. столовой Брулиа проходимец, жулик, подсудимый. Корректор Земсков ссыльный и т. д.

Директор типографии Коншин всю эту свору возглавил и активно ей помогает, распрастрания среди рабочих слухи, что „не какого контрреволюционного антисемитского выступления не было“ „Измухи сделали слона“ Эти разговоры не случайны Коншин умышленно задержал выпуск районной газеты „Ленин-туу“ с материалами о контрреволюционном антисемитском выступлении, используя для этой цели финансовое затруднение редакции.

На требование завкома о немедленном изгнание Земского из типографии, Коншин ответил увольнением Земского по собственному желанию и предоставлением ему сдельно на дом коретирования научных трудов.

— У меня нет работников для этого сурьезного дела, заявляет Коншин. А кроме Земского доверить эту корректуру не кому не могу.

На самом-же деле в типографии

подходит, для него нужен свой человек как Земской, который сумеет в научные труды протащить контрреволюционные установки.

О антисоветских действиях Коншина и прикрываемой им своры можно было-бы привести сотни фактов, все они ярко говорят что типография в руках классовых врагов. Хотя-бы взять еще такой факт; когда Коншин как директор типографии рабочим печатного цеха пишет записку „сегодня я имянинник пойдемте выпьемте“ что это; если не умышленное спаевание рабочих для срыва выполнения производственной программы.

В типографии процветает Великодержавный шовенизм. Интернациональная работа отсутствует. В переплетном и др. цехах не работает не одного квалифицированного казак учеников набирают из русских.

Все эти факты говорят о припадении у коммунистов работающих в типографии классово бдительности, парторганизация до вмешательства выездной редакции и Районного комитета ВКП(б) не разоблачила Коншина и его свору из классово чуждых элементов.

Парторганизации района должны из этого извлечь для себя урок, а коммунисты типографии обязаны

Надежда Афанасьевна
в доме отдыха «Боярка» (1958 г.)



Надежда Афанасьевна
летом на даче под Москвой



Варя. 1920-е годы



Варя с братом Колей



Варя — фотопортрет



Вера и кузина Оля Позднеева у пруда в Буче, 1915 г.



Леся — гимназистка



Леся — гимназистка,
в кресле-качалке в Буче



Лея в Москве, 22.04.1933 г.



Слева направо:
сестры Надя, Варя
и подруга Мурка
во дворе городского
дома в Киеве



Варя (слева) и Надя
в саду в Буче

На Пасху:
(слева направо)
Вера (стоит);
сидят Мурка
Герман, Надя,
Варя, Койка
(подруга-
болгарка)



Стоят Вера
и Варя (справа)

расту. Позднее, в московский период жизни Елены Афанасьевны, связь с Инной Васильевной оборвалась (с 1924 г.), так как она в Москву не приезжала. Леля воспринимала близких друзей семьи, в том числе и Листовничих, несколько иначе, чем Михаил Афанасьевич. Для Михаила Афанасьевича Ирина Лукинична была совершенно неинтересным лицом, а для мамы любимой тети, которую маленькая Леля почему-то называла Муик.

Леля была девочкой очень слабого здоровья. В воспоминаниях двоюродной сестры Александры Андреевны Бархатовой (Ткаченко) от 1914 г. сохранилась фраза «Леля болела». Во время Первой мировой войны Леля жила в Карачеве в семье Александры Михайловны Бархатовой (своей тети, младшей сестры Варвары Михайловны). Несмотря на слабое здоровье, Леля была веселой и жизнерадостной, хорошо бегала и плавала, отличалась остроумием и незаурядным характером.

Очень интересно ее письмо, посланное сестре Наде из Бучи 27 июля 1917 г. в Царское Село, где она пишет: «...у вас в квартире не без граммофона — Все же тебе будет не так скучно без меня». Это намек на постоянное желание Лели что-либо напевать и ее несколько шумное поведение.

Леля всегда ровно, целенаправленно и хорошо училась. Помимо учебы, у Лели были и другие интересы. Она живо интересовалась коллекцией репродукций «Лики Христа», которую собирал Василий Ильич Экземплярский²⁶, и часто заходила к нему домой. Леля посещала юношеский кружок «Зеленые мысли» (существовавший тогда в Киеве). Сочинение Лели для журнала этого кружка «Есть ли в будничной, обыкновенной жизни красота?» оригинально и глубоко, красота представлена в нем как отражение внутреннего мира человека²⁷. По окончании гимназии Леля поступила в Киевский институт народного образования. Училась она не формально, сдавая экзамены, стремилась как можно лучше и глубже усвоить преподаваемые предметы. Сохранился отзыв академика А. М. Лободы: «Е. А. Булгакова мне хорошо известна по занятиям у меня в семинаре по истории русской литературы при бывш. Киевском Археологическом Институте и Институте Народного Образования. Участие Булгаковой в этих семинарах было весьма успешно и обнаружило у нее наличность широкой научной подготовки и вполне сознательного умения разбираться в сложных историко-литературных вопросах».

Проф. Н. Грушиц также оставил свидетельство о занятиях Лели в его семинарах. Он сообщает темы ее докладов: «Сим удостоверяю, что Е. А. Булгакова в бытность ее студенткой К.И.Н.О. в 21—23 гг. была одной из деятель-

²⁶ Василий Ильич Экземплярский — профессор Киевской Духовной Академии, коллега Афанасия Ивановича Булгакова. Собранная им коллекция сейчас находится в Киевском музее Михаила Булгакова.

²⁷ Ксерокопия этого сочинения передана в Киевский музей М. А. Булгакова Дмитрием Вадимовичем Машовцом, сыном одного из активных участников этого кружка Вадима Петровича Машовца.

ных участниц семинара по русскому языку и представила два доклада (1 — на тему об отношении мысли и языка и 2 — о формальном синтаксисе).

16/X—24 Киев Проф. Н. Грушиц²⁸.

В свидетельстве об образовании указана специальность Елены Афанасьевны «Преподаватель литературно-лингвистических дисциплин»²⁹.

Время учения мамы пришлось на очень тяжелый период истории Киева и — особенно — жизни семьи Булгаковых: отъезд старшего брата; в 1919 г. за границей оказались оба младших брата; смерть матери в 1922 г. Леля оставалась долгое время только с отчимом Иваном Павловичем Воскресенским. Можно понять, насколько твердый и волевой был у нее характер.

Мне, дочери, о бедах и трудностях своей жизни мама не говорила никогда. Никогда никому не жаловалась. По окончании КИНО в 1924 г. Леля уехала в Москву к сестре Надежде Афанасьевне Земской и сразу же устроилась работать библиотекарем в школе (декабрь 1924 г.). У Надежды Афанасьевны познакомилась с другом ее мужа Андрея Михайловича Земского Михаилом Васильевичем Светлаевым. А. М. Земский и М. В. Светлаев работали вместе над пособиями и учебниками по русскому языку. А 4 февраля 1925 г. Леля вышла замуж за Михаила Васильевича Светлаева³⁰. Этому событию посвящено шутивное стихотворение, написанное одним из знакомых Михаила Васильевича (автор неизвестен) и переданное мне дочерью Сергея Ефимовича Крючкова (также соавтора учебников) Галиной Сергеевной Крючковой.

Церковь не церковь

Дом не дом,

Она, Елена, живет в нем.

Завтра чуть свет на Клязьме будь,

Новый костюм надеть не забудь.

(со слов С. Е. Крючкова)

(Леля какое-то время летом жила на даче несколько странной архитектуры, напоминающей церковь.)

Мои родители ко времени свадьбы были уже совершенно самостоятельными людьми. Михаил Васильевич, так же как и Елена Афанасьевна, рано лишился матери: она умерла в 1919 г. Папа давно давал уроки (еще до окончания филологического факультета), а затем преподавал и писал учебные пособия. Елена Афанасьевна по приезде в Москву сразу же устроилась работать в школу библиотекарем.

²⁸ Отзыв профессора Лободы о работе Елены Афанасьевны и справка о работе Елены Афанасьевны в семинаре профессора Грушица из архива В. М. Светлаевой.

²⁹ Свидетельство дошло в Москву только в 1936 г. Возможно, было привезено по просьбе Елены Афанасьевны кем-либо из знакомых.

³⁰ Свидетельство о браке отдела актов гражданского состояния № 246 от 4 февраля 1925 г. (из архива В. М. Светлаевой).

После свадьбы мама переехала в квартиру отца Михаила Васильевича, Василия Васильевича Светлаева (Луков пер., дом 3, кв. 11, Сретенка), где жили также младший брат Михаила Дмитрий и младшая сестра Лидия. Василий Васильевич относился к маме как к родной дочери. Имя Леля сохранилось за Еленой Афанасьевной. Во многих серьезных случаях дедушка принимал решение, выслушав в первую очередь мнение Лели. Со всеми Светлаевыми в течение всей жизни у Лели сохранились самые теплые отношения.

28 марта 1929 г. родилась дочка, которую в память бабушки Варвары Михайловны назвали Варварой (отчество Михайловна тоже подошло). С рождением дочери родители переехали в одну большую комнату в огромной общей квартире, в Малом Каретном пер., дом 9, кв. 1. Позднее в соседней комнате поселился дедушка Василий Васильевич с дядей Дмитрием Васильевичем. Остальные три комнаты квартиры были заняты соседями.

В московскую жизнь мама внесла свои киевские привычки. Она очень любила музыку, и именно те оперы, которые слышала в детстве: «Аиду» и «Фауста». Часто напевала, но не арии классического репертуара, а народные песни «Позарастали стежки-дорожки...», «По Дону гуляет...». Зная настоящий фольклор, Леля раздражалась, услышав по радио псевдорусскую халтуру, которую называла «Ой ты гой еси, стоеросовая дубина». Маму очень удивляло полное отсутствие музыкального слуха у меня и папы. Иногда, услышав, что мы что-то пытаемся петь, она высказывалась: «А бывают голоса — дыбом встанут волосы» (фраза из «Белой гвардии» М. Булгакова).

У Василия Васильевича Светлаева была неплохая библиотека (русская классическая литература, история, история музыки, иностранная классика). Мне запомнились некоторые книги, привезенные мамой из Киева: «Исповедь» Ж. Ж. Руссо, «Избранное» А. И. Куприна, «Очерки и речи» В. О. Ключевского, «Волны вечности в русской художественной литературе» (издание Киевского религиозно-философского общества) с личной подписью «Булгакова Елена Афанасьевна». Из русской классической литературы мама наиболее ценила произведения Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова (полное собрание его сочинений находилось в библиотеке Светлаевых). Любила произведения А. К. Толстого, часто цитировала Козьму Пруткову, а также Сашу Черного. Очень любила стихи Сергея Есенина.

Связь с домом Михаила Афанасьевича никогда не прекращалась, хотя они и не так часто виделись из-за постоянной занятости родителей: преподавание днем, а ночью работа над созданием учебников. Елена Афанасьевна часто помогала Михаилу Васильевичу. Особенно трудными материально были 1930—1934 гг. Мои ироничные родители выучили меня (видимо, около 1932 г.) отвечать на их вопрос: «Чем ты будешь кормить папу с мамой, когда мы будем старенькие?» — «Селедками и картошками. А еще чаю даваю». У меня была игрушка, плюшевая желтая обезьяна Мака, подаренная Михаилом Афанасьевичем (дядей Мишей, как говорила я). Позднее я узнала, что Мака — домаш-

нее прозвище Михаила Афанасьевича, данное ему в период его брака с Любовью Евгеньевной Белозерской.

Мама очень любила первую жену Михаила Афанасьевича Татьяну Николаевну Лаппа, ровно и доброжелательно относилась ко второй жене Любови Евгеньевне и была в теплых дружеских отношениях с последней женой Еленой Сергеевной Булгаковой. Когда-то (в моем раннем детстве) я и мама пошли на Большую Садовую навестить Татьяну Николаевну: она жила на первом этаже дома, в котором ранее они жили совместно с Михаилом Афанасьевичем (в другой квартире).

С 1935 г. мама работала ассистентом кафедры языкознания в Московском городском педагогическом институте им. Потемкина. Она готовилась к тому, чтобы защищать кандидатскую диссертацию. В 1939 г. ею был сдан экзамен по старославянскому языку с оценкой «отлично». Сохранившийся протокол этого экзамена особенно интересен тем, что он показывает, в какое время и среди каких ученых Елена Афанасьевна работала в горпедде (так называли тогда этот институт). Ее экзаменаторы составляли цвет лингвистики — А. М. Селищев, А. М. Сухотин, Р. И. Аванесов и А. Б. Шапиро³¹.

В 1936 г. мама сдала курс английского языка в Центральном институте заочного обучения³². Таким образом Елена Афанасьевна знала (кроме русского) шесть языков: два древних — латынь и старославянский и четыре живых — немецкий, французский, английский и украинский.

В период 1936—1939 гг. родители рассказывали мне о творчестве Михаила Афанасьевича: мама — о «Днях Турбиных» и «Белой гвардии», папа — о «Багровом острове», «Роковых яйцах» и «Дон Кихоте». Последнюю пьесу Михаил Васильевич очень любил. Сводили меня и в театр на «Пиквикский клуб» и «Мертвые души». Впоследствии впервые «Белую гвардию» я прочитала по какому-то старому изданию у Варвары Афанасьевны Карум, находясь в Новосибирске во время войны (1941—43 гг.).

Степень близости и взаимопонимания между мамой и Михаилом Афанасьевичем прояснились для меня во время болезни Михаила Афанасьевича. В 1939—40 гг. мама почти ежедневно навещала его. Именно ее, младшую сестру, звал к себе Михаил Афанасьевич. Так как личного телефона у Светлаевых не было, иногда звонили к соседям, но чаще к нам приходили письма и открытки. К концу болезни Михаила Афанасьевича открытки писала Елена Сергеевна, так как Михаил Афанасьевич делал это уже с большим трудом.

³¹ Протокол (копия) кандидатского экзамена по старославянскому языку ассистента кафедры языкознания Е. А. Светлаевой. Оценка «отлично».

Подписи: профессора А. М. Селищев, А. Б. Шапиро, Р. И. Аванесов, А. М. Сухотин. 10/VI—39 (из архива В. М. Светлаевой).

³² «Свидетельство. Настоящее свидетельство выдано тов. Светлаевой Е. А., родившейся в 1902 г., в том, что она проработала курс английского языка в объеме второго концентра. № 457 Москва 11 февраля 1936 г.» (из архива В. М. Светлаевой).

Письма и открытки переданы мною в библиотеку им. В. И. Ленина (теперь РГБ) и опубликованы в 5-м томе Собрания сочинений М. Булгакова³³.

Приходя домой от Михаила Афанасьевича, мама рассказывала, как он работает над романом «Мастер и Маргарита». Однажды рассказала, что Михаил Афанасьевич показывал, как танцевал воробушек. Тогда мне врезались в память проделки кота Бегемота, как он качается с примусом на люстре, и разгром ресторана Грибоедова. Тогда же мама принесла мне домой щенка таксы из дома В. И. Качалова.

После смерти Михаила Афанасьевича мама получила от Елены Сергеевны его посмертную маску, которая сейчас находится в музее МХАТа.

Письма Елены Сергеевны к моей маме находятся в музее Михаила Афанасьевича в Киеве. В одном из них (от 13 мая 1940 г.) Елена Сергеевна сообщает, что получено разрешение напечатать 6 пьес М. А. Булгакова и поставить ему памятник за счет Литфонда.

Последние годы жизни Елены Афанасьевны были очень тяжелы. С начала войны 1941 г. по лето 1943 г. мы с мамой жили в г. Новосибирске у маминой сестры Варвары Афанасьевны Карум. Мне тогда уже было 13 лет, и я была свидетельницей сверхнапряженной работы обеих сестер. На работу они уходили раньше меня, а я уходила в школу к 8 часам утра. Елена Афанасьевна работала в двух институтах: и.о. доцента в Новосибирском пединституте (читала лекции по старославянскому языку и истории русского литературного языка), а также работала научным сотрудником по русскому языку и литературе в Областном институте усовершенствования учителей. В числе обязанностей Е. А. Светлаевой, указанных в выданном ей удостоверении, было систематическое ознакомление со знаниями учащихся по русскому языку и литературе, их оценка, а также контроль городских и районных отделов народного образования, школ, педагогических кабинетов и отдельных учителей Новосибирской области³⁴. Мама приходила с работы не ранее 9 часов вечера и буквально валилась с ног, ложилась в постель. Я не помню, ужинала ли она.

³³ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Письма № 185, 186, с. 602—603. М.: Худ. лит., 1990. Текст этих писем и открыток приводится выше в разделе «М. А. Булгаков в последний год жизни».

³⁴ «Удостоверение. Светлаева Е. А. является научным сотрудником по русскому языку и литературе Новосибирского областного института усовершенствования учителей. Тов. Светлаева Е. А. имеет право ознакомления и контролирования работы городских и районных отделов народного образования, школ, педагогических кабинетов и отдельных учителей Новосибирской области. Руководители учреждений народного образования области обязуются оказывать т. Светлаевой содействие в выполнении возложенных на нее поручений.

Подписи: зав. ОБЛОНУ Гуленко.

Директор Ин-та усовершенствования учителей Большаков» (из архива В. М. Светлаевой).

Такая работа позволяла ей получать рабочую карточку и обед в столовой научных работников.

Без этого мы не могли бы прожить, так как держать огород (значительное подспорье для многих новосибирцев!) мы не могли из-за маминого порока сердца и моей слабости как помощницы. Я занималась хозяйственными делами: носила воду на 2-й этаж в квартиру Варвары Афанасьевны (в доме не было водопровода, воду носили все, но мама не могла) и ходила по магазинам «отоваривать» карточки, которые могли пропасть, если вовремя не уследить за появившимися продуктами.

Варвара Афанасьевна приходила домой раньше мамы, приносила продукты и начинала топить плиту, чтобы готовить пищу и обогревать дом. В Новосибирске зимой топить углем нужно было 2 раза в день. После этого Варвара Афанасьевна садилась проверять тетради по немецкому языку и писать учительский план до 4 часов утра. И так обе сестры работали ежедневно (что и сказалось в послевоенное время).

Летом 1943 г. мы вернулись в Москву.

Во вторник 12 октября 1943 г. Елена Афанасьевна была во МХАТе на спектакле М. А. Булгакова «Последние дни (Пушкин)». Об этом посещении она оставила замечания, содержащие серьезный разбор всего спектакля. Привожу отдельные выписки из этих заметок, сохранившихся в архиве Н. А. Земской³⁵.

О заглавии

Замысел автора шире, чем «Последние дни». Это пьеса о Пушкине (жизни, травле, борьбе, смерти, любви и бессмертии).

Надо ли выводить на сцену Пушкина?

Центр пьесы Пушкин. Однако автор ни разу не показывает поэта зрителю.

Пушкина должны играть все от исполнителей главных ролей до статистов включительно. Каждый играет себя и Пушкина. В этом своеобразии пьесы, в этом ее трудность.

Зритель должен ясно себе представить взаимоотношения между Пушкинным и царем, Пушкинным и светским обществом, Пушкинным и жандармами, Пушкинным и литераторами, Пушкинным и русским народом... На сцене не просто Жуковский, а Пушкин и Жуковский. Точно также Пушкин и жена, Пушкин и Никита и т. д.

Снижение любого образа, любой роли — снижение образа Пушкина. Неполное раскрытие образа того или иного персонажа пьесы — неполное раскрытие образа Пушкина.

Справился ли театр с этой задачей? Нет, не справился. <...>

³⁵ Замечания Е. А. Светлаевой на спектакль МХАТа «Последние дни (Пушкин)», 12 октября 1943 г. (из архива Н. А. Земской).

Играть надо так, чтобы публика плакала и не только от жалости к несчастному поэту (жалеть можно и Акакия Акакиевича) — денег нет, жена пошло изменяет, кругом пошляки и негодяи.

Публика должна пережить целую гамму чувств: любовь, восхищение, преклонение перед поэтом, его творчеством, протест против его травли. Ненависть, смех и презрение к его врагам, боль, страх за него...

Уже в 1943 г. у мамы обнаружилась устойчивая гипертония, а в 1945 г. она попала в клинику. Лечение в клинике результатов не дало. Третьего мая 1954 г. Елена Афанасьевна скончалась от мозгового кровоизлияния в присутствии мужа, который сидел рядом с кроватью больной жены. Похоронена Елена Афанасьевна на Ваганьковском кладбище.

После смерти мамы Елена Сергеевна Булгакова сохранила родственные отношения со мной и папой. Она заходила к нам с сыном Сергеем. Елена Сергеевна подарила папе издание «Дней Турбиных» и «Последних дней (А. С. Пушкин)» (М.: Искусство, 1955) с дарственным письмом, а мне «Жизнь господина де Мольера» (М.: ЖЗЛ, 1962) с дарственной надписью.

Однажды проездом на юг из Алма-Аты зашел к нам Иван Павлович Воскресенский (конец 1954 г. или начало 1955 г.). Приблизительно в этот же период был у нас и Вадим Петрович Машовец, знакомый мамы с гимназических лет, приехавший по служебным делам из Ленинграда.

Михаил Васильевич Светлаев пережил жену на пять лет. Он скончался 17 апреля 1959 г. и похоронен рядом с Еленой Афанасьевной.

И. М. БУЛГАКОВА (КУЗИНА ЛИЛЯ)

Генеалогическое древо Булгаковых-Покровских (см. илл.), корни которого уходят в южную Россию (Орлов, Карачев), раскинуло ветви очень широко: в Киев, Харьков, Москву, Петербург, Владикавказ, Грозный, Батуми и, далее, в Токио, Загреб, Софию, Брно, Холм, Париж, Марсель, Сан-Франциско, Лос-Анджелес... Я хочу кончить мое повествование кратким рассказом об одной из этих ветвей — уже упоминавшейся выше Иларии Михайловне Булгаковой (1891—1986; в семье ее звали Лиля), двоюродной сестре Михаила Афанасьевича, своеобразном и вместе с тем во многих отношениях типичном представителе рода Булгаковых.

Лилия прожила девяносто пять лет. Ее детство, юность и значительная часть жизни прошли среди поляков, в городе Холм Люблинской губернии. По окончании гимназии она несколько лет прожила в семье киевских Булгаковых (ее отец Михаил Иванович был родным братом Афанасия Ивановича). Лилия решила получить филологическое образование в Киевском университете. Она стала членом семьи Булгаковых, но особенно сдружилась с Михаилом и Надеждой.

Юность Лили, прошедшая в Польше, по-видимому, сделала более острым ее восприятие России, ее интерес ко всему русскому — языку, литературе, музыке, архитектуре, живописи. Вернувшись по окончании университета в родной Холм, Лилия преподавала русскую филологию и музыку. Она стремилась приобщить к русской культуре молодых поляков. У нее было много учеников и почитателей. В городе ее высоко ценили. По ее просьбе я посылала ей необходимые для работы книги.

После революции Лилия несколько лет прожила в Москве в семье Надежды Земской, внося свою лепту в воспитание маленьких дочерей кузины. В письме от 6 дек. 1933 г. к двоюродному брату Николаю Афанасьевичу в Париж она пишет: «Как-то девочки Нади? Я с ее разрешения каждое воскресенье причащала их. Одну на руки, другую за руку, в трамвай и в церковь, где служил пастырь Бога крепкий и молитвенный (он теперь, по-видимому, в заточении или сменен). И привыкли маленькие к Божьей благодати, и Она должна

поддерживать их среди советского разврата. Обе тихонько стояли перед чашей со скрещенными руками, ожидая Святыни... Их и еще маленькую племянницу, Жени Чижевской дочку, должно было это Богообщение сохранить от соблазнов ада советского».

Видно, что какие-то сведения доходили из России до Польши. Лиля сообщает московские новости двоюродному брату Николаю Афанасьевичу в Париж. В письме от 2 окт. 1931 г. она пишет: «По-видимому, Андрей [Земский] и Леонид [Карум] в ссылке». И это соответствует действительности. Однако нередко сообщаемое имеет искаженный характер. И не всегда ясно, в том ли дело, что ее корреспонденты из СССР обманывают цензуру или пишущий сам не вполне отчетливо понимает происходящее.

Так, Лилина тетя Анна Ивановна Перетяткович пишет своему брату (Лилиному отцу) из Харькова в Холм 22 окт. 1933 г.: «Надя (с обеими дочками) служит; старшая девочка учится, а младшая, кажется, еще нет. Верочка теперь живет отдельно на квартире. Надя тоже переехала. Муж ее по-прежнему работает где-то в Сибири, по-видимому, неплохо зарабатывает, помогает ей».

Нам смысл этого сообщения ясен: «*Верочка теперь живет отдельно на квартире*» — ее выселили из центра города, из той квартиры, где она жила у Нади. «*Надя тоже переехала*» — Надю с двумя маленькими дочками выселили из квартиры в центре города в дом барачного типа на окраине Москвы. «*Муж ее по-прежнему работает где-то в Сибири*» — муж по-прежнему в ссылке.

Лиля пишет и о событиях, происходивших в ее семье. Отмечу, что в 1930—1960-е годы писем не было. Лишь 31 дек. 1962 г. Лиля сообщает в Париж, что «ее отец в 1937 г. отошел 76и лет, брат Павел в Брно Чехословацком, а ее мама совсем недавно 4 дек. 1962 г. скончалась 94х лет».

Лиля продолжает трудиться:

«Я до сих пор преподавала в музыкальной школе (фортепьяно) и преподаю и сейчас на 1/2 этате [на полставки], так как уже сейчас получаю ренту [пенсию], но могу и дорабатывать до 1/2 содержания».

В письме от 3 февраля 1970 г. Лиля рассказывает: «Устраивала с одной архитекторшей 3 выставки художественных изданий по древнерусскому искусству. Тем оправдываешь свое “бытование”».

Незадолго до кончины Илария Михайловна ушла в православный монастырь. В одном из ее последних писем читаем: «У меня есть снимки о. Иоанна Авраамовича со всей семьей — нашего деда. Надо кому-то передать «культ рода» — священные семейные реликвии! И семейные воспоминания. Были предки достойными людьми!»

ПИСЬМА М. БУЛГАКОВА К РОДНЫМ

Я считаю полезным завершить документальную часть моей книги выборочной перепечаткой уже публиковавшихся писем М. Булгакова к родным. В дошедшем до нас эпистолярном наследии писателя эти письма занимают особое место. Их значимость определяется, в частности, тем, что только в них отражен трудный период жизни писателя с 1914 по 1922 год¹, так как его письма этих лет к другим адресатам не сохранились. Но и письма к родным сохранились, можно сказать, чудом, благодаря Н. А., которая сберегла не только письма, адресованные ей, но и письма писателя к матери, к другим сестрам, двоюродному брату К. П. Булгакову, к А. М. Земскому, А. П. Гдешинскому².

Письма, написанные из Владикавказа, значительно дополняют сведения о начальном периоде литературной деятельности писателя. Во Владикавказе М. А. Булгаков пишет ряд пьес: юмореску «Самооборона», комедию-буфф «Глиняные женихи», пьесу «Парижские коммунары», четырехактную драму «Братья Турбины». Фамилия «Турбины» — девичья фамилия Анфисы Ивановны Покровской, бабушки М. А. с материнской стороны, — часто фигурирует в его творчестве. Все эти произведения идут на сцене Владикавказского театра, в котором работает и жена писателя Татьяна Николаевна, урожденная Лаппа. В письме к сестре Надежде М. А. Булгаков пишет: «Тася со мной. Она служит на выходах в 1-ом Советском Владикавказском театре, учится балету».

Все эти произведения М. Булгаков посылает в Москву и в письмах неоднократно просит двоюродного брата К. П. Булгакова и сестру Надежду узнать о судьбе своих пьес, внести в них переделки и т. д. В ответ на просьбы

¹ Этот период охватывает: студенческие годы Булгакова, его работу земским врачом, пребывание во Владикавказе, поездку в Тифлис и Батум, кратковременное посещение матери в Киеве, начало жизни в Москве (с сентября 1921 г.).

² Н. А. Булгакова подготовила основную часть семейной переписки к печати, снабдив письма комментариями и указав многие факты и подробности, известные только ей или членам семьи Булгаковых. К сожалению, ей самой не удалось опубликовать письма брата. Две публикации писем к родным были подготовлены мною: Булгаков, 1976б; Булгаков, 1984. В книге (Булгаков, 1989) составители широко использовали труды предшествующих комментаторов, в том числе кропотливый труд Н. А. Земской.

брата в письме из Киева во Владикавказ от 26 мая 1921 г. Н. А. Земская пишет М. А. Булгакову: «Могу тебя порадовать: “Коммунары” в Москву пришли, Андрей³ их читал. Я написала ему, чтобы он и “Турбиных” и “Коммунаров” взял из Масткомдрамы⁴, п. ч. переделка пьес — основная работа этого милого учреждения, с которым я, кстати сказать, достаточно хорошо познакомилась: в результате моих переговоров о твоих вещах я поступила туда ученым секретарем литературного (= рецензентского) отдела и пробыла там около трех недель до отъезда в Киев. И рецензии писала...

Сейчас там, как пишет Андрей, образованы рецензентские тройки, обязанные давать на произведение коллективную рецензию.

“Самооборону” я оттуда уже давно убрала: конечно, ей там не место, да и вообще, она, по-моему, слаба. “Коммунары” Андрею понравились, а он имеет вкус и льстить не будет.

Твои рукописи, о которых ты писал Косте⁵ и мне, я нашла здесь в Киеве в твоём письменном столе. Они сейчас лежат здесь у меня».

Эти рукописи Н. А. передала впоследствии М. А., который их уничтожил.

О скитаниях писателя в те годы Н. А. пишет А. М. Земскому из Киева в Москву (письмо от 24 авг. 1921 г.): «Новость: приехала из Батума Тася (Мишина жена), едет в Москву. Положение ее скверное: Миша снялся с места и помчался в пространство неизвестно куда, сам хорошенько не представляя, что будет дальше. Пока он сидит в Батуме, а ее послал в Киев и Москву на разведки — за вещами и для пробы почвы, можно ли там жить».

В сентябре 1921 г. после кратковременного пребывания у матери в Киеве М. А. Булгаков приезжает в Москву, где и живет до конца своей жизни. Н. А. Булгакова-Земская пишет: «Приехав в Москву в сентябре 1921 года, без денег, без вещей и без крова, Михаил Афанасьевич одно время жил в Тихомировском студенческом общежитии, куда его на время устроил студент-медик, друг семьи Булгаковых, Николай Леонидович Гладыревский. Но оставаться там долго было нельзя, и Михаил Афанасьевич переселился в комнату к А. М. Земскому, где А. М. его прописал. Некоторое время они прожили вместе, затем Андрей Михайлович уехал к жене в Киев, оставив комнату за собой. Михаил Афанасьевич вынес много атак и неприятных разговоров с членами правления, пытавшимися выписать А. М. и выселить М. А. В конце концов “отцепились”. Земских выписали, а Михаил Афанасьевич остался на правах постоянного жильца. С ним жила и была прописана и его жена Татьяна Николаевна».

³ А. М. Земский.

⁴ Масткомдрам — Мастерская коммунистической драматургии (сокращенно — «Маска»), возникшая 29 ноября 1920 г. при репертуарной секции Тео (театрального отдела) Наркомпроса. См. Золотницкий, 1976, с. 48.

⁵ Костя японский — Константин Петрович Булгаков, двоюродный брат и друг юности М. А., инженер.

Письма к родным, кроме отдельных разрозненных, образуют несколько циклов: из Вязьмы, из Владикавказа, из Москвы в Киев, из Москвы в Москву. В тридцатые годы, когда в Москве жили три сестры М. Булгакова Вера, Надежда и Елена, переписка между писателем и сестрами затухает. Изредка обмениваются записочками, которые обычно передают домработницы или младшие родственники, в частности, Е. М. Земская, сестра А. М. Земского.

Печатаемые ниже письма расположены в хронологическом порядке. Авторские даты даются в начале письма слева, редакторские — слева курсивом. В угловые скобки заключены предполагаемые даты. Квадратными скобками обозначены зачеркнутые или пропущенные Булгаковым слова.

Несколько писем (к сестре Елене) приведены выше, в разделе «М. Булгаков в последний год жизни».

* * *

1. Н. А. Булгаковой⁶

3 апреля
1914 г.
Киев

Дорогая Надя,
Поздравляю тебя с праздником. Шлю тебе самые лучшие пожелания. Желаю весело провести Пасху, очень жалею, что ты не в Киеве.
Целую. *Тася*⁷.

Милая Надя,
и я поздравляю. Я все время провожу за книжкой. Экзаменов уже часть сдал и к маю, вероятно, перейду на 4-ый курс⁸. А куда придется «муикнуть»⁹ летом, еще не знаем.
Целую крепко. *М.*

⁶ Впервые: Булгаков, 1989. Почтовая открытка, на открытке два рисунка рукой Михаила Афанасьевича: один — после слов «Дорогая Надя»: два столкнувшихся носами профиля с вытянутыми губами, что должно означать христосующихся; после слов «Милая Надя» — рисуночек, означающий, по-видимому, сырную пасху, а рядом — овал, закрашенный красным карандашом, с буквами «Х. В.» [Христос воскрес] — пасхальное яйцо.

⁷ Т. Н. Лаппа, первая жена М. А.

⁸ Булгаков был тогда студентом медицинского факультета Киевского университета.

⁹ См. об этом шуточном глаголе ниже, в части II.

2. Н. А. Земской¹⁰

3 октября 1917 г. Вязьма

19 3/Х 17

Вязьма

Дорогая Надя,

вчера только из письма дяди¹¹ я узнал, что ты в Москве, где готовишься к экзаменам. Я был уверен, что ты в Царском Селе, и все хотел тебе писать, да не знал твоего адреса. Напиши, когда у тебя государственные?¹²

Вообще обращаюсь к тебе с просьбой: пиши, если только у тебя есть время на это, почаще мне. Для меня письма близких в это время представляют большое утешение. Пожалуйста, напиши мне также адрес Вари. Из последнего письма мамы я знаю только одно, что Варя¹³ в Петрограде. Я уже давно собираюсь написать ей, узнать, как она живет. От мамы я с начала сентября уже тоже не имею известий, т. ч. не знаю, чем кончилась Колина¹⁴ история с поступлением в военное училище; вероятно, он уже зачислен.

Мне на этих днях до зарезу нужно было бы побывать в Москве по своим делам, но я не могу бросить ни на минуту работу и поэтому обращаюсь к тебе с просьбой сделать в Москве кой-что, если тебя не затруднит.

1) Купи, пожалуйста, книгу Клопштока и Коварского «*Практическ. Руководств. по Клиническ. химии, микроскопии и бактериолог.*» (Издан. «Сотрудник») и вышли ее мне.

Узнай, какие есть в Москве самые лучшие издания по кожным и венерическим на русск. или немецк. языках и сообщи мне, не покупай пока, цену и названия. (Нет ли Jessner'a (Руководство по кожн. и венерич.) на немецк. языке?)

2) Напиши, если знаешь, почем мужские ботинки (хорошие) в Москве.

3) В Тверском отделен. Московск. городск. ломбарда заложена золотая цепь под № Д 111491 (ссуда 70 р., срок, включая льготн. месяцы, был 6 сентября). Я послал своевременно переводом и в заказном проценты и билет в ломбард, прося билет вернуть по адресу дяди Коли, после того как ломбард погасит проценты и сделает отметку. ОДНАКО до сих пор билет еще не вер-

¹⁰ Впервые: Булгаков, 1984. В правом углу письма штамп: «Докторъ М. А. Булгаковъ». Булгаков, окончив в 1916 г. медицинский факультет Киевского университета, получил, как и его товарищи по выпуску, «звание работника ополчения второго разряда». Осенью 1916 г. Булгаков был вызван в Москву и послан «в распоряжение Смоленского губернатора», где был назначен в Никольскую земскую больницу. В конце 1917 г. был отозван в г. Вязьму, там проработал зиму 1917/18 гг.

¹¹ Николай Михайлович Покровский.

¹² Осенью 1917 г. Н. А. приехала в Москву для сдачи государственных экзаменов на Московских высших женских курсах.

¹³ Сестра Варвара.

¹⁴ Брат Николай.

нулся. Тася страшно беспокоится об участи дорогой для нее вещи. Мне советую беспокоить тебя во время подготовки, но если найдешь время, наведи справку у заведующего *Тверским отделен*. Московск. ломбарда. Если абсолютно не имеешь времени, то хоть попытайся по телефону узнать, получил ли ломбард проценты, где билет и не продана ли цепь? Адрес Тверского отделения узнаешь легко.

Я думаю, что покупка книги не затруднит тебя. Вероятно, будешь в книжных магазинах?

Если удастся, я через месяц приблизительно постараюсь заехать на два дня в Москву, по более важным делам. Напиши мне адрес Лили¹⁵ и в Москве ли она?

Передай привет своему мужу, а прилагаемое письмо дяде Коле.

Тася и я целуем тебя крепко.

Михаил.

Вязьма. Городская

Земская больница

З. Н. А. Земской¹⁶

31 декабря 1917 г. Вязьма

19 31/ХІІ 17

Вязьма

Дорогая Надя,

поздравляю тебя с Новым годом и желаю от души, чтоб этот новый не был бы похож на старый. Тася просит передать тебе привет и поцелуй. Андрею Михайловичу наш привет.

Ты не пишешь мне и адреса своего не дала, из чего я заключил, что ты переписываться со мной не хочешь. Адрес твой я пытался узнать, будучи в Москве, у Лили. Лиля подняла глаза к небу и сказала: — Царское Село, квартира 13! — На мой робкий вопрос об улице и доме, Лиля гордо ответила, что она этого не помнит. Нормальный адрес я узнал у дяди Коли.

Я в отчаянии, что из Киева нет известий. А еще в большем отчаянии я оттого, что не могу никак получить своих денег из Вяземского банка и послать маме. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2000 р. ухнут в море русской революции. Ах, как пригодились бы мне эти две тысячи! Но не буду себя излишне расстраивать и вспоминать о них!..

Что касается дяди Коли, то его, вероятно, тоже ждет хорошая штука: с захватом банков его в награду за его каторжно-трудовую жизнь ждет, вероятно, потеря всего, что он имеет.

¹⁵ Двоюродная сестра Илария.

¹⁶ Впервые (с сокращениями): Булгаков, 1984.

В начале декабря я ездил в Москву по своим делам и с чем приехал, с тем и уехал¹⁷. И вновь тяну лямку в Вязьме, вновь работаю в ненавистной мне атмосфере среди ненавистных людей. Мое окружающее настолько мне противно, что я живу в полном одиночестве. Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю. Единственным моим утешением является для меня работа и чтение по вечерам. Я с умилением читаю старых авторов (что попадется, т. к. книг здесь мало) и упиваюсь картинами старого времени. Ах, отчего я опоздал родиться! Отчего я не родился сто лет назад. Но, конечно, это исправить невозможно! Мучительно тянет меня вон отсюда, в Москву или в Киев, туда, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь. В особенности мне хотелось бы быть в Киеве! Через два часа придет Новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино...

Придет ли старое время?

Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!

Недавно в поездке в Москву и Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица...

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло.

Идет новый год. Целую тебя крепко.

Твой брат *Михаил*.

P. S. Буду ждать письма.

¹⁷ Н. А. вспоминала: «В Москву Михаил Афанасьевич ездил на комиссию для освидетельствования его здоровья, которое было тогда действительно очень плохо. В этот раз его не освободили от военной службы». В феврале 1918 г. Булгаков снова был в Москве, и на этот раз его демобилизовали. Об этом известно из письма сестры Варвары Надежде Афанасьевне от 6 (19) февраля 1918 г. из Москвы в Царское Село: «У нас Миша. Его комиссия по болезни освободила от военной службы». По свидетельству Н. А., «будучи демобилизован, он немедленно оставил работу и вместе с женой уехал через Москву в Киев к матери».

4. К. П. Булгакову¹⁸

1 февраля 1921 г. Владикавказ

19 1/II 21

Дорогой Костя,

вчера я был очень обрадован твоим письмом. Наконец-то я имею весть о своих. Твое письмо помечено: 18-го янв. 1920 г. (?). Конечно, это ошибка. Не могу тебе выразить, насколько я был счастлив и удивлен, что наши все живы и здоровы и, по-видимому, все вместе. (Проклятые чернила!)

Единственно, о чем я жалел, это что твое письмо слишком кратко. Нескольким раз я его перечитывал...

Ты спрашиваешь, как я поживаю. Хорошенькое слово. Именно я поживаю, а не живу...

Мы расстались с тобой приблизительно год назад. Весной я заболел возвратным тифом и он приковал меня... Чуть не издох, потом летом опять хворал.

Помню, около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах. Это лето я все время выступал с эстрады с рассказами и лекциями. Потом на сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная юмореска «Самооборона», затем написанная наспех, черт знает как, 4^я акт. драма «Братья Турбины». Бог мой, чего я еще не делал: читал и читаю лекции по истории литературы (в Университ. народа и драмат. студии), читал вступительные слова и проч. проч.

«Турбины» четыре раза за месяц шли с треском успеха. Это было причиной крупной глупости, которую я сделал: послал их в Москву... Как раз вчера получил о них известие. Конечно, «Турбинных» забракуют, а «Самооборону» даже кто-то признал совершенно излишней к постановке. Это мне крупный и вполне заслуженный урок: не посылай неотделанных вещей!

Жизнь моя — мое страдание. Ах, Костя, ты не можешь себе представить, как бы я хотел, чтобы ты был здесь, когда «Турбины» шли в первый раз. Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать — писать.

В театре орала «Автора» и хлопали, хлопали... Когда меня вызвали после 2-го акта, я выходил со смутным чувством... смутно глядел на загримированные лица актеров, на гремящий зал. И думал: «а ведь это моя мечта исполнилась, ...но как уродливо: вместо московской сцены, сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь».

Судьба — насмешница.

¹⁸ Впервые: Булгаков, 1976б. Константин Петрович Булгаков (1892—?) — двоюродный брат и близкий друг Булгакова.

Потом кроме рассказов, которые негде печатать, я написал комедию-буфф «Глиняные женихи». Ее, конечно, не взяли в репертуар, но предлагают мне ставить в один из свободных дней. И опять: дня этого нет, все занято. Наконец на днях снял с пишущей машинки «Парижских коммунаров» в 3-х актах. Послезавтра читаю ее комиссии. Здесь она, несомненно, пойдет. Но дело в том, что я послал ее на всероссийский конкурс в Москву. Уверен, что она не попадет к сроку, уверен, что она провалится. И опять поделом. Я писал ее 10 дней. Рвань все, и «Турбины», и «Женихи», и эта пьеса. Все делаю наспех. Все. В душе моей печаль.

Но я стиснул зубы и работаю днями и ночами. Эх, если б было где печатать! Дорогой Костя, не откажи исполнить следующее.

В средних числах февраля (15—20—25-го) зайти на Неглинную улицу, д. № 9, Тео. Репертуарная секция Бюро жюри конкурса пьес о Парижской коммуне. Справься, получена ли 3-х актн. пьеса «Парижские коммунары» под девизом «Свободному богу искусства» (пьесы идут на конкурс под девизом, с фамилиями, запечатанными в конверт, т. ч. фамилию называть не нужно). 25-го/II объявление результатов. Если она провалилась (в чем не сомневаюсь), постарайся получить ее обратно и сохрани. Если она не получена, узнай, не продлен ли срок присылки.

Проклятая «Самооборона» и «Турбины» лежат сейчас в том же Тео. О них я прямо и справляться боюсь. Кто-то там с маху нашел, что «Самообор.» «вредная»* ... Отзыв этот, конечно, ерундовый, но неприятный, жаль, что я ее, «вредную» «Самооборону», туда послал.

Если б ты о них навел справку и забрал бы и «Турбиных» и «Сам.», обязал бы меня очень.

Справку о них нужно навести у Босалыги¹⁹ (заведующ. Цут Тео²⁰) или у Мейерхольда. Сделай умненько...

* * *

Эти пьесы («Сам.» и «Турб.») привез в Москву Давид Ааронович Черномордик, заведующий подотделом искусств здесь. Наведи справку и забери их.

И так я поживаю.

За письменным столом, заваленным рукописями... Ночью иногда перечитываю свои раньше напечатанные рассказы (в газетах! в газетах!) и думаю: где же сборник? Где имя? Где утраченные годы?

Я упорно работаю.

* и что ее нужно снять с репертуара!.. (отзыв скверный, хотя исходит единолично от какой-то второстепенной величины) (примеч. М. А. Булгакова).

¹⁹ Боссалыга Дмитрий Николаевич (1884—1969) — зампреда художественного совета Мастерской коммунистической драматургии (Масткомдрам). М. А. пишет Босалыга.

²⁰ Центральное управление театрами, создано 26 августа 1919 г.

Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь. Но печаль опять: ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое.

Поживаю за кулисами, все актеры мне знакомые, друзья и приятели, черт бы их всех взял!

Тася служила на сцене выходной актрисой. Сейчас их труппу расформировали и она без дела.

Я живу в скверной комнате на Слепцовской улице, д. № 9, кв. 2. Жил в хорошей, имел письменный стол, теперь не имею и пишу при керосиновой лампе.

Как одет, что ем... не стоит...²¹

Что дальше?

Уеду из Владикавказа весной или летом.

Куда? Маловероятно, но возможно, что летом буду проездом в Москве. Стремлюсь далеко...

Жду твоего письма с нетерпением. Напиши подробно. Где и как живешь. Узнай у дяди Коли, целы ли мои вещи. Кстати напиши, жив ли Таськин браслет? Скажи дяде Коле, что и я и Тася часто вспоминаем его тепло, интересуемся, как он живет. Если он спросит...²² его не могу.

На случай, если придется менять квартиру, посылаю такой адрес:

Владикавказ Почта до востребования

Михаилу Афанасьевичу Булгакову

По этому адресу, без изменений в нем!

Целую тебя.

Михаил.

Р. С. Как образчик своей славной и замечательной деятельности прилагаю одну из бесчисленных моих афиш. На память, на случай, если не встретимся.

Жду письма. (Тео! Зайди!)

5. К. П. Булгакову²³

16 февраля 1921 г. Владикавказ

1921 года

16 февраля

Дорогой Костя,

я послал тебе недавно заказное письмо.

Будь добр, узнай на Неглинной, № 9, в репертуарной секции Тео в бюро конкурсов пьес о Парижской коммуне, дошла ли туда пьеса в 3 актах «Парижские Коммунары», посланная ценным пакетом, под девизом «Свободно-

²¹ В этом месте вырезано несколько строк.

²²оборот того листа, где вырезано несколько строк.

²³ Впервые: Булгаков, 1976б.

му богу искусства», и какая судьба ее постигла. Я тщетно пишу в Киев и никакого ответа не получаю. Прошу тебя (может, из Москвы лучше сообщение), напиши моей маме следующее (кстати, ее адреса нового я не знаю²⁴, пишу на Андреевский спуск).

У меня в № 13²⁵ в письменном столе остались две важных для меня рукописи: «Наброски Земского вр.» и «Недуг» (набросок) и целиком на машине «Первый цвет». Все эти три вещи для меня очень важны. Попроси их, если только, конечно, цел мой письменный стол, сохранить. Сейчас я пишу большой роман по канве «Недуга»²⁶. Если пропали рукописи, то хоть, может быть, можно узнать, когда и кто их взял.

Еще прошу тебя, узнай, пожалуйста, срочно сообщи, есть ли в Москве частные издательства и их адреса.

Сообщи мне, целы ли мои вещи и Т. браслет.

Во Влад. я попал в положение «ни взад ни вперед». Мои скитания далеко не кончены. Весной я должен ехать: или в Москву (м. б., очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь. Сообщи мне, есть ли у тебя возможность мне перебыть немного, если мне придется побывать в Москве.

Адрес: Владикавказ Почта до востребования. М. А. Булгакову или Владикавказ Областной подотдел искусств Мих. Аф. Булгакову (без изменений и дополнений).

Твой *Михаил*

6. Н. А. Земской²⁷

<Апрель 1921 г., Владикавказ >

На случай, если я уеду далеко и надолго, прошу тебя о следующем: в Киеве у меня остались кой-какие рукописи — «Первый цвет», «Зеленый змий», а в особенности важный для меня черновик «Недуг». Я просил маму в письме сохранить их. Я полагаю, что ты осядешь в Москве прочно. Выпиши из Киева эти рукописи, сосредоточь их в своих руках и вместе с «Сам.» и «Турб.» в печку.

Убедительно прошу об этом.

²⁴ Мать Булгакова жила в это время со своим вторым мужем И. П. Воскресенским в другом доме по Андреевскому спуску (№ 38, кв. 1).

²⁵ Имеется в виду старый адрес Булгаковых: Андреевский спуск, д. 13, где Булгаков жил с перерывами с 1906 по 1921 г.

²⁶ По мнению Н. А., набросок «Недуг» послужил основой для рассказа «Морфий».

²⁷ Впервые (с сокращениями): Булгаков, 1976б. Первая страница письма не сохранилась. Дата устанавливается по письму А. М. Земского жене в Киев от 17 апреля 1921 г., в которое он вложил письмо Булгакова.

Колеблюсь, стоит ли соваться с программой «Турбинных» в Союз. С одной стороны — они шли с боем четыре раза, а с другой стороны — слабовато. Это не драма, а эпизод. Забери их из «Маски» и прочти. На твой вкус. А с «Парижск.» так: если отыщутся, дай на отзыв. Поставят — прекрасно. Нет? — в печку.

В случае каких-либо перемен, если будешь чувствовать, что они не ко времени (понимаешь?), забери их из «Маски» немедленно.

* * *

Тася со мной. Она служит на выходах в 1-ом Советском Владикавк. театре, учится балету.

Ей писать так: Владикавказ П/отдел Искусств артистке Т. Н. Булгаковой-Михайловой.

Она просит тебя пересмотреть вещи в ящике, не поела ли их моль. О браслете знает Константин. Передай ему (не браслету, а Константину) мой привет. Проси писать. Мужу, дяде Коле, всем привет.

Напиши, где Лиля?

Целую тебя.

Любящий *Михаил*.

Р. S. Вот досада с «Парижскими». Первый акт можно грандиозно поставить на большой сцене. Пойду завтра смотреть во 2-м акте моего мальчика Анатоля Шоннара. Изумительно его играет здесь молодая актриса Ларина.

Мой Анатолий — мой отдых в моих нерадостных днях.

Жалею, что не могу послать тебе некоторых из моих рассказов и фельетонов, которые печатались в газетах. Некоторые из них в одном экземпляре.

Посылаю кой-какие вырезки и программы. Может пригодятся при заявлении.

Если уеду и не увидимся — на память обо мне.

7. Н. А. Земской²⁸

26 апреля 1921 г. Владикавказ

19 26/IV 21

Дорогая Надя,

в Москву едет моя знакомая Ольга Аристарховна Мишон. Я дал ей письмо, в котором прошу тебя отобрать из моих вещей лучшее и необходимое из белья и белые брюки и Тасины чулки и белое платье и передать это Мишон, которая возвращается во ВЛК²⁹. Она должна указать свой адрес. Если она бу-

²⁸ Впервые: Булгаков, 1989.

²⁹ Владикавказ.

дет ехать удобно, дай побольше, а если нет, то хоть маленькую посылку с необходимым. Нуждаюсь в белье.

Последнее время пишу меньше — переутомлен. Ради Бога, в Тео (Неглинная, 9) узнай, где «Парижские». Не давай ее никуда, как я уже писал, пока не пришло поправок. Неужели пьеса пропала? Для меня это прямо беда.

* * *

С Мишон никаких лекарских conversation'ов, которые я и сам не веду, с тех пор как окончил естественный³⁰ и занимаюсь журналистикой. Внуши это Константину. Он удивительно тороват на всякие lapsus'ы.

Целую крепко. *Михаил*

Пиши до востребования.

8. Вере А. Булгаковой³¹

26 апреля 1921 г. Владикавказ

19 26/IV 21

Дорогая Вера,

большое спасибо тебе за твое обстоятельное письмо. Рад, что узнал о некоторых знакомых. Если будешь иметь известие о Коле Сынг.³², прошу тебя немедленно мне написать о нем.

Теперь уже, вероятно, ты имеешь известия от Нади. Она в Москве с мужем. Ребенок ее умер³³. Адрес ее на дядю Колю.

* * *

Я очень тронут и твоим и Вариным пожеланием мне в моей литературной работе. Не могу выразить, как иногда мучительно мне приходится. Думаю, что это вы поймете сами...

Я жалею, что не могу послать вам мои пьесы. Во-первых, громоздко, во-вторых, они не напечатаны, а идут в машинных рукописях-списках, а в третьих — они чувшь.

Дело в том, что творчество мое разделяется резко на две части: подлинное и вымученное. Лучшей моей пьесой подлинного жанра я считаю 3-х актную комедию-буфф салонного типа «Вероломный папаша» («Глиняные женихи»).

³⁰ После того как Булгакова пытались мобилизовать петлюровские власти в Киеве и ему пришлось бежать из петлюровского полка, он стал скрывать, что окончил медицинский факультет.

³¹ Впервые (с сокращениями): Булгаков, 1976б.

³² Н. Н. Сынгаевский, друг юности Булгакова.

³³ Имеется в виду дочь Н. А. и А. М. Земских, умершая во младенчестве.

И как раз она не идет, да и не пойдет, несмотря на то, что комиссия, слушавшая ее, хохотала в продолжение всех трех актов...

Салонная! Салонная! Понимаешь. Эх, хотя бы увидиться нам когда-нибудь всем. Я прочел бы вам что-нибудь смешное. Мечтаю повидать своих. Помните, как иногда мы хохотали в № 13?

* * *

В этом письме посылаю тебе мой последний фельетон «Неделя просвещения», вещь совершенно ерундовую, да и притом узко местную (имена актеров). Хотелось бы послать что-нибудь иное, но не выходит никак... Кроме того посылаю три обрывочка из рассказа с подзаголовком «Дань восхищения»³⁴. Хотя они и обрывочки, но мне почему-то кажется, что они будут не безынтересны вам... Не удивляйся *скудной присылке!* Просто на память несколько печатных строк и программа Турбиных.

А «Неделя» — образчик того, чем приходится мне пробавляться.

Целую.

Любящий *Михаил*.

Пиши:

ВЛК Почта До востребования мне.

9. Н. А. Земской³⁵

<Конец мая 1921 г. Владикавказ >

Дорогая Надя,

сегодня я уезжаю в Тифлис — Батум. Тася пока остается во Владикавказе. Выезжаю спешно, пишу коротко.

1) Если «Парижских» примут *без переделок*, пусть ставят. Обработать в «Маске» пьесы не разрешаю, поэтому возьми ее обратно, если не подойдет.

Редакционная поправка:

во II акте фраза Анатоля Шоннара: «Да, я голодный как собака, с утра ничего не ел» заменяется фразой: «Да, ты не можешь представить, до чего я голоден. У меня живот совсем пустой»...

Имя Анатолий Шоннар *заменяется: Жак Шоннар*. В первом акте в «Марсельезе» куплет от слов «Голодные, упорные...» и кончая «уберем с лица земли» — ВОИ. В III-м акте фраза Лекруа

³⁴ См. выше раздел «Семейная переписка, отразившаяся в рассказах “Дань восхищения” и “Красная корона”».

³⁵ Впервые (с сокращениями): Булгаков, 1976б. Письмо не датировано. Судя по дате следующего письма (2 июня 1921 г.), относится к концу мая 1921 г.

«Но как ловко я его срезал. Умер, не пикнул, и себе такой же смерти желаю
заменяется

«А хорошо я командира взвода подстрелил... Как сноп упал. Дай Бог каждому из нас так помереть...»

* * *

В случае отсутствия известий от меня больше полугода, начиная с момента получения тобой этого письма, брось рукописи мои в печку [за исключением, пожалуй, «Первый цвет»].

Все пьесы, «Зеленый змей», «Недуг» и т. д. Все это хлам. И конечно, в первую голову ауто да фе «Парижск.», если они не пойдут³⁶.

В случае появления в Москве Таси, не откажи в родственном приеме и совете на первое время по устройству ее дел.

Константину привет. Всем. Сколько времени проезжу, *не знаю.*

Целую тебя, дорогая Надя.

Михаил.

10. Н. А. Земской³⁷

2-го июня 1921 года

Тифлис, Дворцовая, № 6, Номера «Пале-Рояль» (№ 15)

Дорогие Костя и Надя, вызываю к себе Тасю из Влад. и с ней уезжаю в Батум, как только она приедет и как только будет возможность.

Может быть, окажусь в Крыму...

* * *

«Турбиных» переделываю в большую драму. Поэтому их в печку. «Парижских» (с переименованием Анатоля в Жака) если взяли уже для постановки — прекрасно, пусть идет как торжественн. спектакль к празднеству какому-нибудь. Как пьеса она никуда. Не взяли — еще лучше. В печку, конечно.

Они как можно скорей должны отслужить свой срок...

Но на переделки не очень согласен. Впрочем, на небольшие разве. Это *на усмотрение Нади.* Черт с ним.

Целую всех. Не удивляйтесь моим скитаниям, ничего не сделаешь. Никак нельзя иначе. Ну и судьба! Ну и судьба!

Целую всех.

Михаил.

³⁶ Владикавказская газета «Коммунист» (8 мая 1921 г.) сообщала, что пьеса «Парижские коммунары» намечена к постановке в Москве. Но автор не соглашался на переделки, и Н. А. забрала пьесу из Масткомдрама и передала брату.

³⁷ Впервые (с сокращениями): Булгаков, 1976б.

Перешли это письмо Наде заказным.

Москва

Пречистенка

угол Обухова № 24

Никол. Михаил.

Покровскому для Надежды.

11. Н. А. Земской³⁸

23-го октября 1921 г.

Москва

Милая Надя, как живешь? Не писал тебе до сих пор, потому что очень устал. Все откладывал корреспонденцию. Как твое здоровье? Как Андрей? Напомни ему, пожалуйста, чтобы он не забыл «нахлестать сапогами морду сапожнику». Если нахлестал уже — хорошо сделал, потому что сапоги действительно дрянь.

Ну-с, это шуточки. Игривый тон моего письма объясняется желанием заглушить тот ужас, который я испытываю при мысли о наступающей зиме. Впрочем, Бог не выдаст. Может, помрем, а может, и нет. Работы у меня гибель. Толку от нее пока немного. Но может, дальше будет лучше. Напрягаю всю энергию, и, действительно, кой-какие результатишки получаются.

Подробней напишу в следующем письме. Уж очень устал. Бегаешь как собака, а питаешься только картошкой.

Пиши, пожалуйста, на адрес дяди Коли. Целую тебя и Андрея крепко.

Тася тоже.

Любящий Михаил.

P. S.

Стихи:

На Большой Садовой

Стоит дом здоровый³⁹.

Живет в доме наш брат

Организованный пролетариат.

³⁸ Впервые: Булгаков, 1984. Это первое письмо Булгакова родным из Москвы. Судя по письму Н. А. Булгаковой-Земской мужу от 18 сентября 1921 г., в Киев с Кавказа Булгаков приехал 17 сентября.

* Собственное его выражение (примечание М. А. Булгакова).

³⁹ Имеется в виду дом № 10 по Б. Садовой, принадлежавший миллионеру-домовладельцу Пигиту. В этом доме на 5-м этаже располагались Высшие женские курсы, которыми заведовала М. Д. Земская, жена Б. М. Земского. Ей удалось выделить одну из комнат брату своего мужа, А. М. Земскому.

И я затерялся между пролетариатом
Как какой-нибудь, извините за выражение,
атом.
Жаль, некоторых удобств нет,
Например, испорчен в...р-кл...т.
С умывальником тоже беда,
Днем он сухой, а ночью из него на пол
течет вода.
Питаемся понемножку:
Сахарин и картошка.
Свет электрический — странной марки,
То потухнет, а то опять ни с того
ни с сего разгорится ярко.
Теперь, впрочем, уже несколько дней
горит подряд,
И пролетариат очень рад.
За левой стеной женский голос
выводит «бедная чайка...»,
А за правой играют на балалайке.

Р. Р. S. Передай привет Василию Ильичу⁴⁰.

12. Н. А. Земской⁴¹

9 ноября 1921 г. Москва
19 9/XI 21

Дорогая Надя,

вчера я получил твое письмо и передал Борису⁴² пакет и твою просьбу относительно запаса картошки.

Андрея я не собирался выписывать; напротив — так и заявил, что проживают Земск. и мы.

Эффект твоих писем от 3/XI, как я уже написал тебе сегодня по почте, колоссален.

⁴⁰ Василий Ильич Экземплярский (1874—1933), религиозный философ, друг семьи Булгаковых.

⁴¹ Впервые: Булгаков, 1984.

⁴² Борис Михайлович Земский (1890—1940), старший брат А. М. Земского, профессор Военно-воздушной академии.

Позволь мне посоветовать тебе одно: прежде чем рискнуть на возвращение и питание картошкой, внимательно глянуть на Андрея. Я глубоко убежден, что, если ты как следует осмотришь его и взвесишь состояние его здоровья, ты не тронешься с места.

Ехать ему нельзя. Нельзя.

Вот все, что я считаю врачебным долгом написать. А там уж поступи, как найдешь лучше⁴³.

* * *

Почему ты спрашиваешь, где я служу? Разве А. не сказал? — Секретарем ЛИТ/о Г. П. П.⁴⁴

Всем привет.

Я и Тася тебя целуем крепко.

Любящий *Михаил*.

P. S. Сегодня цены: хлеб черный 4, белый 12, мука белая 500, черная 200.

13. В. М. Булгаковой-Воскресенской⁴⁵

17 ноября 1921 г. Москва

19 17/XI 21

Москва

Дорогая мама,

как Вы поживаете, как Ваше здоровье? Пишите, пожалуйста, как только выберете свободную минуту. Всякая весть от своих приятна, в особенности во время такой каторжно-рабочей жизни, которую я веду. Очень жалею, что в маленьком письме не могу Вам передать подробно, что из себя представляет сейчас Москва. Коротко могу сказать, что идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни.

Въехав 1½ месяца тому назад в Москву в чем был, я, как мне кажется, добился тахітум'а того, что можно добиться за такой срок. Место я имею. Правда, это далеко не самое главное. Нужно уметь получать и деньги. И вто-

⁴³ Т. Н. Булгакова-Лаппа писала Н. А. 11 сентября 1921 г.: «Только теперь я убедилась, что сделала огромную ошибку, выехав так налегке в Москву на зиму; с каждым днем настроение у меня падает, и я с ужасом думаю о дальнейшем. Часть вещей совершенно погнила, а за остальные дают пустяки. <...> В Киеве можно прожить гораздо лучше. От всех забот я оступела, ругаю себя каждый день оттого, что кого-то послушалась и полетела».

⁴⁴ Главполитпросвет.

⁴⁵ Впервые: Булгаков, 1976б.

рого я, представьте, добился. Правда, пока еще в ничтожном масштабе. Но все же в этом месяце мы с Таськой уже кой-как едим, запаслись картошкой, она починила туфли, начинаем покупать дрова и т. д.

Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день.

Идет полное сворачивание советских учреждений и сокращение штатов. Мое учреждение тоже подпадает под него и, по-видимому, доживает последние дни⁴⁶. Так что я без места буду в скором времени. Но это пустяки. Мною уже предприняты меры, чтоб не опоздать и вовремя перейти на частную службу. Вам, вероятно, уже известно, что только на ней или при торговле и можно существовать в Москве. И мое, так сказать, казенное место было хорошо лишь постольку, поскольку я мог получить на нем около 1-го милл. за прошлый месяц. На казенной службе платят туго и с опозданием, и поэтому дальше одним таким местом жить нельзя. Я предпринимаю попытки к поступлению в льняной трест. Кроме того, вчера я получил приглашение пока еще на невыясненных условиях в открывающуюся промышленную газету⁴⁷. Дело настоящее коммерческое, и меня пробуют. Вчера и сегодня я, т. ск., держал экзамен. Завтра должны выдать $\frac{1}{2}$ милл. аванса. Это будет означать, что меня оценили, и возможно тогда, что я получу заведывание хроникой. Итак, лен, промышленная газета и частная работа (случайная), вот что предстоит. Путь поисков труда и специальность, намеченные мной еще в Киеве, оказались совершенно правильными. В другой специальности работать нельзя. Это означало бы, в лучшем случае, голодовку.

Труден будет конец ноября и декабрь, как раз момент перехода на частные предприятия. Но я рассчитываю на огромное количество моих знакомств и теперь уже с полным правом на энергию, которую пришлось проявить *volens-polens*. Знакомств масса и журнальных и театральных и деловых просто. Это много значит в теперешней Москве, которая переходит к новой, невиданной в ней давно уже жизни — яростной конкуренции, беготне, проявлению инициативы и т. д. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь. В числе погибших быть не желаю.

Таська ищет места продавщицы, что очень трудно, п. ч. вся Москва еще голая, разутая и торгует эфемерно, большей частью своими силами и средствами, своими немногими людьми. Бедной Таське приходится изошряться изо всех сил, чтоб молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеды. Но она молодец! Одним словом, бьемся оба как рыбы об лед. Самое главное, лишь бы была крыша. Комната Андрея мое спасение. С приездом Нади вопрос этот, конечно, грозно осложнится. Но я об этом пока не думаю, стараюсь не думать, п. ч. и так мой день есть день тяжких забот.

⁴⁶ В конце ноября 1921 г. ЛИТО было закрыто.

⁴⁷ Речь идет о частной еженедельной газете «Торгово-промышленный вестник» (вышло в 1921—1922 гг. всего 6 номеров).

* * *

В Москве считают только на сотни тысяч и миллионы. Черный хлеб 4600 р. фунт, белый 14 000. И цена растет и растет! Магазины полны товаров, но что ж купишь! Театры полны, но вчера, когда я проходил по делу мимо Большого (я теперь уже не мыслю, как можно идти не по делу!), барышники продавали билеты по 75, 100, 150 т. руб.! В Москве есть все: обувь, материи, мясо, икра, консервы, деликатесы, все! Открываются кафе, растут как грибы. И всюду сотни, сотни! Сотни!! Гудит спекулянтская волна⁴⁸.

Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре, который будет, надо полагать, самым трудным месяцем.

Таськина помощь для меня не поддается учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня и оставляя мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам.

Оба мы носимся по Москве в своих пальтишках. Я поэтому хожу как-то одним боком вперед (продувает почему-то левую сторону). Мечтаю добыть Татьяне теплую обувь. У нее ни черта нет, кроме туфель.

Но авось! Лишь бы комната и здоровье!

* * *

Не знаю, интересно ли Вам столь подробное описание Москвы и достаточно ли оно понятно для вас, киевлян.

Пишу это все еще с той целью, чтобы показать, в каких условиях мне приходится осуществлять свою *idée-fixe*. А заключается она в том, чтоб в 3 года восстановить норму — квартиру, одежду и книги. Удастся ли — увидим.

Не буду писать, п. ч. Вы не поверите, насколько мы с Таськой стали хозяйственны. Бережем каждое полено дров. Такова школа жизни.

По ночам урывками пишу «Записки земск. вр.». Может выйти солидная вещь. Обрабатываю «Недуг». Но времени, времени нет! *Вот что больно для меня!*

Наде

Просьба, передайте Наде (не в силах писать отдельно — сплю!) — нужен весь материал для исторической драмы — все, что касается Николая и Распутина в период 16- и 17-го годов (убийство и переворот). Газеты, описание дворца, мемуары, а *больше всего «Дневник» Пуришкевича*⁴⁹ до зарезу! Описание костюмов, портреты, воспоминания и т. д. Она поймет.

⁴⁸ Этот период Булгаков описал в очерке «Торговый ренессанс» (см. о нем далее, в письме от 1 декабря 1921 г.).

⁴⁹ В. М. Пуришкевич (1870—1920) — один из лидеров «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела», член II—IV Государственной думы. Вместе с вел. кн. Дмитрием Павловичем и кн. Феликсом Юсуповым участвовал в убийстве Г. Распутина. Описал эти события в своем «Дневнике» (1918).

Лелею мысль создать грандиозную драму в 5 актах к концу 22-го года⁵⁰.

Уже готовы некоторые наброски и планы. Мысль меня увлекает безумно. В Москве нет «Дневника». Просите Надю достать, во что бы то ни стало! Если это письмо застанет ее перед отъездом, прошу ее привезти материал с собой. Если ж она остается в Киеве, подождать Рождества и приезда Коли Гладыревского⁵¹, скопить материал и прислать с ним. А может, и раньше будет верная оказия.

* * *

Конечно, при той иссушающей работе, которую я веду, мне никогда не удастся написать ничего путного, но дорога хоть мечта и работа над ней. Если «Дневник» попадет в руки ей временно, прошу немедленно *теперь же* списать дословно из него все, что касается убийства с граммофоном, заговора Феликса и Пуришкевича, докладов Пур. Николаю, личности Николая Михайловича⁵², и послать мне в письмах (я думаю, можно? Озаглавив «Материал драмы»?). Может, это и неловко, просить ее обременять этим, но она поймет. В Румянцевском музее нет комплектов газет 17 г.!! Очень прошу.

* * *

Дядя Коля и дядя Миша здоровы, живут хорошо. Лилю ни разу не видел. Земск. хорошо.

Целую Вас, дорогая мама, крепко. Тася также.

Всех целуем.

Михаил.

Р. S. Самым моим приятным воспоминанием за последнее время является — угадайте, что?

Как я спал у Вас на диване и пил чай с французскими булками. Дорого бы дал, чтоб хоть на два дня опять так лечь, напившись чаю, и ни о чем не думать. Так сильно устал.

* * *

Ивана Павловича⁵³ целую крепко.

⁵⁰ Драма не была написана Булгаковым. Можно предположить, что подготовительные материалы к этому неосуществленному замыслу Булгаков использовал при описании Николая II в пьесе «Батум» (1939).

⁵¹ Николай Леонидович Гладыревский (1896—1973), друг юности Булгакова, в то время студент-медик, дальний родственник Л. С. Карума, мужа сестры Варвары. Впоследствии доктор мед. наук, профессор-хирург. Именно «у Коли Гладыревского в общежитии» живет Т. Н. Булгакова после ее приезда в Москву.

⁵² Вероятно, великий князь Николай Михайлович (1859—1919), внук Николая I, историк, президент Русского исторического общества.

⁵³ И. П. Воскресенский.

* * *

Косте:

пора написать письмо!

Пишите по адресу: Садовая 10 кв. 50.

14. Н. А. Земской⁵⁴*1 декабря 1921 г. Москва*

19 1/ХП 21

Москва

Милая Надя,

чего же ты не пишешь?! Одно время пережил натиск со стороны компании из конторы нашего милого дома. «Да А. М. триста шестьдесят пять дней не бывает. Нужно его выписать. И вы тоже неизвестно откуда взялись...» и т. д. и т. д.

Не вступая ни в какую войну, дипломатически вынес в достаточной степени наглый и развязный тон, в особенности со стороны С., зрителя. По-видимому, отцепились. А. настоял не выписывать. Так что, пока что, все по-прежнему. С. довел меня до белого каления, но я сдерживался, п. ч. не чувствую, на твердой ли я почве. Одним словом, пока отцепились.

* * *

Я заведываю хроникой «Торг. Пром. Вестн.», и если сойду с ума, то именно из-за него. Представляешь, что значит пустить частную газету?! Во 2 № должна пойти статья Бориса. Об авиации в промышленности, о кубатуре, штабелях и т. под. и т. под. Я совершенно ошалел. А бумага!! А если мы не достанем объявлений? А хроника!! А цена!!! Целый день как в котле.

Написал фельетон «Евгений Онегин» в «Экран» (театр. журнал). Не припаяли. Мотив — годится не для театр., а для литер. журнала.

Написал посвященн. Некрасову худож. фельет. «Муза мести»⁵⁵. Приняли в Бюро худ. фельет. при Г. П. П. Заплатили 100. Сдали в «Вестник Искусств», который должен выйти при Тео Г. П. П. Заранее знаю, что или не выйдет журнал, или же «Музу» в последн. момент кто-нибудь найдет не в духе... и т. д. Хаос.

Не удивляйся дикой небрежности письма. Это не нарочно, а потому что буквально до смерти устаю. Махнул рукой на все. Ни о каком писании не думаю. Счастлив только тогда, когда Таська поит меня горячим чаем. Питаемся

⁵⁴ Впервые: Булгаков, 1976б.

⁵⁵ Фельетон «Муза мести» обсуждался на заседании ЛИТО ГППК 25 октября 1921 г.

мы с ней неизмеримо лучше, чем в начале. Хотел написать тебе длинное письмо с описанием Москвы, но вот что вышло...

Целую. *Михаил*.

Андрея поцелуй.

Передай Косте прилагаемое письмо.

15. Н. А. Земской⁵⁶

10 января 1922 г. Москва

19 10/1 22

Москва

Дорогая Надя,

сегодня получил твое письмо от 1/1 с припиской от 2/1. О стоимости газет и цене пересылки их нечего и говорить! Шли немедленно. Само собой, что в ту же минуту, как придет первая партия их, мы покроем их авансом переводом (и будем покрывать!). Я с нетерпением жду первой корреспонденции, потому что без этого редактор не пошлет денег в пространство. Во всяком случае, завтра же буду просить, чтобы тебе двинули деньги.

Ты не пишешь, к сожалению, получила ли «Вестник» бандеролями. Немедленно ответь. Завтра шлю опять.

Шли газеты (киевск., одесск., харьковск.) заказными бандеролями, чтобы иметь квитанции. Материала жду с нетерпением. Всплывают конкурирующие издания, работаем в муках.

Пиши: какие тресты образовались, кто во главе, что делает биржа (что предлагают, что спрашивают, с маклерами или без них), какие артели образовались, союзы их, как развиваются магазины, банк (курс), состояние рынка, подвоз, спрос, цены и т. д. и т. д. и т. д.

Что рыночные цены упали на рынке — великолепно. Значит, они соответствуют действительности. Такие цены, как цены комитета цен, биржевого ком. и т. д., тоже нужны, но они несколько отстают и носят официальный характер. Но они тоже нужны. Наприм.: Цены утвержденные Бирж. Ком. (к примеру) такие-то, такие-то и такие-то.

А рыночные само собой. Итак, жду корреспонденции и газет.

Расход для «Вестника» на газеты настолько грошовый, что о нем и говорить не приходится. Я понимаю, что тебе нужны деньги, но ничего не мог сделать в смысле высылки их, не имея от тебя ответа!! Теперь нажму.

Спешу. Целую тебя и Андрея.

Твой *Михаил*.

⁵⁶ Впервые: Булгаков, 1984.

Корреспонденции адресуй:

Москва Угол Маросейки и Лубянского проезда. Номера Еремеева комн. № 8 Редакция «Вестника» М. А. Булл (Б-у-л-л)⁵⁷.

Р. S. Не откажи немедленно сообщить, какие газеты в Киеве выходят (нет ли частных). Следующим письмом высылаю тебе мой фельетон «Москва торгует»⁵⁸. Может быть,строишь его куда-нибудь? Для Киева при нов. экон. политике он может быть интересен.

Переписку деловую поддерживай со мной, *не прерывая*. Очень прошу об этом. Я же со своей стороны постараюсь тебе доставить заработок. Если «Вестник» пойдет, будешь подрабатывать.

16. Н. А. Земской⁵⁹

13 января 1922 г. Москва

19 13/1 22

Москва

Дорогая Надя,

сегодня «Вестник» получил твою корреспонденцию о рыночных ценах на 31 декабря, и тотчас же я настоял, чтобы редактор перевел тебе 50 тыс. Это сделано. И одновременно с корреспонденцией меня постиг удар, значение которого ты оценишь сразу и о котором я тебе пишу конфиденциально. Редактор сообщил мне, что под тяжестью внешних условий «Вестник» горит. Ред. говорит что шансы еще есть, но я твердо знаю, что он не переживет 7-го №. Finita! Вот этим объясняется малая величина посланной тебе суммы. Если б не это, надеюсь, что сумел бы ее увеличить.

Итак: до получения от меня следующего письма, в котором я сообщу окончательное положение дел, ты еще прокорреспондируй (на мой *личный адрес*), но не трать много денег на бандероли*. Сведи расход до minimum'a. Через два дня дело будет ясно.

* * *

В этом письме посылаю тебе корреспонденцию «Торговый ренессанс». Я надеюсь, что ты не откажешь (взамен и я постараюсь быть полезным тебе в Москве) отправиться в любую из киевских газет по твоему вкусу (предпочтительно большую ежедневную) и предложить ее срочно.

⁵⁷ Один из псевдонимов Булгакова в период работы в газете «Гудок».

⁵⁸ «Торговый ренессанс».

⁵⁹ Впервые: Булгаков, 1976б.

* простые, а не заказные, как я писал! (примечание М. А. Булгакова).

Результаты могут быть следующие:

- 1) ее не примут
- 2) ее примут
- 3) примут и заинтересуются.

О первом случае говорить нечего. Если второе, получи по ставкам редакции гонорар и переведи его мне, удержав в свое пользование из него сумму, по твоему расчету необходимую тебе на почтовые и всякие иные расходы при корреспонденциях и делах со мной (полное твое усмотрение).

Если же 3, предложи меня в качестве столичного корреспондента по каким угодно им вопросам или же для подвального** художественного фельетона о Москве. Пусть вышлют приглашение и аванс. Скажи им, что я завед. хроникой в «Вестнике», профессиональный журналист. Если напечатают «Ренессанс», пришли заказной бандеролью два №.

* * *

Я надеюсь, что ты извинишь меня за беспокойство. Хотел бы тебе написать еще многое помимо этих скучных дел, которыми я вдобавок тебя и беспокою (единственно, что меня утешает, это мысль, что я так или иначе сумею тебе возместить хлопоты в скором времени), но ты поймешь, что я должен испытывать сегодня, вылетая вместе с «Вестн.» в трубу.

Одним словом, раздавлен.

А то бы я описал тебе, как у меня в комнате в течение ночи под сочельник и в сочельник шел с потолка дождь.

Целую всех. *Михаил.*

Сведения для киевской газеты:

Зав. хроникой «Вестника», журналист, б. секретарь Лито Главполитпросвета, подписываю псевдонимом Булл. Если же они завяжут со мной сношения, сообщи им адрес, имя, отчество и фамилию для денежных переводов и корреспонденции. Словом, как полагается.

Извини за неряшливое нисьмо. Писал ночью, так же как и «Ренессанс». Накорябал на скорую руку черт знает что. Противно читать.

Переутомлен я до того, что дальше некуда⁶⁰.

** «подвал» — низ газеты, в который ставятся фельетоны. Впрочем, вероятно, ты знаешь (примечание М. А. Булгакова).

⁶⁰ По свидетельству Н. А. Булгаковой-Земской, следующее письмо брата (оно не сохранилось) было написано в феврале 1922 г., сразу после того, как он получил известие о смерти матери. Мать умерла в ночь на 1 февраля 1922 г. в Киеве.

17. Н. А. Земской⁶¹

1922 г. 24 марта
Москва

Милая Надя,

получил от Коли Г.⁶² твое и Варино письмо от З/П. Не могу выразить, насколько меня обрадовало известие о здоровье Вани⁶³.

* * *

У Боба⁶⁴ гостила сестра Анна Михайловна с мужем и сестра Катя. Первые двое ездили к своим родным в провинцию, потом опять вернулись к Бобу, прожили еще некоторое время и неделю, приблизительно, назад уехали в Тифлис, а Катя осталась у Боба жить. Поездка совсем выбила их из денег, и Боб выложил им 10 лимонов⁶⁵ на дорогу.

У Боба все благополучно и полная чаша. Недели две назад у него появилась жена его университетского товарища с тремя детьми и нянькой. Все пятеро оказались в Москве оборванными и совершенно голодными. Конечно, Боб устроил их у себя на кухне, и, конечно, голодные ребята так подчистили запасы Бобовой муки, что у того потемнело в глазах. Он стал применять героические усилия, чтобы пристроить мужа дамы к месту. Первым результатом их явилось то, что к даме, трем ребятам и старушечьей физици в платке присоединился еще и муж. Положение их всех из рук вон; аховое. Но Боб такой человек, что ясности духа не теряет и надеется их куда-то приладить.

Живет он хорошо. Как у него уютно. Кажется, в особенности после кошмарной квартиры № 50! Топится печка. Вовка⁶⁶ ходит на голове. Катя⁶⁷ кипятит воду, а мы с ним сидим и разговариваем. Он редкий товарищ и прелестный собеседник⁶⁸.

⁶¹ Впервые: Булгаков, 1984.

⁶² Н. Л. Гладыревский.

⁶³ Брат писателя.

⁶⁴ Б. М. Земский.

⁶⁵ В 20-е годы так называли миллион рублей.

⁶⁶ Владимир Борисович Земский (1918—1980), старший сын Б. М. Земского, впоследствии генерал-лейтенант авиации.

⁶⁷ Екатерина Михайловна Земская (1900—1944), младшая сестра Б. М. Земского.

⁶⁸ О своей дружбе с Булгаковым Б. Земский рассказывает в письме от 9 апреля 1922 г. брату А. Земскому и его жене: «Булгаковых мы очень полюбили и видимся почти каждый день. Миша меня поражает своей энергией, работоспособностью, предприимчивостью и бодростью духа. Мы с ним большие друзья и неразлучные собеседники. Он служит в газете и у меня в Научно-техническом комитете. Можно с уверенностью сказать, что он поймает свою судьбу, — она от него не уйдет».

Вижусь я с ним, кроме его квартиры, еще на службе, т. к. состою в Н. Т. К.⁶⁹ завед. издат. частью.

Оседлость Боба, его гомерические пайки и неистощимое уменье М. Д.⁷⁰ жить наладят их существование всегда. От души желаю ему этого.

* * *

Дядю Колю, несмотря на его охранные грамоты, уплотнили. Дядю Мишу выставили в гостиную, а в его комнате поселилась пара⁷¹, которая ввинтила две лампы, одну в 100, другую в 50 свечей. И не тушит их ни днем, ни ночью. В смысле питания д. Коля живет хорошо.

Кроме Н. Т. К. я служу сотрудником новой большой газеты (офф.)⁷². На двух службах получаю всего 197 руб. (по курсу Наркомфина за март около 40 миллионов) в месяц, т. е. $\frac{1}{2}$ того, что мне требуется для жизни (если только жизнью можно назвать мое существование за последние два года) с Тасей. Она, конечно, нигде не служит и готовит на маленькой железной печке. (Кроме жалования у меня плебейский паек. Но боюсь, что в дальнейшем он все больше будет хромать.)

* * *

Жизнь московскую описывать не стану. Это нечто столь феерическое, что нужно страниц 8, специально посвященных ей. Иначе понять ее нельзя. Да и не знаю, интересна ли она тебе? На всякий случай упомяну две-три детали, дернув их наобум.

Самое характерное, что мне бросилось в глаза: 1) человек плохо одетый — пропал, 2) увеличивается количество трамваев и, по слухам, прогорают магазины, театры (кроме «гротесков») прогорают, частн. худ. издания лопаются. Цены сообщить невозможно, потому что процесс падения валюты принял галопирующий характер, и иногда создается разница при покупке днем и к вечеру. Например: утром постное масло — 600, вечер — 650, и т. д. Сегодня купил себе англ. ботинки желтыс на рынке за $4\frac{1}{2}$ (четыре с половиной) лимона. Страшно спешил, п. ч. через неделю они будут стоить 10^{*}.

⁶⁹ Научно-технический комитет при ВВС.

⁷⁰ Марья Даниловна Земская (1889—1964), жена Б. М. Земского, педагог.

⁷¹ Н. М. и М. М. Покровские. Будучи известным в Москве хирургом, Н. М. Покровский имел «охранные грамоты» — документы, дававшие право на дополнительную площадь.

⁷² *Офф*<ициальной>. — Имеется в виду газета «Рабочий», орган ЦК ВКП(б); начала выходить 1 марта 1922 г.

* Сейчас, собравшись запечатывать письмо, узнал: ботинки не английск., а американ., и на картонной подошве. Господи Боже мой! До чего же мне все это надоело! (Примечание М. А. Булгакова).

Прочее, повторяю, неопишимо. Замечателен квартирный вопрос. По счастью для меня, тот кошмар в 5-м этаже, среди которого я $1/2$ года бился за жизнь, стоит дешево (за март около 700 тысяч).

Кстати: дом уже «жил. раб. кооп.» и во главе фирмы вся теплая компания, от 4—7 по-прежнему заседающая в комнате налево от ворот.

Топить перестали неделю назад.

Работой я буквально задавлен. Не имею времени писать и заниматься как следует франц. языком. Составляю себе библиотеку (у букинистов — наглой и невежеств. сволочи — книги дороже, чем в магазинах).

* * *

Большая просьба: попроси всех, если кто-нибудь будет писать обо мне Саше Гд.⁷³, мой адрес дать на д. Колю и в точном начертании, как пишете Вы, чтобы не было путаницы и вздора. И немедленно напиши мне его адрес.

* * *

Сейчас 2 часа ночи. Настолько устал, что даже не отдаю себе отчета: что я, собственно, написал! Пустяки какие-то написал, а важное, кажется, забыл...

Пиши. Целую. *Михаил*.

18. Вере А. Булгаковой⁷⁴

1922 г. 24^{ого} марта

Москва

Дорогая Вера,

много раз пытался присесть написать тебе, но, веришь ли, я так устаю от своей каторжной работы, что вечером иногда не в силах выжать из себя ни одной строки. От тебя я получил одно письмо осенью прошлого года и ответил на него тотчас же. Очевидно, оно до тебя не дошло. Молодой человек, что приезжал сюда (он видел только Тасю, меня не застал), говорил, что ты сердилась на меня за молчание. Теперь хочу взяться за переписку со своими и думаю, что ты будешь писать мне.

* * *

Во-первых: получила ли ты известие о смерти мамы? (Она скончалась 1 февраля 22 г. от сыпного тифа.) Варя из Киева дала тебе телеграмму.

⁷³ А. П. Гдешинский.

⁷⁴ Впервые: Булгаков, 1984.

* * *

Я очень много работаю; служу в большой газете «Рабочий» и зав. издат. в Научн. Техн. Комит. у Бориса Михайловича З. Устроился только недавно. Самый ужасный вопрос в Москве — квартирный. Живу в комнате, оставленной мне по отъезде Андреем З. Большая Садовая, 10, кв. 50. Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот.

О ценах московских и писать не буду, они невероятны. Я получаю жалования около 45 миллионов в месяц (по мартовскому курсу). Этого мало. Нужно напрягаться, чтобы заработать еще. Знакомых у меня в Москве очень много (журнальный и артист. мир), но редко кого вижу, потому что горю в работе и мечусь по Москве исключительно по газетным делам.

* * *

Дядю Колю «уплотнили», но живет он сравнительно с другими хорошо.

* * *

Меня очень беспокоит, как ты поживаешь. Не голодно ли?

* * *

У Ивана Павловича скопилась вся компания (Леля, Костя, Варя, Леня), а Андрей с Надей у Василия Ильича⁷⁵.

Скучаю по своим.

Ваня и Коля здоровы, о них мне писали.

Я жду от тебя письма с описанием твоей жизни и планов.

Целую.

Твой *Михаил*.

P. S. Пиши на адрес дяди Коли.

19. П. А. Земской⁷⁶

18 апреля 1922 г. Москва

18/IV 22

Москва

Дорогая Надя,

извини, что не успел поздравить со Светлым праздником. Я веду такой каторжный образ жизни, что не имею буквально минуты. Только два дня вздохнул на праздники. А теперь опять начинается мой кошмар.

⁷⁵ В. И. Экземплярский.

⁷⁶ Впервые: Булгаков, 1984.

Отвечаю на запросы в твоём письме, переданном Вас. Павл.

Комната:

Бориса, конечно, выписали. Вас тоже. Думаю, что обратно не выпишут. Дом «жил. раб. товарищ.». Плата прогрессирует. Апрель $1\frac{1}{2}$ милл. Топить перестали в марте. Все переплеты покрылись плесенью. Вероятно*, на днях сделают попытку выселить меня, но встретят с моей стороны сопротивление на законн. основании (должность: у Боба старшим инженером служу с марта).

Прилагаю старания найти комнату. Но это безнадежно. За указание комнаты берут бешеные деньги.

* * *

Служба:

Всюду огромное сокращение штатов. Пайки гражданск. отменены. Народн. образов. оплачивается хуже всего и неаккуратно.

* * *

Цены:

Нет смысла сообщать: меняются каждый день на сотни тысяч. Перед праздником: белая мука пуд — 18 милл. Хлеб белый — 375 т. фунт, масло слив. 1 милл. 200 т. фунт.

* * *

Боб: о Вашем приезде знает. Живет очень хорошо. Много зарабатывает. Гостит отец Марьи Д.

* * *

Д. Коля живет прекрасно. Уплотнен.

* * *

Я: 1) служу сотрудником больш. оф. газеты, 2) у Боба, 3) временно конферансье в маленьком театре.

Зарабатываю (за $\frac{1}{2}$ апреля)

паяк + 40 милл. (у Боба) + 30 милл. газ. + конферанс. (еще не считал). В общем за апрель должен получить всего 130—140 милл.

Впрочем, сказать трудно точно. Кавардак. Меняются ставки.

Целую.

Михаил.

P. S. Посылку получил. Варе пишу.

* А может быть, и нет (примечание М. А. Булгакова).

20. Вере А. Булгаковой

Москва

23 января 1923 г.

Дорогая Вера,

спасибо Вам всем за телеграфный привет. Я очень обрадовался, узнав, что ты в Киеве. К сожалению, из телеграммы не видно — совсем ли ты вернулась или временно? Моя мечта, чтобы наши все осели бы, наконец, на прочных гнездах в Москве и в Киеве.

Я думаю, что ты и Леля вместе и дружно могли бы наладить жизнь в том угле, где мама налаживала ее. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что лучше было бы и Ивану Павловичу, возле которого остался бы кто-нибудь из семьи, тесно с ним связанной и многим ему обязанной.

С печалью я каждый раз думаю о Коле и Ване, о том, что сейчас мы никто не можем ничем облегчить им жизнь. С большой печалью я думаю о смерти матери и о том, что, значит, в Киеве возле Ивана Павловича никого нет.

Мое единственное желание, чтобы твой приезд был не к разладу между нашими, а, наоборот, связал бы киевлян. Вот почему я так обрадовался, прочитавши слова «дружной семьей». Это всем нам — самое главное. Право, миг доброй воли, и вы зажили бы прекрасно. Я сужу по себе: после этих лет тяжелых испытаний, я больше всего ценю покой. Мне так хотелось бы быть среди своих. Ничего не поделаешь. Здесь в Москве, в условиях неизмеримо более трудных, чем у Вас, я все же думаю пустить жизнь в нормальное русло.

В Киеве, стало быть, надежда на тебя, Варю и Лелю. С Лелей я много говорил по этому поводу. На ней, тоже как и на всех, отразилось пережитое, и так же, как и я, она хочет в Киеве мира и лада.

Моя большая просьба к тебе: живите дружно в память мамы.

Я очень много работаю и смертельно устаю. Может быть, весной мне удастся ненадолго съездить в Киев, я надеюсь, что застаю тебя, увидаю Ивана Павловича. Если ты обживешься в Киеве, посоветуйся с Иваном Павловичем и Варварой, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы сохранить мамин участок в Буче. Смертельно мне будет жаль, если пропадет он.

Ивану Павловичу передай мой и Тасин горячий привет.

Твой брат *Михаил*.

21. Н. А. Земской⁷⁷

<Весна 1923 г. Москва >

Дорогая Надя,

крепко целую тебя, Андрея и дитё.

⁷⁷ Впервые: Булгаков, 1989. Записка, которую принесла в клинику брату сестра А. Земского Катюша. Датируется весной 1923 г.: 23 марта 1923 г. у Н. А. и А. М. Земских родилась дочь Ольга (1923—1953).

Спасибо за пирог.

Очень жалею, что Вы не пришли. Я бы Вас угостил ромовой бабкой. Живу я как сволочь — больной и всеми брошенный. Я к Вам не показываюсь, потому что срочно дописываю 1-ую часть романа; называется она «Желтый прапор».

И скоро приду.

У меня рука болит. Цел ли мой диплом?

Хотя я напрасно пишу эту записку:

Катюша сказала:

— Я все равно ее потеряю.

Когда я сказал:

— Ну, так передайте на словах.

Она ответила:

— Вы лучше напишите, а то я забуду.

Целую всех.

Татьяна целует, Коля Гладыревский шлет привет.

Твой Михаил.

Андрей, не сердись, что я к тебе не пришел⁷⁸.

22. Н. А. Земской⁷⁹

<Лето 1923 г. Москва >

Дорогая Надя,

я продал в «Недра» рассказ «Дьяволиада»⁸⁰, и доктора нашли, что у меня поражены оба коленные сустава; кроме того, я купил гарнитур мебели шелковой⁸¹, вполне приличный. Она уже стоит у меня в комнате.

⁷⁸ А. М. Земский лежал в клинике после операции аппендицита.

⁷⁹ Впервые: Булгаков, 1984. Датируется по воспоминаниям Н. А. Земской. Записка свидетельствует о переломном моменте в жизни писателя: он начал сотрудничать с издательством «Недра», публикуют его рассказы, меняются его служебные обязанности в «Гудке» (из обработчика писем он стал фельетонистом).

⁸⁰ Повесть «Дьяволиада» была опубликована в 4-й книге «Недра». Оттиск «Дьяволиады» был подарен 1 марта 1921 г. Н. А. и А. М. Земским.

⁸¹ Т. Н. Булгакова-Лаппа рассказывала об этой покупке, что кому-то привезли мебель, а хозяина не оказалось дома. «...Постучали в нашу дверь: “Не нужна мебель?” Меня тогда не было, уезжала, наверно, к сестре. Булгаков посмотрел, мебель ему понравилась. И дешево продавали, а он как раз получил тогда за что-то деньги. Это была будуарная мебель во французском стиле — шелковая светло-зеленая обивка в мелкий красный цветочек. Диванчик, кресло, два мягких стула, туалетный столик с бахромой... Два мягких пуфа. Для нашей комнаты эта мебель совсем не подходила — она была слишком миниатюрной для довольно большой комнаты (25 м² или больше). Но Михаил все хотел, чтоб в комнате было уютно». См. Чудакова, 1988, с. 273.

Что будет дальше, я не знаю — моя болезнь (ревматизм) очень угнетает меня. Но если я не издохну как собака — мне очень не хотелось бы помереть теперь, — я куплю еще ковер. Кстати о ковре: портрет, на котором ты поставила крест, был не мой, а твой⁸².

Целую Чижку⁸³.

Твой покойный брат *Михаил*.

23. Н. А. Земской⁸⁴

24/XI 26 г.

Милая Надя,

буду крестить.

В пятницу 26-го (в 12 ч.) жду Лелю.

Целую всех.

Михаил

См. илл. — ксерокопию этой записки.

24. Н. А. Земской

5/IX 27 г.

Дорогая Надя,

все эти дни собираюсь к тебе и не могу собраться из-за хлопот с новой квартирой.

Дорогая Надя, пожалуйста не сердись на нас за переход Маруси: ни я, ни Люба ничего не делали для того, чтобы «сманить» ее. Наоборот, я все время говорил о том, что она не может оставить Надежду Афанасьевну на произвол судьбы (между нами!).

Ответ неизменный: — Я все равно собралась уходить.

Кстати, выпиши ее, она прописалась к нам.

Целую (я и Люба) тебя, Андрея и семейство.

Твой *Мих*.

Приезжай к нам скорее (трам. 17). Больш. Пироговская, 35б, кв. 6

тел. 2-03-27

(авт. № 5)

Приписка Л. Евгеньевны сбоку письма:

⁸² Комментируя это письмо, Н. А. Земская писала: «Портрет, на котором ты поставила крест» — это смешная физиономия на книжках изд-ва «Смехач» и «Зиф». В этом изд-ве были изданы рассказы Михаила Афан., и я сказала, что книжка с портретом автора».

⁸³ Так Земские звали свою дочь Ольгу.

⁸⁴ Эта записка, хранящаяся в семейном архиве, послана в ответ на просьбу Н. А. быть крестным отцом ее младшей дочери Елены, родившейся 5 ноября 1926 г., — автора этой книги. Леля (Елена Афанасьевна) была крестной матерью.

Целую вас всех и прошу не считать меня за «интриганку». Совесть моя
чиста. Ей Богу! Люба
Приезжай! Люба

25. Н. А. Земской

3/III 28

Обещаю

читать

«Бег»

(скоро)

М. Бул

Часть II

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ

ОФИЦИАЛЬНОЙ И НЕОФИЦИАЛЬНОЙ РЕЧИ

РУБЕЖА XIX—XX ВВ.

КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСТОРИИ

РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В этой части книги рукописные тексты, хранящиеся в семейном архиве Булгаковых, рассматриваются в их лингвистическом аспекте. Я ставлю перед собой задачу выявить некоторые особенности языка, преимущественно лексики и синтаксиса, которые характеризуют рубеж XIX—XX вв., отличая его от языка современного. Среди рассматриваемых материалов имеются тексты, неодинаковые по жанру и стилю. Д. Н. Шмелев писал: «Типы речи, функциональные разновидности языка — это историческая категория. Поэтому, естественно, на разных этапах развития языка меняется их состав и их соотношение друг с другом. Меняется и их роль в литературном языке, и удельный вес в определении литературной нормы»¹. Как я полагаю, наши источники дают материал и для размышлений над этой проблемой.

¹ Шмелев. 1977, с. 39.

ТАИНСТВЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Хранящаяся в семейном архиве Н. А. Булгаковой-Земской общая тетрадь (см. о ней в разделе «Записки Шурочки Бархатовой» части I) объединяет документы, неодинаковые по содержанию и функциональному стилю:

— записки-воспоминания Шурочки Бархатовой, которые мы бы отнесли к письменной форме разговорного литературного языка, содержащей вкрапления книжных элементов;

— официально-деловой документ (прошение священника о помощи прихожанке);

— деловые записи хозяйственного характера;

— текст высокого книжного стиля (проповедь).

Начну с текстов, резко контрастирующих по слогу и более коротких.

Фрагмент Рождественской проповеди и прошение в благотворительный комитет

Фрагмент проповеди написан карандашом, аккуратным почерком, по всей вероятности А. М. Бархатовой, которая помогала мужу. Текст не закончен; некоторые фразы взяты в скобки: «В ту ночь, когда явился в свет Спаситель, была тихая, ясная погода. Казалось, что и небо и земля замерли в торжественном молчании, ожидая великой минуты. Ничто не шевелилось, только растения благоухали сильнее обыкновенного и звезды сияли ярче и радостнее, а небо казалось от этого синее и как бы дальше отодвинулось от земли. (Вблизи Вифлеема, в открытом поле, окруженные своими стадами, лежали пастушки). И вот наступила эта минута. (Вся природа как бы дрогнула и затрепетала, небо раскрылось и сонм ангелов среди торжественного молчания огласил воздух радостным славословием Бога;) и казалось, что вместе с Ангелами все принимают участие в хвалении Бога. Вся природа ликovala и спешила пригести» (об. с. 91—с. 92).

На с. 91 помещен черновик прошения, написанный карандашом самим А. А. Бархатовым. В тексте много зачеркиваний, многие слова даны в сокращении. Свои прочтения заключаю в квадратные скобки.

«Председателю Ком[итета] Карач. [аевского] Благотворительного Общ. [ества] [Вследств — зачеркнуто] На запрос комитета [об — зачеркнуто] о проживающей в моем участке Александре Ев[сти? гр?.. неразборчиво] Ив[ановой?] [имею честь — зачеркнуто] могу ответить, что дом ея крайне ветх и нуждается в капитальном ремонте. [Так как — зачеркнуто] [Поверх двух строчек недоконченная фраза: *В чем же должен состоять ремонт я отказываюсь*] Особенную надобность в поправке имеет крыша, [а также — зачеркнуто] Семья состоит из матери, [вдовы лет — зачеркнуто] взрослой дочери могущей зарабатывать и 12-летней девочки.

Попечитель 15-го участка А Б [Андрей Бархатов]».

Сухость изложения резко контрастирует с помещенным выше фрагментом проповеди. Вместе с тем А. А. Бархатов стремится избавиться от «высот» канцелярского слога, зачеркивая «имею честь... [сообщить?]» и оставляя «обыкновенное»: *могу ответить*. Порядок слов, однако, сугубо книжный: *дом ея*, так же как и сама форма *ея*. Книжным можно считать выражение *особенную надобность в поправке имеет...* Зачеркивает автор и разговорный вариант предлога *об*, избирая нейтральный *о*.

Записки Шурочки Бархатовой (ЗШБ)

Полный текст «Записок Шурочки Бархатовой» (с комментариями) помещен в I части этой книги. Далее при ссылках на этот источник принято сокращение: ЗШБ. Здесь и далее знаком * (звездочка) отмечены слова и словоформы, которые рассматриваются ниже в специальных разделах. При сомнительном прочтении в скобках ставится вопросительный знак (?). Сокращением [нрзб] отмечены места, не поддающиеся прочтению.

Общие замечания о языке и слоге

ЗШБ — это непринужденный рассказ о детстве и юности молодой девушки, о жизни семьи карачевского священника, который писался частями, о чем свидетельствует разница в почерке — более мелкий / более крупный размер букв, более четкий / менее четкий карандаш, большая / меньшая аккуратность и разборчивость письма. В целом в этом тексте исправлений немного. Тщательно зачеркнуто несколько мест, скорее, можно думать, по причинам, касающимся содержания этих фрагментов, чем по причинам стилистического характера. Встречается повтор в соседних предложениях одинаковых слов. Если бы А. М. Бархатова правила свой текст, работала над ним, она бы эти повторы устранила.

Полагаю, что этот текст может быть охарактеризован как неподготовленный (спонтанный) рассказ о недавнем прошлом, имеющий письменную форму. Мож-

но думать, что при некоторой склонности к рефлексии, самоанализу (о чем свидетельствует содержание ряда фрагментов) автор писал его для себя.

При некоторой архаичности языка (лексические и грамматические комментарии см. ниже) этот текст содержит большое количество разговорных слов и выражений, свойственных и языку нашего времени: *кутерьма*, *худой* («рваный»), *беготня*, *возня*, *пугало*, *злодей*; уменьшительные образования: *промежуточек*, *канареечка*; глаголы: *удирать* — *удрать*, *неслись* (убегали), *понашишь* нового; *управляться*, *побаивались*, *завывала* (о пении), *дурачился*; *туго развивалась*, *нырнуть в постель*. К чисто разговорным можно отнести выражения: *разве редко когда*; *хохотать до упаду*, *все перевертывали вверх дном*; *голос не ахти какой*.

Живость языка, использование разговорных и даже более сниженных элементов речи была свойственна всем членам семей Булгаковых-Покровских. Приведу лишь один пример. Жаргонизм *не наводите понта* употреблен Ваней Булгаковым, мальчиком 10 лет, младшим братом М. А. Булгакова и племянником автора «Записок». Письмо от 23 июня 1912 г., посланное из дачного местечка Буча под Киевом в Кисловодск, начинается церемонно-фамильярным обращением: «*Наимилейшая сестра Надя и прочие "Покровские"!*», а кончается жаргонным выражением: «*Не наводите понта*».

В Сл. Даля, Сл. Уш., БАС и МАС существительное *понт* отсутствует; есть лишь карточные термины *понтер*, *понттировать*. Слово *понт* включают различные современные словари жаргона, однако, выражение *наводить понт* они не дают. Существительное *понт*, несомненно связанное с карточной игрой, многозначно. Среди прочих оно имеет значения: выгода, прибыль; обман, хитрость; напускной вид (см. например: Елистратов, 1994; СОЖ, 1999). Можно предположить, что выражение *не наводите понта*, обращенное мальчиком к сестрам, старшим его на 8—10 лет, могло обозначать: «не воображайте», «не выпендривайтесь передо мной».

Интересны способы передачи на письме прямой речи, типичные для разговорного языка. Шурочка начинает конструкцию косвенной речи («...няня... начинала причитать, что...»), но не переводит прямую речь в косвенную, а полностью сохраняет ее, лишь помещая в кавычки: «...что «и какие ж это только дети бессовестные! и куда только мать *смотрит?* *Это прямо злодеи своему дому*». В словах няни так и слышится живая речь. Отмечу повторение начальной частицы *и*, повторение *только*, частицу *прямо*. Выражение «*И куда только мать смотрит?*» имеет характер устойчивой формулы упрека, широко употребительного и в наши дни (в этом сочетании могут быть также употреблены слова *отец*, *родители*, *милиция*, *правительство* и т. п.).

Не меньшую разговорность «Запискам» придает и порядок слов, который не так часто встречается в письменной речи; к этому мы еще вернемся.

Лексика¹

В этом разделе я рассматриваю преимущественно слова, в той или иной степени устаревшие по отношению к языку последней четверти XX в. В проанализированных материалах имеется значительное количество слов, полностью вышедших в наши дни из употребления или малоупотребительных. Многие значения, занимавшие на рубеже XIX—XX вв. далеко не первое место в семантической структуре слова (см. ниже *худой*, *шпилька*), в современном языке актуализировались. Среди слов устаревших есть и церковные, и бытовые (кое-какие слова сохранились в современном просторечии). Отметим, что некоторые лексические единицы встречаются только в текстах высоких, книжных, но не употребительны в бытовых (*сей*). Рассмотрим некоторые из слов подробнее.

Названия конкретных предметов

Шпилька. В современном языке это прежде всего «приспособление для закалывания волос». Даль начинает толкование этого слова иначе: «спица, остроконечный прут» и лишь позднее отмечает современное первое значение. СЛ. Уш. значения «спица» не дает.

Отмечу, что в наши дни изменение моды — женских причесок, характера стрижки волос, — вероятно, приведет к выходу из употребления предмета «шпилька», а за ним последует и слово. Сохранится ли переносное значение «колкость» (ср. *подпускать шпильки*), не ясно. В качестве приспособления для закалывания волос чаще используется отглагольное существительное *заколка*.

Сдержка. Слово встречается среди хозяйственных записей Шурочки, в следующем контексте: «Заготовить образцы всех работ в шкаф: вышитое полотно, готовый на *сдержке* мешочек, скатерть из кружков и полосок, квадрат красивый из ковра». Даль дает: «*сдёржка* — ... веревочка, ремешок, шнурочек, на котором собрана кромка занавеси, одежды или кошеля, для сдёргивания, соединения сборками; вздержка».

Сл. Уш. слово *сдержка* не помещает. Он фиксирует: «*вздёржка* (спец.). То, что вдергивают: то же, что *вдёржка* (в 1 знач.); *продёржка*; *вдёржка* и (простореч. *вздёржка*). Спец. 1. Игла, которой вдевают, продёргивают шнурок или тесемку для стягивания материи. 2. Самый шнурок или тесёмка, вдетые с этой целью».

О слове *вздержка* сказано: «2. неправ, вместо вдержка».

¹ В этом разделе рассматриваются также несколько слов из хозяйственных записей, содержащихся в той же тетради. Записи, вне всякого сомнения, были сделаны А. М. Бархатовой — автором дневника.

Однако при втором значении глагола *сдернуть* — *сдерживать* указано: «стянуть, затянув продетым у края шнурком (простореч.). Сдернуть кисет (для табака)».

В БАС при слове *сдержка* дано лишь значение «сдержанность». У глагола *сдерживать* как простореч. отмечено то же значение и с тем же примером, которое дает Сл. Уш.

Варианты *вздёржка*, *сдёржка*, *вдежка* употребительны в современном просторечии, преимущественно в речи лиц старшего поколения, чаще у лиц, связанных с шитьем. Так называют и резинку, вдеваемую в трусы.

Бумага — в значении «бумажные нитки» (хлопковые; в отличие от шерстяных или шелковых). Сл. Уш.: «*бумага* [2] — Хлопок как материал или в изделиях. Б. для штопки. Ткань из шерсти с бумагой». В БАС это значение дано при слове *бумага* без помет как четвертое: «Пряжа из хлопка, т. е. семянного пуха растения хлопчатник [пример из Гончарова «Обломов»]. *Хлопчатая бумага* — то же, что хлопок». В первой половине XX в. выражения типа *бумажное платье*, *бумажные чулки* были вполне употребительны, они обозначали «простые» изделия — не шелковые, шерстяные и т. п. Ср. более позднее *хлопчатобумажный*, давшее широко известное сокращение *х/б*. По мере отказа от синтетики и повышения ценности изделий из хлопка слово *бумажный*, в этом значении, связанное устойчивыми ассоциациями с понятием «недорогой», «простой», устаревает. Соответствующие реалии стали называть словами *хлопок*, позднее заимствованием *коттон* (произносится по-разному: под влиянием фр. котт́он, англ. кóттон). Слова *бумага* и *бумажный* в этом значении вышли из употребления. Выражение типа *чистый хлопок* или *сто-процентный коттон* — высокая оценка (т. е. не содержит синтетики). Так, изменения моды, развитие техники, бытовые и культурные перемены (хлопок не вреден для здоровья — ходячая истина нашего времени) влияют на историю слов.

Накидка. Сл. Уш.: «2. Верхняя одежда без рукавов, вроде плаща. 3. Дневное покрывало для подушек». МАС повторяет: «Верхняя одежда без рукавов». Можно думать, что *драповые накидки*, упомянутые в ЗШБ, — это скорее род верхней одежды, чем покрывало. По моим наблюдениям, слово *накидка* в этом значении почти не употребительно. Ср. *пончо*.

Бук. Это слово встречается в таком контексте (речь идет об игре «гигантские шаги»): «не обходилось без катастроф: один раз я со всего размаху сорвалась в чугу́н... другой раз Люба, раскручиваясь на гигантских, оборвалась прямо в бук от белья, так что я и Катя первый момент не могли понять, куда она исчезла». Даль дает: «*Бук* — деревянная посуда, кадка (бочка), в которой парят белье». В Сл. Уш. с пометой *обл.* находим: «// Кадки для бучения». Аналогичным образом толкует это слово БАС, но никакой пометой не снабжает. МАС этого слова не помещает.

Чугун. Сосуд из сплава железа с углеродом, использовался для разных хозяйственных нужд, в том числе для кипячения белья (см. Сл. Даля, БАС, Сл. Уш.).

Названия игр

В ЗШБ читаем: «Любимыми играми и занятиями братьев были: городки, свайка, пускание змея и игра в стуколку». Многие из этих игр ушли или уходят в прошлое.

Свайка. «I (Только ед.). Название игры, состоящей в том, что толстый гвоздь с большой шляпкой нужно броском вонзить в землю, попав в середину лежащего на земле кольца» (Сл. Уш.). Характерно дополнение, которое делает МАС: «Народная русская игра».

Стуколка. Даль дает два написания: «*стуколка* и *стукалка*. Азартная карточная игра». Аналогичное толкование повторяет Сл. Уш.: «Род азартной игры». МАС это слово не включает. Пояснение этой игре дает Шурочка Бархатова: «Последняя игра [стуколка] особенно увлекала всех. Играли на марки: нарезали билетки из цветной бумаги и соответственно цвету ставили числа рублей, желтые — рублик, зеленые — трехрублевки и т. д. и делили поровну. По громадной сумме до миллиона. Играли самым серьезным образом и в случае полнейшего банкротства давались векселя. Иногда просиживали ночи». Отметим, что на настоящие деньги не играли.

В этом пояснении обращает на себя внимание слово *марка*. У Даля находим: «*марка* [нем. Mark; Marke], франц. [marque] знак или заметка, значок, бирка, ярлык; костяшка, вместо денег, для счету». Нет разграничения между различными значениями этого слова, не выделено значение «почтовая марка». Сл. Уш. фиксирует как четвертое такое значение: «Значок, фишка, жетончик, по которому производится последующая *оплата* чего-н.». БАС выделяет это значение как особое (второе): «2. Значок, жетон, по которому производится последующая оплата чего-л. [в буфете, трактире]». У этого значения выделяется оттенок: «// Значок для подсчета выигрыша в карточной игре [пример из: Гоголь, «Старосветские помещики]». В качестве первого БАС дает значение: «Знак оплаты почтовых и некоторых других сборов». В современном русском языке в значении, использованном Шурочкой Бархатовой, слово *марка* не употребляют. Ср. МАС: «устар. значок для подсчета выигрыша в карточной или бильярдной игре»; дается тот же пример из «Старосветских помещиков» Гоголя.

Блошки. Среди игр в ЗШБ упоминаются *блошки*. Сл. Уш.: «*блошка* (разг.) 1. Уменьш. к *блоха*. 2. Только мн. Костяные кружочки, которые подпрыгивают при нажимании на мягкой поверхности (служат детской игрой)». Аналогичное толкование повторяет МАС. Даль это значение не указывает. В семьях Покровских — Булгаковых в эту игру с детьми играли и взрослые. Каждый играющий получал блошки одного цвета. Каждый высыпал на середину сто-

ла равное число блошек. Игра состояла в том, чтобы, нажимая одну из своих блошек, прыгнуть на блошку другого игрока, которую следовало забрать. Если твоя блошка не прыгнула, она оставалась на столе. Выигрывал тот, кто набирал наибольшее количество блошек. В блошки играли и в 30-е гг. Хорошо помню эту игру в доме Земских.

Гимнастика. Шурочка пишет о братьях: «Сперва устроили столярный станок, на котором работали общими силами, устроили гимнастику, поразбросали по саду скамеечки, даже сами устроили бильярд; выстругали доски, сделали борт и лузы, выстругали кии, а шары отдали выточить». Конкретно-предметное значение отмечено Далем: «Гимнастика ловкосилие? искусство укреплять тело человеческое и делать его сильным, ловким и гибким (...); иногда так называют и самое устройство для упражнений этих, или гимнастическое заведение». Сл. Уш. этого значения не дает.

Прозвища

Эта группа слов интересна по двум причинам. Во-первых, она дает возможность обратить внимание на способы создания экспрессивных наименований, а также на неузальные производные слова или метафорические переносные значения. Во-вторых, здесь подчас особенно ясно отражается смена реалий, актуальных в разное время; так, выражение *смазной сапог* в наши дни мало кому известно, оно не может быть использовано как прозвище — наименование человека.

Костлявка. Даль, Сл. Уш., БАС этого существительного не фиксируют. Вероятно, домашнее (семейное) слово, от *костлявый*, которое все указанные словари помещают.

Смазной сапог. Прилагательное *смазной* отмечают Даль, Сл. Уш., БАС и МАС, чаще всего в выражении *смазные сапоги* — смазываемые дегтем, ворвань. Переносного значения ни один из этих словарей не дает. Можно предположить, что как прозвище это сочетание могло указывать на смуглость девочки. У А. М. Бархатовой была смуглая кожа, темные волосы и темнокарие яркие глаза.

Длинноногая цапля — это прозвище находит опору и в домашнем слове *костлявка*.

Три приведенные выше наименования Шурочка считает обидными, выделяя как ласковое: *Моя канареечка*. Шурочка рассказывает: «Я любила петь и все завывала, так как голос у меня был не ахти какой. И вот как-то я бегала, занимаясь своими делами, и сама все пела. Случайно столкнулась с папой и, конечно, замолкла, а он вслед крикнул: «Ах ты, моя канареечка, все поешь?». Ср.: Даль: «Канарейка. Певчая птичка. Девушка эта поет, как канарейка». Сл. Уш., БАС и МАС подобных примеров не дают.

Иные слова

Худой. В ЗШБ — в сочетании *худое белье*. Сл. Уш. как 3-е значение помещает: «худой — разг. Дырявый, с изъянами, испорченный». Первое значение: «тощий».

Даль располагает значения в ином порядке: «Худой — неладный, негодный, дурной, плохой, нехороший: в чем или в ком недостатки, пороки, порча // изношенный, ветхий, дырявый». И лишь далее помещает современное первое значение: «// Худой, кто худ телом, худощавый, сухощавый, поджарый и бледный, хилый, болезненный на вид, опалый»; примеров этого значения Даль не дает.

Крем. Употреблено в сочетании *крем бумага* («Связать такую же как у Кати скатерть из темнокрасной или *крем бумаги*»; хозяйственные записи). По семантике соответствует современному *кремовый* (со значением цвета). Это значение впервые зафиксировано в словаре Академии 1916 г. (по данным БАС). Сл. Уш. дает: «*кремовый* 2) бледно-желтый, белый с оранжевым оттенком. При слове *крем* цветовое значение не указано. Таким образом, *крем* — аналитическое прилагательное, вытесненное словом *кремовый*, ср. *беж* — *бежевый*. Выражение *связать скатерть из темно-красной или крем бумаги* мы бы передали так: «из хлопчато-бумажных ниток темнокрасного или кремового цвета». Напомню строки Маяковского: «/ И в небе цвета / *крем* // Вставал суровый / Кремль» («Как делать стихи»). Сочетание *цвета крем* было употребительно в 30-е гг. XX в. преимущественно по отношению к одежде бледно-желтого с розоватым оттенком цвета.

Следует подчеркнуть препозитивное положение этого аналитического прилагательного в хозяйственных записях А. М. Бархатовой: *Крем бумага*. Постпозиция встречается чаще: *пальто беж, шинель хаки*.

Сократить — сокращать кого, перен. В ЗШБ: «Ну, конечно, это [увещевания мамы] ничуть не *сокращало* братьев». Сл. Уш. толкует это значение так: «4. перен. кого-что. Лишить свободы действий в каком-н. отношении, заставить замолчать, поставить на место (простореч. фам.). Этого ловкача... можно *сократить* (Боборыкин)». Даль этого значения не отмечает. В БАС находим «Простореч. Укрощать, смирять, обуздывать» (следуют примеры из Мамина-Сибиряка, А. Н. Толстого и др.). МАС также характеризует это значение как просторечное. Отметим, что указанное в Сл. Уш. управление (*что*) вряд ли применимо к сочетаемости глагола *сокращать* в данном переносном значении.

Схватывать руками. В ЗШБ находим это сочетание в контексте, позволяющем его понять как синоним современного *всплескивать руками*. Речь идет о жесте, выражающем крайнее огорчение. В использованных нами словарях это выражение не отмечено.

Поспеть что-н. сделать. В БАС такое значение глагола *поспевать* — *поспеть* дано как третья; оно не сопровождается пометами: «Справляться с чем-

и. в определенный срок; успевать». Описывая свое волнение при знакомстве с девочкой-сиротой, привезенной в их дом, Шурочка вспоминает: «Помню эту первую ночь. Меня и Любу положили вместе на полу в детской и почти всю эту ночь мы не спали, так как я с какой-то жадностью спешила как можно больше рассказать ей и расспросить ее. Все уже спали, перед иконами горели лампадки и только мы шептались, даже жестикулируя *я ей успела разбить нос*». Такое употребление, содержащее самоиронию, на мой взгляд, воспринимается как устарелое. Мы не говорим *поспеть сделать что-нибудь*. В этом значении в литературном языке сохранилось только *успеть*. «Словарь русских народных говоров» (1996, вып. 30, с. 200) выделяет у глагола *поспеть* значение «суметь сделать что-н.». Таким образом в речи Шурочки рассматриваемое употребление может оцениваться и как устарелое для современного языка, и как диалектное.

Немного спустя времени. В современном языке обычно говорят *немного спустя*, или *спустя (некоторое) время*, или, при трехчленном составе, *немного времени спустя*. Шурочка, употребляя это выражение как трехчленное, избирает иной порядок слов, что, на наш взгляд, показывает большую свободу (меньшую фразеологизированность, целостность) этого выражения.

Самовар подавался с 8 утра и продолжался до 12ти. Это высказывание интересно как свидетельство того, что существительное *самовар* употреблялось не только с конкретно-предметным значением (*самовар подавался*), но и с процессуальным (*самовар продолжался*). Ср. *самовар / обед / ужин / чаепитие / чай* продолжается до... Несомненно, что это значение было связано с широким функционированием самоваров в жизни. Сл. Уш., а вслед за ним и БАС, дают это значение слова *самовар* как особое: «*самовар* 2. перен. только ед. Чаепитие. *Зовут соседа к самовару, а Дуня разливает чай.* Пушкин. *Сидеть за самоваром* (чай пить). *Поскорей бы к самовару.* Некрасов» (Сл. Уш.).

БАС характеризует такое значение как *разг.* Правильнее его было бы называть устарелым.

Грамматические наблюдения

В ЗШБ последовательно употребляется форма местоимения 3 лица женск. рода *ея* (в соответствии с совр. *ее*), служащая для различения словоформ род. п. (*ея*) и вин. п. (*ее*). В Сл. Уш. к словарной статье *ея* находим «Примечание: произношение *ея* вм. *её* и до реформы 1917 г. было допустимо лишь в таких редких случаях, как при чтении вышеприведенных стихов» [«На крик испуганный *ея* (рифма к *семья*) Ребят дворовая семья Сбежалась шумно». Пушкин]. Несомненно, что произношение *ея* Шурочка постоянно слышала в церкви, в домашних молитвах и чтениях. Соответствовало ли это написание ее произношению, для нас неясно. Форма род. пад. ед. числа прилагательных, как пра-

вило, имеет окончание *-аго*: *до смешнаго*. Такие формы имели чисто письменный характер².

В тексте «Записок» нередко отглагольные существительные с разными суффиксами. Особенно часто используется разговорный вариант *-нье* (*катанье, гулянье*), вариант *-ние* встречается реже (*бегание*). Форма им. пад. мн. числа в таких случаях имеет флексию *-и*: *катаньи, гуляньи* (ср. современное *катанья, гулянья*).

Глаголы без *-ся*. Некоторые глаголы, имеющие в современном языке аффикс *-ся*, в ЗШБ употреблены без *-ся*.

Отчаявать (в знач. «отчаиваться»): «Три дня прошли мучительно, то у всех вдруг являлась надежда, что брат выздоровеет, то опять начинали *отчаявать* и плакать». Возможно, что это церковное влияние. Даль дает: отчаять, отчая(и)вать кого, довести до отчаяния, безнадежить, лишить последней веры и надежды, // Церк. *отчаиваться*, терять вовсе всю надежду, *-ся* впадать в уныние, безнадежность, терять надежду на что-либо, унывать...». В Сл. Уш. и БАС помещены только *отчаяться, отчаиваться*.

Дожидала в значении *дождалась*. Сл. Уш. дает при глаголе *дождать* помету обл.

Формы пассива. Следует отметить более широкое, чем во второй половине XX в., употребление форм пассива со страдательными причастиями прошедшего времени: «И вот *все мое раннее детство* до восьми лет *проведено одной с нянькой...*» (ср. современное: *я провела одна с нянькой*); «А так как *мебель еще не вся была куплена*, то казалось пустовато» (ср. *мебель еще не всю купили*); «На зиму туда *были поставлены огурцы* для сохранения»; «Я *была посажена* на верху воза с перинами».

Эти факты служат дополнительным свидетельством более широкого употребления пассивных конструкций в живом (не книжном!) языке недавнего прошлого. Они подтверждают мнение о том, что употребление пассивных конструкций в речи эмигрантов в конце XX в. не всегда объясняется иноязычным влиянием, но поддерживается недавней историей самого русского языка.

Особенности управления. В ЗШБ нередко случаи управления, отличающие язык рубежа XIX—XX вв. от современного. Это касается и приглагольного, и присубстантивного управления. В качестве общей тенденции можно отметить следующее: в соответствии с современным употреблением род. падежа при существительном и вин. падежа при глаголе используются дат. и твор. падежи.

Дательный присубстантивный. Сокращение употребительности дат. падежа при существительных на протяжении XIX в. детально изучено, описаны тематические группы существительных, которым было свойственно сочетать-

² Выше в тексте «Записок» мы унифицировали написание формы *ея* и род. на *-аго* в соответствии с современной орфографией.

ся с дат. падежом³. Среди слов, которым дольше других было свойственно распространение дат. падежом, одним из основных является *причина*. Дат. падеж при слове *причина* сохраняется и в языке Шурочки Бархатовой в начале XX в. В ЗШБ читаем: *Причину этому сухому отношению к образованию...* При слове *причина* Сл. Уш., БАС и МАС дают только род. падеж. Примеров употребления дат. падежа при существительном *причина* эти словари не содержат. Даль среди иллюстраций помещает: «*Все́му есть причина. Все́му своя причина.*»

В Сл. П. при слове *причина* отмечено два управления — *причина чего* и *причина чему*: «При его рождении повредили ему ногу и лорд Байрон полагал *тому* *причиною* стыдливость или упрямство своей матери. Ж1, 123.3. Он долго дулся на упрямого президента и был *причиною* *тому*, что де Бросс не попал в Академию. Ж2/78.21» (т. III, 787). Дат. пад. при слове *причина* возможен лишь для слов обобщенной семантики (*все, это, то*). Такие сочетания архаичны, но не режут наш слух. Как кажется, в сочетаниях, включающих препозитивное *все, это, то*, возможен лишь дат. пад. Сочетания *всего причина, этого причина, того причина*, на мой взгляд, не узуальны.

Мне представляется, что сохранению подобных конструкций способствует позиция начала высказывания, которая лишает эти словоформы тесной зависимости от существительного *причина*. Подобные словоформы относятся ко всему предложению, конкретизируя общую семантику причинности. Дат. пад. естествен и в соединении с бытийными глаголами *есть, имеется*. Ср. *Тому есть причина. Вашему поведению есть причина? Твоему отчаянию имеется / есть причина, я это знаю*. Ср. управление в конструкциях со словом *объяснение*. Аналогичное управление было свойственно и существительному *пример*. Напомню известные строки Крылова: «*Тому* в истории мы *тму примеров* слышим» («Волк и ягненок»). Приведенный выше пример из «Записок» звучит как более устарелый, чем только что рассмотренные, но и он не выходит за рамки понятной человеку конца XX в. и, возможно, даже приятной ему книжной литературности с оттенком архаичности.

В конструкциях с соотносительным местоимением *то* в главной части сложного предложения наблюдаем иную картину: старое *причина тому, что* вытесняется конструкцией с род. пад. *причина того, что*.

Другой класс слов, которому было свойственно распространение дательным падежом — имена лиц, в том числе наименования по действию (*защитник, покровитель кому*), см. Очерки, 1964, 170.

Злодей *чему*. Шурочка Бархатова так передает слова няни, ругающей мальчиков — ее братьев: «*Это прямо злодеи своему дому*». Сл. Уш. снабжает слово *злодей* пометой бран. шутол. Ни этот словарь, ни БАС и МАС сочетания с дат. пад. не фиксируют. У Пушкина находим сочетание *чей злодей*: «А вы,

³ См. Очерки, 1964, с. 160—172.

мои друзья, Литва и Русь, вы братские знамена Поднявшие на общего врага, На моего коварного злодея...» («Борис Годунов»); «Я увижу, на кого он походит. Так, наверно, отца его узнаю и Убью своего злодея» («Песни западных Славян»), см. Сл. П., I, 141. Сочетание *чей злодей* корреспондирует с сочетанием *злодей кому*: и то и другое указывает адресата злодеяния.

Дат. п. при существительном *злодей* отмечается в памятнике XVI в.: «Мирский человек аще отрежет себе детородный уд да отлучен будет за три лета яко *злодей своему животу*». Корм. Балаш., 33 об. XVI в. (Сл. РЯ XI—XVII, 6, 21). Несомненно, что дат. пад. при существительном *злодей* является отражением его отглагольного происхождения. Ср. *делать зло кому*. Вполне допустим дат. пад., как я полагаю, и при производных словах *злодейство*, *злодействовать кому* даже в наше время.

Творительный приглагольный. В ЗШБ встречаем:

а) *запах сырыми полами*;

б) *няня двигала столами и стульями*.

Очевидно, что эти случаи различны, но оба они обращают на себя внимание современного читателя. Твор. пад. при отглагольном суц. *запах* не свойственен языку нашего времени. Норма современного языка: *пахнуть—запахнуть чем, запах чего*.

Глагол *двигать* в прямом (но не переносном; ср. перен. *им двигало чувство зависти*) значений в сочетании с твор. пад. передает иное значение, чем обычное *двигать что (двигать столы)*. В Словаре Апресяна и Палл (1982) это значение толкуется так: «*двигать чем в разных направлениях или не сходя с места*», тогда как *двигать что* обозначает движение в одном направлении.

Это сочетание нормативно, но не является частотным. «Обычное» сочетание *двигать чем* предполагает упоминание органов человека. Даль толкует это значение как «шевелить»: «*Двигать руками, ногами*». Аналогично в Сл. Уш.: «3. чем. Шевелить, производить движения. Двигать пальцами». БАС, кроме указанного значения «шевелить» (об органах человека), отмечает сочетаемость с твор. пад. при втором значении глагола *двигать* за знаком «ромб»: «Перех. и неперех. Руководить кем-, чем-л.; побуждать кого-л. к чему-л. ...Им [Писаревым] двигала полезная идея (Курочкин); Нет, не они [деньги] двигали им [Чичиковым] (Гоголь)».

Не давая толкования этому значению (или оттенку), его отмечает и Даль, помещая пример: «*Кто движет или двигает народами?*» В БАС находим, кроме того, выражение *двигать горами*. БАС фиксирует сочетаемость с твор. п. и при другом значении: «4. Перех. и неперех. Производить движения чем-либо, шевелить». Примеры из Б. Горбатова (*двигать горшками в печи*); А. К. Толстого и Пушкина: «Стану в смиреньи Черпать забвенья И для друзей Резвой рукою *Двигать струною Арфы моей*». Пушкин. Измены».

В употреблении твор. пад. при глаголе *двигать* в значении «производить беспорядочное передвижение какого-либо неодушевленного предмета» я ощу-

щаю, если так можно выразиться, «двустилистичность»: воспринимаясь как слегка сниженный (ср. *двигать горшками в печи*), он тяготеет к архаически высокому (*двигать народами*). Сам контекст, в котором употреблено это выражение, «двустилистичен» — он и торжественно-приподнятый и бытовой. Вот этот контекст: «В особенности в великую пятницу я любила слушать звон к вечерне и выносу плащаницы. В это время уже приборка заканчивалась и все домашние уходили в церковь, а я забиралась куда-нибудь в уголок за нагроможденные стулья и думала. Во всем доме еще стоит запах сырими полами, где-нибудь в соседней комнате няня *двигает столами, стульями*, а тут раздается перезвон — величественный и печальный».

Еще один пример: *А самое ужасное — это синтаксис*. Я буквально никогда не могла себя заставить выучить уроки *по нем*. В современном языке в этой конструкции употребляется дат. падеж, а не предложный.

Формы рода. Слово *каттаракт* (с двумя *т*) Шурочка Бархатова употребляет в мужском роде. Даль эту родовую принадлежность отмечает как первую. Среди других значений слова *катаракт* дает: «// Слепота от потускнения глазного хрусталика или *катаракта*, ж.» Сл. Уш.: «*катар(р)акт*, м. То же, что *катаракта*. (Мед. устар.)».

Наблюдения над порядком слов

Высказывалось мнение, что отличия разговорного языка (РЯ) от книжного литературного языка столь велики, что позволяют говорить о своеобразной диглоссии⁴. Б. А. Успенский пишет: «Диглоссия представляет собой такой способ сосуществования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации. При этом речь идет о сосуществовании “книжной” языковой системы, связанной с письменной традицией (и вообще непосредственно ассоциирующейся с областью специальной книжной культуры) и “некнижной” системы, связанной с “обыденной” жизнью; по определению ни один социум внутри данного языкового коллектива не пользуется книжной языковой системой как средством разговорного общения... Если вне диглоссии одна языковая система нормально выступает в разных контекстах, то в ситуации диглоссии разные контексты соотнесены с разными языковыми системами. Отсюда, между прочим, члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно видеть в этой ситуации ДВА ЯЗЫКА. Таким образом, если считать вообще известным, что такое разные языки, диглоссию можно определить как такую

⁴ См. РРР—81, с. 21—22.

языковую ситуацию, когда два разных языка воспринимаются (в языковом коллективе) и функционируют как один язык»⁵.

Сказанное выше вполне применимо к ситуации, наблюдаемой в современном русском литературном языке. Носители литературного языка используют книжный кодифицированный литературный язык в ситуации официального общения, как письменного, так и устного (лекция, доклад, публичное официальное выступление и т. п.)⁶. В ситуации неофициального непринужденного общения они используют разговорный язык⁷. Итак, современный русский язык существует в двух функционально распределенных разновидностях — кодифицированный книжный литературный язык (КЛЯ) и разговорный язык (РЯ).

Основная форма существования РЯ — естественная непринужденная устная речь. Однако РЯ может существовать и в письменной форме. Многие его особенности находят отражение в языке художественной литературы, но не только в ней. Имеются специфические жанры неофициальной письменности, которые можно рассматривать как реализацию РЯ. К ним относятся частные письма, записки, дневники, мемуары. Отметим, что перечисленные жанры письменности бывают неоднородны по своей структуре. Существуют частные письма, дневники и мемуары, которые пишутся с установкой на литературность, художественность. В таком случае они не являются реализацией системы РЯ. Однако огромное количество письменных текстов, относящихся к названным жанрам, создается неподготовленно, пишется только для себя или определенного адресата, без всякой установки на литературность. Это — льющаяся спонтанно, неофициальная, необработанная, хотя и записанная речь.

Среди особенностей синтаксиса РЯ, отличающих его от КЛЯ, наиболее яркие относятся к сфере словорасположения⁸. Именно поэтому я выделяю их в особый подраздел и рассматриваю более подробно. Назову такие черты порядка слов РЯ: высокая вариативность, особая важность позиции начала и конца высказывания, широкое использование дистантного расположения непосредственно связанных между собой членов.

Здесь я поставила перед собой задачу — выявить в ЗШБ, т. е. в письменном тексте, отделенном от нас столетием, те особенности порядка слов, которые отмечаются как типические в *современном* РЯ.

В ЗШБ встречаются не все специфические особенности разговорного порядка слов. Нам не встретилась, в частности, такая черта, как интерпозиция главного предложения по отношению к придаточной части, типа: *Рано утром я не уверена что освобожусь*; ср. порядок слов КЛЯ: *Я не уверена, что освобожусь рано утром*. Эта особенность разговорного синтаксиса была отмечена

⁵ См. Успенский, 1994, с. 26—27.

⁶ См. об этом Земская и Ширяев, 1980.

⁷ См. подробнее РРР—73, с. 9—17; РРР—81, с. 5—19

⁸ О порядке слов, характерном для РЯ, см.: РРР—73; Ковтунова 1976; Земская 1987, с. 148—162.

И. Н. Кручининой в частной переписке писателей XIX в.⁹ Отсутствие данной особенности разговорного словорасположения в ЗШБ объясняется тем, что высказывания, допускающие такую линейную организацию, не отмечены в рассмотренном тексте.

Среди особенностей порядка слов, отличающих РЯ от КЛЯ, наиболее резкой является **непроективность** высказывания, характерная для РЯ и запрещаемая нормами КЛЯ¹⁰.

И. Лесерф так определяет свойство проективности: «В проективной фразе два слова, между которыми существует связь непосредственного подчинения, могут быть разделены только членами, зависимыми от одного или другого из этих слов, или вводным предложением, а также эквивалентом вводного предложения»¹¹.

Непроективными являются фразы типа: *Французскую принеси мне книгу; Очень криков громких я не люблю*; ср. порядок слов, присущий КЛЯ: *Принеси мне французскую книгу; Я очень не люблю громких криков*.

В ЗШБ непроективные высказывания не редки. Например:

(1) (о сестре и ее женихе). Они оба довольные, сияющие и в семье особенное носилось настроение праздничное (ср. носилось особенное праздничное настроение).

(2) Это какой-то был душу раздирающий вопль (ср. Это был какой-то душу раздирающий вопль).

Мы даем здесь только две иллюстрации. Непроективные высказывания будут приводиться нами далее при характеристике иных особенностей словорасположения.

Позиция абсолютного конца высказывания может быть охарактеризована как сильная. Автор часто использует ее, помещая в конец член или члены, несущие логическое ударение:

(3) Инициатором во всех затеях была я, а Люба беспрекословно действовала заодно со мной (ср. я была инициатором во всех затеях...).

(4) Помню, что это был очень веселый ужин и много безобразничал Миша...

(4а) В тот год кончила гимназию моя сестра, а один из братьев должен был ехать в Орел, так что на зиму остались я, брат и сестра.

(5) Училась я недурно и даже шла одной из первых, но интересоваться учением — ни капельки.

(6) А самое страшное — это синтаксис.

(7) Во всех комнатах горели лампы (ср. лампы горели во всех комнатах).

Нередко в исходе располагается сказуемое:

⁹ См. Кручинина, 1974, с. 236.

¹⁰ См. об этом РРР—73, с. 383—393.

¹¹ Лесерф, 1960, с. 34; см. также: Иорданская, 1967, с. 20.

(8) ... хотя нужда была **страшная**, он [брат] не хотел обращаться за помощью к родителям и первые три года после женитьбы были для него **страшно тяжёлы**.

(9) Благодаря этому [близости братьев по возрасту] дружба между ними **самая тесная**, а я уже для них **мала** (ср. между ними самая тесная дружба, а я уже мала для них).

Но, пожалуй, еще более характерно для «Записок» помещение в абсолютном исходе наречий образа действия, выражающих количественную или качественную характеристику действия:

(10) Это в довершение всего придавило меня **окончательно**.

(11) Как только раздавался папин характерный кашель, или стоны, я вся съезживалась **ужасно**. И на остальных это сказывалось **очень**.

(12) Я глубоко уверена, что вся эта данная мне свобода прекрасно действовала на здоровье, зато воспитание мое коверкало меня **отчаянно**.

(13) Еще в этот же день он [папа] был на блинах у одной прихожанки и чувствовал себя днем **прекрасно**, а ночью разом стал задыхаться.

(14) А фантазия моя была развита **очень**.

(15) С братом она [Варя] дружила **очень**.

(16) Но наблюдательности и жажды научных знаний не было **ни чуть**.

(17) ...у нас с Любой были свои интересы, которые нас поглощали **целиком!**

Позиция абсолютного начала реже используется для выделения:

(18) Одевали меня **страшно неумело**, благодаря чему у меня совсем отсутствовал вкус и желание быть всегда в порядке. Умения **держаться** себя совсем не было (ср. Совсем не было умения себя **держаться**).

(19) **Арифметику и географию** я всегда любила.

(20) **Свою гимназию** я не только ни капельки не любила, но всей душой желала, чтобы она в один прекрасный день провалилась.

(21) **Натянутости** я в ней никогда не видела в разговоре. **Замечательно** у нее была жива и остра речь со всеми (ср. Я в ней никогда не видела **натянутости**. У нее речь со всеми была **замечательно жива и остра**).

(22) **Иконы снимались, драпировки все тоже, все чистилось, мылось, вытряхивалось**.

(23) **Папы** никогда в это время не бывало.

(24) **Детей всех** она в общем баловала.

(25) **Как вышло примирение с отцом** я не знаю (ср. Я не знаю, как вышло примирение с отцом).

(26) **Положение общественное семейства** совсем не разбиралось.

При противопоставлении в начало может быть вынесена акцентированная тема (см. ниже пример 46).

(27) [Братья] сами устроили **бильярд**; **выстругали доски**, сделали **борт** и **лузы**, **выстругали кий**, а **шары** отдали **выточить** (такой порядок слов: вынос

слова *шары* в начало, при противопоставлении *доски — кий — шары*, можно истолковать так: «а что касается шаров...»).

Особо выделим **двувершинные высказывания**, когда два интонационно выделяемых члена помещаются в начале и в конце, а между ними находятся интонационно ослабленные члены, так называемая «интонационная яма»¹²:

(28) *Родных у нее там не было никого.*

(29) *Три дня прошли мучительно.*

Как типическую черту отметим прием **добавления**, наглядно свидетельствующий о том, что текст строится спонтанно, без подготовки. Автор помещает в конец высказывания какой-либо член, добавляющий нечто важное:

(30) *Потом он поступил в военно-медицинскую академию 22 лет.*

(Можно не сомневаться, что при обдумывании написанного, автор изменил бы порядок, чтобы читатель не подумал, что академия имела 22 года от роду.) Ср. также случаи **уточнения**:

(31) *...нашелся добрый человек доктор Шухов, который взял всех и мать и детей к себе.*

(32) *...все спешили их [детей] приласкать, не исключая и прислуги. У нас их было две нянька и кухарка.*

(33) *Единственный человек, который иногда посвящался в наши интересы, была Катя — горничная, девочка лет 14, взятая на место няни.*

(34) *Весной опять приехал Аф. Ив. и тут назначили день свадьбы сестры, 1 июля.*

Добавляемая и уточняющая части могут отделяться от высказывания запятой, тире, но какой-либо пунктуационный знак может и отсутствовать.

Встречается в «Записках» и типично разговорное расположение членов синтаксических групп, например, препозиция дополнения, как прилагольного, так и приименного:

(35) *На меня эта новость особого впечатления не произвела.*

(36) *Но я только все это заметила, а вывода сделать никакого не сумела (ср. ...заметила все это, а не сумела сделать никакого вывода).*

(37) *Благодаря этому дружба между ними самая тесная, а я уже для них мала... (ср. мала для них); ...я ей поспела разбить нос.*

(38) *Конечно, она это сказала, чтобы что-либо приятное маме сделать.*

(39) *Но папы побаивались и когда он бывал дома, то безобразий таких не допускалось... он был строг и беспорядка большого не любил.*

Препозиция (контактная и дистантная) **инфинитива** по отношению к спрягаемому глаголу также характерна для ЗШБ:

(40) *Я знала, что у меня есть старший брат, но видеть мне его не пришлось.*

(41) *Ни одного свободного движения — ни побегать, ни расхотатьсь, ни громко крикнуть не позволялось...*

¹² См. Лаптева, 1966; Земская, 1987, с. 154—155.

Служит подчеркиванию также **постпозиция согласованного** определения, особенно резко в тех случаях, когда она сопровождается интонационным выделением, которое на письме может быть передано знаком тире.

(42) ...*тут раздается перезвон — грустный и величественный.*

(43) *И вот с тех пор мы все жили под гнетом опасения ежеминутного за папину жизнь.*

(44) *Как мама, так и дети относились к нему [папе] с глубоким уважением совершенно искренним* (ср. *глубоким совершенно искренним уважением*).

Рассмотрим подробнее четыре высказывания, содержащие типические особенности разговорного словопорядка.

(45) *Братья привозили массу худого белья и все это надо было перечинить, понашивать нового и кому сколько давать сообразить и все это делала она [мама] сама с нянькой, даже чулки успевала все выштопать!*

В этом полипредикативном высказывании находим много типических черт РЯ не только в области словопорядка. Так, при глаголе *привозили* отсутствует пояснение, очевидное из конституации (из Орловской гимназии); при глаголе *давать* нет прямого дополнения (имеется в виду *белье*, но до этого речь шла о худом белье и о новом, а что именно следует давать, в тексте не сказано). Инфинитив *сообразить* содержит препозитивное пояснение: *кому сколько давать сообразить* (ср. *сообразить [что?] кому сколько давать*). В конечной части существительное *чулки* имеет постпозитивное определение *все*, которое отделено вставкой глагола *успевала*, а относящаяся к глаголу частица *даже* отъединена от него препозитивным дополнением *чулки*. Высказывание имеет непроективный характер (ср. по нормам КЛЯ: *даже успевала выштопать все чулки*).

При противопоставлении в начало может быть вынесена акцентированная тема:

(46) *Ссор серьезных я не помню никогда, но споры бывали такие, что можно было подумать, что в доме не только ссорятся, а даже дерутся.*

Словоформа *ссор*, противопоставленная словоформе *споры*, выносится в абсолютное начало, соответственно *никогда* «уходит» в конец. Знаменательно, что это *никогда*, отнесенное в конец, не кажется ненормальным, тогда как при нейтральном порядке слов в соседстве с глаголом оно явно нарушает нормы языка; ср. нейтр. Я **не помню никогда* или: **никогда не помню серьезных ссор*.

Рассмотрю еще одну фразу:

(47) *Еще хорош был для меня всегда момент разговения от заутрени: эти у всех как-то сияющие лица, смех, разговоры, только я тут не слышала была всегда, но наблюдала всегда очень внимательно.*

Первая часть фразы (до слова *только*) содержит разговорную недосказанность (*эти*, отделенное от словоформы *лица*; *как-то сияющие*). Изменение порядка слов привело бы к ее резкой деформации, лишило бы эту фразу есте-

ственности и смысла, но не превратило бы ее в высказывание, отвечающее нормам КЛЯ. Ср. **эти лица как-то сияющие у всех*; еще хуже: **у всех эти как-то сияющие лица*; **у всех как-то сияющие эти лица*.

Помещение местоимения *эти* в абсолютное начало в соседстве со словоформой *у всех*, освобождает его от тесной связи с каким-либо членом, с которым оно согласовано по форме (*эти лица, эти сияющие лица*) не только грамматически, но и семантически. Они приобретают размытую, сдвинутую семантику, что столь характерно для РЯ.

Вторая часть фразы *только я тут не слышна была всегда* имеет вынесенную в препозицию часть *только я* с местоимением первого лица, явно подчеркнутым частицей *только* и ударением, к тому же противопоставленным сочетанию *у всех* в первой части. Отмечу замыкающее фразу *всегда*, которое представляет полную параллель к выше приведенному *не помню никогда*.

Наречия *всегда* и *никогда*, сама семантика которых служит их выделению в ряду наречий, обозначающих временные отрезки, несут на себе вторую интонационную вершину столь характерных для разговорной речи двувершинных высказываний, в центре — «интонационная яма»: *Только я / тут не слышна была / всегда*.

(48) *Я к зеркалу даже очень не любила подходить*. Эта фраза может быть произнесена с разным интонационным членением — 1) с паузой после *даже*; 2) с паузой перед *даже*.

В первом случае выделенным оказывается слово *зеркало*, причем средством выделения является постпозитивная частица *даже*. Такой порядок слов характерен для разговорного языка.

Во втором случае выделенными оказываются объединенные в один сегмент частицы *даже очень*. Этот вариант мне представляется менее употребительным.

Фонетические наблюдения

Шурочка достаточно хорошо соблюдала правила орфографии того времени.

Обращает на себя внимание отражение иканья, что, по всей вероятности, объясняется тем, что Покровские жили на юге России — в Орловской губернии. Так, в уменьшительно-ласкательных производных не только Шурочка, но все родные пишут только *и*. М. В. Покровский: *внучоночик, Варичька*. В. М. Покровская-Булгакова: *Надичка*; Шурочка: *Варичка*. Написание *Варечка* и под. не встретилось.

Отражение естественного разговорного произношения — упрощение групп из трех согласных, включающих *т*, можно видеть в написании *асма* вм. *астма*. Ср. современное произношение *позно* (поздно), уже ставшее орфоэпической нормой. В разговорной речи: *студенка* (студентка) и под.

Выводы

Проанализированный текст не однороден. Он содержит различные фрагменты, одни из которых можно охарактеризовать как разговорные (рассмотренный выше «Отчет в прошедшем»), другие — как принадлежащие КЛЯ. К последним относится начальная часть текста — краткие записи, дающие характеристику событий отдельных лет (1890—1901 гг.). Эта часть «Записок» написана книжным языком, в ней много номинативных предложений, в которых событие именуется отглагольным существительным. Вот типические примеры: «1890-й: ...Проводы Вари. Сборы в гимназию. Отъезд. Пожар. Орловская жизнь. Святки. Приезд из Киева Вари. Летние поездки в Б.[елые] Б.[ерега]».

Разговорная часть ЗШБ содержит многие типические особенности, свойственные устной форме РЯ. А. М. Бархатова широко использует основные особенности словопорядка, присущие РЯ: дистантное расположение тесно связанных между собой членов, непроективный порядок слов, вынос в препозицию различных членов синтаксических групп. Позиция абсолютного конца высказывания выступает как сильная, выделенная логическим ударением. В ней нередко располагаются члены, противопоставляемые по смыслу. Позиция абсолютного начала используется реже для помещения выделяемых членов. Возможно, в этом сказывается влияние письменной формы речи. Многие особенности разговорного словорасположения отличаются особой экспрессивностью. Именно в выражении особой экспрессии, подчеркнутым выявлении логического ударения, актуального членения состоят функции словопорядка в РЯ.

Для текста «Записок», так же как и для РЯ вообще, характерна высокая вариативность словорасположения, то есть наряду со специфически разговорными употребляются и нейтральные конструкции, так как только на их фоне специфически разговорные конструкции выполняют свою функцию. Наши наблюдения показывают, что такому жанру письменной речи, как дневниковые записи или воспоминания, присущи многие особенности, свойственные разговорному языку в его устной форме, в том числе фонетические.

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ПИСЕМ А. И. БУЛГАКОВА

К В. М. ПОКРОВСКОЙ-БУЛГАКОВОЙ

Дошедшие до нас письма А. И. Булгакова показывают, как менялся характер отношений между ним и его невестой. Первое письмо А. И. — начало переписки, почти официальное. Дальнейшие письма становятся все более дружескими и теплыми. Характерно, что А. И. нечасто использует традиционный зачин с обращением, кроме самого первого письма и писем 1897 г. (*Дорогая моя голубка! Моя милая голубка! Милая моя голубочка! Милая моя Варречка!* и под.). Письма показывают, как постепенно проходил переход от *Вы* к *ты*, от имени и отчества к имени. В этом отношении показательно письмо № 11 (начатое 1 февраля 1890 г., но пишущееся несколько дней). А. И. использует в начале письма обращение *Варвара Михайловна* и местоимение *Вы*: «Настоящее письмо, моя милая Варвара Михайловна, имеет очень длинную историю. Последний раз я писал Вам (уже не буду употреблять «ты» в письме, потому что с Вашей стороны не получаю в ответ того же) коротенькую записочку с вокзала перед отъездом в Киев. Коротка она, правда; я хотел написать подробнее, да не успел <...> Я собираюсь по получении Вашего письма написать ответ и к нему приложить то, что теперь написано. Словом: я каждый день (пока не получу от Вас письма) буду приписывать по-немногу и отправлю все разом к Вам в надежде, что и Вы будете так же поступать». Однако уже на другой день, получив от В. М. письмо с обращением на «ты», он также переходит к этой форме.

Письма носят характер живого разговора. А. И. обращается к невесте с вопросами и сам же на них отвечает; автор письма и его адресат как бы ведут между собой диалог, хотя живут за много верст друг от друга: «Ведь этого не будет? да?; Я думаю, за это ты на меня не рассердишься. Да? Тебя может поразить неровность моего настроения, которая так заметно сказывается в моих письмах. Да! Оно очень неровно. Отчего? На этот вопрос ты после получишь ответ. Когда? Я сам не знаю; <...> моя совесть ни одного раза не послала мне упрека. Что это? Разве она спит? Нет! она иногда меня сильно терзает, когда я сам увлекусь, забудусь на время в весельи. <...> Да разве я мало прожил? 31 год! <...> Ой! Уже четверть четвертого! Пора спать» (письмо № 11). Те же черты доверительной и эмоциональной беседы с адресатом свойственны и

другим письмам, например, письму 24: «Какая страшная возня с переменою квартиры, это просто ужас! Каждую книжонку, каждую поганенькую (извини за выражение) вещичку приходится передержать в руках, да иногда еще по нескольку раз, пока им найдешь место, а потом каждую из них вновь нужно разложить, расставить и все это самолично, потому что не на кого больше поверить. Голубка моя, ты говорила, что ничего не имеешь, чтобы остановиться по приезде в гостиннице. Сообрази-ка теперь, сколько раз нам с тобою пришлось бы проделать эту отвратительную процедуру перекладки, перестановки вещей? Да и где хранились бы мои вещи, если бы я не оставил за собою квартиры? Наконец, я не хочу, моя дорогая, чтобы ты приехала на новое место жительства и принуждена была рыскать по городу (извини за крепкое слово) отыскивать квартиру и устраивать ее, когда мне придется братья за работы» (письмо № 24). В этом письме много разговорных слов (*книжонка, поганенькие вещички, страшная возня, рыскать* и др.), за некоторые А. И. тут же извиняется.

Письмам А. И. свойственна стиливая многоплановость. Наряду с отмеченной выше разговорной диалогичностью в серьезных рассуждениях и синтаксис, и лексика имеют книжный характер. Переходы из одного стиливого регистра в другой весьма часты. При этом книжные обороты и лексика, переход на *Вы* нередко используется как средство шутки или иронии. Вот пример: «Ты, моя голубочка милая, когда-то задала мне вопрос: осужу ли я тебя за некоторую эгоистичность в отношении к людям. Я оставил этот вопрос без ответа. А теперь скажу, что ты сама себя осудила, некоторыми словами своего письма. *Что попалась? Пораскуси*, а потом я тебе напомню. Прости меня за это ехидство: *когда привезу свои уши, то можешь надрать мне их. Я очень и очень ценю Вашу переписку с собою, милостивая государыня, и тоже отвожу на ней душу, когда мне взгрустнется.* “Хорошая ты у меня, дорогая ты для меня”, — говорю это от чистого сердца» (письмо № 22, Киев, 1890 года, 4^{го} мая; курсив мой. — Е. З.).

Разговорные слова и выражения А. И., как мы уже видели, употребляет нередко: *тфу ты!*; *ужас!*; *ровнехоньким счетом*; *вскочил как встрепанный*; *и одним глазом не заснул, как говорится*; *карачевские эскулапы*. Особенно часты разговорные глаголы: *заболтался*; *буркнул*; *мажут* (о малярах); *плюнул я на них* (в перен. смысле); *сваливала на меня*; *тащить жизнь*; *мы постоянно грызлись друг с другом*; *махнул на все рукою*. Менее экспрессивны, но имеют налет разговорности выражения: *Вы обещались* (не: *обещали*); *стряпня* (о приготовлении пищи); *мытье белья*.

Наряду с многими ласкательными словами (*Варечка, Шурочка, мамочка* и др.) А. И. использует и разговорные фамильярные формы имен: *Шурка* (по отношению к младшей сестре В. М., которую называет и *Шурочка*), *Мишка* (по отношению к сыну), *Мишкина постель*.

А. И. любит шутить, каламбурить. Выше был дан пример относительно «привоза ушей». Вот еще один: «Проснувшись *вскочил как встрепанный*, потому что очень рано должен придти портной, который принесет мне фракную пару, заказанную мною первый раз в жизни. Посмотрю, как это буду я в ней высматривать; кстати у меня в квартире есть зеркало, в котором видна не только “И-талия”, но даже и Африка и Азия и под. страны света (впрочем зеркало это не мое, а хозяйское; и я завидую тебе, что у тебя есть зеркало, в котором “даже и талия видна”»)» (письмо № 14). Рассказывая о том, что в Киеве устраивают много скверов, А. И. пишет, что комиссию, занимающуюся скверами, фельетонисты называют *скверной комиссией*.

А. И. и В. М. употребляли домашние прозвища. К сожалению, трудно сказать точно, к кому они относились. В письмах часто упоминается *пиковая дама*, одна из киевских знакомых А. И., вероятно, острая на «язычок» брнетка. Среди окружения В. М. были *«званные мерзавцы»*. О них говорится и в письмах В. М., и в письмах А. И. Но о ком идет речь, для меня не ясно.

К излюбленным риторическим приемам А. И. относится цитация. Он цитирует разных авторов, чаще всего Грибоедова («Горе от ума»). Дам лишь один типичный пример: «Я говорил и теперь повторяю, что я не знаю, что будет со мною, если Вы забудете меня. Мне кажется, что я тогда махну на все рукою, перестану идти вперед и буду тащить тихонько свою жизнь как тащил ее до настоящего времени. “*День за-день, нынче, как вчера*”, — писал Грибоедов в комедии “Горе от ума”. Прибавил он и слова: “*к перу от карт и к картам от пера, и положенный час приливам и отливам*”. Правда, к картам я не особенно склонен. Но почему знать, что эта склонность не вкоренится от отсутствия в жизни определенной цели» (письмо № 11, 11 янв. 1890 г.).

А. И. имеет приверженность к употреблению иностранных слов и выражений — немецких, французских, итальянских. Несколько иллюстраций.

Письмо № 15 (Киев, 1890 г. 15 марта): «<...> на солнечных сторонах улиц приходится пускать в ход разные *parasols* и *parapluies*, чтобы не “взопреть, как мыши” (а неправда ли? хорошая выходит “смесь французского с нижегородским?”)». 29 апреля 1890 г. он пишет по-итальянски: «*Addio, mia cara, mia bella. Buona notte!*» Рассказывая о том, что маляры просили денег «на чаёк», А. И. помещает в скобках: «*Drink-Geld; pour boire*». В начале письма № 14 дает французское слово *commencement* с пояснением: так ставят в начале летописи. Повествуя о немце, который едет из Киева на родину, сообщает, что он будет там в следующее воскресенье «*Seine Messe lesen (pour dire sa messe)*» (письмо № 31, 12 июля 1897 г.). Повидимому, он дает французский перевод, чтобы В. М. было понятнее.

Дважды А. И. употребляет украинские выражения. Один раз ласковое обращение *кохано*. Другой раз — шутливо-грубоватое сравнение: «У тебя время летит незаметно, а у меня тянется так ‘як тий віл’, — говорят хохлы».

Письма А. И. отделены от нас более чем сотней лет. Какие отличия от современного языка находим мы в них? Можно отметить ушедшие из современного языка, устаревшие явления в области синтаксиса и лексики.

Синтаксис. В письмах находим устаревшие явления из области функционирования падежных форм и глагольного управления. Здесь встречается более широкое употребление родительного количественного: А. И. употребляет родительный количественный в тех случаях, когда в современном языке мы бы употребили винительный падеж: «<...> вечером хотелось *почитать тех газет*, из которых я знакомлюсь с заграничной религиозной жизнью» (письмо № 15); «изредка есть возможность *послушать хорошего пения и хорошей музыки*» (письмо № 3).

Формы творительного падежа как беспредложные, так и предложные, имели в конце XIX в. более широкий круг значений. Творительный падеж без предлога в конце XIX в. мог выражать значение способа действия. Это значение в литературном языке XX в. сохраняется лишь у ограниченного числа существительных (*плавать брасом, петь басом* и нек. др.). В языке рубежа XIX—XX вв. круг существительных, выражающих такое значение, был шире. В переписке начала XX в. встречаем: «Я ела чернику *компотом*. Сырую никогда не ела». Русские эмигранты первой волны, сохранившие словоупотребление рубежа веков, говорят *ездить туризмом*¹. В одном из писем А. И. находим: «*затруднялся присылкою*». Такое употребление в современном языке является несомненно устаревшим.

Установлено, что из литературного языка XX в. уходит творительный падеж с предлогом *за* со значением причины². В письмах А. И. находим «*за разговором* не успел написать письма»; «я отстал [...] от знакомств *за делами*». Сл. Уш. отмечает это значение у предлога *за* следующим образом: «10. с твор. пад. употр. при обозначении причины». Словарь оценивает подобные конструкции пометой «*канц.*» и иллюстрирует их такими примерами: «*За молодостью лет. За отсутствием улик. За истечением срока. За ненадобностью*». К помете, содержащейся в словаре, следовало бы добавить и помету «*устар.*». Обратим внимание на еще одну любопытную подробность: А. И. использует эту конструкцию, говоря об обычных житейских обстоятельствах, тогда как примеры из Сл. Уш. относятся к официально-деловому стилю.

Лексика. Приведу некоторые слова и выражения, ставшие устаревшими или ушедшие из современного языка по разным причинам.

Артельщик. В одном из писем А. И. объясняет невесте, что он писал на вокзале, не успевал сам опустить письмо в ящик и дал его *артельщику*. Нашему современнику не вполне ясно, кого называли артельщиками. Даль и Сл. Уш. мало помогают в понимании этого слова. Даль дает: «**артельщик** — участник, товарищ по артели; хозяин, расходчик ее; род десятника, для присмотра

¹ См. Земская, 2001, с. 90—91.

² См. Очерки, 1964, с. 43—45.

за артельными работами». Сл. Уш. толкует это слово сходным образом: «Член, участник артели. // Член артели ответственного труда». Более информативным оказывается БАС, который как второе и *устар.* значение помещает: «носильщик на станциях железных дорог, паромных пристанях». И дает иллюстрацию из Чехова: «Поезд стоял. *Артельщики* в белых фартуках и с бляхами суетились возле пассажиров и хватали их чемоданы» (Чехов. «Тиф»). Слово *артельщик* в данном значении было вытеснено словом *носильщик*, которое первоначально обозначало лиц, занимающихся переноской людей и предметов (не на вокзалах и пристанях). Были *носильщики дров, солдаты-носильщики* и проч. Когда *носильщик* победил *артельщика*? Словари дают разные свидетельства. Сл. Уш. указывает современное значение слова *носильщик* как первое и основное: «Лицо, занимающееся переноской багажа пассажиров на вокзалах». И дает лишь за // «То же, что *носчик* (напр., в экспедициях)». БАС поступает по-другому. Он в качестве первого значения помещает «рабочий по переноске чего-н.» и указывает современное вокзальное значение за знаком // «Рабочий по переноске багажа на вокзалах, пристанях и т. п.».

Почему же *носильщик* вытеснил *артельщика*? Можно высказать предположение, что причин было две: 1) ясная внутренняя форма у слова *носильщик* (тот, кто носит); связь слова *артельщик* с *артелью* у второго слова не способствовала пониманию значения «переносчик багажа»; 2) слово *артель* в современном языке обрастало социально-политическими коннотациями (см. толкование в О.-Ш.), мешающими ему функционировать в обыденной жизни.

Юс, юс-юсыч. В современном языке слово *юс* обозначает лишь букву. В переносном значении эта номинация вышла из современного употребления. В письме № 11 А. И. пишет: «Я сильно скучаю теперь в часы досуга от официальных занятий. Меня уже не интересует то, что прежде интересовало, т. е. мелкие факты из жизни нашего общества, обсуждением которых мы занимались и ради которых сходились в часы досуга (я разумею таких же холостых бездомных *юсов-юсычей*, как и я сам)». Очевидно, это наименование выражает самоиронию. А. И. шутит над собой и себе подобными. Современные словари включают переносное значение слова *юс*. Сл. Уш. дает как второе значение слова *юс*: «законник; крючок, знаток судебно-полицейской процедуры (устар. шутол. бран.)», не давая примеров. БАС помещает так же как второе значение: «*Юс. устар. простор. шутол.* Законник, судейский крючок-твор». Иллюстрация одна: «Это его этот мошенник, этот в-вор, этот поганый *юс* подбил» (Герцен. «Былое и думы»). Очевидно, что крайне узкая сфера употребления слова *юс* в прямом значении, уход его из активного словаря XX в. благоприятствовал выпадению из языка и переносного значения. Небольшой опрос, проведенный мною в 2002 г. среди высокообразованных носителей литературного языка (преимущественно филологов), свидетельствует о незнании ими переносного значения слова *юс*.

Рукопись в 220 страниц дробного письма (письмо № 21 от 29 апр. 1890 г.). В современном языке *мелкий почерк* не называют *дробным*; слово *письмо* не употребляют в значении *почерк*. Да и конструкция с род. падежом, характеризующим (*220 страниц такого-то письма*) является устарелой. Даль при слове *дробный* указывает: «Мелкий, раздробленный, мелочной... *Дробные огурцы*, млрс., орл., кур. Мелкие». Афанасий Иванович был из Орла, так что слово *дробный* в указанном значении вполне могло быть ему свойственно.

Левша — в знач. левая рука. Даль при слове *левша* дает это значение как первое, в противоположность *правша* — правая рука.

А. И. в письме № 15 от 15 марта 1890 г. пишет: «А если я начертил несколько строк левою рукою, то не потому, что не мог этого сделать правою, а потому, что хотел показать образчик письма *своего левшаго*».

А. И. склоняет это слово как прилагательное мужского рода, вкладывая в него значение «левая рука». Даль трактует это слово как существительное женского рода. В современном языке оно функционирует как существительное общего рода (*он такой левша, она такая левша*) и обозначает только *человека*, лучше владеющего левой рукой, а не самую руку.

Высматривать как или кем. В современном языке значение «иметь какой-нибудь вид, производить какое-нибудь впечатление» выражает только глагол *выглядеть* (неперех.), не имеющей пары *выглядывать*. Этот глагол является калькой немецкого *aussehen*. Принято считать, что этот германизм появляется в 30-х годах XIX в. в языке петербургских немцев³. В современном языке этот глагол укоренился и не вызывает негодования пуристов. Однако в указанном значении А. И. употребляет не глагол *выглядеть*, а слово синонимичного корня — *высматривать*, причем по нормам русского языка в форме несов. вида. В письме № 14 (26 февр. 1890 г.) он пишет: «<...> [портной] принесет мне фракную пару <...> Посмотрю, *как* это буду я в ней *высматривать* <...>».

Сл. Уш. у глагола *высматривать* этого значения не указывает, а БАС помещает при глаголе *высматривать* за ромбом: «*Неперех. устар. Высматривать* кем — иметь вид кого-либо». Пример из Гоголя: «*Высматривает орлом, выступает плавно, мерно*» («Мертвые души»).

Можно предположить, что глагол *aussehen* породил кальки от двух глаголов — *глядеть* и *смотреть*, которые сосуществовали некоторое время, но укоренилась в русском языке одна.

Глагольная префиксация. В письмах А. И. Булгакова встречаются два устарелых словоупотребления, связанные с глагольной префиксацией.

Приискать. В современном языке этот глагол воспринимается как устарелый. А. И. пишет: «Пусть он [папа] *приищет* этот указ и прочитает его» (письмо № 21, 29 апр. 1890 г.). Глаголы с приставкой *при-* со значением «про-

³ См. Виноградов 1994, с. 118.

известия действия в интересах субъекта действия» в языке XVIII — первой половины XIX в. обладали бóльшей продуктивностью (см. подробнее Земская, 1952). Со временем их продуктивность ослабевает, их число сокращается. В современном языке сохраняется лишь несколько глаголов этого типа: *присмотреть, приберечь, припрятать*. Все они несут печать разговорности.

Ремонтировать. Вторым случаем устарелого словоупотребления — использование глагола *ремонтировать* для обозначения законченного действия, что подчеркивает частица *уже*. Сообщая, что ремонт закончен, А. И. пишет: «Квартира уже *ремонтирована*».

Мы в этом случае употребили бы глагол с приставкой: *отремонтирована*.



Надя в Буче

Май 4-й 1892 г.
г. Казань.

Преподобнейшему моему отцу,
Афанасию Клязьминскому Валуевскому,
и моему старшему брату Серафиму,
Минскому.

Получил от вас письмо о рождении сына. Очень рад, что у вас родился мальчик. Искренне желаю, чтобы он вырос здоровым и счастливым. Искренне желаю, чтобы он вырос добрым и трудолюбивым. Искренне желаю, чтобы он вырос умным и талантливым. Искренне желаю, чтобы он вырос честным и справедливым. Искренне желаю, чтобы он вырос верным и богобоязненным. Искренне желаю, чтобы он вырос любящим и уважаемым. Искренне желаю, чтобы он вырос полезным и уважаемым. Искренне желаю, чтобы он вырос счастливым и здоровым. Искренне желаю, чтобы он вырос добрым и трудолюбивым. Искренне желаю, чтобы он вырос умным и талантливым. Искренне желаю, чтобы он вырос честным и справедливым. Искренне желаю, чтобы он вырос верным и богобоязненным. Искренне желаю, чтобы он вырос любящим и уважаемым. Искренне желаю, чтобы он вырос полезным и уважаемым. Искренне желаю, чтобы он вырос счастливым и здоровым.

Афанасию Клязьминскому моему старшему отцу,
и Серафиму Минскому моему старшему брату.
Из любви к вам и к моему отцу
и старшему брату: Михаилу Афанасьевичу

Ксерокопия письма о. Михаила Покровского, в котором первый раз упоминается о рождении внука Михаила Булгакова, 4 мая 1892 г.

письмо и мне хочется
чтобы ты поскорее попу-
чили Иваниса и Ивачовых
обещаясь прислать те
книжки оны тебе пере-
дают все что здесь уви-
дять а теперь уведомля-
ю тебя ценю тебя с рас-
тущими масть твою
Анастасию Искровская

патши и детей и че-
лужу тебе

1894
Апреля 25

(1894, апрель)

так и было придем
есть на караване есвкую стан-
цию смотрит суета и
Владимир и Ивачовых ~~ты~~
~~суета~~ суета тудажне мы
вместе и поехали пре-
ехали пржино къ булга-
ковским въ кароворе
нас встретили Анастасия
Ивановича онъ слава богу
ровъ и сказавъ что все
здоровы булгаковича ко-
нечно убить Владимир
Ивановича Анастасия
отлучились помяну
а потому стали пить
чай и узнали что паро-
ны будутъ во вторникъ
ныне Владимиръ и нем-
ноя обилье остатка на не-
мной чужь помяну
родителей такъ онъ и
узнать такъ же и мы
засились пробникъ увеселя
въ оны а вечеромъ отъехать
къ булгаковича Анастасия
Ивановича обилье у Варвары

16/IV 1894.

Милая и дорогая дочь
на Варваричка,

намное получили твоё
письмо и съясну тебе
написаны обещания ~~ты~~
парозима смерть о. сою
ма не менее и мы уже
собираемъ изъездить
ли оего болезни они намъ
писали поздравительное
письмо на тризунки и
стали болеть и сообще-
ли что о. Юлия заболела
и докторъ сказалъ что
послуживъ мочитъ.
Быть курьихъ а воскрес-
ние 24 мая получили
письмо что оны померъ
мы решили послать
с собою утешить въ по-
несудьбы въ пожить на
паворонъ и кое что ей
купить для себя и мне
вотено повидатся
съ Анастасией Иванови
Челю у прозимогами
что оны присутствуютъ

Варварей представили
избрать земляка для
поступления на место
пробникъ мы до сдѣлать
часовъ вечера и отправи-
лись фромой мне не вѣзъ
было остаться на паворонъ
до вторника, пытали
съ тѣмъ же послать поста
эвораеать на святую
сталили мужичку и баба
ны покомнхатамъ оны
вочить и кушавать а
толкута мало я все со-
биралась написать тебе
ну верить въ Варварича что
мы чужь не видимъ съ
боудой мы какъ жили
такъ и живемъ пока
перечемъ нетъ а въ
узнать въ фромойнѣ
сума не во што не вое-
чить да и некогда было
это время самое для
несо тѣмъ же и много
твое мужички пока
довольно ато опоздалъ

Ксерокопия письма бабушки Анафисы Ивановны
дочери Варваре в Киев, 9 мая 1894 г.

М. БУЛГАКОВ

*Сестре Вере
на память
от брата Миши*

ДЬЯВОЛИАДА

Рассказы

Издательство «НЕДРА»
Моск. Госуд. Об'един. Полигр. Промышл.
(Мосполиграф)
1926

Ксерокопия обложки
сборника М. Булгакова «Дьяволиада» с надписью
«Сестре Вере на память о брате Мише»

Дорогой
Надежде Афанасьевне
Василій Экземплярскій.

Булгаковой
Изъ сердца преданного
автора.

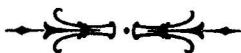
За что меня осудили?

I.

Нѣсколько словъ уволенного профессора духовной Академіи: въ защиту своего богословскаго на-
правленія.

II.

Гр. Д. Н. Толстой и св. Іоаннъ Златоустъ въ ихъ
взглядѣ на жизненное значеніе заповѣдей Хри-
стовыхъ.



КІЕВЪ.

Типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.

Каравалевская ул., № 5.

1912.

Титульный листъ книги В. И. Экземплярскаго с дарственной надписью
от автора: «Дорогой Надежде Афанасьевне Булгаковой
от сердечно преданного автора»



Вера и кузина Лиля (Илария Михайловна Булгакова)

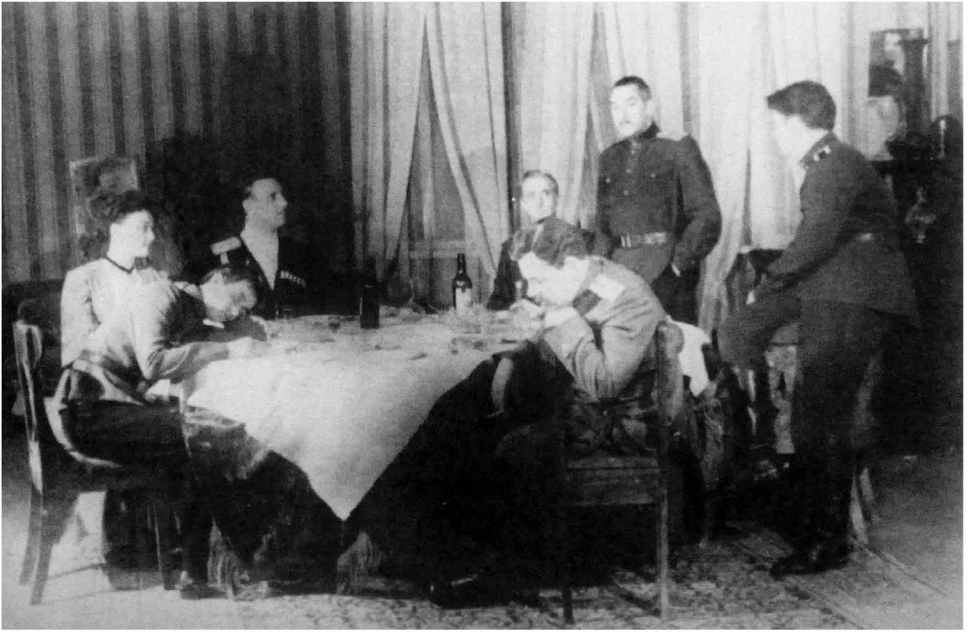
Аттестат А. М. Покровской об окончании Орловской гимназии в 1893 г. ⇨

Сцены из спектакля «Дни Турбиных» (пять фотографий), который режиссер Варнаховский ставил в Киевском театре драмы в 1956 г. Н. А. Булгакова-Земская консультировала режиссера, ездила в Киев неоднократно. По ее мнению, в спектакле участвовали прекрасные актеры — Ю. С. Лавров (Алексей Турбин), Т. Н. Селичева (Елена), В. С. Дуклер (Шервинский), С. Филимонов (Лариосик) и др. Спектакль был запрещен









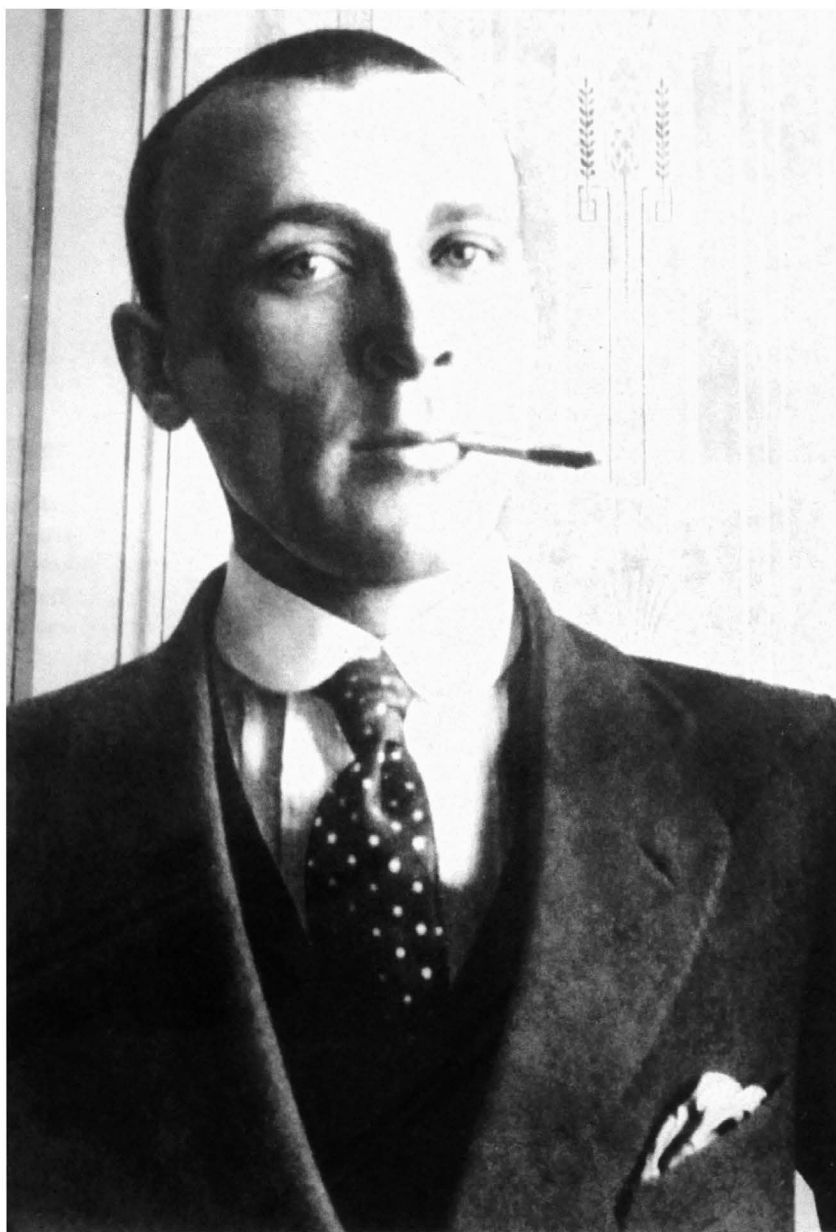




Н. А. Булгакова-Земская
консультирует артиста
МХАТ Юрия Ларионова,
который выступает
с чтением произведений
Булгакова



Михаил Булгаков



Михаил Булгаков

Милая Наде,
Буду крестить
В пятницу (26-ю)
в 12г. Дитя мое
Лео Угрюмов
Михаил.

24/XI 26

М. Булгаков — записка сестре Наде;
обещает крестить племянницу. 24/XI 1926 г.



23. IX. 1929 г.

Портрет М. А. Булгакова с дарственной надписью сестре Наде и ее мужу: «Дорогим Наде и Андрюше на память. Андрюша! Скажи Наде, чтобы она не прятала эту карточку в корзину, а застеклив, повесила над твоей постелью. И у тебя будет тихая и дешевая радость. Москва. Твой М. Булгаков. 23.IX.1929 г.»

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ПИСЕМ

М. В. ПОКРОВСКОГО И А. И. ПОКРОВСКОЙ

Язык писем М. В. Покровского являет собой соединение двух основных начал — высокого (церковного) и разговорного. В дошедших до нас письмах эти начала представлены по-разному: первое письмо несколько более нейтрально по стилю, стиль второго более высок. Второе письмо в целом несет печать особой торжественности: оно написано «парадным» почерком, отличающимся большей разборчивостью, на хорошей бумаге. Видимо, это объясняется торжественностью ситуации: родители, приглашая дочь с первенцем на лето, пишут зятю, которого они еще недостаточно знают, называя его по имени и отчеству, и поздравляют с повышением в чине. Отмечу, что это письмо — первое в семейном архиве, в котором находим упоминание о Михаиле Булгакове.

Особенно торжественны начало и конец письма (известно, что эти позиции дают наиболее важные жанровые характеристики текста): *«Прелюбезнейшие дети наши... многолетствуйте!»* (церковнославянизм, устарелый уже в XIX в.; ср. обычные: *желаем вам многих лет жизни; живите многие лета*; еще более просто: *живите долго*).

В первом письме начало менее торжественно (*«Прелюбезнейшие детки наши»*), без столь высокого глагола и с использованием ласкового *детки*, а не *дети*. Однако и первое письмо содержит многочисленные приметы самого высокого слога: *«в родительских душах наших обитали одни лишь соуслаждения»*; *«многословный порядок дел»*; *«леность»* (не лень). Ср. также выражение *«всецелою отеческою любовью»* (не: *всецелой отеческой любовью*). Высокая стихия обнаруживается и в синтаксисе, особенно наглядно в порядке слов — постпозиции прилагательных и притяжательных местоимений.

Вместе с тем эти письма адресованы родной дочери, они дышат любовью и лаской. Ср. многочисленные уменьшительные формы — *Мишутка, Варичька, внучоночик, детки*. Дочерей М. В. Покровский именует ласкательными формами (*Варичька, Олечка*), а сына — нейтрально (*Коля*).

Разговорная и высокая стихия размежеваны композиционно и по содержанию. Разговорные элементы используются при рассказе о делах, о бытовых

фактах, о житейских ситуациях: «случись такая пертурбация»; «провозиться с бумагами»; «навязавшаяся в прислугу кислая Ольга»; «лишь бы только не попалась пьяница и нахал»; «как только вздумается»; «все ваши мысли отложите в сторону». Высокий слог прикреплен к началам и концовкам писем. Церковные термины (*ктитор*, *Преосвященный*) используются как необходимые номинации.

М. В. Покровский не чужд и официально-деловой стихии языка. Он употребляет выражения, несущие отпечаток канцелярского слога: с временным значением — «*по управке дел*», с причинным значением — «*за отсутствием моим*» (ср. нейтральное *из-за моего отсутствия*, *по причине моего отсутствия*), фразеологизм «*нахожу нужным*».

Хочу обратить особенное внимание на один из фрагментов первого письма, иллюстрирующий и особенности стиля, и особенности характера М. В. Покровского. Рассказав о всех карачевских событиях (пожар, постройка нового дома, рождение сына Владимира у дочери Олечки и т. д.), М. В. переходит на *ты* с зятем и использует дружеское обращение к нему *дорогой*, но через строчку возвращается к *Вы*: «*Да не забудь, дорогой*, прописать о всех предерзостях Вашей против Вас супруги, дабы дать нам возможность написать вчет обуздания их. А когда мать прибудет к Вам лично по управке дел, то она озаботится сделать ей внушение». В этом фрагменте высокие элементы (*предерзости*; *обуздание*; *дабы* и др.), соседствуют с нейтрально бытовыми (*не забудь, дорогой*; «напоминательная» частица *да* и др.) и официально-канцелярскими (*мать прибудет лично*; *по управке дел*; *озаботится сделать внушение*). Подобные стилистические объединения и переходы усиливают общий шутливый тон этого пассажа. Заканчивая письмо, М. В. вновь избирает высокий регистр: «*Да благословит Вас Господь миром, спокойствием и благополучием*». Концовку этого письма завершает подпись: «*искренне любящие Вас и молитвенно всегда помнящие родители*», включающая морфологический церковнославянизм — наречие *молитвенно* (ср. *помянуть в молитвах*).

Письма М. В. Покровского указывают на сосуществование в языке конца XIX в. в одном тексте высокого слога и живой разговорной стихии. М. В. Покровский умело пользуется разнообразными стилистическими средствами, переходя с одного регистра на другой, нередко помещая в непосредственное соседство контрастирующие слова и выражения (ср. соседство церк.-сл. «*ничто же сумнясь*» с обычным бытовым: «*ничим еще не стеснясь*»). При этом элементы высокого стиля могут использоваться в двух противоположных стилистических регистрах: собственно высоком и сниженно-шутливым, ироническом.

Два места в рассмотренных письмах вызывают вопросы. Что это — описка? Погрешность против норм языка? Свидетельство старой нормы? Говоря о найме прислуги вместо «*кислой Ольги*», М. В. Покровский пишет: «*Лишь бы не попалась пьяница и нахал*». Слово *пьяница* может быть отнесено к лицам

обоего пола. Но почему *нахал*, а не *нахалка*, если речь идет о прислуге женского пола? В этом же абзаце совершенно отчетливо написано: *«навязавшаяся в прислуги кислая Ольга»*. По нормам грамматики допустимы два варианта: *навязавшись в прислуги, кислая Ольга нарушает...* или *навязавшаяся в прислуги, кислая Ольга нарушает...*

Отмечу еще некоторые особенности писем М. В. Покровского. Названия месяцев он пишет с большой буквы: *Сентябрь, Май*. И в начале, и в конце писем он ставит обобщающее двоеточие в традиционных формулах обращения и подписях: «Драгоценные детки наши: Афанасий Иванович и Варичька!»; «родители: Михаил и Анфиса Покровские». В слове *Варичька* всегда ставит мягкий знак после «ч» (его жена так не делает). В редких случаях он пишет союзы слитно со следующим словом: *Даблагословит, инахал*. Скорее это можно расценивать как опisku, чем как незнание правил орфографии.

В заключение отмечу, что язык писем М. В. Покровского близок языку некролога, написанного на его смерть (см. его публикацию в I части). В некрологе также встречаются словоформы твор. падежа прилагательных на *-ою* (*«лучшею и достойною высокого почтения»*), и постпозиция местоимений, и церковнославянская лексика и метафоры (*пастырь, паства, пасомые; знал овец своих и овцы знали его; почивший; Пастыреначальник Христос*)¹.

Об образовании Анфисы Ивановны мы ничего не знаем. Можно предположить, что она кончила только начальные классы церковно-приходской школы. Многие основы правописания ей были неизвестны; Ее письма во многом похожи на письма малообразованных людей середины XX в. — носителей просторечия². Различие можно видеть в следующем. А. И. в основном пользуется литературным языком. Особенности языка, резко противоречащие современной литературной норме, немногочисленны (*коххта* и под.). Основная

¹ Заслуживает особого внимания слово *благодущие*, употребленное в некрологе. Даль дает: «*Благодущие*. Доброта души, любовное свойство души, милосердие, расположение к общему благу, добру». Значительный семантический сдвиг фиксирует Сл. Уш.: «Мягкость характера, хорошее настроение. *Он отличался неизменным благодущием*». БАС выделяет два значения: «1. Добродущие, мягкосердечие, доброта [примеры из Тургенева, М.-Печерского, Болотова и др.] <...> Душевное спокойствие, хорошее расположение духа. 2. Устар. Великодущие, доблесть». В МАС толкование прикреплено к прилагательному: «*благодущный*. Добродущный, мягкосердечный»; существительное *благодущие* толкуется: свойство по знач. прилагательного «*благодущный*. Добродущие, мягкосердечие». Мы видим, что в слове *благодущие* произошел семантический сдвиг, характерный для многих церковнославянизмов: внутренняя форма слова тускнеет, значение компонента *благо-* затемняется. Происходит обмирщение семантики (аналогичное изменение претерпевают кальки с греческого с компонентами *добро-, мало-* типа *добродущие, малодущие*). В некрологе слово *благодущие* употреблено в своем исконном церковном значении.

² См. Земская, 1996.

часть отличий скорее может быть оценена как устарелое, чем как просторечное (см. подробнее ниже). Рассмотрим особенности языка писем А. И.

Прописные буквы в письмах А. И. немногочисленны. Она их употребляет в начале письма, а также изредка в именах собственных *Афанасий, Андрей* (но отчества пишет с маленькой буквы: *иванович, андреевич*) и в слове *Бог* (но не всегда, а слово *господь* пишет со строчной). Названия городов *орел, карачев, брянск* (но *Москва*), имена *саша, зоря*, фамилии *турбин, подшивалов, булгаковы* написаны со строчными буквами. Букву э обратное Анфиса Ивановна, по-видимому, не знала. Пишет: *нуето* (вм. *ну это*). Букву фита она знает и использует в написании своего имени.

Интересно отметить, что Анфисе Ивановне были известны некоторые традиционные правила современной ей орфографии. В форме твор. пад. ед. числа женск. рода она обычно пишет окончание *-ею*, а не *-ей*, как можно было бы ожидать: *своею жизнью, приборкою, с сашею* (один раз: *с сашей*); род. пад. мужск. рода получает окончание *-аго*: *однаго, великаго*. Можно думать, что такое произношение ей не было свойственно, а это дань письменной традиции.

Вероятно, нечетким усвоением правил орфографии объясняется написание ера (ъ) в конце формы второго лица глагола: *желаешь, поверешь, веришь, видишь*. Возможно, что А. И. не вполне осознавала разницу между буквами ъ и ь. Ср. такие написания: *служить* без укоризненно (форма 3 лица), *он ходить* и *кушаеть*.

Букву ъ как разделительный знак не использует: после *отезда*.

В написании ряда слов как русских, так и заимствованных наблюдается вариативность: *преехали* и *приедет, часы* и *чесы; субота* и *суббота; Архерей* и *Архиерея* (род. п.).

Многие предлоги, союзы, частицы пишет слитно с последующим или предыдущим словом. Вот несколько примеров: *нанеделю, осебя, унас; обовсем; вкоридоре; довечера; съсашею; атам; нуето* (ну это); *нублагодарить; авоскресение; нубулгаковы; тудаже, толкута*. Приставки, напротив, нередко пишет раздельно, по-видимому, объединяя их в один класс слов с предлогами: *за болел; со общили; со скучилась; на пивии чаю; до плотить, без укоризненно*.

Многие написания отражают произношение Анфисы Ивановны. Так, например, на икающее произношение указывает написание слов *дочичка, Варичка, виликого поста, на первой недели*. Гиперкоррекция приводит к тому, что в безударном положении нередко пишет *е* на месте *и, я* или *а*: *поверешь, рукоположенея, занелась, чеса три* (часа), ср. в *четыри чеса*. Об аканье свидетельствует написание *а* на месте безударного *о*: *драгому; в общем терпима; патом; усердна* (наречие). В написании согласных отражается озвончение: *здал, зделать*. Более редкий случай — частицу *вот* пишет как *вод*.

В ряде случаев не ясно, отражает ли написание произношение или это ошибка при письме. Таково написание личных местоимений в дат. и предл. падежах *себя* и *тебя* вместо *себе* и *тебе*: *подумать осебя; я все собиралась*

написать тебя. В этих формах позиция конца слова несомненно ударная. Следующие случаи я расцениваю как описки: с божею *помою* (вм. *помощию*), *четерг* (вм. *четверг*, пропуск буквы *в*); спешу тебе *напить* (вм. *написать*); дети *целую* (вм. *целуют*). Отмечу, что все эти написания встретились в конце письма: А. И. устала, сама пишет: «*чеса три сижю*».

Анфиса Ивановна пишет письма как непринужденный рассказ дочери о всех событиях повседневной жизни — отъезды и приезды родных и близких, домашние дела, покупки, встречи, болезни, смерть. Об этом свидетельствует синтаксис писем (см. об этом далее). Часто использует частицы «*ну, вот: вот* я тебе напишу как...». Вводит обращение во фразу, как это было бы при устном рассказе: «*ты варичка* желаешь знать...»; «*поверешь дочичка* что я...». В письмах много ласкательных форм: «*дай Бог здоровья ...милому и дорогому зятечку*».

Анфиса Ивановна — жена священника. Жизнь ее теснейшим образом связана с церковью. Для указания временных ориентиров А. И. использует названия церковных праздников и других церковных событий: «*на заговенье вечером*»; «*настал понедельник великого поста*»; «*после утрени*»; «*в четыре чеса он пошел к вечерни*»; «*после вечерни часов в семь*»; «*в субботу на первой недели [имеется в виду: поста] был произведен во Диакона*»; «*папаша с пятой недели поста хворает*»; «*на святой ставили мушку и банки*».

Положение жены священника определяло круг общения Анфисы Ивановны. В него входили и прихожане из простого народа, и люди образованные. Это определяет и состав ее лексикона. В нем наблюдается и обиходно-разговорная, и церковно-книжная лексика. Ей не чужды многие церковные термины (*архиерей, молебен, панихида, рукоположение, диакон, священник*) и книжные светские обороты. Вполне можно предположить, что она их использовала как средство выразительности, в качестве стилистической краски: «*он пошел к вечерни в богоявленскую церковь куда и я направила свои стопы*»; «*молодой зять служит без укоризненно*»; «*радость его была несказанная*». Подобные краски я не встречала в тех письмах современных «просторечников», которые мне довелось изучать. Добавлю, что, по воспоминаниям моей матери, бабушка Анфиса очень любила читать. Она всегда сидела с книжкой, когда приезжала к ним летом на дачу в Бучу, любила читать Достоевского.

В целом язык А. И. можно оценивать как литературный. Сопоставляя место народно-разговорной и книжной стихий в речи А. И., приходишь к выводу, что народная стихия в ее речи более сильна, чем книжная. Однако оценивать с нормативной точки зрения тексты, отстоящие от нас на век или немного более, трудно. Норма динамична. Мы знаем, как на протяжении такого короткого для истории языка времени, как век, меняется оценка литературное / нелитературное. Просторечное для нас не было таковым во времена Пушкина и даже Л. Толстого. Пушкин как нейтральное употреблял слово *брюхатая*; глагол *хворать* встречается в его письмах, герои Достоевского постоянно ис-

пользуют слово *давеча*. Примеров можно привести множество. Далее я выделяю из писем Анфисы Ивановны те факты языка, которые не соответствуют современной литературной норме, не давая им никакой определенной, тем более отрицательной оценки.

В современном языке расцениваются как просторечные следующие слова и словосочетания, встречающиеся в письмах А. И.: «*ныне*», «*нынешний*», «*хворать*», «*справить одежду*» (ср. *купить*), «*заговенье*» (малоупотребительное и устарелое в современном языке); «*крестника звать Иваном*» (ср. *зовут*); «*мытье белья*»; «*кобещался приехать*» (ср. *обещал*). Мужа обычно в письмах к дочери она именует «*папаша*», а он ее «*мамаша*» или «*мать*». Примеры: «*нужно... саша справить весеннюю одежду...*»; «*папаша хворает*».

В письмах А. И. многочисленны экспрессивные разговорные элементы: «*ребятишки, толкуто мало*». Приведем еще один пример: «*дети все очень болят [возможно, описка: болеют] особенно твоя крестница завалылась совсем почти месяц лежит в постели. началась болезнь корью а потом скарлатина*». Здесь обращает на себя внимание экспрессивный глагол «*завалылась*» с усилительным наречием *совсем*. В следующей фразе можно отметить твор. пад. *корью* и им. пад. *скарлатина*.

Были ли в речи А. И. диалектные элементы? В фонетике явно соответствующее литературной норме иканье и аканье (см. примеры выше). Как след диалектного произношения может рассматриваться написание *кохта* (кофта). Выделю написание *саматоха* (ср. *суматоха*). Даль дает к слову *суматоха* вариант *саматоха* с пометой *смол*. Произношение *саматоха* может быть истолковано и как диалектное, и как отражение ослабленного произношения звука *у* во втором предударном слоге, что может быть свойственно и русскому литературному языку³. Скорее всего может быть оценено как диалектное выражение «*росточком помал*». А. И. пишет о зяте-священнике: «*кряса к нему идет только росточком помал*». Очевидно, что префикс *по-* имеет здесь такое же значение слабой степени обнаружения признака, как в наречиях *повыше*, *поскорее*, *побольше* и под. Выражение *росточком помал* обозначает мал, маловат. Словарь русских народных говоров толкует это слово, как маловат, несколько мал ростом или по размеру; ударение на приставке: *пóмал*⁴.

Рассмотрю несколько фактов из сферы морфологии. Рассказывая о зяте, А. И. пишет: «*произведен во Диакона*»; «*рукоположена во священника*»; «*в субботу был произведен во Диакона а воскресенье во священника*». Таким образом четыре раза она использует конструкцию с вин. пад. ед. числа. В современном языке в этом случае функционируют только формы мн. числа: *произведен в офицеры*, *рукоположить в диаконы*. Использование форм ед. числа объясняется тем, что Анфиса Ивановна, будучи женой протоиерея, пользовалась церковной терминологией в тех ее формах, какие были приняты в цер-

³ См. об этом: Касаткин, 1971, с. 157.

⁴ СРНГ, 1995, вып.29, с. 295.

ковном обиходе. Именно поэтому она употребляет сочетания типа «рукоположение + название сана в форме вин. пад. ед. числа с предлогом *во*» (не *в*). Такие формы были приняты как канонические, например, *руководзложение / рукоположение во Дякона*⁵.

Формы глагола без -ся. Встречено употребление глагола без *-ся* в таком случае, когда в современном языке должен был быть употреблен глагол с *-ся*: «*напивши чаю*». Глагол *напиться* образуется по модели *на- ... -ся* (ср. *наестся, начитаться*). Ср. в ЗПБ: «*я дожидала*» (не *дожидалась*) и глагол «*отчаявать*» (не: *отчаяваться*).

Разберем подробнее еще один случай: «*просит усердна сашу и меня приехать в орел соскучилась ему одному*». Думаю, что в этой фразе написание *а* в словах *усердна* и *соскучилась* отражает акающее произношение. Здесь *усердно* — наречие, а слово *соскучилась* можно понять как безличную форму глагола при субъекте *ему*, выраженном дат. пад.: «*соскучилось ему одному*» (ср. *скучно ему, взгрустнулось ему*).

Синтаксис писем не отличается сложностью. Преобладают конструкции перечисления, что связано с характером изложения — последовательный рассказ о всех событиях. Встречаются сложные предложения с союзами *что, и, а, чтобы, когда, который* и некоторыми другими, деепричастные обороты («*напивши чаю*»; «*пользуясь нынешним днем спешу*»). В ряде предложений можно видеть контаминацию письменных и устно-разговорных конструкций: «*у нас осталась чьято кохвта | черная кашимирова | не твояли | то напиши*» (ср. *если твоя, то напиши*; или: *не твоя ли, тогда напиши*).

Временные конструкции без предлогов: «*они должны приехать завтра четверг*» (ср. *завтра в четверг*); «*авоскресение 24 мы получили письмо*» (ср. *в воскресенье*).

В сочетании «*кохвта черная кашимирова*» одно из двух прилагательных имеет полную форму, а другое — краткую. Подобные соединения принято считать противоречащими нормам синтаксиса. Возможно, что это описка. Но можно предположить, что сочетание «*кофта кашимирова*» часто употреблялось и было узуальным именно в таком виде. Письма Анфисы Ивановны завершаются традиционной концовкой: «*остаюсь мать ваша / Анфиса Покровская*».

Письма Михаила и Анфисы Покровских резко контрастируют: М. В. Покровский — человек высокообразованный, пишет с соблюдением всех правил орфографии и пунктуации; письма Анфисы Ивановны напоминают письма наших современников, не получивших образования. См. ниже ксерокопии писем М. В. и А. И.

Рассмотрение частной переписки, отстоящей от нас более чем на сто лет, представляет большой интерес как для истории русского языка, так и для со-

⁵ Именно такие формы отмечены в ППЭС, 1913, столбцы 1856, 1863, 1959 и др.

поставлений социокультурологического характера. Мы видим, что многие женщины, родившиеся в первой половине XIX в., мужья и отцы которых принадлежали к духовному сословию, не имели гимназического образования. Они не отличались грамотностью. И если дамы-дворянки писали по-французски, то среди женщин священнических семей многие едва умели писать по-русски. Не имея возможности делать обобщения, отметим, что в семьях дедов М. А. Булгакова — как Покровских, так и Булгаковых — всем детям, не только мальчикам, стремились дать образование. Жена Петра Ивановича Булгакова (брата Афанасия Ивановича) была вполне грамотным человеком. Две дочери Покровских кончили гимназию, причем обе до замужества занимались педагогической деятельностью. В умении писать, излагать свои мысли и высказывать чувства они не уступали своим мужьям. Это легко увидеть, сравнив письма Варвары Михайловны⁶ и Афанасия Ивановича Булгаковых, «Записки» Шурочки Бархатовой и письма ее мужа Андрея Андреевича.

⁶ Некоторые наблюдения над письмами В. М. Покровской даны в Земская, 2004.

**ДНЕВНИК Н. А. БУЛГАКОВОЙ
И ПЕРЕПИСКА «МОЛОДЫХ БУЛГАКОВЫХ»
КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
РАЗГОВОРНОЙ СТИХИИ В РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА**

В этом разделе будут рассматриваться особенности языка и стиля (преимущественно лексический материал), характеризующие разговорную стихию в письменных документах, которые отражают непринужденную речь («свой модус», если воспользоваться термином Ольги Йокояма). Это документы двух жанров: письма и дневники, принадлежащие молодым Булгаковым — то есть родным и двоюродным братьям и сестрам писателя. Изучение подобных фактов важно для ответа на вопрос о времени возникновения русского литературного разговорного языка (РЯ). Вопрос о генезисе РЯ требует тщательного изучения, базирующегося на большом фактическом материале. Этот вопрос особенно сложен, так как РЯ обнаруживается преимущественно в устной форме. Мы можем непосредственно наблюдать его лишь в современности (не ранее чем появились магнитофонные и другие виды фиксации устной речи). Звучащая речь прошлых веков до нас не дошла. Устная форма речи предшествует письменной, и, следовательно, разговорные языки — явление глубокой древности. Встает вопрос: когда возникают РЯ как особые формации? Когда возникают те особенности РЯ, которые отличают его в настоящее время?

Изучать пути и время формирования РЯ можно лишь ретроспективным методом, выявляя особенности тех жанров письменности прошлых веков, которые характеризуются экстралингвистическими признаками, присущими РЯ (неофициальность, неподготовленность, непосредственность). Это — частная переписка, записки, дневники, мемуары. Анализ таких материалов показывает

значительное сходство между подобными текстами и современным РЯ, особенно в области синтаксиса, например в порядке слов¹.

Семейная переписка и особенно дневники Н. А. Булгаковой дают богатые материалы для наблюдений над неофициальным функционированием русского литературного языка начала XX в. Они представляют интерес и как свидетельство специфических черт семейного языка Булгаковых.

После смерти Н. А. Булгаковой-Земской я обнаружила папки с дневником, в первой из которых лежала бумага: «Завещаю дочерям моим Ольге и Елене. Н. А. Земская. 2.XII.1941 г.». Дневник начинается записью от 7 января 1909 г.: «Какая я странная, гадкая и смешная! У меня был, оказывается, свой собственный, свой хороший мир, у меня были мои тетрадки [дневник], а тут вдруг я полгода болтаюсь, ничего не делаю, не пишу ни строчки, и, под влиянием минуты, жгу свой дневник, только потому, что Соня [Мухортова, жившая у нас зимой 1908 г. на воспитании у мамы — училась на курсах, где мама тогда была инспектрисой. — Н. З.] закричала: “Жги, жги!” — Боже! Какая я дикая, глупая!» В декабре 1961 г., то есть спустя полвека, Н. А. поместила перед началом дневника длинную запись, в которой она вспоминает свой поступок и объясняет его причины: «До 1909 г. я тоже вела дневник; и как-то, зимой (тогда я была в 4-м классе), решила сжечь его (ведь дневник пишут, а потом жгут — так принято) и бросила его в огонь. Потом, уже через полгода, снова начала вести дневник; очень жалела, что свой первый, детский, сожгла. И до сих пор жалею: ведь какое это было бы незаменяемое свидетельство не только моего внутреннего мира (какой уж там «мир» у девочки 13—14-ти лет!), но памятник жизни семьи, там, вероятно, можно было бы найти невозможные подробности. Н. З.»

Н. А. вела регулярные дневниковые записи до 1917 г. Во время Гражданской войны и жизни в Самарской губернии Н. А. регулярного дневника не вела. От более позднего времени сохранились отдельные записи. Некоторые из дневниковых записей использованы в I части этой книги.

По наблюдениям Н. А., язык семьи Булгаковых отличался живостью, образностью и остроумием. Она пишет в дневнике: «Я люблю остроумие, ничем не стесняемые разносторонние разговоры нашего близкого кружка, наш смех и понимание друг друга; люблю некоторую вольность в наших выражениях, образность, которую так преследует мама², конечно, Володя (имеется в виду московский кузен В. Попов) вытаращил бы глаза, если б я сказала ему “ухайдакать” в смысле “убить, уничтожить” и поблагодарила за то, что он “накорябал”³ мне письмо; а малороссийские пословицы и словечки, которых не понимают в Москве!» (13.01.1913).

¹ См. Лаптева 1963; Кручинина 1974, 1976; Глинкина, 1979, 1986; Ярин, 1986; Земская 1988.

² Отмечу, что во многих других местах дневника Н. А. говорит об образности мамино языка.

³ Это словечко неоднократно встречается в письмах М. А. к родным. Например, в письме к Н. А. от 13 янв. 1922 г.: «накорябал на скорую руку черт знает что».

Разговорная лексика и фразеология встречается в дневнике Нади Булгаковой часто. Она употребляла ее будучи и гимназисткой, и курсисткой. Вот серия иллюстраций: «...я полгода *болтаюсь* и ничего не делаю»; «теперь спешу *проглотить* письма Чехова (*стянула* у Гудзия 2 тома)»; «Гвоздев [профессор-латинист] *пробормочет* с кафедры...»; «вчера <...> *потянули* в кинемо».

Среди разговорных слов много глаголов широкой семантики: «Варя в уютной светлой гостиной *запузыривает* гаммы и этюды»; «У меня маленький жарок: жажда, руки и губы сохнут и пульс *лупит*; <...> сегодня днем с несостоявшейся лекции Де-Ля-Барта о Толстом *махнула* прямо в Ново-Девичий на могилу Чехова»; «я еще немного поколебалась, потом *бухнула* его [то есть дневник] в огонь»; «Я ужасно захотела что-нибудь “*выкинуть*”».

Употребляет Н. А. и экспрессивные приставочные и приставочно-суффиксальные глаголы: «<...> мало-помалу *повытащу* из дядиных шкапов все интересные книги»; «в общем *измочалилась* хотя экзамен был чепуховый»; «Заянька [о дяде] *загонялся*». Нередко в семье употреблялись сниженные глаголы *перебуровать* и *пришпандорить*.

Следует подчеркнуть, что глаголы вообще составляют основную часть разговорной, реже более сниженной, лексики. И это, я думаю, объяснимо. Разговорная стихия выступает преимущественно как средство экспрессии. Привнося в текст экспрессивность, она делает его выразительным, но не грубым, тогда как сниженная конкретная предметная лексика нередко огрубляет речь.

Кроме глаголов, употребляются и другие предикатные слова, а также субстантивная лексика отвлеченной семантики (*бред, чепуха, сумбур*). Некоторые иллюстрации: «Нервы у меня что-то “*не того*”»; «усталый *сумбур* в душе»; «глупый расплывчатый *бред*» [о своих записях в дневнике].

Приведу примеры разговорной фразеологии: «одиночество помогло быть спокойной и *не выбиться из колеи*»; «*взвалить себе на плечи*».

А вот типично студенческое выражение того времени: [рассказывает о предстоящем экзамене по истории у проф. Готье]: «Он спросит меня, сколько было бабушек у Иоанна Грозного или как звали теток Андрея Боголюбского, и я *пролечу с шиком*» (23.4.1913).

Встретилось в дневнике Н. А. и слово *шпана* — жаргонизм, употребленный как шутивная характеристика. Описывая многолюдное общество, жившее на даче в Буче, Н. А. пишет: «Два поколения: младшее, гимназическое, «*шпана*» и старшее, студенческое, *шпана не шпана*, а так, хорошие люди» (26.7.1913). И тут же, увидев в своем лексиконе слово *шпана*, она продолжает: «Да, я замечаю, что у меня язык в Буче сравнительно с Москвой испортился, но ведь хорошо говорить, когда есть лишние термины, а тут их на каждое понятие масса, только не надо быть особенно разборчивой; критерий один — меткость» (выделено Н. Б.).

Н. А. неоднократно возвращалась к тексту своего дневника в последующие годы, уже живя в Москве. Она делает пояснения, уточнения, исправления;

иногда указывает дату позднейших комментариев (когда при исправлении стоит дата, я ее сохраняю). Приведу примеры двух позднейших недатированных исправлений. Н. А. заменяет сниженное выражение на нейтральное: вместо «*полезла на Ивана Великого» [колокольню] пишет: «*взошла*». В другом случае она добавляет к сказанному иное, типично киевское (по ее мнению) и более экспрессивное слово: «<...> сегодня весь день *проболталась* без толку (*проваландалась*, как говорят у нас в Киеве)».

Разговорные слова и выражения, а также шуточный и сниженный тон характерны и для писем подруг Н. А., учившихся с ней в одной гимназии. Леля Петровская пишет Наде из Киева в Москву: «Сударыня! <...> позвольте Вам заметить, что Вы *замошенничали* 4 тома Пушкина, что Оля Леонтович *грызет* мне голову. Дорогая Надиночка, немедленно сообщи, куда ты эти 4 тома спрятала. Никто из членов твоего почетного семейства об этих томах не знает, а мне страдание. <...> *Всего хорош*. Вашу руку, мадам! Леля Петровская» (на конверте штамп: Москва. 28.10.17). В письме, подписанном Муркой Лисянской (от 31 июля 1912 г.), читаем, что «какая-то барышня по направлению площадки *прет*» и что она сама никак не может «прочсть этого отвратительного Чайльд — *фигу, вот гадость!*».

Я постаралась выявить наличие разговорной стихии в дневнике Н. А. Булгаковой. Этот пласт лексики занимает значительное, но не основное место в общем составе дневника. Текст дневника ни в коей мере не отличается ни грубостью, ни вульгарностью. В нем много живых выражений, шуток, но очень много и серьезного. Это видно из тех фрагментов дневника, которые помещены в I части книги, а также и далее, в следующем разделе. Текст дневника характеризуется стилистической и сюжетной многоплановостью, что отражает особенности личности Н. А. Булгаковой.

Приведу примеры разговорных слов из писем Коли и Вани, младших братьев Михаила Афанасьевича. Из писем Коли сестре Наде из Киева в Москву в 1913 г.: «*мама было расхворалась*»; «я *схватил* сухой бронхит»; «<...> я получил у Батуева и Назаренко по *пяти*. *Ведь это шикарно*». Коля замечает, что два брата «*бринькают*» на балалайках, горничные «*гузгают*» семечки, а Ваня «*юркнул*» в подъезд. Ваня в письме из Бучи в Ессентуки употребляет типично разговорный предикатив *ничего*: «У нас погода несколько дней пока *ничего*, даже хорошая».

В речи других молодых Покровских и Булгаковых (чаще — мужчин) встречаются и более сниженные, иногда просторечные и жаргонные слова и выражения. В письме Ивана Михайловича Покровского, брата матери, находим простор. «*рыло*» (по отношению к лицу человека). Жаргонное выражение «*не наводи понта*» встречается в письме младшего из братьев Булгаковых — Ивана (см. подробнее в разделе о языке «Записок» Шурочки Бархатовой).

Шуточные стихи. В семье Булгаковых ставили шарады и часто сочиняли шуточные стихи (см. примеры таких стихов в части I). Прочитую здесь стро-

ки еще одного шутливого стихотворения, сочиненного Михаилом Афанасьевичем. Поводом послужило следующее событие: младшую сестру Лелю по дороге из гимназии чуть было не укусила бешеная собака. Михаил, подшучивая над сестрой, так изображает ее переживания:

*Ах, зачем меня сегодня
Та собака не кусала?
Умерла б я и в могиле
Так ужасно не страдала!
Каждый вечер причесаться;
Утром то же — каждый день!
Зубы чистить, умываться!
Чахну я, брожу, как тень.*

Прозвища. Неоднократно упоминавшихся в I части книги двоюродных братьев Костю и Колю Булгаковых называли «японцами». Ирина Лукинична Булгакова получила прозвище *Муик*. Так ласкательно называла ее Леля, младшая сестра, за которой тетя Ириша ухаживала; старшие же дети придавали этому прозвищу скорее негативный смысл (см. о нем подробнее в I части книги). От слова *муик* был образован глагол *муикнуть* — «незаметно скрыться». Знакомого мальчика младшие братья прозвали *Бобка-пlobка*, вероятно, потому, что он не произносил звук *р*. Гимназического товарища Михаила Афанасьевича Бориса Богданова называли *Бритый Бертолет*. Лиля (двоюродная сестра) прозвала Надю, когда та уехала в Москву на курсы, *московским огоньком*. Дядю Колю (брата матери, Николая Михайловича Покровского) дети ласково прозвали *Заинька*, или *Серенький*, за его раннюю седину, существовало и прозвище *белочка*. Когда у молодых Н. А. и А. М. Земских в 1920 г. родилась дочь Елена (умершая в годовалом возрасте), они ее называли *Чижка* или *Чиженька*, *Мурзилка*, *Мурзиленок*. Ирину, дочку В. А. и Л. С. Карумов, называли *Каруменьши*. М. А. Булгаков шутливо именовал сестру Надю и двоюродную сестру Лилю *курсиками*. Одно из прозвищ — *пишиболванчик* — было образовано от шутливого выражения «*Пиши, болван, вот эту строчку!*», использовавшегося в семье по отношению к ученикам, которым дети Булгаковы давали уроки для заработка. Это словечко продолжало жить и в 30-е годы в семьях Булгаковых и Земских.

Наиболее изобретательным в лингвистическом отношении прозвищем было словечко *Цогояй*. 7 января 1909 г. Надя пишет в дневнике: «*метание от времени Цогояй*». Позднее она объясняет это семейное словечко: «*Цогояй*» — *яйцо* с перевернутыми слогами и вставленным в середину слогом *го*. Так мы прозвали жившую у нас летом на даче квартирантку, смешную, молодящуюся старую деву, очень заботившуюся, чтобы ей к утреннему завтраку были сварены «яички»».

Как видим, прозвища были разнообразны и по структуре, и по семантике. Тут и изобретательные новообразования (типа *муик*, *муикнуть*; *цогояй*), и передразнивания-рифмовки (*Бобка-побка*), и сравнения, метафоры и т. п., как ласковые (*серенький*, *Чижик*), так и насмешливые.

Дневниковые записи Н. А. Булгаковой-Земской о речи М. Булгакова. В своем дневнике Н. А. дает общую характеристику речи брата, а также приводит некоторые его шуточные выражения. Так, 13 января 1913 г. она записывает: «Смесь остроумных анекдотов, метких резких слов, парадоксов и каламбуров в Мишином разговоре; переход этой манеры говорить ко мне... Мишины красивые оригинальные проповеди». Вспоминая о том, как она приехала в Киев из Москвы на каникулы, Н. А. цитирует иронические слова брата, высмеивавшего и ее пристрастие к Москве и московской речи, и недостаточное знание французского языка: «Смех, смех, смех, шумный, несмолкаемый, шутки, шум, музыка и калейдоскоп милых лиц. <...> поддразнивание меня “у нас на севере dans le Moscou” (конечно, Мишина фраза)» (18.12.1912 г.) (вместо правильного «à Moscou»). Иронизируя над романтическими устремлениями сестры, Михаил пустил в оборот выражение *чуткая душа Нади*, которое Н. А. нередко использовала в своем дневнике позднее, уже в записях 30-х годов в Москве, подшучивая сама над собой. Как «протест» брата «против придавания большого значения мелочам жизни, быта» Н. А. приводит еще одну его ироническую фразу: пусть «девизом всего будет “выденное яйцо”» (запись 8.1.13 г.).

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что разговорная стихия находит отражение в письменных жанрах неофициальной речи на рубеже XIX—XX вв. — и в лексике, и в синтаксисе. О фонетике судить трудно, так как у нас нет материалов устной речи того времени. В немецкой лингвистике наша точка зрения именуется «Kontinuitäts-These»; согласно этой теории языковая норма складывалась в течение длительного времени. Такое осмысление истории языковой нормы противостоит так называемой «советской гипотезе происхождения РЯ» («sowjetische Hypothese»), представленной в работах М. В. Панова⁴. М. В. Панов рассматривает РЯ в качестве специфического феномена, развившегося в советское время как результат реакции на шаблонизацию языка, как противовес казенщине и стилистическому единообразию⁵.

Я думаю, что эти два мнения не исключают, а дополняют друг друга. Чисто структурные особенности, наблюдаемые и в современном РЯ, и в прошлые века (например, частая постпозиция согласованных местоимений, непроективный порядок слов, препозиция глагольного объекта и мн. др.), не связаны с советским строем. Они объясняются устной формой существования РЯ, его неподготовленностью, спонтанностью, неофициальным характером. С другой

⁴ См. Панов, 1990, с. 19, 93. См. об этом подробнее: Яхнов, 1999, с. 592.

⁵ См. также: Лефельт, 1991.

стороны, многие (но не все) особенности современного РЯ, относящиеся прежде всего к области лексики и фразеологии, могут действительно быть реакцией на трафаретность, шаблонность, «засушенность» языка советской эпохи, породившего то явление, которое называют термином «новояз» (англ. *newspeak*, польск. *nowotowa*).

Диалектные черты. Семья Булгаковых жила на Украине. Родители были родом из Орловской губернии. Естественно, что в речи Булгаковых могли быть и украинизмы, и южноруссизмы. Отдельные слова и выражения этого рода отмечены выше в разделе, посвященном языку А. И. Булгакова. Приведу два примера из дневника Н. Булгаковой.

Как скаженная. 12 января 1913 г. Надя пишет: «Ну и буду же я заниматься, когда вернусь в Москву, как “скаженная” буду заниматься».

Чипнуть. Находясь в Киеве на каникулах 28 декабря 1912 г., Н. А. жалуется: «я стала беспомощна и податлива, как ребенок, иногда только ошестинивалась там, где “чипнут” меня сильно — в мелочах». И тут же дает пояснение: «чипнуть — цапнуть, схватить, щипнуть; затронуть больно». Толковые словари современного русского литературного языка этот глагол не помещают. Даль дает: «чепать, чипать пск. юж. зап. Зацеплять, цепляться за что-либо, задевать, трогать <...> чепаться — цепляться, трогать что, затрагивать кого-либо, придирается. <...> Отстань, не чепайся!». Этот глагол близок русскому *цепляться* в переносном значении.

Устарелые слова. Дневник Н. А. Булгаковой отделен от нас почти столетием. Можно ли считать язык дневника устарелым? Много ли в нем ушедшего из современного языка? Дневник Н. А. Булгаковой содержит гораздо меньше устарелого, чем рассмотренные выше документы — ЗШБ, письма М. В. и А. И. Покровских, А. И. Булгакова. Отмечу то немногое, что обращает внимание.

Кинемо — в значении *кинематограф*, устар. (впервые зафиксировано в Сл. Академии 1909 г.), ср. совр. *кино*. Встречается много раз: «Ходила с мальчиками в кинемо» (8.10.12); «Вчера за мной зашли Коля и Ваня с Олечкой и потащили в кинемо» (5.11.12). Это слово связано с бытовавшим в те годы *кинематограф*; ср. также фр. *cinéma*. Можно сделать два предположения. 1) Слово *кинемо* было употребительно в течение короткого времени в начале XX в. Словарной фиксации я не обнаружила. 2) Это была семейная номинация, жившая в семье Булгаковых, Поповых и др. родственников. Против этого предположения, однако, свидетельствует характер записей. Н. А. всегда тщательно отмечает маркированность слов — кавычками, подчеркиванием и др. способами. Слово *кинемо* ни разу ею никак не выделено.

Держать экзамен. Н. А. Булгакова пишет неоднократно: *держала экзамен, держу экзамены*. Также выражаются и другие родственники: *держать — выдержать экзамен*. В конце XX в. это выражение воспринимается как устарелое. Теперь говорят *сдать — сдавать экзамен*, и даже без дополнения: *Он сдал /*

я не сдала... Сл. Уш., БАС помещают выражение *держать экзамен* без каких-либо помет в ряду сочетаний *держать речь*, *держать корректуру*. Сл. О.—Ш. дает пояснение: *держать экзамен* (экзаменоваться).

Мыть белье. В семьях Покровских и Булгаковых употреблялся глагол *мыть*, а не *стирать* по отношению к белью. Так пишут все старшие родственники — *мыть белье*, *мытье белья*. В дневнике Н. А. также есть запись: «*вечером взялась мыть воротнички*». В письма сестры Веры Афанасьевны один раз встретился глагол *стирать*⁶. В наши дни о белье обычно говорят *стирать*.

Назову еще несколько устарелых для современного языка слов, употребляемых «молодыми Булгаковыми»: *конфекты* — в дневнике Н. А. Булгаковой; *инфлуенца*, *матрикул* (удостоверение о зачислении в университет, а также — зачетная книжка) — в письмах Н. А. Булгакова; *футбол* (в значении «футбольный мяч») — в письме И. А. Булгакова.

⁶ Отмечу, что в языке XIX в. *мыть белье* было обычной номинацией. В романах Достоевского, например, постоянно употребляется выражение *мыть белье*.

МОСКОВСКИЙ ГОВОР В ВОСПРИЯТИИ КИЕВЛЯН

(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА

Н. А. БУЛГАКОВОЙ-ЗЕМСКОЙ)

Здесь я приведу несколько записей из дневника Н. А., сделанных ею по приезду в Москву и касающихся московского произношения. На Московских высших женских курсах, где она училась, преподавали те же профессора, что и в МГУ. Среди учителей Н. А. было много блестящих ученых. Особенно восхищал ее Д. Н. Ушаков, у которого она занималась в семинарии. Проходит немногим больше месяца жизни в Москве и Н. А. делает такую запись: «Хорошо тут говорят в Москве, образно, метко, красивый выговор, почти у всех одинаковый и удивительно какой-то симпатичный. Как здесь ужасно режет ухо наш говор, киевский, не мой лично, я говорю хоть и не по-московски, но по-человечески [правильным языком] — эта смесь литературного языка с малороссийским и примесь малороссийского выговора к русскому. Но таких курсисток тут не встретишь почти, а профессора говорят все хорошо, за исключением разве психолога (у него какой-то вроде еврейского акцента), а некоторые, как Ушаков (семинарий по истории русского языка), говорят роскошно, я, как музыкант, упиваюсь» (29.10.1912).

Через несколько дней (1 ноября 1912 г.) Н. А. делает аналогичную запись: «...сидела на семинарии Ушакова, с жадностью впитывала в себя этот красивый, тонкий московский говор, следила за оттенками звуков (он сейчас читает транскрипцию) и думала: Вот кончила я гимназию. 10 лет занималась русским языком и словесностью и всегда шла блестяще, первой ученицей. А русскому языку, как следует, начала учиться только теперь. Раньше я его только чутьем чувствовала, а теперь попала в Москву и “поняла”. Вот тут курсистки-москвички говорят и не понимают, каким сокровищем они обладают. Мне-то со стороны это заметно! И так нравится мне получить возможность подвести под законы произношения, записать звуки языка. Мне, как киевлянке, трудно будет на первых порах заниматься транскрипцией московского говора, но нигде, конечно, не научусь я русскому языку так хорошо и легко, как на этих семинариях. Наш киевский интеллигентский говор записать легче, п. ч. он бли-

же к орфографии, к печатной букве, а московский язык — это нечто живое, движущееся».

Через несколько месяцев (23 апреля 1913 г.) она продолжает: «Вопрос об языке меня очень интересует, недаром я с таким увлечением работала у Ушакова. И я еще дальше буду у него работать».

Нет, безусловно меня развивают в словесном и историческом направлении курсы. Это я вижу по тому, как много у меня появилось новых понятий на этот счет по сравнению с прошлым годом...».

Постепенно меняется даже произношение Н. А.: 27 сентября 1912 г. она отмечает: «Я невольно начинаю растягивать свое киевское *о* и *а*, акать, глотать *е* в полногласных приставках [*перменила*], менять ударения и окончания — словом перedefеливать свой говор».

Я, как дочь Н. А. и филолог, могу засвидетельствовать, что она акала и икала, как в Москве; в ее речи не было особых, утрированных растяжек предударного *я*; она никогда не «глотала *е*» в приставках. Можно предположить, что в 1912 г., сразу после приезда в Москву, она заметила такое произношение. Оно поразило ее, и она стала ему подражать. Однако в зрелом возрасте подобное произношение ей не было свойственно. Магнитофонная запись речи Н. А., сделанная в 1967 г., подтверждает мое мнение.

Дневники курсистки Надежды Булгаковой показывают нам, что она быстро привыкла к московской жизни и полюбила Москву. Тем не менее любовь к Киеву жила в ней всю жизнь и особенно резко обнаружилась в старости. Она каждое лето ездила в родной город, ходила по знакомым местам, навещала дом на Андреевском спуске и другие любимые места, встречалась с друзьями юности.

А как воспринимал московский говор писатель Михаил Булгаков? По свидетельству Н. А., слух М. А. Булгакова резали такие особенности старомосковского произношения, как *ы* после шипящих *ж* и *ш* в безударном положении: *шыры* (шары), *жыра* (жара), *шылит* (шалит). Почему из всех особенностей старомосковского произношения М. А. Булгаков раздражали именно эти? Мне это не кажется удивительным. Ведь эти особенности чужды и многим коренным москвичам, не только молодым, но и людям среднего возраста. В 40-е годы они уже были редкостью, а сейчас совсем ушли из живого произношения. Из многих людей, которых я знала и знаю, лишь два человека сохраняли такую особенность, оба филологи — М. В. Панов и Д. Н. Шмелев. Допускаю, что в этом произношении у них был элемент игры, языкового кокетства. На рубеже XX—XXI вв. эта черта может восприниматься как искусственная или манерная.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БАС — Словарь современного русского языка. Т. 1—17. М.; Л., 1948—1965.
- Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3 изд. Т. 1—4. 1903.
- илл. — иллюстрация
- МАС — Словарь русского языка. Т. 1—4. 3 изд. М., 1981.
- нрзб — неразборчиво
- об. — оборот страницы
- оф/офф. — официальный
- О.—Ш. — Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4 изд. М., 1997
- ППЭС — Полный православный энциклопедический словарь. Спб., 1913; репринт — Лондон, 1971.
- Сл. П. — Словарь языка Пушкина. Т. 1—4. М., 1956—1961.
- Сл. РЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1979. Т. 6.
- Сл. Уш. — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1934—1940.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 29. СПб., 1995.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян и Палл, 1982.** *Апресян Ю. Д., Палл Э.* Русский глагол — венгерский глагол. Словарь управления и сочетаемости. Т. 1—2. Будапешт, 1982.
- Барков, 1994.** *Барков А. Н.* Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: альтернативное прочтение. Киев: Текма, 1994.
- Белобровцева, 1997.** *Белобровцева И.* Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997.
- Булгаков, 1907.** Профессор Афанасий Иванович Булгаков / Оттиск из журнала «Труды Киевской Духовной Академии». Кн. 5. Киев, 1907.
- Булгаков, 1976а.** *Bulgakov M.* Rannjaja neizdannaja proza / Sost. i predislovie F. Levina. München: Verlag Otto Sagner, 1976.
- Булгаков, 1976б.** *Булгаков М.* Письма к родным (1921—1922 гг.) / Публ., вступ. заметка и коммент. Е. А. Земской // Изв. АН СССР. Сер. лит. и язык. 1976. № 5.
- Булгаков, 1978.** *Bulgakov M.* Rannjaja nesobrannaja proza / Sost. F. Levina i L. Svetina. Predislovie F. Levina. München: Verlag Otto Sagner, 1978.
- Булгаков, 1981.** *Bulgakov M.* Rannjaja neizvestnaja proza / Sost. i predislovie F. Levina. München: Verlag Otto Sagner, 1981.
- Булгаков, 1983.** *Bulgakov M.* Zabytoe. Rannjaja proza / Sost. i predislovie F. Levina. München: Verlag Otto Sagner, 1983.
- Булгаков, 1984.** Письма М. Булгакова к родным / Публ., вступ. заметка и коммент. Е. А. Земской // Вопросы литературы. 1984. № 11. С. 200—216.
- Булгаков, 1989.** *Булгаков М.* Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989.
- Булгаков, 1990а.** *Булгаков М.* Под пятой. Мой дневник / Публ. Г. С. Файмана // Библиотека «Огонек». М.: Правда, 1990. № 39.
- Булгаков, 1990б.** *Булгаков М.* Собр. соч.: В 5 т.. М.: Худ. лит., 1990.
- Булгаковы, 2001.** *Булгаковы Михаил и Елена.* Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2001.
- Виноградов, 1985.** «Не могу жить без мыслей о русском языке». Из писем военных лет / Публ. писем В. В. Виноградова Е. А. Земской // Русская речь. 1985. № 3. С. 13—17.
- Виноградов, 1994.** *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.

Гаспаров, 1983. *Гаспаров Б.* Новый завет в произведениях М. А. Булгакова // *Neue Russische Literatur*, 4—5. Salzburg; Wien, 1983. S. 150—187.

Глинкина, 1986. *Глинкина Л. А.* К проблеме соотношения замещенных и незамещенных синтаксических позиций в древнерусском синтаксисе // *Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл.* Красноярск, 1986.

Гудкова, 1989. «Не все ли равно, где быть немым...»: Письма М. А. Булгакова брату Н. А. Булгакову / Публ., вступ. слово и коммент. В. В. Гудковой // *Дружба народов.* 1989. № 2. С. 199—223.

Джулиани, 1981. *Giuliani Rita.* Michail Bulgakov. La nuova Italia. Firenze, 1981.

Джулиани, 1988. *Джулиани Рита.* Жанры русского народного театра и роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *М. Булгаков — драматург и художественная культура его времени / Сост. А. А. Нинов.* М., 1988. С. 312—333.

Джулиани, 2000. *Джулиани Рита.* Тема омоложения в европейской культуре 20-х годов: Булгаков и И. Свево // *Лингвистика и культурология.* М., 2000. С. 195—214.

Дравич, 1990. *Drawicz Andrzej.* Mistrz i diabeł. O Michaile Bulgakowie. Kraków, «Znak», 1990.

Дравич, 1998. *Дравич А.* Михаил Булгаков как классик литературы XX века // *Лики языка / Отв. ред. М. Я. Гловинская.* М.: Наследие, 1998. С. 75—83.

Елистратов, 1994. *Елистратов В. С.* Словарь московского арго. М.: Русские словари, 1994.

Земская, 1988а. *Земская Е. А.* Из семейного архива // *Воспоминания о М. Булгакове.* М.: Сов. писатель, 1988. С. 41—92.

Земская, 1988б. *Земская Е. А.* Театр в жизни молодого Булгакова // *М. А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени.* М.: СТД РСФСР, 1988. С. 202—208.

Земская, 1988в. *Земская Е. А.* Новое о Михаиле Булгакове (из семейного архива) // *Наше наследие.* 1988. № 3. С. 113—121.

Земская, 1991а. *Земская Е. А.* Николка Турбин и братья Булгаковы // *Театр.* 1991. № 5. С. 31—47.

Земская, 1991б. *Земская Е. А.* Михаил Булгаков в последний год жизни // *Наше наследие.* 1991. № 3. С. 80—86.

Земская, 1993. *Земская Е. А.* Новые материалы к биографии писателя: революция и интеллигенция // *Revue des études slaves.* Т. 65. Paris, 1993. P. 241—251.

Земская, 1996. *Земская Е. А.* Письма просторечноговорящих как источник изучения некодифицированных сфер русского языка и городской субкультуры // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика / Отв. ред. Т. М. Николаева.* М.: Индрик, 1996.

Земская, 2004. *Земская Е. А.* Частные письма конца XIX в. как материал для истории русского литературного языка // *Сокровенные смыслы / Отв. ред. Ю. Д. Апресян.* М., «ЯСК», 2004. С. 764—772.

- Земская, 1997.** *Земская Е. А.* Заметки о русском языке, культуре и быте рубежа XIX—XX вв // Облик слова: Сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 1997. С. 333—353.
- Золотницкий, 1976.** *Золотницкий Д. И.* Зори театрального Октября. Л.: Искусство, 1976.
- Иорданская, 1967.** *Иорданская Л. Н.* Автоматический синтаксический анализ. Т. II. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск, 1967.
- Иованович, 1975.** *Jovanovic M.* Utopija Mihaila Bulgakova. Beograd, 1975.
- Йокояма, 1991.** *Yokoyama Serge T.* An oral history of the Jernakoff family: a Russian family from Siberia to Harbin: a case study. Cambridge, 1991. С. 1—53.
- Касаткин, 1971.** *Касаткин Л. Л.* Новая ступень в развитии системы гласных русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971.
- Ковтунова, 1976.** *Ковтунова И. И.* Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кожевникова, 1998.** *Кожевникова Н. А.* Язык советского общества в изображении М. А. Булгакова // Лики языка. М.: Наследие / Отв. ред. М. Я. Гловинская. С. 162—173.
- Козлова и Сандомирская, 1996.** *Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингвосоциологического чтения. М., 1996.
- Кончаковский и Малаков, 1993.** *Кончаковский А. П., Малаков Д. В.* Киев Михаила Булгакова: Фотоальбом. Киев: Мистецтво, 1993.
- Красильникова, 1989.** *Красильникова Е. В.* Словарь // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989, С. 155—163.
- Красильникова, Суперанская и Николаева, 1989.** *Красильникова Е. В., Суперанская А. В., Николаева Т. М.* Прозвища // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 174—179.
- Краснов, 1991.** *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции / Изд. Г. В. Гессеном. Т. 1—2. М.: Терра; Политиздат, 1991.
- Кручинина, 1976.** *Кручинина И. Н.* Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
- Кукушкина, 1989.** *Кукушкина Е. Ю.* «Домашний язык» в семье // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 96—99.
- Лакшин, 1988.** *Лакшин В.* Судьба Булгакова: легенда и быль // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 13.
- Лаптева, 1963.** *Лаптева О. А.* Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI—XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Лаптева, 1966.** *Лаптева О. А.* О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1966. № 2.
- Лесерф, 1960.** *Lecerf I.* Programme des conflits. Modeles des conflits. La traduction automatique. 1960. № 5.

Лескис, 1999. *Лескис Г. А.* Триптих М. А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия»; «Записки покойника»; «Мастер и Маргарита». Комментарии. М.: ОГЦ, 1999.

Лотман, 1992. *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте: (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю. М.* Избр. статьи: В 3 т. Т. I. Таллинн, 1992. С. 365—376.

Лотман, 1994. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX века). СПб., 1994.

Милн, 1990. *Miln Lesley.* Mikhail Bulgakov: a critical biography. Cambridge University Press, Cambridge. 1990.

Натов, 1985. *Natov Nadin.* Mikhail Bulgakov. Boston, 1985.

Николаева, 1989. *Николаева Т. М.* Прозвища // *Язык и личность* / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989.

Нинов, 1999. Михаил Булгаков на исходе XX в.: Материалы VIII международных булгаковских чтений / Отв. ред. и сост. А. А. Нинов. СПб.: РИИИ; Булгаковское общество, 1999.

Очерки, 1964. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964.

Панов, 1971. *Панов М. В.* Об аналитических прилагательных // *Фонетика. Фонология. Грамматика.* М., 1971.

Панов, 1990. *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

Переписка с Поповым, 2003. «Когда я вскоре буду умирать...» Переписка М. А. Булгакова с П. С. Поповым. М.: Эксмо, 2003.

Петровский, 1990. *Петровский М.* Дело о «Батуме» // *Театр.* 1990. № 2.

Петровский, 1991. *Петровский М.* Мифологическое городоведение Михаила Булгакова // *Театр.* 1991. № 5.

Петровский, 2001. *Петровский М.* Мастер и Город. Киев: Дух і Литера. 2001.

Питоева-Лидер и Дом, 1995. *Питоева-Лидер, К. Н.* Дом // *Collegium.* Киев. 1995. № 1—2. С. 165—172.

Проффер, 1984. Булгаков. Фотобиография. A Pictoral Biography of Bulgakov / Сост. Э. Проффер. Ann Arbor; Ardis, 1984.

Райт, 1978. *Wright A. Colin.* Life and interpretation. Toronto. University of Toronto Press, 1978.

Рогозовская, 2000. *Рогозовская Т. А.* Музей М. А. Булгакова в Киеве. Не путеводитель. Киев: Либра, 2000.

РРР—73. Русская разговорная речь. М., 1973.

РРР—81. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

- Смелянский, 1988.** *Смелянский А. М. Уход // Театр.* 1988. № 12.
- Смелянский, 1989.** *Смелянский А. М. Михаил Булгаков в Художественном театре.* 2 изд., доп. М.: Искусство, 1989.
- СОЖ, 1999.** *Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999.
- Тагер, 1934.** *Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса.* М., 1934.
- Успенский, 1994.** *Успенский Б. А. Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. Язык и культура.* М., 1994.
- Фиалкова, 1981.** *Фиалкова Л. Л. К генеалогии романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1981. № 6. С. 523—532.
- Хабер, 1985.** *Haber Edythe C. "The lamp green shade: Mikhail Bulgakov and his father" // The Russian review.* 1985. Vol. 44. С. 333—350.
- Чудакова, 1988а.** *Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова.* М.: Книга, 1988.
- Чудакова, 1988б.** *Чудакова М. Первая и последняя попытка // Современная драматургия.* 1988. № 5.
- Шведова, 1960.** *Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи.* М.: Наука, 1960.
- Шмелев, 1977.** *Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях.* М.: Наука, 1977.
- Шульгин, 1979.** *Шульгин В. В. Бейлисиада / Предисл. и примеч. М. Григорьева // Память: исторический сборник. Вып. 4. М., 1979. С. 7—54.*
- Экземплярский, 1912.** *Экземплярский В. Прощальное слово профессора нравственного богословия к своим бывшим слушателям.* Киев, 1912.
- Экземплярский, 1913.** *Экземплярский В. Евангелие и общественная жизнь: (Несколько слов о социальной стороне евангельской проповеди).* Киев, 1913.
- Язык и личность, 1989.** *Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев.* М.: Наука, 1989.
- Янгиров, 1999.** *Янгиров Р. Русская эмиграция о романе «Белая гвардия» (1920-е — 1930-е гг.) // Михаил Булгаков на исходе XX в. СПб., 1999. С. 50—73.*
- Ярин, 1986.** *Ярин А. Я. Некнижные синтаксические конструкции в бытовых документах второй половины XVIII в.: Дипломная работа. МГУ. М., 1986.*
- Яхнов, 1999.** *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen / Hrsgb. H. Jachnow. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1999.*

E. A. Zemskaya
FAMILY PORTRAIT:
MIKHAIL BULGAKOV AND HIS RELATIVES

Summary

The book has been based on the materials from Bulgakov's family archive that were collected, preserved and studied by the writer's sister Nadezhda Afanasyevna Bulgakova-Zemskaya (1893—1971).

The book is divided into two parts. In the first part various materials have been published: M. Bulgakov's letters and the letters of his relatives, friends, parents, brothers and sisters addressed to him; his family members' diaries; memoirs of the family life in Karachev at the borderline between the 19th and the 20th centuries; memoirs of M. Bulgakov; his brothers Nikolaj's and Ivan's stories about emigration; his grandfather priest Mikhail Pokrovsky's and his father Afanassij Ivanovich Bulgakov's obituaries. This part of the book ends with two articles by M. Bulgakov, 'The Future to Come' (1919) and 'The Theatrical October' (1920). Besides, it contains a number of sketches devoted to various topics, 'The Bulgakovs and the Revolution', 'The Last Year in the Mikhail Bulgakov's Life', 'The Brothers Bulgakov' among them.

The materials published in the book add a lot to our knowledge about M. Bulgakov, draw the portraits of many members of his family (his grandfather priest Mikhail Pokrovsky, his mother and father, his mother's younger sister Shurochka Barkhatova, the writer's brothers and sisters), recreate the atmosphere of not only Bulgakov's grandparents' and parents' house, but the life of the Russian intellectual elite and clergy as well, reveal the roots of the family, the influence the family and the city Kiev had on the would-be writer's life and creative work. The book helps clarify and make more accurate the relationship between a number of facts of the writer's biography and his literary work.

In the second part of the book, the archive materials are analyzed from the historical, cultural and linguistic perspectives. The analysis includes the study of the

language and style of the documents coming from the borderline between the 19th and the 20th centuries. This part helps throw new light on quite a number of facts of the Russian standard language history.

The book contains about 200 illustrations, photo of M.Bulgakov and his family members, of old Kiev and Moscow, Xerox copies of some archive papers and of some of Bulgakov's manuscripts. The most part of these materials has been published for the first time.

The book is addressed to everyone interested in Mikhail Bulgakov's life and creative work and to those interested in the history of Russian language, culture and everyday life of the end of the 19th — beginning of the 20th century.

Научное издание

Елена Андреевна Земская

МИХАИЛ БУЛГАКОВ И ЕГО РОДНЫЕ
Семейный портрет

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовил М. Неборский

Художественное оформление переплета
Ю. Саевича и С. Жигалкина

Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 8.08.2004. Формат 70х100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 35,48. Тираж 1000. Заказ № 1848.

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc@comtv.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

- В. Айрапетян.** Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. 496 с. 2001.
- В. М. Алпатов.** История лингвистических учений. 368 с. 2001.
- В. С. Баевский.** Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. 336 с. 2001.
- А. В. Бондарко.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. 736 с. 2002.
- Е. А. Боратынский.** Полное собрание сочинений и писем: В 4 т.
Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. 512 с. 2002.
Т. 2. Стихотворения 1823–1834 годов. 440 с. 2002.
- В. В. Вейдле.** Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. 456 с. 2002.
- М. М. Гиришман.** Литературное произведение: Теория художественной целостности. 528 с. 2002.
- С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин.** Словарь языка русских жестов. 256 с. 2001.
- Г. А. Гуковский.** Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. 352 с. 2001.
- Н. Н. Дурново.** Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.
Ермолинская летопись (Полное собрание русских летописей. Т. XXIII). 256 с. 2004.
- В. М. Живов.** Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. 760 с. 2002.
- А. К. Жолковский.** Зоценко: Поэтика недоверия. 392 с. 1999.
- В. А. Жуковский.** Полное собрание сочинений: В 20 т.
Т. I. Стихотворения 1797–1814 годов. 760 с. 1999.
Т. II. Стихотворения 1815–1852 годов. 840 с. 2000.
Т. XIII. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки, 1804–1833. 608 с. 2004.
- А. А. Зализняк.** «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. 2002. – I–VIII, 752 с. 2002.
- А. А. Зализняк.** Древненовгородский диалект / 2-е издание, переработанное с учетом находок 1995–2003 гг. 872 с.
- Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.** Введение в русскую аспектологию. 226 с. 2000.
- Вяч. Вс. Иванов.** Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I–
Т. I. 912 с. 1998.
Т. II. 880 с. 2000.
Т. III. 816 с. 2004.

- С. А. Иванов.** Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» миссионера? 376 с. 2003.
- Из истории русской культуры. Т. I—
- Т. I. Древняя Русь. 760 с. 2000.
 - Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. 944 с. 2002.
 - Т. III. XVII век. 768 с. 1995.
 - Т. IV. XVIII – начало XIX века. 832 с. 1996.
 - Т. V. XIX век. 848 с. 1996.
- А. В. Исаченко.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Части 1–2, 880 с. 2003.
- «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод.
- Т. I. 880 с. 2004.
 - Т. II. 840 с. 2004.
- С. Д. Кацнельсон.** Категории языка и мышления: Из научного наследия. 864 с. 2001.
- Т. Леннгрэн.** Сборник Нила Сорского.
- Ч. 1. 472 с. 2000.
 - Ч. 2. 512 с. 2002.
 - Ч. 3. 584 с. 2003.
- П. Е. Лукин.** Письмена и православие. 376 с. 2001.
- Н. А. Любимов.** Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т.
- Т. I. 416 с. 2000.
 - Т. II. 416 с. 2004.
- К. А. Максимович.** Пандекты Никона Черногорца. 296 с. 1998.
- А. В. Михайлов.** Обратный перевод. 856 с. 2000.
- А. В. Михайлов.** Языки культур. 912 с. 1997.
- Мир Велимира Хлебникова. 880 с. 2000.
- Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (Полное собрание русских летописей. Т. XLIII). 368 с. 2004.
- Н. Я. Новомбергский.** Слово и дело государевы.
- Т. I. 624 с. 2004.
 - Т. II. 568 с. 2004.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна.
- Вып. 1. 552 с. 1997.
 - Вып. 2. 488 с. 2000.
 - Вып. 3. 624 с. 2003.
- Ю. Г. Оксман – К. И. Чуковский.** Переписка. 1949–1969 / Предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. 192 с. 2001.
- Е. В. Падучева.** Динамические модели в семантике лексики. 608 с. 2004.
- Н. В. Перцов.** Инварианты в русском словоизменении. 280 с. 2001.
- А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении. 544 с. 2001.
- Р. Пиккио.** Древнерусская литература. 352 с. 2002.
- Письма и заметки Н. С. Трубецкого. 608 с. 2004.

- Л. В. Пумпянский.** Классическая традиция. 864 с. 2000.
- А. С. Пушкин.** История Петра. 392 с. 2000.
- А. С. Пушкин.** Тень Баркова. 496 с. 2002.
- Русский язык в научном освещении. № 1. 2001. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 2. 2001. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 1(3). 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 2(4). 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 1(5). 2003. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 2(6). 2003. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Сб. ст. 480 с. 2000.
- В. В. Седов.** Славяне: Историко-археологическое исследование. 624 с. 2002.
- А. М. Селищев.** Труды по русскому языку. Т. I. 632 с. 2003.
- И. В. Силантьев.** Поэтика мотива. 296 с. 2004.
- Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т. М. Николаева. 560 с. 2002.
- Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. 648 с. 2001.
- Дж. Смит.** Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. 528 с. 2002.
- А. И. Соболевский.** Труды по истории русского языка. Т. 1. 712 с. 2004.
- Ж. Старобинский.** Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. I. 528 с. 2002.
Т. II. 600 с. 2002.
- К. Тарановский.** О поэзии и поэтике. 432 с. 2000.
- М. Н. Тихомиров.** Труды по истории Москвы. 688 с. 2003.
- В. Н. Топоров.** Из истории русской литературы. Т. II. Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. I. 912 с. 2001.
Кн. II. 928 с. 2003.
- Я. Ульфелдт.** Путешествие в Россию. 616 с. 2002.
- Ф. Б. Успенский.** Имя и власть. 144 с. 2001.
- Ф. Б. Успенский.** Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. 456 с. 2002.
- А. А. Формозов.** Пушкин и древности: Записки археолога. 144 с. 2000.
- Е. А. Хелимский.** Компаративистика, уралистика. 640 с. 2000.
- М. О. Чудакова.** Литература советского прошлого. Т. 1. 472 с. 2001.
- М. И. Шапир.** UNIVERSUM VERSUS: ЯЗЫК–СТИХ–СМЫСЛ в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. I. 544 с. 2000.
- А. Д. Шмелев.** Русская языковая модель мира. 224 с. 2002.

- Д. Н. Шмелев.** Избранные труды по русскому языку. 888 с. 2002.
- Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев.** Русский анекдот: Текст и речевой жанр. 144 с. 2002.
- Дж. Т. Шоу.** Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. Т. 1–2.
Т. 1. 672 с. 2000.
Т. 2. 640 с. 2000.
- Дж. Т. Шоу.** Поэтика неожиданного у Пушкина. 456 с. 2002.
- Е. М. Юхименко.** Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература.
Т. I. 544 с. 2002.
Т. II. 480 с. 2002.
- Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова.** 600 с. 2001.
- Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты.** 496 с. 2001.
- В. Л. Янин.** Новгородские посадники. 512 с. 2003.
- Т. Е. Янко.** Коммуникативные стратегии русской речи. 384 с. 2001.